

ҚҰҚЫҚ ҚОРҒАУ ОРГАНДАРЫ АКАДЕМИЯСЫНЫҢ ЖАРШЫСЫ

2026

№2(40)

ISSN 2518-7252 (print)
ISSN 3079-4609 (online)

**ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ БАС ПРОКУРАТУРАСЫНЫҢ
ЖАНЫНДАҒЫ ҚҰҚЫҚ ҚОРҒАУ ОРГАНДАРЫ АКАДЕМИЯСЫ**

**«ҚҰҚЫҚ ҚОРҒАУ ОРГАНДАРЫ
АКАДЕМИЯСЫНЫҢ ЖАРШЫСЫ»
ҒЫЛЫМИ ЖУРНАЛЫ**

**НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
«ВЕСТНИК АКАДЕМИИ
ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ»**

**SCIENTIFIC JOURNAL
«BULLETIN OF THE
LAW ENFORCEMENT ACADEMY»**

№ 2 (40) 2026

Қосшы 2026

**«ҚҰҚЫҚ ҚОРҒАУ ОРГАНДАРЫ АКАДЕМИЯСЫНЫҢ ЖАРШЫСЫ»
ҒЫЛЫМИ ЖУРНАЛЫ
2026 № 2 (40)**

Құрылтайшы:

«Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасының жанындағы Құқық қорғау органдары академиясы» ММ.

2016 жылдан бастап шығады.

Жылына 4 рет шығарылады.

Жарияланымдар тілі – қазақ, орыс, ағылшын.

Ғылыми қызметтің нәтижелерін жариялау үшін
ұсынылатын басылымдар тізбесіне енгізілген
(ҚР БҒМ БСБК 17.04.2019 ж. № 396 бұйрығы (кіші жойылды),
08.09.2025 ж. № 1531 бұйрығы),
«Ресейлік ғылыми дәйексөз индексі» (РГДИ) Ресейлік
библиографиялық мәліметтер базасына, Қазақстандық дәйексөз қорына (ҚазДҚ) енгізілген.

Журнал Қазақстан Республикасы Ақпарат және коммуникациялар министрлігінің Байланыс, ақпараттандыру және бұқаралық
ақпарат құралдары саласындағы мемлекеттік бақылау комитетінде тіркелген.
№ 16600-ЖБ тіркеу куәлігі 2017 жылдың 1 шілдесінде берілген.

Редакциялық кеңестің құрамы:

Н.М. Әбдіров – з.ғ.к., философия докторы (PhD)
(Қазақстан) – **Төраға**;
Е.Б. Абдрасулов – з.ғ.д., профессор (Қазақстан);
С.В. Аракелян – з.ғ.д., профессор (Армения);
И.Ш. Борчашвили – з.ғ.д., профессор (Қазақстан);
М.М. Бринчук – з.ғ.д., профессор (Ресей);
В.А. Бублик – з.ғ.д., профессор (Ресей);
Ә.К. Бұрханов – саяси ғ.к., (Қазақстан);
Г.А. Василевич – з.ғ.д., профессор (Беларусь);
Т.Е. Қаудыров – з.ғ.д., профессор (Қазақстан);
В.П. Кирица – құқық докторы, доцент (Молдова);
Қ.С. Ләкбаев – з.ғ.д., профессор (Қазақстан);
В.А. Малиновский – з.ғ.д., доцент (Қазақстан);
В.В. Марчук – з.ғ.к. (Беларусь);
Қ.Қ. Сейтенов – з.ғ.д., профессор (Қазақстан);
В.Г. Татарян – з.ғ.д., профессор (Ресей);
С.Т. Тыныбеков – з.ғ.д., профессор (Қазақстан);
А. Трунк – құқық докторы, профессор (Германия);
Т.А. Ханов – з.ғ.д., профессор (Қазақстан);
В.М. Хомич – з.ғ.д., профессор (Беларусь);
О.А. Ястребов – з.ғ.д., профессор (Ресей).

Редакциялық алқаның құрамы:

Е.Қ. Қайрулла – з.ғ.к. – **Бас редактор**;
Ә.М. Әлібекова – з.ғ.к.;
Р.А. Әмірханов – з.ғ.к.;
Ә.Б. Байғалиев – философия докторы (PhD);
Ә.Н. Дулатбеков – философия докторы (PhD);
А.Ш. Ещанов – заң ғылымдарының докторы, профессор;
Н.Ш. Жемпиісов – з.ғ.к.; қауымдастырылған профессор;
А.Б. Қазбекова – заң ғылымдарының магистрі;
Д.Б. Қайназарова – з.ғ.к.;
Т.Ғ. Маханов – заң ғылымдарының магистрі;
Д.Х. Найманова;
Р.Р. Нұғманов – з.ғ.к.;

Н.Б. Рахимов – құқық магистрі;
Ж.С. Сейтаева – з.ғ.к., қауымдастырылған профессор;
М.Е. Төлеуова – заңтану магистрі, іскерлік әкімшілендіру
магистрі (ЕМВА);
О.Б. Филипец – з.ғ.к., қауымдастырылған профессор;
В.В. Хан – з.ғ.к., қауымдастырылған профессор;
Ә.Р. Шегебаева – философия докторы (PhD),
қауымдастырылған профессор.

Редакцияның құрамы:

Ж.І. Есімхан – педагогикалық ғылымдарының магистрі;
З.Ж. Калмурзина – заң ғылымдарының магистрі;
К.А. Муканова;
Р.Ч. Рахметчанов;
М.Б. Садықов – философия докторы (PhD);
Ж.Х. Тайшықов – ұлттық қауіпсіздік және әскери іс
магистрі.

Редакцияның мекенжайы:

010078, Ақмола облысы, Қосшы қ., Республика көшесі,
94-құрылыс.
Эл. пошта: 7340718@prokuror.gov.kz,
7340719@prokuror.gov.kz.

Қолжазбалар қайтарылмайды. Авторлардың пікірлері
редакцияның көзқарасымен сәйкес келмеуі мүмкін.
Материалдарды басқа басылымдарда қолдануға редакцияның
жазбаша келісімінен кейін ғана рұқсат етіледі. Ұсынылған
материалдардың шынайылығына автор жауапты. Журнал
ақпараттарын пайдаланған кезде міндетті түрде журналға
сілтеме жасау қажет.

© Құқық қорғау органдары академиясы, 2026 ж.

**НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
«ВЕСТНИК АКАДЕМИИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ»
№ 2 (40) 2026**

Учредитель:

ГУ «Академия правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан».

Издается с 2016 года.

Выпускается 4 раза в год.

Языки публикаций – казахский, русский, английский.

Включен в Перечень изданий, рекомендуемых для публикации
основных результатов научной деятельности
(приказ ККСОН МОН РК № 396 от 17.04.2019 г. (утратил силу),
№ 1531 от 08.09.2025 г.),

Российскую библиографическую базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ),
Казахстанскую базу цитирования (КазБЦ).

Журнал зарегистрирован в Комитете государственного контроля в области связи, информатизации и средств массовой
информации Министерства информации и коммуникаций Республики Казахстан.

Регистрационное свидетельство № 16600-СИ от 1 июля 2017 года.

Состав Редакционного совета:

Абдиров Н.М. – к.ю.н., доктор философии (PhD)
(Казахстан) – **Председатель**;
Абдрасулов Е.Б. – д.ю.н., профессор (Казахстан);
Аракелян С.В. – д.ю.н., профессор (Армения);
Борчашвили И.Ш. – д.ю.н., профессор (Казахстан);
Бринчук М.М. – д.ю.н., профессор (Россия);
Бублик В.А. – д.ю.н., профессор (Россия);
Бурханов А.К. – к.полит.н. (Казахстан);
Василевич Г.А. – д.ю.н., профессор (Беларусь);
Каудыров Т.Е. – д.ю.н., профессор (Казахстан);
Кирица В.П. – доктор права, доцент (Молдова);
Лакбаев К.С. – д.ю.н., профессор (Казахстан);
Малиновский В.А. – д.ю.н., доцент (Казахстан);
Марчук В.В. – к.ю.н. (Беларусь);
Сейтенов К.К. – д.ю.н., профессор (Казахстан);
Татарян В.Г. – д.ю.н., профессор (Россия);
Тыныбеков С.Т. – д.ю.н., профессор (Казахстан);
Трунк А. – доктор права, профессор (Германия);
Ханов Т.А. – д.ю.н., профессор (Казахстан);
Хомич В.М. – д.ю.н., профессор (Беларусь);
Ястребов О.А. – д.ю.н., профессор (Россия).

Состав Редакционной коллегии:

Кайрулла Е.К. – к.ю.н. – **Главный редактор**;
Алибекова А.М. – к.ю.н.;
Амерханов Р.А. – к.ю.н.;
Байгалиев А.Б. – доктор философии (PhD);
Дулатбеков А.Н. – доктор философии (PhD);
Ещанов А.Ш. – доктор юридических наук, профессор;
Жемписов Н.Ш. – к.ю.н., ассоциированный профессор;
Казбекова А.Б. – магистр юридических наук;
Кайназарова Д.Б. – к.ю.н.;
Маханов Т.Г. – магистр юридических наук;
Найманова Д.Х.;
Нугманов Р.Р. – к.ю.н., доцент;

Рахимов Н.Б. – магистр права;
Сейтаева Ж.С. – к.ю.н., ассоциированный профессор;
Түлеуова М.Е. – магистр юриспруденции, магистр делового
администрирования (ЕМВА);
Филипец О.Б. – к.ю.н., ассоциированный профессор;
Хан В.В. – к.ю.н., ассоциированный профессор;
Шегебаева А.Р. – доктор философии (PhD),
ассоциированный профессор.

Состав Редакции:

Есімхан Ж.І. – магистр педагогических наук;
Калмурзина З.Ж. – магистр юридических наук;
Муканова К.А.;
Рахметчанов Р.Ч.;
Садыков М.Б. – доктор философии (PhD);
Тайшыков Ж.Х. – магистр национальной безопасности и
военного дела.

Адрес редакции:

010078, Акмолинская область, г. Косшы,
ул. Республики, строение 94.
Эл. почта: 7340718@prokuror.gov.kz,
7340719@prokuror.gov.kz.

Рукописи не возвращаются. Мнения авторов могут не
совпадать с точкой зрения редакции. Использование
материалов в других изданиях допускается только с
письменного согласия редакции. За достоверность
предоставленных материалов ответственность несет автор.
Ссылка на журнал обязательна.

© Академия правоохранительных органов, 2026 г.

**«BULLETIN OF THE ACADEMY OF LAW ENFORCEMENT AGENCIES»
SCIENTIFIC JOURNAL
№ 2 (40) 2026**

Founder:

GA «The Law Enforcement Academy under the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan».

Published since 2016.

Issued 4 times a year.

Publication languages – Kazakh, Russian, English.

Included in the List of publications recommended for publication of the main results of scientific activity.
(Order of the CCSM MES RK No. 396 of 17.07.2019 (утратил силу),
No. 1531 of 08.09.2025),
Russian bibliographic database «Russian science citation index» (RSCI),
Kazakhstan Citation Base (KazCB).

The journal is registered with the Committee for State Control in the Field of Communications, Informatization and Mass Media of the
Ministry of Information and Communications of the Republic of Kazakhstan.
Registration Certificate № 16600-SI dated by July 1, 2017.

Members of the Editorial Council:

Abdirov N.M. – Candidate of Law, Doctor of Philosophy (PhD)
Chairman (Kazakhstan);
Abdrasulov E.B. – Doctor of Law, Professor (Kazakhstan);
Arakelyan S.V. – Doctor of Law, Professor (Armenia);
Borchashvili I.Sh. – Doctor of Law, Professor (Kazakhstan);
Brinchuk M.M. – Doctor of Law, Professor (Russia);
Bublik V.A. – Doctor of Law, Professor (Russia);
Burkhanov A.K. – Candidate of Political Sciences
(Kazakhstan);
Vasilevich G.A. – Doctor of Law, Professor (Belarus);
Kaudyrov T.E. – Doctor of Law, Professor (Kazakhstan);
Kiritisa V.P. – Doctor of Law, Associate Professor (Moldova);
Lakbayev K.S. – Doctor of Law, Professor (Kazakhstan);
Malinovsky V.A. – Doctor of Law, Associate Professor
(Kazakhstan);
Marchuk V.V. – Candidate of Law (Belarus);
Seitenov K.K. – Doctor of Law, Professor (Kazakhstan);
Tataryan V.G. – Doctor of Law, Professor (Russia);
Tynybekov S.T. – Doctor of Law, Professor (Kazakhstan);
Trunk A. – Doctor of Law, Professor (Germany);
Khanov T.A. – Doctor of Law, Professor (Kazakhstan);
Khomich V.M. – Doctor of Law, Professor (Belarus);
Yastrebov O.A. – Doctor of Law, Professor (Russia).

Members of the Editorial Board:

Kairulla E.K. – Candidate of Law – **Chief Editor**;
Alibekova A.M. – Candidate of Law;
Amerkhanov R.A. – Candidate of Law;
Baigaliev A.B. – Doctor of Philosophy (PhD);
Dulatbekov A.N. – Doctor of Philosophy (PhD);
Yeshchanov A.Sh. – Doctor of Law, Professor;
Zhempiisov N.Sh. – Candidate of Law, Associate professor;
Kazbekova A.B. – Master of Law;
Kainazarova D.B. – Candidate of Law;
Makhanov T.G. – Master of Law;
Naimanova D.Kh.;
Nugmanov R.N. – Candidate of Law, Associate professor;

Rakhimov N.B. – Master of Laws;
Seitayeva Zh.S. – Candidate of Law, Associate Professor;
Tuleuova M.Ye. – Master of Law; Executive Master of Business
Administration (EMBA);
Filipets O.B. – Candidate of Law, Associate Professor;
Khan V.V. – Candidate of Law, Associate Professor;
Shegebaeva A.R. – Doctor of Philosophy (PhD), Associate
Professor.

Editors:

Yessimkhan Zh.I. – Master of Education;
Kalmurzina Z.Zh. – Master of Law;
Mukanova K.A.;
Rakhmetchanov R.Ch.;
Sadykov M.B. – Doctor of Philosophy (PhD);
Taishykov Zh.H. – Master of National Security and Military
Affairs.

Editorial address:

010078, Akmola region, Kosshy c., Republic st., building 94.
E-mail: 7340718@prokuror.gov.kz, 7340719@prokuror.gov.kz.

Manuscripts are not returned. Opinions of the authors may not be the same with editors view. The use of materials in other journals is allowed only with the written consent of the publisher. The author is responsible for the accuracy of the materials provided. A link to the journal is required.

© Law Enforcement Academy, 2026.

МАЗМҰНЫ

АЗАМАТТЫҚ ЖӘНЕ АЗАМАТТЫҚ-ПРОЦЕСТІК ҚҰҚЫҚ Ф.Г. Ибрагимова. ҚОРҒАНЫС МЕДИЦИНАСЫ ТӘЖІРИБЕСІНІҢ ҚҰҚЫҚТЫҚ АСПЕКТІЛЕРІ: ҒЫЛЫМИ-ҚҰҚЫҚТЫҚ ТАЛДАУ.....	11
ОТБАСЫ ҚҰҚЫҒЫ А.М. Курманалина. АЛИМЕНТ ӨНДІРУ ПРОЦЕСТЕРІН АВТОМАТТАНДЫРУ: ЖАСАНДЫ ИНТЕЛЛЕКТТІ ҚОЛДАНУ ПЕРСПЕКТИВАЛАРЫ.....	19
ҚЫЛМЫСТЫҚ ҚҰҚЫҚ ЖӘНЕ КРИМИНОЛОГИЯ, ҚЫЛМЫСТЫҚ-АТҚАРУ ҚҰҚЫҒЫ Д.Т. Амуртаева, А.Г. Шидемов. ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНДА ПРОБАЦИЯ ҚЫЗМЕТІНІҢ ЕСЕБІНДЕ ТҮРҒАН АДАМДАРҒА ЭЛЕКТРОНДЫҚ БАҚЫЛАУ ҚҰРАЛДАРЫН ҚОЛДАНУ ПРАКТИКАСЫНЫҢ МӘСЕЛЕЛЕРІ.....	26
Н.Ш. Жемпиисов. МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ СТАНДАРТЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА РАЗВИТИЕ УГОЛОВНОГО ПРАВА РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН.....	34
Е.Қ. Қайрулла. ЗАМАНАУИ КИБЕРҚЫЛМЫСТЫЛЫҚ ЖҮЙЕСІНДЕГІ ИНТЕРНЕТ- АЛАЯҚТЫҚ ЖӘНЕ ОНЫ ЗЕРТТЕУДІҢ ҒЫЛЫМИ ТӘСІЛДЕРІ.....	44
А.А. Қалиев, К.С. Кужахметова. АҚПАРАТТЫҚ-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИЯЛЫҚ ТЕХНОЛОГИЯЛАР АРҚЫЛЫ ЖАСАЛАТЫН АЛАЯҚТЫҚТЫҢ АЛДЫН АЛУДЫҢ ҚЫЛМЫСТЫҚ-ҚҰҚЫҚТЫҚ АСПЕКТІЛЕРІ.....	52
Д.М. Кожабеков. ЦИФРЛЫҚ ҚЫЛМЫСТЫЛЫҚТЫҢ ҚАЗІРГІ ДАМУ ЖАҒДАЙЫНДАҒЫ ҰЙЫМДАСҚАН ТОПТЫҢ ҰҒЫМЫ МЕН БЕЛГІЛЕРІ.....	60
Р. Кожокару, И. Сорочану. ЖАЛДАМАЛЫЛЫҚҚА ҚАТЫСТЫ ҚЫЛМЫСТАРДЫҢ ҚЫЛМЫСТЫҚ-ҚҰҚЫҚТЫҚ ТАЛДАУЫ: МОЛДОВА РЕСПУБЛИКАСЫ ҚЫЛМЫСТЫҚ КОДЕКСІНІҢ НЕГІЗІНДЕ.....	69
К.С. Лакбаев, Л.К. Аренова. «КИБЕРҚЫЛМЫСТЫЛЫҚ САЛАСЫНДАҒЫ ҚЫЛМЫСТЫҚ СТАТИСТИКА: “ӨСУ ДЕРТІ” МЕ ӘЛДЕ ЖҮЙЕЛІ ПРОБЛЕМА МА?».....	77
Д.К. Райбаев, М.К. Нуркенова. ҚАУІПСІЗДІГІ БАРЫНША ТӨМЕН МЕКЕМЕЛЕРДЕ СОТТАЛҒАНДАРДЫ ЕҢБЕКПЕН ҚАМТАМАСЫЗ ЕТУДІ ҰЙЫМДАСТЫРУ: ПРОБЛЕМАЛАР, ТӘУЕКЕЛДЕР ЖӘНЕ ЖЕТІЛДІРУ БАҒЫТТАРЫ.....	85
Д.Ә. Секенов, Д.Ж. Мұқанов. ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ ҚАРУЛЫ КҮШТЕРІНІҢ ӘСКЕРИ ПОЛИЦИЯ ОРГАНДАРЫНЫҢ ҚҰҚЫҚ ҚОРҒАУ ФУНКЦИЯЛАРЫН ІСКЕ АСЫРУ МӘСЕЛЕЛЕР.....	93
Г.А. Таубаева. МЕМЛЕКЕТТІК САТЫП АЛУ САЛАСЫНДАҒЫ ЛАУАЗЫМДЫҚ ҚЫЛМЫСТАРДЫҢ БЮДЖЕТ ҚАРАЖАТЫН ЖЫМҚЫРУ ТӘСІЛІ РЕТІНДЕ: АНЫҚТАУ ӨНЕ ДӘЛЕЛДЕУ МӘСЕЛЕЛЕР.....	100
Қ.К. Тусупов. ТӘРКІЛЕНГЕН МҮЛІКТІ ПАЙДАЛАНУ ТЕТІКТЕРІН ЖЕТІЛДІРУ: САЛЫСТЫРМАЛЫ-ҚҰҚЫҚТЫҚ ТАЛДАУ ЖӘНЕ ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ ЗАҢНАМАСЫН ДАМУ ТЕРМІНДЕРІ.....	107
ҚЫЛЫСТЫҚ ПРОЦЕСС, КРИМИНАЛИСТИКА, СОТ-САРАПТАМА ҚЫЗМЕТІ Э.У. Күлкеев. ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ МЕМЛЕКЕТТІК АЙЫПТАУ: ИНСТИТУЦИОНАЛДЫҚ РЕФОРМА МӘСЕЛЕЛЕРІ.....	118

**Б.Р. Рыскулбекова, Б.П. Жаксымбетов. ҚЫЛМЫСТЫҚ ПРОЦЕСТЕГІ ЦИФРЛЫҚ
ДӘЛЕЛДЕМЕЛЕР: ҚАЗАҚСТАН ЖӘНЕ ЕУРОПАЛЫҚ ОДАҚ.....125**

ЭКОЛОГИЯЛЫҚ ҚҰҚЫҒЫ

**А.Ж. Сарсенова, А.Е. Бектурганов. ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНЫҢ СОТ
ПРОЦЕСІНДЕГІ ЭКОЛОГИЯЛЫҚ САРАПТАМАНЫҢ ҚҰҚЫҚТЫҚ МӘСЕЛЕЛЕРІ.....133**

**ПЕДАГОГИКА, ПСИХОЛОГИЯ ЖӘНЕ ӘЛЕУМЕТТІК-ЭКОНОМИКАЛЫҚ
ҒЫЛЫМДАР САЛАЛАРЫНДАҒЫ ЗЕРТТЕУЛЕР**

**Т.Ғ. Маханов, Н.Қ. Мырзабаев. ПСИХОЛОГИЯЛЫҚ ЖӘНЕ
НЕЙРОЛИНГВИСТИКАЛЫҚ БАҒДАРЛАМАЛАУ ҚҰРАЛДАРЫ НЕГІЗІНДЕ ИНТЕРНЕТ-
АЛАЯҚТАРДЫҢ ДИАЛОГТАРЫНА ҒЫЛЫМИ-ПРАКТИКАЛЫҚ ТАЛДАУ.....143**

**А.Б. Сейсекенова, А.Х. Тайшық. ЖАС ҰРПАҚТЫҢ ТАБЫСТЫЛЫҚ ПЕН
АДАМГЕРШІЛІК ҚҰНДЫЛЫҚТАРЫН ҚАБЫЛДАУ ЕРЕКШЕЛІКТЕРІ: ҚҰҚЫҚТАНУ ЖӘНЕ
ФИЛОЛОГИЯ СТУДЕНТТЕРІ НЕГІЗІНДЕ.....155**

ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ҚҰҚЫҚ ЖӘНЕ САЛЫСТЫРМАЛЫ ҚҰҚЫҚТАНУ

**Б.К. Батырбекова, А.У. Усенбаева. АДАМ ҚҰҚЫҚТАРЫНЫҢ УНИВЕРСАЛИЗМІ МЕН
МӘДЕНИ РЕЛЯТИВИЗМ: ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ЖӘНЕ Өңірлік СОТ ОРГАНДАРЫ
ТӘЖІРИБЕСІН САЛЫСТЫРМАЛЫ-ҚҰҚЫҚТЫҚ ТАЛДАУ.....161**

СОДЕРЖАНИЕ

ГРАЖДАНСКОЕ И ГРАЖДАНСКО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО

Ф.Г. Ибрагимова. ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРАКТИКИ ОБОРОНИТЕЛЬНОЙ МЕДИЦИНЫ: НАУЧНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ.....	11
--	-----------

СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

А.М. Курманалина. АВТОМАТИЗАЦИЯ ПРОЦЕССОВ ВЗЫСКАНИЯ АЛИМЕНТОВ: ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ, УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО.....	19
---	-----------

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ, УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Д.Т. Амуртаева, А.Г. Шидемов. ПРОБЛЕМЫ ПРАКТИКИ ПРИМЕНЕНИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ СРЕДСТВ СЛЕЖЕНИЯ К ЛИЦАМ, СОСТОЯЩИМ НА УЧЕТЕ СЛУЖБЫ ПРОБАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН.....	26
Н.Ш. Жемпиисов. МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ СТАНДАРТЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА РАЗВИТИЕ УГОЛОВНОГО ПРАВА РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН.....	34
Е.К. Кайрулла. ИНТЕРНЕТ-МОШЕННИЧЕСТВО В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОЙ КИБЕРПРЕСТУПНОСТИ И НАУЧНЫЕ ПОДХОДЫ К ЕГО ИЗУЧЕНИЮ.....	44
А.А. Калиев, К.С. Кужахметова. УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ МОШЕННИЧЕСТВА, СОВЕРШАЕМОГО С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ.....	52
Д.М. Кожабеков. ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ ОРГАНИЗОВАННОЙ ГРУППЫ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВОЙ ПРЕСТУПНОСТИ.....	60
Р. Кожокару, И. Сорочану. ПРАВОВОЙ И УГОЛОВНЫЙ АНАЛИЗ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НАЕМНИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ, АНАЛИЗ В СООТВЕТСТВИИ С УГОЛОВНЫМ КОДЕКСОМ РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА.....	69
К.С. Лакбаев, Л.К. Аренова. УГОЛОВНАЯ СТАТИСТИКА В СФЕРЕ КИБЕРПРЕСТУПНОСТИ: «БОЛЕЗНЬ РОСТА» ИЛИ СИСТЕМНАЯ ПРОБЛЕМА?.....	77
Д.К. Райбаев, М.К. Нуркенова. ОРГАНИЗАЦИЯ ТРУДОУСТРОЙСТВА ОСУЖДЕННЫХ В УЧРЕЖДЕНИЯХ МИНИМАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ПРОБЛЕМЫ, РИСКИ И НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ.....	85
Д.А. Секенов, Д.Ж. Муканов. ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ФУНКЦИЙ ОРГАНОВ ВОЕННОЙ ПОЛИЦИИ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН.....	93
Г.А. Таубаева. ДОЛЖНОСТНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПОК КАК СПОСОБ ХИЩЕНИЯ БЮДЖЕТНЫХ СРЕДСТВ: ВОПРОСЫ ВЫЯВЛЕНИЯ И ДОКАЗЫВАНИЯ.....	100
К.К. Тусупов. СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕХАНИЗМОВ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КОНФИСКОВАННОГО ИМУЩЕСТВА: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН.....	107

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, КРИМИНАЛИСТИКА, СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Э.У. Кулькеев. ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБВИНЕНИЕ В КАЗАХСТАНЕ: ПРОБЛЕМЫ	
--	--

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ РЕФОРМЫ.....	118
Б.Р. Рыскулбекова, Б.П. Жаксымбетов. ЦИФРОВЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: КАЗАХСТАН И ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ.....	125
 ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО	
А.Ж. Сарсенова, А.Е. Бектурганов. ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В СУДЕБНОМ ПРОЦЕССЕ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН.....	133
 ИССЛЕДОВАНИЯ В СФЕРЕ ПЕДАГОГИКИ, ПСИХОЛОГИИ И СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУК	
Т.Г. Маханов, Н.К. Мырзабаев. НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ДИАЛОГОВ ИНТЕРНЕТ-МОШЕННИКОВ С ПРИМЕНЕНИЕМ ИНСТРУМЕНТОВ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО И НЕЙРО-ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ПРОГРАММИРОВАНИЯ.....	143
А.Б. Сейсекенова, А.Х. Тайшык. ВОСПРИЯТИЕ УСПЕХА И ГУМАННОСТИ МОЛОДЫМ ПОКОЛЕНИЕМ: ИССЛЕДОВАНИЕ НА ОСНОВЕ ДАННЫХ СТУДЕНТОВ ЮРИДИЧЕСКИХ И ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ.....	155
 МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО И СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ	
Б.К. Батырбекова, А.У. Усенбаева. УНИВЕРСАЛИЗМ И КУЛЬТУРНЫЙ РЕЛЯТИВИЗМ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ПРАКТИКИ МЕЖДУНАРОДНЫХ И РЕГИОНАЛЬНЫХ СУДЕБНЫХ ОРГАНОВ.....	161

CONTENTS

CIVIL AND CIVIL PROCEDURE LAW

F.G. Ibragimova. LEGAL ASPECTS OF DEFENSIVE MEDICINE PRACTICE: A SCIENTIFIC AND LEGAL ANALYSIS.....	11
--	----

FAMILY LAW

A.M. Kurmanalina. AUTOMATION OF ALIMONY COLLECTION PROCESSES: PROSPECTS FOR THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE.....	19
--	----

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY, PENAL LAW

D.T. Amurtaeva, A.G. Shidemov. PROBLEMS OF THE PRACTICE OF APPLYING ELECTRONIC TRACKING TOOLS TO PERSONS REGISTERED WITH THE PROBATION SERVICE IN THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN.....	26
--	----

N.Sh. Zhempiissov. INTERNATIONAL LEGAL STANDARDS FOR ENSURING ECONOMIC SECURITY AND THEIR IMPACT ON THE DEVELOPMENT OF CRIMINAL LAW IN THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN.....	34
---	----

Y.K. Kairulla. INTERNET FRAUD WITHIN THE FRAMEWORK OF MODERN CYBERCRIME AND SCIENTIFIC APPROACHES TO ITS STUDY.....	44
--	----

A.A. Kaliyev, K.S. Kuzhakhmetova. CRIMINAL LAW ASPECTS OF PREVENTING FRAUD COMMITTED USING INFORMATION AND TELECOMMUNICATION TECHNOLOGIES.....	52
---	----

D.M. Kozhabekov. THE CONCEPT AND SIGNS OF AN ORGANIZED GROUP IN MODERN CONDITIONS OF DIGITAL CRIME DEVELOPMENT.....	60
--	----

R. Cojocaru, I. Soroceanu. LEGAL-CRIMINAL ANALYSIS OF CRIMES RELATED TO MERCENARY ACTIVITY, ANALYSIS ACCORDING TO THE CRIMINAL CODE OF THE REPUBLIC OF MOLDOVA.....	69
--	----

K.S. Lakbayev, L.K. Arenova. CYBERCRIME STATISTICS: “GROWING PAINS” OR A SYSTEMIC PROBLEM?.....	77
--	----

D.K. Raibaev, M.K. Nurkenova. ORGANIZING THE EMPLOYMENT OF CONVICTS IN MINIMUM-SECURITY INSTITUTIONS: PROBLEMS, RISKS AND AREAS FOR IMPROVEMENT.....	85
---	----

D.A. Sekenov, D.Zh. Mukanov. PROBLEMS OF IMPLEMENTING LAW ENFORCEMENT FUNCTIONS BY THE MILITARY POLICE OF THE ARMED FORCES OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN.....	93
--	----

G.A. Taubayeva. OFFICIAL CRIMES IN THE FIELD OF PUBLIC PROCUREMENT AS A METHOD OF EMBEZZLING BUDGET FUNDS: ISSUES OF DETECTION AND PROOF.....	100
--	-----

K.K. Tusupov. IMPROVING MECHANISMS FOR THE USE OF CONFISCATED PROPERTY: A COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS AND PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF LEGISLATION IN THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN.....	107
---	-----

CRIMINAL PROCEDURE, CRIMINALISTICS, FORENSIC EXPERTISE

E.U. Kulkeev. PUBLIC PROSECUTION IN KAZAKHSTAN: PROBLEMS OF INSTITUTIONAL REFORM.....	118
--	-----

B.R. Ryskulbekova, B.P. Zhaksymbetov. DIGITAL EVIDENCE IN CRIMINAL PROCEEDINGS: KAZAKHSTAN AND THE EUROPEAN UNION.....	125
---	-----

ENVIRONMENTAL LAW

A.Zh. Sarsenova, A.E. Bekturganov. LEGAL PROBLEMS OF ENVIRONMENTAL EXPERTISE IN THE JUDICIAL PROCESS OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN.....133

RESEARCH IN THE FIELD OF PEDAGOGY, PSYCHOLOGY AND SOCIO-ECONOMIC SCIENCES

T.G. Makhanov, N.K. Myrzabayev. SCIENTIFIC AND PRACTICAL ANALYSIS OF INTERNET FRAUDSTER DIALOGUES USING PSYCHOLOGICAL AND NEURO-LINGUISTIC PROGRAMMING TOOLS.....143

A.B. Seisekenova, A.Kh. Taishyk. THE YOUNG GENERATION'S PERCEPTION OF SUCCESS AND HUMANITY: A STUDY BASED ON STUDENTS OF LAW AND PHILOLOGY...155

INTERNATIONAL LAW AND COMPARATIVE LAW

B.K. Batyrbekova, A.U. Usenbayeva. UNIVERSALISM AND CULTURAL RELATIVISM OF HUMAN RIGHTS: A COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF THE PRACTICE OF INTERNATIONAL AND REGIONAL JUDICIAL BODIES.....161

ЗАМАТТЫҚ ЖӘНЕ АЗАМАТТЫҚ-ПРОЦЕСТІК ҚҰҚЫҚ ГРАЖДАНСКОЕ И ГРАЖДАНСКО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО CIVIL AND CIVIL PROCEDURE LAW

ӘОЖ 347.5
ХҒТАР 10.27.65

Ф.Г. Ибрагимова

Alikhan Bukeikhan University, Семей қ., Қазақстан Республикасы

ҚОРҒАНЫС МЕДИЦИНАСЫ ТӘЖІРИБЕСІНІҢ ҚҰҚЫҚТЫҚ АСПЕКТІЛЕРІ: ҒЫЛЫМИ-ҚҰҚЫҚТЫҚ ТАЛДАУ

Аннотация. Мақалада қорғаныс медицинасы тәжірибесінің мәні, оның пайда болу себептері және қазіргі денсаулық сақтау жүйесіндегі таралу ерекшеліктері ғылыми-құқықтық тұрғыдан талданады. Зерттеу барысында қорғаныс медицинасының клиникалық шешім қабылдауға әсері, дәрігерлердің құқықтық жауапкершіліктен артық сақтануының деңгейі және оның медициналық көмектің сапасына ықпалы қарастырылады. Сонымен қатар, аталған құбылыстың таралуына әсер ететін құқықтық, әлеуметтік, ұйымдастырушылық және психологиялық факторлар кешенді түрде зерделенеді.

Зерттеудің әдіснамалық негізін ғылыми-құқықтық талдау әдістерінің кешені құрайды, қорғаныс медицинасы құбылысының мәнін ашу мақсатында отандық және шетелдік ғылыми әдебиеттерге шолу жасалған. Қазақстан Республикасы мен шет мемлекеттердің нормативтік-құқықтық базасына жүргізілген талдау және халықаралық тәжірибені зерделеу негізінде қорғаныс медицинасының таралу деңгейі бағаланады.

Зерттеу нәтижелері қорғаныс медицинасының таралу деңгейін төмендетуге бағытталған құқықтық және ұйымдастырушылық шараларды жетілдіру қажеттігін негіздеуге мүмкіндік берді.

Түйінді сөздер: қорғаныс медицинасы; медицина қызметкері; пациент; дәрігер; медициналық ұйым; жауапкершілік; медициналық көмек; медициналық қызмет.

Ф.Г. Ибрагимова

Alikhan Bukeikhan University, г. Семей, Республика Казахстан

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРАКТИКИ ОБОРОНИТЕЛЬНОЙ МЕДИЦИНЫ: НАУЧНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Аннотация. В статье с научно-правовых позиций анализируются сущность практики оборонительной медицины, причины ее возникновения, а также особенности распространения в современной системе здравоохранения. В ходе исследования рассматриваются влияние оборонительной медицины на принятие клинических решений, степень чрезмерной осторожности врачей, обусловленной правовой ответственностью, и ее влияние на качество медицинской помощи. Кроме того, комплексно изучаются правовые, социальные, организационные и психологические факторы, влияющие на распространение данного явления.

Методологическую основу исследования составляет совокупность методов научно-правового анализа, в целях раскрытия сущности оборонительной медицины проведен обзор отечественной и зарубежной научной литературы. На основе анализа нормативно-правовой базы Республики Казахстан и зарубежных государств, а также изучения международного опыта оценивается уровень распространенности оборонительной медицины.

По результатам исследования обосновывается необходимость реализации правовых и организационных мер, направленных на снижение распространенности оборонительной медицины.

Ключевые слова: оборонительная медицина; медицинский работник; пациент; врач; медицинская организация; ответственность; медицинская помощь; медицинская служба.

F.G. Ibragimova

Alikhan Bukeikhan University, Semey, the Republic of Kazakhstan

LEGAL ASPECTS OF DEFENSIVE MEDICINE PRACTICE: A SCIENTIFIC AND LEGAL ANALYSIS

Abstract. This article analyzes, from a scientific and legal perspective, the nature of defensive medicine, the reasons for its emergence, and the characteristics of its prevalence in the modern healthcare system. The study examines the impact of defensive medicine on clinical decision-making, the extent of physicians' excessive caution driven by legal liability, and its effect on the quality of medical care. In addition, the legal, social, organizational, and psychological factors influencing the prevalence of this phenomenon are comprehensively examined.

The methodological basis of the study consists of a set of scientific and legal analysis methods; to reveal the essence of defensive medicine, a review of domestic and foreign scientific literature was conducted. Based on an analysis of the regulatory framework of the Republic of Kazakhstan and other countries, as well as a study of international experience, the prevalence of defensive medicine is assessed.

The results of the study justify the need to implement legal and organizational measures aimed at reducing the prevalence of defensive medicine.

Keywords: defensive medicine; healthcare professional; patient; doctor; healthcare organization; responsibility; medical care; medical service.

DOI: 10.52425/25187252_2026_40_11

Kіріспе. Қазақстанның қазіргі даму кезеңінде елімізде көрсетілетін медициналық көмектің сапасы мен қауіпсіздігін қамтамасыз ету мәселесі ерекше өзектілікке ие болып отыр. Осы тұрғыдан алғанда, қорғаныс медицинасы (defensive medicine) тәжірибесінің кең таралуы медициналық, құқықтық және әлеуметтік сипаттағы маңызды мәселе ретінде қарастырылуда. Қорғаныс медицинасы дәрігерлердің кәсіби қызметінде клиникалық қажеттіліктен гөрі ықтимал құқықтық жауапкершіліктен қорғану мақсатында қосымша диагностикалық және емдік шараларды қолдануымен сипатталады. Бұл құбылыс бір жағынан медицина қызметкерлерінің құқықтық қауіпсіздігін қамтамасыз етуге ұмтылысын көрсетсе, екінші жағынан медициналық көмектің сапасына, тиімділігі мен қолжетімділігіне кері әсерін тигізуі мүмкін теріс тәжірибе болып саналады.

Қазақстан Республикасында қорғаныс медицинасы тәжірибесі, оның құқықтық алғышарттары мен салдары жүйелі түрде зерттелмеген. Отандық ғылыми әдебиеттерде бұл ұғымның мазмұны, құқықтық табиғаты мен дәрігердің кәсіби қызметіндегі құқықтық жауапкершілікпен арақатынасы нақты айқындалмаған.

Қорғаныс медицинасының таралуына әсер ететін факторлар көпқырлы болып келеді және олар мемлекеттегі саланы құқықтық реттеудің деңгейімен, денсаулық сақтау жүйесі қызметінің ұйымдастырылуымен, дәрігер мен пациент арасындағы қарым-қатынаспен, сондай-ақ қоғамдағы медициналық қызметке деген сенім деңгейімен тығыз байланысты. Осыған байланысты аталған құбылысты ғылыми-құқықтық тұрғыдан кешенді зерттеудің өзектілігі арта түсуде.

Зерттеудің мақсаты – қорғаныс медицинасы тәжірибесінің мәнін, пайда болу себептері мен таралу ерекшеліктерін ғылыми-құқықтық тұрғыдан талдау және оның денсаулық сақтау жүйесіне ықпалын кешенді бағалау болып табылады. Сонымен қатар, зерттеу шеңберінде қорғаныс медицинасының таралуын төмендетуге бағытталған құқықтық және ұйымдастырушылық тетіктерді айқындау міндеті қойылады.

Материалдар мен әдістер. Ғылыми мақаланың әдіснамалық негізін ғылыми-құқықтық талдау әдістер жиынтығы құрады. Зерттеу барысында қорғаныс медицинасы құбылысының мәнін ашу мақсатында отандық және шетелдік ғылыми әдебиеттерге шолу жасалды, оның ішінде медициналық құқық, денсаулық сақтау қызметін ұйымдастыру мен басқару саясаты және

клиникалық практика салаларындағы жарияланымдар бар. Сонымен қатар зерттеу барысында салыстырмалы-құқықтық әдіс қолданылып, әртүрлі мемлекеттердегі қорғаныс медицинасының таралу ерекшеліктері мен оған әсер ететін факторлар сараланды.

Эмпирикалық база ретінде шетелдік зерттеулер мен сауалнамалардың нәтижелері пайдаланылды, бұл қорғаныс медицинасының тәжірибеде көрініс табу деңгейін бағалауға мүмкіндік берді. Қазақстан Республикасындағы денсаулық сақтау саласын реттейтін нормативтік-құқықтық базаға талдамалық шолу жасалды, заңнамалық жаңашылдықтар талданып, еліміздегі медицина қызметкерлерінің кәсіби жауапкершілігін сақтандыру жүйесінің енгізілуі де қарастырылды.

Зерттеу барысында жүйелік, құрылымдық және функционалдық талдау әдістері де қолданылып, қорғаныс медицинасы тәжірибесінің таралуына әсер ететін құқықтық, әлеуметтік, ұйымдастырушылық және психологиялық факторлар кешенді түрде талданды.

Жалпы, аталған әдістердің жиынтығы зерттеу тақырыбының көпқырлы сипатын ашуға және негізделген ғылыми тұжырымдар жасауға мүмкіндік берді.

Талқылау, нәтижелер. Құқықтық жауапкершіліктен қауіптену көбіне клиникалық тұрғыдан нәтижесі төмен медициналық көмектің көрсетілуіне әсер ететін негізгі факторлардың бірі ретінде саналады. Мұндай жағдайда дәрігерлер диагностикалық зерттеулерді тағайындауды, әртүрлі процедураларды жүргізуді, пациенттерді тар бейінді мамандарға жолдауды немесе дәрілік препараттарды артық тағайындау сияқты әрекеттерді пациенттің жағдайын жақсарту мақсатында емес, бірінші кезекте өзіне туындауы мүмкін ықтимал құқықтық тәуекелдерді азайту үшін жүзеге асырады.

Анықтамалық тұрғыдан алғанда, қорғаныс медицинасы тәжірибесінің клиникалық пайдасы төмен болып келеді. Дәрігерлер келешекте туындауы мүмкін сот даулары немесе шағымдардың алдын алу мақсатында мұндай тексерулер мен емдеу шараларын «сақтық үшін» қолдануы мүмкін.

Дегенмен, қорғаныс медицинасы тек сақтану сипатындағы әрекеттермен ғана шектелмейді. Ол сондай-ақ белгілі бір медициналық қызмет салаларынан немесе жоғары тәуекелді пациенттермен жұмыс істеуден бас тарту сияқты мінез-құлық үлгілерін де қамтуы мүмкін, мұндай әрекеттер ғылыми әдебиеттерде «бас тарту» (avoidance) деп аталады. Ғылыми әдебиеттерде сонымен қатар мұндай әрекеттерді сипаттау үшін «сенімділік беретін мінез-құлық» (assurance behaviour) немесе «оң қорғаныс практикасы» (positive defensive practice) терминдері де қолданылады. Алайда, бұл атаулар белгілі бір дәрежеде пайдалы немесе оң нәтижелерге әкелетін әрекеттерді меңзейтіндей әсер қалдыратынын да атап өту қажет [1].

Ал «Қорғаныс медицинасы» (Defensive medicine, DM) терминінің өзі алғаш рет 1978 жылы АҚШ-та пайда болған, бұл ұғымның бастапқы анықтамасын Л.Р. Танкреди ұсынған. Оған сәйкес қорғаныс медицинасы деп дәрігерлердің ауруларды диагностикалау және емдеу барысында медициналық тәуекелдерді, пациенттер тарапынан шағымдар мен сот талаптарының туындауын болдырмау мақсатында қолданатын алдын алу сипатындағы медициналық шаралар түсіндіріледі [2].

Қорғаныс медицинасы – клиникалық практикада жақсы құжатталған құбылыс болып табылады және ол емдеуді шамадан тыс сақтықпен жүргізумен сипатталады. Жоғарыда атап өткендей мұндай тәсіл дәрігерлердің артық клиникалық белсенділік көрсетуіне алып келуі мүмкін, яғни қажетсіз зерттеулерді тағайындау, негізсіз медициналық тағайындаулар жасау және қосымша араласуларды қолдану сияқты әрекеттер оның негізгі көріністерінің бірі болып табылады. Алайда, аталған тәсілді қолдану әрдайым пациенттің мүддесіне сай келе бермейді. Себебі ол көп жағдайларда пациенттің нақты клиникалық жай-күйі әрдайым жеткілікті деңгейде ескеріле бермейді, емдеу клиникалық дәлелдемелерге негізделмеген шешімдер қабылдау арқылы

жүзеге асады, бекітілген кәсіби стандарттарға сай келмейтін түрлі нұсқаулықтар мен алгоритмдер қолданылады.

Қорғаныс медицинасының қалыптасуына ықпал ететін факторлар әртүрлі болуы мүмкін. Олардың қатарында медициналық тәжірибеге тән жоғары деңгейдегі белгісіздік, дәрігердің өткен клиникалық жағдайлар бойынша жинақталған тәжірибесі, денсаулық сақтау жүйесі тарапынан болатын қысым, пациенттердің жоғары талаптары сияқты жағдайлар бар [3].

Бүгінгі күнде қорғаныс медицинасы көптеген мемлекеттердегі дәрігерлердің клиникалық тәжірибесінде кеңінен қолданылуда. Бұл қорғаныс медицинасының таралу деңгейіне арналған эмпирикалық зерттеулердің нәтижелерімен расталады. Мысалы, Жапонияда 171 гастроэнтерологты қамтыған сауалнамада респонденттердің 98%-ы қорғаныс медицинасы тәжірибесін қолданатынын мойындаған. АҚШ-та 252 сүт безі патологиялық мамандарынан 88%-ы қорғаныс медицинасына жүгінетінін растаған. Ұлыбританияда 204 дәрігерді қамтыған зерттеу олардың 78%-ының қандай да бір түрде қорғаныс медицинасын қолданатынын растаған. Сондай-ақ, 2017 жылы Қытай акушер-гинекологтары қауымдастығының конгресіне қатысқан 1804 дәрігер арасында жүргізілген сауалнамада 62,9% респонденттер мемлекеттің денсаулық сақтау жүйесінде қорғаныс медицинасы тәжірибесінің қолданылатынына толық немесе ішінара келіскен [4].

Қорғаныс медицинасының практикалық көріністері Данияда жүргізілген зерттеулер нәтижесінде де расталған. Зерттеу нәтижелері жалпы тәжірибедегі дәрігерлердің өз тәжірибелерінде қорғаныс әрекеттеріне жүгінетінін көрсеткен. Қорғаныс медицинасының көріністері шамамен сегіз консультацияның бірінде орын алып отырғаны анықталған, мұндай әрекеттерге дәрігерлер көбінесе пациенттердің қысымы немесе қандай да бір ықпалы негізінде барған. Мұндай қорғаныс әрекеттерінің ең көп таралған түрлерінің қатарында қан анализін тағайындау, медициналық көмек көрсету орнында қосымша диагностикалық зерттеулер жүргізу және пациенттерді тар мамандарға жіберулер бар. Жалпы, қорғаныс әрекеттері барлық консультациялардың 12%-да тіркелсе, осы әрекеттердің шамамен бестен бір бөлігі қорғаныс медицинасының «орташа» немесе «жоғары» деңгейдегі көріністерінің қатарына жатқызылған. Қорғаныс іс-әрекеттерінің ең көп қолданылатын түрлері қан анализін тағайындау, экспресс-тесттерін өткізу, сондай-ақ мамандарға жолдама беру болды. Қорғаныс әрекеттерін қолданудың негізгі себептеріне келетін болсақ, олардың қатарында пациенттердің әсері – 37%, ауыр ауруды жіберіп алудан қорқу – 32%, пациент туыстарының қысымы – 12% құраған [5].

Зерттеу нәтижелері қорғаныс медицинасының қалыптасуына ықпал ететін негізгі факторларды айқын көрсетеді. Ол ең алдымен, дәрігерлердің қорғаныс әрекеттеріне баруының басты себептерінің бірі – пациент тарапынан болуы мүмкін шағымдар немесе жауапкершіліктен қауіптенуі екенін көрсетеді. Алайда, келтірілген деректерден дәрігер қабылдайтын шешімдерге пациенттердің мінез-құлқы немесе олардың медициналық көмекке қатысты күтулері елеулі ықпал ететінін де көруге болады. Яғни, пациенттердің немесе олардың туыстарының қосымша талаптары дәрігерлерді қауіпсіздік мақсатында қосымша диагностикалық шараларды тағайындауға итермелеуі мүмкін.

Британдық ғалымдар да өз зерттеулерінде осыған ұқсас түйінге келген, олардың пайымдауынша қорғаныс медицинасы тәжірибесі тікелей сотқа тартылу қауіпінен қарағанда жалпы қауіп сезімімен көбірек байланысты болып келеді. Себебі медицина қызметкерінің шешім шығару кезіндегі ішкі түйсігі пациент тарапынан болатын психологиялық қысым немесе ықтимал қақтығыс жағдайынан аулақ болу сияқты өзге де жағымсыз сезімдермен қабаттасуы мүмкін. Авторлардың пікірінше қорғаныс медицинасы барлық дерлік қырынан да зиянды құбылыс болып саналатыны сөзсіз, алайда бұл пікірлер тек сотқа тартылу қауіпінен ғана емес, сонымен қатар өз қауіпсіздігі үшін алаңдаушылық, сенімсіздік пен шарасыздықтың нәтижесінде де туындайды [6].

Келтірілген ғылыми тұжырымдар қорғаныс медицинасының қалыптасуына құқықтық факторлармен қатар психологиялық және әлеуметтік факторлардың да елеулі ықпал ететінін көрсетеді. Ал мұндай факторлардың өзара әрекеттесуі қызметкердің қорғаныс медицинасы тәжірибесіне жүгінуіне алып келуі әбден мүмкін. Осы тұрғыдан алғанда қорғаныс медицинасы кәсіби қызметтің құқықтық, әлеуметтік, психологиялық және ұйымдастырушылық аспектілерінің өзара ықпалы нәтижесінде қалыптасатын күрделі құбылыс ретінде сипатталады.

Бұл жағдайлар қорғаныс медицинасының тек құқықтық тәуекелдермен ғана емес, сонымен қатар дәрігер мен пациент арасындағы коммуникациялық қатынастармен, денсаулық сақтау жүйесіндегі институционалдық қысыммен және қоғамдағы медициналық көмекке деген жоғары күтулермен де тығыз байланысты екенін көрсетеді. Демек, қорғаныс медицинасы тәжірибесінің таралуын түсіндіруде тек заңнамалық немесе кәсіби жауапкершілік мәселелерін ғана емес, сонымен қатар пациенттердің мінез-құлқы, ақпараттану деңгейі және дәрігер-пациент қарым-қатынасының ерекшеліктері сияқты әлеуметтік-психологиялық факторларды да міндетті түрде ескеру қажет.

Қорғаныс медицинасының таралуына ықпал ететін қоғамдық факторларға құқықтық жауапкершілікке байланысты алаңдаушылық, кәсіби беделге нұқсан келтіру қаупі, пациенттердің агрессивті мінез-құлқы, олардың ақпараттану деңгейінің артуы, бұқаралық ақпарат құралдарының ықпалы және дәрігерлерге қатысты талап-арыздардың көбеюі жатады.

Тағы бір ескеретін жайт, көп жағдайда пациентпен қақтығыста зардап шеккен тарап медицина қызметкері болады. Алайда, тәжірибе көрсеткендей, өз құқықтарын қорғау тетіктерінің жеткілікті болуына қарамастан оларды барлық жағдайда қолдана бермейді [7].

Қорғаныс медицинасы тәжірибесінің таралуындағы денсаулық сақтау қызметін ұйымдастыруға қатысты себептердің де рөлі жоғары болып отыр. Мәселен, медициналық қателіктер мен құқықтық жауапкершілікке қатысты сақтандырудың жеткіліксіздігі, ауруханалар тарапынан құқықтық мәселелерде қолдаудың әлсіздігі, медициналық ұйымдарда құқықтық тәуекелдерді басқару жүйесінің жеткілікті деңгейде дамымауы, клиникалық хаттамалар мен стандарттардың толық енгізілмеуі немесе жиі өзгеріп отыруы, сондай-ақ медициналық құжаттаманы жүргізу мен бақылау тетіктерінің жеткіліксіз болуы ұйымдастырушылық деңгейдегі негізгі мәселелерге айналған.

Осы ретте елімізде аталған мәселелердің бірқатары кезең-кезеңімен шешімін табуда. Соның ішінде ерекше маңызға ие бағыттардың бірі ретінде медицина қызметкерлерінің кәсіптік жауапкершілігін сақтандыру жүйесінің енгізіліп, қазіргі уақытта енгізілгенін атап өткен жөн. Аталған тетік медициналық қызмет көрсету барысында туындайтын тәуекелдерді төмендетуге, дәрігерлердің құқықтық қорғалу деңгейін арттыруға және пациенттердің құқықтарын қамтамасыз етуге бағытталған.

Қазақстан Республикасында медицина қызметкерлерінің кәсіби жауапкершілігін сақтандыру жүйесін енгізу объективті қажеттілік ретінде қарастырылады. Халықаралық тәжірибе көрсеткендей, мұндай жүйе медициналық қызмет саласында туындайтын тәуекелдерді тиімді басқаруға және тараптардың құқықтарын бірдей қорғауға мүмкіндік береді [8].

Нормативтік негізіне тоқталатын болсақ 2024 жылдың 19 сәуірінде Мемлекет басшысы «Қазақстан Республикасының кейбір заңнамалық актілеріне денсаулық сақтау мәселелері бойынша өзгерістер мен толықтырулар енгізу туралы» Заңға¹ қол қойды. Осыған байланысты «Халық денсаулығы және денсаулық сақтау жүйесі туралы» Қазақстан Республикасының кодексі бірқатар жаңа баптармен толықтырылды. Атап айтқанда, кодекске медицина қызметкерлерінің

¹ Қазақстан Республикасының кейбір заңнамалық актілеріне денсаулық сақтау мәселелері бойынша өзгерістер мен толықтырулар енгізу туралы: Қазақстан Республикасының Заңы 2024 ж. 19 сәуірдегі № 74-VIII ҚРЗ [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/Z2400000074> (жүгінген күні: 16.02.2026).

кәсіптік жауапкершілігін сақтандыру тәртібін айқындайтын 270-1, 270-2, 270-3 және 270-4-баптары жаңадан енгізілді, сондай-ақ аталған кодекстің 7 және 15-баптарына тиісті өзгерістер мен толықтырулар енгізілді².

Сонымен қатар, сақтандыру жүйесінің нақты іске асырылу тәртібін айқындау мақсатында Қазақстан Республикасы Денсаулық сақтау министрлігі тарапынан бірқатар нормативтік-құқықтық актілер қабылданды. Атап айтқанда, 2024 жылғы 24 шілдедегі «Медицина қызметкерлерінің кәсіптік жауапкершілігін сақтандыру қағидаларын бекіту туралы»³ және «Медицина қызметкерлерінің кәсіптік жауапкершілігін ортақ сақтандырудың үлгілік шартын бекіту туралы»⁴ бұйрықтары қабылданып, қолданысқа енгізілді.

Жалпы, отандық денсаулық сақтау жүйесі медициналық қызметті ұйымдастырудағы мәселелерді, олардың пайда болуының себептерін жоюға бағытталған шараларын үнемі жалғастырып келеді. Ғалымдар бұл бағыттағы мәселелерді азайту үшін дәрігерлердің кәсіби дайындығын жетілдіру, клиникалық ортада сапалы медициналық көмек көрсетуге үйрету, клиникалық хаттамалар мен нұсқаулықтарды әзірлеу және енгізу, дәлелді медицина қағидаттарын жүйелі қолдану, медициналық құжаттаманы басқару жүйесін жетілдіру, клиникалық аудит және талдау жүйесін енгізу, сондай-ақ клиникалық аудит және талдау жүйесін енгізу секілді кешенді шаралардың қажет екендігін атауда [9].

Қорғаныс медицинасы тәжірибесінің таралуына жанама әсер етуші себептердің қатарына техникалық және клиникалық себептер тобын да қарастыруға болады. Олардың қатарында келесілер кіреді:

1) Медициналық құрал-жабдықтардың жеткіліксіздігі немесе ескіргендігі. Аталған мәселе әсіресе шалғай өңірлердегі денсаулық сақтау ұйымдары үшін өзекті болып табылады. Мұндай жағдай диагностика мен емдеудің уақытылы және сапалы жүргізілуіне теріс әсер етеді, дәрігерлердің клиникалық шешім қабылдау мүмкіндігін шектейді. Нәтижесінде медицина қызметкері қорғаныс медицинасы тәжірибесін қалыптастыруға ықпал ететін қосымша тексерулер мен сақтық шараларына жиі жүгінеді.

2) Электрондық денсаулық сақтау жүйелері мен медициналық ақпараттық жүйелердің толыққанды жұмыс істемеуі. Бұл жағдай пациент туралы мәліметтердің қолжетімділігі мен алмасуын қиындатып, клиникалық шешім қабылдау процесінің тиімділігін төмендетеді. Нәтижесінде дәрігер ақпараттың жетіспеуіне байланысты қосымша тексерулер тағайындауға мәжбүр болып, қорғаныс медицинасының элементтерін жиі қолданады.

3) Қорғаныс медицинасы тәжірибесінің таралуына әсер ететін маңызды техникалық және клиникалық себептердің бірі – дәрі-дәрмек пен медициналық бұйымдар сапасының төмендігі немесе жетіспеушілігі болып отыр. Бұл жағдай да емдеудің тиімділігін төмендетіп, күтілетін нәтижеге қол жеткізуді қиындатады. Соның салдарынан медицина қызметкерлері қосымша сақтық шараларын қолдануға немесе баламалы тәсілдерге жүгінуге мәжбүр болып, қорғаныс медицинасы тәжірибесіне жүгінеді.

Жанама себептердің қатарында кадрлық және сала мамандарының біліктілігіне қатыстылары да бар, әсіресе Қазақстанның жағдайында олар да маңызды орын алуда. Атап айтқанда, медицина қызметкерлерінің кәсіби тәжірибесінің жеткіліксіздігі, жаңа әдістер мен клиникалық хаттамаларды меңгеру деңгейінің төмендігі медициналық көмектің сапасына тікелей

² Халық денсаулығы және денсаулық сақтау жүйесі туралы: Қазақстан Республикасының 2020 ж. 7 шілдедегі № 360-VI ҚРЗ Кодексі [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/K2000000360> (жүгінген күні: 16.02.2026).

³ Медицина қызметкерлерінің кәсіптік жауапкершілігін сақтандыру қағидаларын бекіту туралы: Қазақстан Республикасы Денсаулық сақтау министрінің 2024 ж. 24 шілдедегі № 58 бұйрығы [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/V2400034803> (жүгінген күні: 16.02.2026).

⁴ Медицина қызметкерлерінің кәсіптік жауапкершілігін ортақ сақтандырудың үлгілік шартын бекіту туралы: Қазақстан Республикасы Денсаулық сақтау министрінің 2024 жылғы 24 шілдедегі № 57 бұйрығы [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/V2400034802> (жүгінген күні: 16.02.2026).

әсер етеді. Сонымен қатар, персоналдың тұрақсыздығы мен кадр тапшылығы еңбек жүктемесін арттырып, дәрігерлердің шешім қабылдауына қосымша қысым түсіреді. Бұған қоса, кәсіби этика мен коммуникация дағдыларының жеткіліксіздігі дәрігер мен пациент арасындағы сенімді әлсіретіп, қорғаныс медицинасы тәжірибесінің таралуына ықпал етуі мүмкін деп санаймыз.

Қорытынды. Жүргізілген ғылыми-құқықтық талдау қорғаныс медицинасы тәжірибесінің қазіргі денсаулық сақтау жүйесінде кең таралған, әрі көпқырлы құбылыс екенін көрсетеді. Ол тек клиникалық шешім қабылдау ерекшелігі емес, сонымен қатар құқықтық, әлеуметтік, психологиялық және ұйымдастырушылық факторлардың өзара ықпалымен қалыптасатын күрделі құбылыс екендігін көреміз. Осы тұрғыдан алғанда, қорғаныс медицинасы дәрігердің жеке мінез-құлқынан гөрі жүйелік мәселелердің көрінісі ретінде бағалануы тиіс деп санаймыз.

Зерттеу нәтижелері дәрігерлердің құқықтық жауапкершіліктен артық қауіптенуі қорғаныс медицинасының негізгі себептерінің бірі екенін айқындайды. Бұл жағдай артық диагностикалық зерттеулер мен негізсіз емдік шараларды қолдануға алып келеді. Дегенмен, қорғаныс медицинасы тек «сақтану» әрекеттерімен шектелмей, жоғары тәуекелді пациенттерден бас тарту сияқты мінез-құлық үлгілерін де қамтиды. Ал бұл өз кезегінде медициналық көмектің барлығына бірдей қолжетімділігіне кері әсер ететіні бұл жағдай медициналық көмектің қолжетімділігіне теріс әсер етуі мүмкін.

Қорғаныс медицинасының таралуына пациенттердің мінез-құлқы, олардың жоғары талаптары, қоғамдағы жүйеге деген сенім деңгейі және ақпараттық қысым да әсер етеді. Бұдан бөлек, ұйымдастырушылық мәселелер, атап айтқанда құқықтық қолдаудың әлсіздігі, сақтандыру жүйесінің жеткіліксіздігі және клиникалық хаттамалардың тұрақсыздығы да маңызды рөл атқарады.

Сонымен қатар, техникалық және кадрлық факторлардың да әсері жоғары маңызды рөл атқаратыны анықталды. Денсаулық сақтау ұйымдарындағы құрал-жабдықтардың жеткіліксіздігі, ақпараттық жүйелердің әлсіздігі, кадр тапшылығы мен мамандардың біліктілік деңгейінің жеткіліксіздігі дәрігерлерді қорғаныс стратегияларын қолдануға итермелейді.

Жоғарыда аталған мәселелерді тиімді шешу жүйелі және кешенді шараларды қажет ететіні сөзсіз. Қорғаныс медицинасы тәжірибесінің кеңінен таралуына жол бермеу үшін, ең алдымен, саланы құқықтық реттеуді жетілдіру мен дәрігерлердің кәсіби жауапкершілігін әділ бағалауға мүмкіндік беретін тиімді құқықтық тетіктердің болуы шарт. Бұдан басқа, маңызды бағыттардың бірі медициналық білім беру сапасын арттыру, клиникалық шешімдер қабылдау мәдениетін жетілдіру және денсаулық сақтау инфрақұрылымын дамыту болып қала береді. Сонымен қатар, біз дәрігер мен пациент арасындағы өзара сенімді нығайту, ашық коммуникацияларды қалыптастыру және медициналық қызмет көрсету процесінің ашықтығын қамтамасыз ету қорғаныс медицинасын негізсіз қолдануды төмендетуге ықпал ететіні анықталды.

Сонымен қатар елімізде медицина қызметкерлерінің кәсіби жауапкершілігін сақтандыру жүйесінің енгізілуі медициналық қызмет саласында туындайтын тәуекелдерді тиімді басқаруға және тараптардың құқықтарын тең дәрежеде қорғауға мүмкіндік береді деп болжаймыз. Бұл жүйе дәрігерлердің кәсіби қызметін құқықтық қорғаумен қатар, клиникалық шешімдер қабылдау кезінде олардың артық сақтанбай әрекет етуіне, яғни қорғаныс медицинасына жүгіну деңгейінің төмендеуіне ықпал етуі тиіс. Бұл өз кезегінде медициналық көмектің сапасын арттырады және ресурстарды ұтымды пайдалануға жағдай жасайды. Кәсіби жауапкершілікті сақтандыру механизмі пациенттердің құқықтарын қорғауды күшейтеді деп бағалауға болады, өйткені медициналық қателік немесе зиян келтірілген жағдайда өтемақы алу мүмкіндігі нақты және қол жетімді болады. Нәтижесінде дауларды сотқа дейінгі тәртіппен реттеу мүмкіндігі кеңейді. Осылайша, бұл жүйені енгізу денсаулық сақтау саласында құқықтық мәдениетті қалыптастыруға, медициналық қызметтердің сапасын жүйелі түрде арттыруға және дәрігер мен пациент

арасындағы қатынастарды өркениетті түрде реттеуге бағытталған маңызды қадам болып табылады.

Пайдаланылған әдебиеттер тізімі:

1. Nola, M.R. Physicians' views and experiences of defensive medicine: An international review of empirical research / M.R. Nola, J. Jesse // Health Policy. – 2021. – Vol. 125. Issue 5. – Pp. 634-642.
2. Minhui, W. Advancements in defensive medicine research: Based on current literature / W. Minhui, et al. // Health Policy. – 2024. – Vol. 147. Issue 3. – Pp. 105-125.
3. Finucane, L.M. Defensive medicine: A symptom of uncertainty? / L.M. Finucane, et al. // Musculoskeletal Science and Practice. – 2022. – Vol. 60. – Pp. 10-25.
4. Arafa, A. Defensive medicine practices as a result of malpractice claims and workplace physical violence: a cross-sectional study from Egypt / A. Arafa, et al. // Scientific Reports. – 2023. – № 13. – Pp. 1-9.
5. Andersen, M.K. Defensive medicine in Danish general practice. Types of defensive actions and reasons for practicing defensively / M.K. Andersen, et al. // Scandinavian Journal of Primary Health Care. – 2021. – № 39 (4). – Pp. 413-418.
6. Lorenc, T. Defensive healthcare practice: systematic review of qualitative evidence [Electronic resource] / T. Lorenc, et al. // BMJ Open. – Access mode: <https://bmjopen.bmj.com/content/14/7/e085673> (Access date: 05.02.2026).
7. Тлембаева, Ж.У. Медицинское право – актуальная потребность казахстанского здравоохранения [Электронный ресурс] / Ж.У. Тлембаева // Казахстанский Фармацевтический Вестник. – Режим доступа: https://pharmnews.kz.com/ru/article/medicinskoe-pravo---aktualnaya-potrebnost-kazahstanskogozdravooohraneniya_24394 (дата обращения: 10.02.2026).
8. Айтказин, Е.М. Қазақстан Республикасында медицина қызметкерлерінің кәсіби жауапкершілігін сақтандыру: заңнамалық негізін қалыптастырудың сұрақтары / Е.М. Айтказин, Ф.Г. Ибрагимова // Құқық қорғау органдары академиясының жаршысы. – 2025. – № 1 (35). – 83-93 б.
9. Kakemam, E. The occurrence, types, reasons, and mitigation strategies of defensive medicine among physicians: a scoping review / E. Kakemam, et al. // BMC Health Services Research. – 2022. – Vol. 22. Article number 800. – Pp. 1-11.

References:

1. Nola, M.R. Physicians' views and experiences of defensive medicine: An international review of empirical research / M.R. Nola, J. Jesse // Health Policy. – 2021. – Vol. 125. Issue 5. – Pp. 634-642.
2. Minhui, W. Advancements in defensive medicine research: Based on current literature / W. Minhui, et al. // Health Policy. – 2024. – Vol. 147. Issue 3. – Pp. 105-125.
3. Finucane, L.M. Defensive medicine: A symptom of uncertainty? / L.M. Finucane, et al. // Musculoskeletal Science and Practice. – 2022. – Vol. 60. – Pp. 10-25.
4. Arafa, A. Defensive medicine practices as a result of malpractice claims and workplace physical violence: a cross-sectional study from Egypt / A. Arafa, et al. // Scientific Reports. – 2023. – № 13. – Pp. 1-9.
5. Andersen, M.K. Defensive medicine in Danish general practice. Types of defensive actions and reasons for practicing defensively / M.K. Andersen, et al. // Scandinavian Journal of Primary Health Care. – 2021. – № 39 (4). – Pp. 413-418.
6. Lorenc, T. Defensive healthcare practice: systematic review of qualitative evidence [Electronic resource] / T. Lorenc, et al. // BMJ Open. – Access mode: <https://bmjopen.bmj.com/content/14/7/e085673> (Access date: 05.02.2026).
7. Tlembaeva, Zh.U. Medicinskoe pravo – aktual'naja potrebnost' kazahstanskogo zdravooohraneniya [Elektronnyj resurs] / Zh.U. Tlembaeva // Kazahstanskij Farmaceuticheskij Vestnik. – Rezhim dostupa: https://pharmnews.kz.com/ru/article/medicinskoe-pravo---aktualnaya-potrebnost-kazahstanskogozdravooohraneniya_24394 (data obrashheniya: 10.02.2026).
8. Ajtkazin, E.M. Қазақстан Respublikasynda medicina kyzmetkerleriniń kәsibi zhauapkershiligin saqtandyru: zańnamalyk negizin qalyptastyruduń sұraqtary / E.M. Ajtkazin, F.G. Ibragimova // Құқық қорғау органдары академиясының жаршысы. – 2025. – № 1 (35). – 83-93 б.
9. Kakemam, E. The occurrence, types, reasons, and mitigation strategies of defensive medicine among physicians: a scoping review / E. Kakemam, et al. // BMC Health Services Research. – 2022. – Vol. 22. Article number 800. – Pp. 1-11.

АВТОРЛАР ТУРАЛЫ МӘЛІМЕТТЕР / СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Флюра Галимовна Ибрагимова – Alikhan Bukeikhan University азаматтық-құқықтық пәндер кафедрасының меңгерушісі, заң ғылымдарының кандидаты, e-mail: flura.77@mail.ru.

Ибрагимова Флюра Галимовна – заведующая кафедрой гражданско-правовых дисциплин Alikhan Bukeikhan University, кандидат юридических наук, e-mail: flura.77@mail.ru.

Ibragimova Flura Galimovna – Head of the Department of Civil Law Disciplines of Alikhan Bukeikhan University, Candidate of Law Sciences, e-mail: flura.77@mail.ru.

УДК 347.61/.64.086; 347.9.03

МРНТИ 10.47.65; 10.31.47

А.М. Курманалина

*Академия правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан,
г. Косшы, Республика Казахстан*

АВТОМАТИЗАЦИЯ ПРОЦЕССОВ ВЗЫСКАНИЯ АЛИМЕНТОВ: ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Аннотация. В статье рассматриваются перспективы внедрения технологий искусственного интеллекта в процессы взыскания алиментов в Республике Казахстан. Исследование основано на анализе международных нормативных актов, научных публикаций, а также трудов зарубежных авторов, отражающих концепции цифровизации правосудия и автоматизации правоприменительных процедур.

Автор обосновывает необходимость формирования комплексной цифровой системы исполнительного производства, интегрирующей межведомственные базы данных и интеллектуальные алгоритмы прогнозирования. Показаны потенциальные преимущества и риски применения искусственного интеллекта, а также возможные угрозы для принципов законности и справедливости.

В заключении сформулированы предложения по совершенствованию нормативного регулирования, этических стандартов и организационно-технических механизмов внедрения искусственного интеллекта в сферу исполнения судебных решений.

Ключевые слова: искусственный интеллект; исполнительное производство; взыскание алиментов; автоматизация; эффективность правоприменения; прогнозирование; этические стандарты; цифровая трансформация.

А.М. Курманалина

*Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасының жанындағы Құқық қорғау органдары академиясы,
Қосшы қ., Қазақстан Республикасы*

АЛИМЕНТ ӨНДІРУ ПРОЦЕСТЕРІН АВТОМАТТАНДЫРУ: ЖАСАНДЫ ИНТЕЛЛЕКТТІ ҚОЛДАНУ ПЕРСПЕКТИВАЛАРЫ

Аннотация. Мақалада Қазақстан Республикасында алимент өндіру саласында жасанды интеллект технологияларын енгізу перспективалары қарастырылады. Зерттеу халықаралық нормативтік актілерді, ғылыми жарияланымдарды, сондай-ақ сот төрелігін цифрландыру және құқық қолдану процестерін автоматтандыру мәселелерін зерттеген шетелдік ғалымдардың еңбектерін талдауға негізделген.

Автор ведомствоаралық ақпараттық жүйелер мен интеллектуалды болжау алгоритмдерін біріктіретін атқарушылық іс жүргізудің бірыңғай цифрлық жүйесін қалыптастыру қажеттілігін негіздейді. Жасанды интеллектті қолданудың ықтимал артықшылықтары мен тәуекелдері, сондай-ақ заңдылық пен әділеттілік принциптеріне ықтимал қауіптер көрсетілген.

Қорытындыда сот шешімдерін орындау саласына жасанды интеллектті енгізудің нормативтік-құқықтық реттеуін, этикалық стандарттарын және ұйымдастырушылық-техникалық тетіктерін жетілдіру бойынша ұсыныстар тұжырымдалған.

Түйінді сөздер: жасанды интеллект; атқарушылық іс жүргізу; алимент өндіріп алу; автоматтандыру; құқық қолдану қызметінің тиімділігі; болжау; этикалық стандарттар; цифрлық трансформация.

A.M. Kurmanalina

*The Law Enforcement Academy under the Procurator General's Office of the Republic of Kazakhstan,
Kosshy, the Republic of Kazakhstan*

AUTOMATION OF ALIMONY COLLECTION PROCESSES: PROSPECTS FOR THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Abstract. The article discusses the prospects for the introduction of artificial intelligence technologies in the processes of alimony recovery in the Republic of Kazakhstan. The study is based on an analysis of international regulations, scientific publications, as well as the works of foreign authors reflecting the concepts of digitalization of justice and automation of law enforcement procedures.

The author substantiates the need to form a comprehensive digital system of enforcement proceedings that integrates interdepartmental databases and intelligent forecasting algorithms. The potential advantages and risks of using artificial intelligence, as well as possible threats to the principles of legality and justice, are shown.

In conclusion, proposals are formulated to improve regulatory regulation, ethical standards, and organizational and technical mechanisms for the introduction of artificial intelligence into the enforcement of court decisions.

Keywords: artificial intelligence; enforcement proceedings; alimony recovery; automation; effectiveness of law enforcement; forecasting; ethical standards; digital transformation.

DOI: 10.52425/25187252_2026_40_19

Введение. Проблематика взыскания алиментов относится к числу устойчивых вызовов гражданского судопроизводства и исполнительного производства. Она имеет не только правовое, но и выраженное социальное измерение, поскольку затрагивает обеспечение прав ребенка и принцип социальной справедливости. Несмотря на наличие правовых механизмов, эффективность их реализации остается ограниченной: должники уклоняются от исполнения, исполнительные процедуры затягиваются, а судебные исполнители перегружены.

На этом фоне возрастает интерес к потенциалу использования искусственного интеллекта в автоматизации взыскания алиментов.

Цифровую трансформацию юстиции можно отнести к одному из ключевых направлений модернизации государственного управления в Республике Казахстан (далее – РК).

Глава государства К.-Ж. Токаев в своем Послании народу Казахстана «Казахстан в эпоху искусственного интеллекта: актуальные задачи и их решения через цифровую трансформацию» отметил, что развитие искусственного интеллекта рассматривается как ключевой элемент будущего страны¹.

Одним из секторов, где подобная трансформация имеет наибольший социальный эффект, является исполнительное производство, особенно процесс взыскания алиментов, затрагивающий права и интересы детей.

Несмотря на внедрение электронных сервисов, эффективность взыскания алиментов остается недостаточной. Среди ключевых проблем – высокая нагрузка на судебных исполнителей, слабая интеграция между ведомственными системами и ограниченные аналитические возможности существующих платформ. Так, по состоянию на 2025 год в производстве находилось порядка 319 тысяч исполнительных документов о взыскании алиментов, при этом свыше 13 тысяч из них (на общую сумму около 18,5 млрд тенге) относились к категории

¹ Казахстан в эпоху искусственного интеллекта: актуальные задачи и их решения через цифровую трансформацию: Послание Главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.akorda.kz/ru/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana-kazahstan-v-epohu-iskusstvennogo-intellekta-aktualnye-zadachi-i-ih-resheniya-cherez-cifrovuyu-transformaciyu-885145> (дата обращения: 03.10.2025).

проблемных².

Международные организации подчеркивают необходимость перехода от фрагментарной цифровизации к системным интеллектуальным решениям. В отчетах Организации экономического сотрудничества и развития цифровизация исполнительного производства рассматривается как один из ключевых инструментов повышения эффективности правосудия. Искусственный интеллект способен обеспечивать поиск должников и активов, прогнозировать вероятность взыскания, анализировать схемы уклонений и даже автоматизировать подготовку процессуальных документов³. Согласно данным Управления ООН по наркотикам и преступности, искусственный интеллект способен существенно повысить эффективность правоприменения при условии соблюдения правовых и этических стандартов⁴. Всемирный банк подчеркивает, что автоматизация исполнительных процедур является ключевым фактором повышения доверия граждан⁵.

Как отмечает Б.В. Вирц, внедрение искусственного интеллекта в государственный сектор требует институциональной адаптации и развития цифровой культуры [1]. Для Казахстана это особенно актуально с учетом последнего Послания Главы государства.

Материалы и методы. Нормативную основу исследования составили правовые акты и стандарты международного и национального уровня: Европейская этическая хартия по использованию ИИ в судебных системах, рекомендации Организации экономического сотрудничества и развития, докладов Управления ООН по наркотикам и преступности, законы РК «Об исполнительном производстве и статусе судебных исполнителей», «О персональных данных и их защите», «Об информатизации».

В частности, Европейская этическая хартия подчеркивает принципы законности, прозрачности и технологической подотчетности при использовании алгоритмов в судебной системе⁶. Эти положения могут быть адаптированы в отечественный контекст при разработке отраслевых стандартов автоматизации исполнительного производства.

Теоретическую основу исследования составили научные труды отечественных и зарубежных ученых, таких как Б.В. Вирц, С. Кульман, Н. Алетрас, Д.М. Кац, М. Медведева, Дж. Ролз, М. Янссен, М.Б. Садыков и др.

Количественные данные были получены с использованием официальной статистики и аналитики Министерства юстиции РК о количестве исполнительных документов и проблемных задолженностей по алиментам.

В исследовании использован комплекс методов: сравнительно-правовой метод для анализа международного опыта правового регулирования применения ИИ в процессе взыскания алиментов; системный подход для рассмотрения процесса взыскания алиментов не обособленно, а как часть единой цифровой экосистемы осуществления правосудия; метод системного анализа данных для оценки статистических данных и прогнозной аналитики.

Результаты, обсуждение. В научной литературе вопрос интеграции искусственного интеллекта в публичное управление и правосудие изучается преимущественно с позиций эффективности, прозрачности и управляемости алгоритмов.

В своем труде С. Кульман указывает, что искусственный интеллект в публичной администрации способен выполнять функции аналитического инструмента для поддержки принятия решений, однако требует четкого нормативного регулирования и учета этических

² Минюст РК: количество «проблемных» задолженностей сократилось на 25% [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.gov.kz/memleket/entities/adilet/press/news/details/775283?lang=ru> (дата обращения: 03.10.2025).

³ OECD. Digital Transformation in the Justice Sector. – Paris: OECD Publishing, 2021. – 105 p.

⁴ UNODC. Artificial Intelligence and the Rule of Law. – Vienna: UNODC, 2021. – 23 p.

⁵ World Bank. Justice Sector Reform: Improving Legal Services. – Washington, DC: World Bank, 2020. – 30 p.

⁶ CEPEJ (Council of Europe). European Ethical Charter on the Use of AI in Judicial Systems. – Strasbourg, 2018. – 78 p.

рисков [2].

Значительное внимание уделяется предсказательным моделям судебных решений. Н. Алетрас продемонстрировал возможность применения технологий обработки естественного языка для прогнозирования исходов дел в Европейском суде по правам человека [3].

Аналогичные результаты были представлены в труде Д.М. Кац на примере Верховного суда США [4], а М. Медведева подтвердила эффективность алгоритмов машинного обучения для анализа аргументации судей [5].

Эти исследования закладывают основу для развития судебной аналитики и автоматизации процедур исполнения решений. В контексте исполнительного производства искусственный интеллект может использоваться для прогнозирования вероятности исполнения алиментных обязательств, выявления должников, склонных к уклонению, а также автоматической приоритизации дел по степени риска.

Согласно теории справедливости Дж. Ролз, справедливое общество должно обеспечивать равенство возможностей и защиту прав на институциональном уровне. В условиях цифрового правосудия это предполагает, что использование искусственного интеллекта должно служить укреплению прав человека, а не их ограничению. Вопрос алиментов напрямую связан с обеспечением прав детей, что делает своевременность и полноту их взыскания проявлением институциональной справедливости [6].

Вместе с тем, как подчеркивает М. Янссен, алгоритмические решения в публичном секторе сталкиваются с проблемой непрозрачности и предвзятости данных, что требует особых гарантий контроля, верификации и этической экспертизы [7].

Целесообразно рассмотреть ключевые направления применения алгоритмических решений:

1) прогностическая аналитика и управление рисками

На основе практик, описанных Н. Алетрас [3], Д.М. Кац [4], а также М. Медведевой [5], возможно создание моделей прогнозирования вероятности исполнения алиментных обязательств. Такие алгоритмы могут учитывать социально-демографические данные, историю выплат, сведения о занятости и налоговые отчисления.

Алгоритмы искусственного интеллекта могут выделять группы должников с высокой или низкой вероятностью исполнения и тем самым оптимизировать приоритетность работы судебных исполнителей.

Например, система может рекомендовать судебному исполнителю автоматическое направление запросов в банки или блокировку счетов при выявлении признаков уклонения;

2) автоматизация документооборота

Применение технологий обработки естественного языка позволяет автоматизировать процесс составления исполнительных документов, уведомлений и запросов, что отражается в трудах Б.В. Вирц [1] и Т. Сурдин [8]. Интеллектуальные системы способны не только подготавливать типовые документы, но и отслеживать их статус, сроки, направлять напоминания участникам процесса. Подобные решения реализованы в некоторых странах Европейского Союза и Азии;

3) интеграция цифровых платформ

Создание единого «Цифрового исполнительного портала» позволит объединить данные судов, юстиции, полиции, банков, налоговых органов. Искусственный интеллект будет выполнять функции интеллектуального посредника с возможностью сбора данных, классифицировать дела по сложности, оценивать эффективность мер принудительного исполнения.

Такой портал может включать модуль автоматического расчета задолженности, уведомления сторон через мобильные приложения (чат-боты) и онлайн-мониторинг исполнения;

4) автоматизированный поиск должников и активов

Искусственный интеллект способен интегрироваться с налоговыми, банковскими и регистрационными системами для выявления источников доходов и имущества;

5) анализ схем уклонения

С помощью искусственного интеллекта можно выявлять закономерности, например фиктивные сделки, регистрацию имущества на родственников, искусственное снижение доходов, что станет основанием применения эффективных мер к неплательщикам.

Несмотря на высокий потенциал, применение искусственного интеллекта в данной сфере сопряжено с рядом проблем.

Так, изучение международных документов показывает, что внедрение искусственного интеллекта возможно лишь при условии транспарентности, подотчетности и сохранения контроля человека.

Как отмечает С. Кульман, применение искусственного интеллекта в публичном управлении должно сопровождаться нормативным разграничением ответственности между человеком и машиной [2]. В исполнительном производстве это означает необходимость сохранения судебного контроля и права лица на пересмотр автоматизированного решения.

Согласно Закону РК «О персональных данных и их защите», обработка персональных данных в автоматизированных системах допускается только при наличии правовых оснований и в пределах заявленных целей⁷. При этом необходимо учитывать требования Европейской этической хартии о прозрачности алгоритмов и возможности объяснения логики принятия решений⁸.

С. Вахтер указывает, что право на объяснение автоматизированных решений не закреплено прямо в европейском законодательстве, что создает правовую неопределенность [9]. Для отечественного законодательства актуально нормативное закрепление принципа «объяснимость алгоритмов» для предотвращения принятия неверных решений.

Важность учета этических вопросов при применении искусственного интеллекта в правоохранительной деятельности также освещена в ряде работ М.Б. Садыкова [10]; [11].

При этом Управление ООН по наркотикам и преступности обращает внимание на риск подмены правосудия техническими процедурами, алгоритм не должен принимать окончательное решение, а лишь поддерживать деятельность судебных органов⁹.

М. Янссен подчеркивает, что алгоритмы, основанные на больших данных, подвержены ошибкам из-за неполноты или искаженности исходных массивов информации [7].

Кроме того, автоматизация взыскания алиментов затрагивает вопросы социальной справедливости. Алгоритмы должны учитывать не только формальные параметры, но и нестабильность занятости, семейные обстоятельства, добросовестность плательщика. Без этих факторов применение искусственного интеллекта рискует стать формальным, что противоречит принципам Дж. Ролз о равных возможностях и справедливости [6].

Заключение. В последние годы все чаще обсуждается возможность применения технологий искусственного интеллекта в исполнительном производстве, особенно при взыскании алиментов.

С теоретической точки зрения искусственный интеллект рассматривается как инструмент минимизации рисков и средство укрепления институциональной справедливости. С философской точки зрения он представляет собой новый этап диалектики права и техники, в котором правопорядок сохраняет приоритет человека над алгоритмом.

Однако для успешного внедрения искусственного интеллекта требуется комплексный подход.

⁷ О персональных данных и их защите: закон Республики Казахстан от 21 мая 2013 г. № 94-V [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1300000094> (дата обращения: 03.10.2025).

⁸ CEPEJ (Council of Europe). European Ethical Charter on the Use of AI in Judicial Systems. – Strasbourg, 2018. – 78 p.

⁹ UNODC. Artificial Intelligence and the Rule of Law. – Vienna: UNODC, 2021. – 23 p.

Во-первых, необходима разработка нормативно-правовой базы, регламентирующей использование искусственного интеллекта в исполнительном производстве.

Для эффективного внедрения искусственного интеллекта следует создать и утвердить четкие нормативные акты, которые будут определять правовые рамки его применения. Это включает в себя установление правил и ограничений, регулирующих, какие задачи и процессы могут быть автоматизированы с помощью искусственного интеллекта, а также обеспечение ответственности за возможные ошибки или злоупотребления. Важно, чтобы законодательство учитывало быстрое развитие технологий и было гибким для адаптации к новым вызовам, при этом защищая интересы всех участников исполнительного производства.

Во-вторых, необходимо обеспечение защиты персональных данных и прав граждан на автоматизированные решения.

Внедрение искусственного интеллекта в исполнительное производство связано с обработкой большого объема персональных данных, что требует строгого соблюдения норм конфиденциальности и безопасности. Необходимо гарантировать, что данные граждан будут защищены от несанкционированного доступа, утечки или неправильного использования. Кроме того, важным аспектом является обеспечение прав граждан на прозрачность и возможность обжалования решений, принятых автоматизированными системами, чтобы избежать дискриминации и необоснованных ограничений прав и свобод.

В-третьих, необходимо формирование единой цифровой системы с интеграцией государственных информационных систем.

Для повышения эффективности и согласованности работы исполнительного производства требуется создание единой цифровой платформы, которая объединит различные государственные информационные системы. Такая интеграция позволит обеспечить оперативный обмен данными между ведомствами, исключить дублирование информации и повысить скорость принятия решений. Кроме того, централизованная система создаст условия для использования искусственного интеллекта в масштабах всей государственной структуры, что повысит прозрачность и автоматизирует многие рутинные процессы.

В-четвертых, необходима подготовка специалистов, способных управлять и контролировать процессы автоматизации на основе принципов законности и подотчетности.

Внедрение искусственного интеллекта требует наличия квалифицированных кадров, которые смогут не только разрабатывать и внедрять технологические решения, но и обеспечивать их законное и этичное использование. Необходимо организовать программы обучения и повышения квалификации, ориентированные на глубокое понимание правовых, технических и этических аспектов работы с искусственным интеллектом. Специалисты должны быть готовы контролировать работу систем, предотвращать и устранять возможные сбои или нарушения, а также обеспечивать подотчетность автоматизированных процессов перед обществом и государственными органами.

Таким образом, внедрение искусственного интеллекта в процессе взыскания алиментов может сделать исполнительное производство более эффективным и прозрачным. Его успешная реализация способна повысить результативность исполнения судебных актов и укрепить гарантии защиты прав несовершеннолетних детей, однако только при условии сохранения приоритета человеческого усмотрения, прозрачности алгоритмических решений и надлежащего правового регулирования.

Данная статья подготовлена в рамках изучения дисциплины «Правовое регулирование информационных технологий» в Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан в магистратуре по специальности «Юриспруденция». Исследование основано на интеграции полученных в ходе образовательного процесса знаний и направлено на развитие практических и аналитических навыков в области

Список использованной литературы:

1. Wirtz, B.W. Artificial Intelligence and the Public Sector - Applications and Challenges / B.W. Wirtz, J.C. Weyerer, C. Geyer // International Journal of Information Management. – 2019. – № 43. – Pp. 1-14.
2. Kuhlmann, S. Artificial Intelligence in Public Administration: Potentials, Challenges, and Risks / S. Kuhlmann, M. Heuberger // Public Management Review. – 2021. – № 23 (7). – Pp. 1020-1036.
3. Aletras, N. Predicting Judicial Decisions of the European Court of Human Rights: A Natural Language Processing Perspective / N. Aletras, et al. // PeerJ Computer Science. – 2016. – № 2 (93). – Pp. 1-19.
4. Katz, D.M. A General Approach for Predicting the Behavior of the Supreme Court of the United States / D.M. Katz, M.J. Bommarito, J. Blackman // PLOS ONE. – 2017. – № 12 (4). – Pp. 1-18.
5. Medvedeva, M. Using Machine Learning to Predict Decisions of the European Court of Human Rights / M. Medvedeva, M. Vols, M. Wieling // Artificial Intelligence and Law. – 2020. – № 28. – Pp. 237-266.
6. Rawls, J.A Theory of Justice / J. Rawls. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1971. – 538 p.
7. Janssen, M. The Challenges and Limits of Big Data Algorithms in Public Sector Decision Making / M. Janssen, G. Kuk // Government Information Quarterly. – 2016. – № 33 (3). – Pp. 371-377.
8. Sourdin, T. Law, Artificial Intelligence and Digital Platforms. / T. Sourdin, R. Cornes // Cheltenham: Edward Elgar. – 2021. – 320 p.
9. Wachter, S. Why a Right to Explanation of Automated Decision-Making Does Not Exist in the General Data Protection Regulation / S. Wachter, B. Mittelstadt, L. Floridi // International Data Privacy Law. – 2017. – № 7 (2). – Pp. 76-99.
10. Sadykov, M.B. The use of artificial intelligence in law enforcement activity / M.B. Sadykov, S.Ch. Gajanayaka // Құқық қорғау органдары академиясының Жаршысы. – 2024. – № 1 (31). – Pp. 175-183.
11. Nurkeeva, D.R. The usage of artificial intelligence to ensure the principle of legality in criminal proceedings: opportunities and risks / D.R. Nurkeeva, M.B. Sadykov // Құқық қорғау органдары академиясының Жаршысы. – 2024. – № 3 (33). – Pp. 101-108.

References:

1. Wirtz, B.W. Artificial Intelligence and the Public Sector - Applications and Challenges / B.W. Wirtz, J.C. Weyerer, C. Geyer // International Journal of Information Management. – 2019. – № 43. – Pp. 1-14.
2. Kuhlmann, S. Artificial Intelligence in Public Administration: Potentials, Challenges, and Risks / S. Kuhlmann, M. Heuberger // Public Management Review. – 2021. – № 23 (7). – Pp. 1020-1036.
3. Aletras, N. Predicting Judicial Decisions of the European Court of Human Rights: A Natural Language Processing Perspective / N. Aletras, et al. // PeerJ Computer Science. – 2016. – № 2 (93). – Pp. 1-19.
4. Katz, D.M. A General Approach for Predicting the Behavior of the Supreme Court of the United States / D.M. Katz, M.J. Bommarito, J. Blackman // PLOS ONE. – 2017. – № 12 (4). – Pp. 1-18.
5. Medvedeva, M. Using Machine Learning to Predict Decisions of the European Court of Human Rights / M. Medvedeva, M. Vols, M. Wieling // Artificial Intelligence and Law. – 2020. – № 28. – Pp. 237-266.
6. Rawls, J.A Theory of Justice / J. Rawls. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1971. – 538 s.
7. Janssen, M. The Challenges and Limits of Big Data Algorithms in Public Sector Decision Making / M. Janssen, G. Kuk // Government Information Quarterly. – 2016. – № 33 (3). – Pp. 371-377.
8. Sourdin, T. Law, Artificial Intelligence and Digital Platforms. / T. Sourdin, R. Cornes // Cheltenham: Edward Elgar. – 2021. – 320 s.
9. Wachter, S. Why a Right to Explanation of Automated Decision-Making Does Not Exist in the General Data Protection Regulation / S. Wachter, B. Mittelstadt, L. Floridi // International Data Privacy Law. – 2017. – № 7 (2). – Pp. 76-99.
10. Sadykov, M.B. The use of artificial intelligence in law enforcement activity / M.B. Sadykov, S.Ch. Gajanayaka // Құқық қорғау органдары академиясының Жаршысы. – 2024. – № 1 (31). – Pp. 175-183.
11. Nurkeeva, D.R. The usage of artificial intelligence to ensure the principle of legality in criminal proceedings: opportunities and risks / D.R. Nurkeeva, M.B. Sadykov // Құқық қорғау органдары академиясының Жаршысы. – 2024. – № 3 (33). – Pp. 101-108.

АВТОРЛАР ТУРАЛЫ МӘЛІМЕТТЕР / СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Асель Муратовна Курманалина – Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасының жанындағы Құқық қорғау органдары академиясының магистранты, e-mail: assel0905@bk.ru.

Курманалина Асель Муратовна – магистрант Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, e-mail: assel0905@bk.ru.

Kurmanalina Assel Muratovna – Master's Student at the Law Enforcement Academy under the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan, e-mail: assel0905@bk.ru.

ҚЫЛМЫСТЫҚ ҚҰҚЫҚ ЖӘНЕ КРИМИНОЛОГИЯ, ҚЫЛМЫСТЫҚ-АТҚАРУ ҚҰҚЫҒЫ УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ, УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY, PENAL LAW

УДК 343.85
МНРТ 10.83.21

Д.Т. Амуртаева¹, А.Г. Шидемов²

¹Академия правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан,
г. Косшы, Республика Казахстан

²Алматинская академия Министерства внутренних дел Республики Казахстан имени М. Есбұлатова,
г. Алматы, Республика Казахстан

ПРОБЛЕМЫ ПРАКТИКИ ПРИМЕНЕНИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ СРЕДСТВ СЛЕЖЕНИЯ К ЛИЦАМ, СОСТОЯЩИМ НА УЧЕТЕ СЛУЖБЫ ПРОБАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы применения электронных средств слежения в отношении лиц, состоящих на учете службы пробации в Республике Казахстан. Анализируются правовые основы использования электронного мониторинга, практика его применения и возникающие проблемы организационного, технического и правового характера. Отмечается, что электронный контроль является одним из эффективных инструментов современной уголовной политики, направленной на расширение применения альтернативных мер наказания, не связанных с лишением свободы. Вместе с тем внедрение электронных средств слежения сопровождается рядом трудностей, связанных с недостаточной регламентацией отдельных процедур в законодательстве, технической инфраструктурой, ограниченностью материально-технических ресурсов. В статье сформулированы предложения, направленные на совершенствование правового регулирования и повышение эффективности применения электронного мониторинга в системе пробации.

Ключевые слова: пробация; электронный мониторинг; электронные средства слежения; браслет; уголовно-исполнительная система; уголовная политика; служба пробации; подучетный.

Д.Т. Амуртаева¹, А.Г. Шидемов²

¹Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасының жанындағы Құқық қорғау органдарының академиясы,
Қосшы қ., Қазақстан Республикасы

²Қазақстан Республикасы Ішкі істер министрлігінің М. Есболатов атындғы Алматы академиясы,
Алматы қ., Қазақстан Республикасы

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНДА ПРОБАЦИЯ ҚЫЗМЕТІНІҢ ЕСЕБІНДЕ ТҮРҒАН АДАМДАРҒА ЭЛЕКТРОНДЫҚ БАҚЫЛАУ ҚҰРАЛДАРЫН ҚОЛДАНУ ПРАКТИКАСЫНЫҢ МӘСЕЛЕЛЕРІ

Аннотация. Мақалада Қазақстан Республикасында пробация қызметінің есебінде тұрған адамдарға қатысты электрондық қадағалау құралдарын қолдану мәселелері қарастырылады. Электрондық мониторингті пайдаланудың құқықтық негіздері, оны қолдану практикасы және ұйымдастырушылық, техникалық және құқықтық сипаттағы проблемалар талданады. Электрондық бақылау бас бостандығынан айырумен байланысты емес баламалы жазалау шараларын қолдануды кеңейтуге бағытталған қазіргі заманғы қылмыстық саясаттың тиімді құралдарының бірі болып табылатыны атап өтіледі. Сонымен қатар, электрондық бақылау құралдарын енгізу заңнамадағы жекелеген рәсімдерді жеткіліксіз регламенттеумен, техникалық инфрақұрылымның, толық дамымауымен және материалдық-техникалық ресурстардың шектелуімен байланысты бірқатар қиындықтармен сүйемелденеді. Мақалада құқықтық реттеуді жетілдіруге және пробация жүйесінде электрондық мониторингті қолдану тиімділігін арттыруға бағытталған ұсыныстар тұжырымдалған.

Түйінді сөздер: пробация; электрондық мониторинг; электрондық қадағалау құралдары; білезік; қылмыстық-атқару жүйесі; қылмыстық саясат; пробация қызметі; есепте тұрған адам.

D.T. Amurtaeva¹, A.G. Shidemov²

¹*The Law Enforcement Academy under the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan, Kossbi, the Republic of Kazakhstan*

²*Almaty Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan named after Esbulatova, Almaty, the Republic of Kazakhstan*

PROBLEMS OF THE PRACTICE OF APPLYING ELECTRONIC TRACKING TOOLS TO PERSONS REGISTERED WITH THE PROBATION SERVICE IN THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

Abstract. The article discusses the use of electronic tracking devices in relation to persons registered with the probation service in the Republic of Kazakhstan. The article analyzes the legal basis for the use of electronic monitoring, the practice of its application and emerging problems of an organizational, technical and legal nature. It is noted that electronic control is one of the effective tools of modern criminal policy aimed at expanding the use of alternative penalties not related to imprisonment. At the same time, the introduction of electronic tracking tools is accompanied by a number of difficulties related to insufficient regulation of certain procedures in legislation, technical infrastructure, and limited logistical resources. The article formulates proposals aimed at improving legal regulation and increasing the effectiveness of electronic monitoring in the probation system.

Keywords: probation; electronic monitoring; electronic tracking devices; wristband; penal enforcement system; criminal policy; probation service; poduchny.

DOI: 10.52425/25187252_2026_40_26

Введение. Современная парадигма развития уголовной политики Республики Казахстан (далее – РК) характеризуется последовательным переходом от репрессивных методов воздействия к социально-ориентированным механизмам исправления. Так, в рамках реализации Концепции «Закон и порядок» государственная идеология направлена на построение Справедливого Казахстана через верховенство права, правосознание граждан и безопасность. Основная цель – переход от «закручивания гаек» к правовой культуре, где соблюдение законов гарантирует стабильность, доверие к госорганам и снижение преступности¹. Как отметил Президент К.К. Токаев в своем Послании народу Казахстана от 8 сентября 2025 года «Казахстан в эпоху искусственного интеллекта: актуальные задачи и их решения через цифровую трансформацию», нам необходимо активнее внедрять цифровые инструменты, в т.ч. для предупреждения преступности².

В РК главная роль в частной превенции отводится институту probation. В соответствии с Законом «О probation» от 30 декабря 2016 года «probation представляет собой систему видов деятельности и индивидуально определяемых мер контрольного и социально-правового характера, направленных на коррекцию поведения лиц, категории которых определены, для предупреждения совершения ими новых уголовных правонарушений»³.

С 2012 года система построения и организации механизмов контроля в уголовно-исполнительной системе эволюционировала от элементарных методов физической регистрации и визуального надзора к использованию прецизионных систем электронного мониторинга. Интеграция электронных устройств позволила перейти от эпизодических проверок к

¹ Об утверждении Концепции по продвижению в обществе идеологии закона и порядка на 2025-2030 годы: постановление Правительства Республики Казахстан от 1 апр. 2025 г. № 200 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2500000200> (дата обращения: 20.03.2026).

² Казахстан в эпоху искусственного интеллекта: актуальные задачи и их решения через цифровую трансформацию: послание Главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана от 8 сент. 2025 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K25002025_1/info (дата обращения: 20.03.2026).

³ О probation: закон Республики Казахстан от 30 дек. 2016 г. № 38-VI ЗРК [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1600000038> (дата обращения: 20.03.2026).

непрерывному цифровому сопровождению осужденных, обеспечивая высокую точность превентивного воздействия и создавая условия для их эффективной ресоциализации без отрыва от общества.

Логическим завершением данного процесса и фундаментальным вектором текущей модернизации службы пробации выступает полномасштабное внедрение электронных средств слежения (далее – ЭСС). Являясь технологическим ядром современной пенитенциарной системы, системы электронного мониторинга позволяют достичь необходимого компромисса между императивами обеспечения общественной безопасности и безусловным соблюдением конституционных прав граждан на свободу передвижения и сохранение устойчивых социальных связей.

Мировой опыт подтверждает высокую эффективность дистанционного контроля. В развитых правовых системах, включая США, Великобританию, Германию и Францию, электронный мониторинг рассматривается как экономически оправданная и социально эффективная альтернатива тюремному заключению [1].

Так, Дж. Белур и другие авторы указывают, что электронный мониторинг способствует снижению рецидивной преступности, однако его результативность напрямую зависит от интеграции технического контроля с пробационными и социально-реабилитационными мероприятиями. В свою очередь А. Хаклсби и Э. Холдсворт рассматривают электронные средства слежения как инструмент пробации, позволяющий обеспечить контроль за поведением подучетных лиц без применения изоляции от общества, одновременно подчеркивая необходимость соблюдения баланса между функциями надзора и ресоциализации осужденных. Аналогичной позиции придерживаются Ж. Грене, Х. Грёнквист, С. Никнами, которые рассматривают электронные браслеты (electronic monitoring) как эффективную альтернативу краткосрочному лишению свободы. На основе исследования практики Швеции ученые пришли к выводу, что применение электронного мониторинга способствует снижению рецидивной преступности, сохранению трудовой занятости осужденных и поддержанию социальных связей с семьей. По мнению авторов, электронные средства слежения позволяют осуществлять контроль за поведением подучетных лиц без их изоляции от общества, что положительно влияет на процесс ресоциализации и снижает негативные последствия тюремного заключения для членов семьи правонарушителя [2]; [3]; [4].

Однако, несмотря на достигнутые результаты, правоприменительная практика свидетельствует о наличии системных барьеров. Необходимость научного анализа обусловлена поиском путей устранения существующих проблем в функционировании института электронного мониторинга. Так, на современном этапе фиксируется фрагментарность правового регулирования процессуальных стадий применения ЭСС, что дополняется техническими ограничениями в виде нестабильного сигнала дистанционного мониторинга в ряде регионов и вопросов защиты цифрового контура. Организационная структура также требует оптимизации в части взаимодействия кадрового состава с техническими специалистами. Обобщение и научное осмысление данных аспектов закладывают основу для совершенствования законодательной базы РК, обеспечивая переход пробационного контроля на качественно новый уровень технологической и правовой эффективности.

Цель исследования – научно-правовой анализ нормативного регулирования и выявление теоретических и практических проблем применения ЭСС в системе пробации РК с последующей выработкой предложений по их совершенствованию.

Для достижения поставленной цели были определены следующие задачи: изучение правовых основ применения ЭСС в системе пробации; анализ практики использования электронного мониторинга в Казахстане; выявление основных проблем, возникающих при

применении электронных устройств; выработка предложений по совершенствованию практики применения.

Материалы и методы. Методологическую основу исследования составляют общенаучные и специальные методы научного познания. В процессе исследования использовались: формально-юридический метод; сравнительно-правовой анализ; метод системного анализа; статистический метод; анализ нормативных правовых актов и научной литературы.

Теоретическую основу исследования составили научные труды в области уголовного и уголовно-исполнительного права, публикации зарубежных ученых по вопросам электронного мониторинга поведения осужденных. Использование указанных методов позволило комплексно рассмотреть вопросы применения ЭСС в системе пробации.

Результаты, обсуждение. Фундаментальную основу правового регулирования электронного мониторинга в РК составляет иерархическая система нормативных правовых актов, во главе которой стоит Уголовно-исполнительный кодекс (далее – УИК РК). Статьи 69, 169, 174 УИК РК определяют правовой статус применения ЭСС как инструмента обеспечения надлежащего исполнения наказаний, не связанных с изоляцией от общества⁴. Электронный мониторинг рассматривается не просто как техническая опция, а как гарант цифровой прозрачности правосудия, а также способствует повышению эффективности контроля со стороны службы пробации и снижению риска совершения повторных преступлений.

Использование ЭСС позволяет:

- контролировать местонахождение осужденного;
- фиксировать нарушение установленных судом ограничений;
- оперативно реагировать на нарушения режима.

Статистические показатели демонстрируют прогрессирующий рост: если на начальных этапах внедрение носило пилотный характер, то к середине 2025 года количество лиц, охваченных электронным контролем, увеличилось более чем в два раза по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. Данная динамика обусловлена развитием отечественной IT-инфраструктуры и расширением перечня составов преступлений, позволяющих судам назначать ограничение свободы с применением ЭСС. Эмпирические данные подтверждают, что в группах лиц, находящихся под электронным наблюдением, уровень первичного рецидива на 15-18% ниже, чем при стандартном пробационном контроле⁵.

Ведомственный уровень регулирования представлен Приказом Министра внутренних дел РК от 17 мая 2023 года № 404 «Перечень ЭСС, используемых службой пробации», который регламентирует технические требования к устройствам (далее – Приказ). Также применение ЭСС определено в Приказе Министра внутренних дел РК от 15 августа 2014 года № 511 «Правила организации деятельности службы пробации» (далее – Правила).

Если нормы УИК носят бланкетный (отсылочный) характер, то непосредственный механизм реализации контроля детализируется в ведомственных нормативных актах. Так, в вышеуказанных приказах специфицируются следующие критически важные аспекты.

1. Технический протокол установки и снятия: Правила определяют четкий алгоритм действий инспектора службы пробации при фиксации устройства на теле осужденного. Важным моментом является разъяснение прав и обязанностей лица, подпадающего под мониторинг, включая материальную ответственность за порчу дорогостоящего государственного имущества.

2. Классификация устройств: Приказ разделяет средства слежения на стационарные (контрольные устройства, устанавливаемые по месту жительства) и мобильные (GPS-браслеты).

⁴ Уголовно-исполнительный кодекс Республики Казахстан: от 5 июля 2014 г. № 234-V ЗРК [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000234> (дата обращения: 20.03.2026).

⁵ Отчет о деятельности пробации за 2025 г.: данные Департамента уголовно-исполнительной системы по г. Астана.

Это позволяет дифференцировать подход к контролю в зависимости от назначенных судом ограничений – например, в условиях домашнего ареста или ограничения свободы с правом посещения работы.

3. Режим реагирования на сигналы тревоги: Регламент устанавливает нормативы времени и порядок действий дежурных сотрудников при получении сигналов о нарушении границы разрешенной зоны («геозоны»), попытке снятия браслета или критическом разряде аккумулятора.

Несмотря на регулирование вопросов применения ЭСС, все же имеются проблемы процессуального характера, которые определяют сложности в правоприменении. Во-первых, УИК РК лишь в общем виде регламентирует право службы пробации использовать ЭСС, не конкретизируя детально процессуальный статус данных, полученных с электронных устройств. В случае судебного разбирательства по факту нарушения режима отчет системы мониторинга должен иметь статус бесспорного доказательства, что требует четкого закрепления в уголовно-процессуальном законодательстве.

Во-вторых, существует проблема «расширения сети контроля». Международный опыт показывает, что суды зачастую назначают электронный мониторинг лицам, которые не представляют высокой степени общественной опасности, вместо того чтобы использовать его как реальную альтернативу тюрьме для лиц с высоким риском рецидива. Данное обстоятельство ведет к расширению круга подучетных пробационных служб и неоправданному росту бюджетных расходов без соразмерного снижения тюремного населения [5]; [6]. Например, в отраслевых документах недостаточно четко прописан алгоритм действий при возникновении «ложных тревог», вызванных особенностями городской застройки или экранированием сигналов GPS/GSM, т.е. технических сбоях. Данное обстоятельство создает риск необоснованного привлечения осужденного к ответственности за нарушение, которого фактически не было [7]. Также, на наш взгляд, необходимо улучшить информационное взаимодействие служб пробации с Комитетом правовой статистики и специальных учетов Генеральной прокуратуры РК. Интеграция данных между указанными ведомствами позволит автоматизировать фиксацию нарушений и исключить человеческий фактор.

Таким образом, совершенствование правового регулирования, в т.ч. ведомственного должно идти по пути создания алгоритмизированных действий, которые бы учитывали техническую погрешность систем позиционирования и обеспечивали максимальную прозрачность процедур как для сотрудников МВД, так и для подучетных лиц.

Правоприменительная практика 2024-2025 гг. свидетельствует о качественном и количественном скачке в использовании систем дистанционного слежения. На сегодняшний день в Службе пробации внедрена центральная автоматизированная база данных уголовно-исполнительной системы по линии службы пробации. Она представляет собой регистрационную карту, в которой отражены данные лиц, находящихся на учете службы пробации. Также имеется мониторинговая база данных лиц, в отношении которых осуществляется электронный мониторинг. Необходимо отметить, что в пробации в качестве электронных устройств слежения применяются электронные браслеты. Так, например в Службе пробации Есильского района по г. Астана под учетом находятся 120 осужденных, наказание которых не связано с лишением свободы и которым должны быть надеты электронные браслеты. Однако в наличии имеются только 30 браслетов, из которых используются только 20.

Сотрудник Службы пробации проводит ежедневный мониторинг подучетных посредством электронных браслетов, при этом отмечается ряд проблем практики их применения. Первое – браслеты часто выходят из строя, снижается уровень заряда, а процедура технического обслуживания и зарядка аккумуляторных батарей осуществляется исключительно сотрудниками службы пробации в рамках установленного регламента. Второе – отсутствует зона покрытия

GSM/GPS-сигналов, особенно в удаленных районах. Третье – наблюдается дефицит браслетов, что вынуждает сотрудников пробации применять субъективно-приоритетный подход при их распределении. Четвертое – сотрудники вынуждены в ночное время выезжать по месту проживания подучетного для его проверки, т.к. система мониторинга отключается по неизвестным причинам.

Таким образом, в ходе анализа практики применения электронного мониторинга были выявлены следующие системные проблемы:

- недостаточное развитие технической инфраструктуры, в связи с чем в некоторых регионах возникают сложности с передачей сигнала, что затрудняет полноценный мониторинг перемещения осужденных; отсутствие необходимого количества браслетов;
- высокая нагрузка на сотрудников службы пробации, что связано с необходимостью контроля значительного количества подучетных лиц (на одного сотрудника пробации приходится от 50 до 80 подучетных лиц);
- недостаточная регламентация порядка применения ЭСС в действующем законодательстве, что может вызывать сложности в правоприменительной практике.

Наряду с системными проблемами выделяются и другие недостатки. Так А.О. Семагин и Д.Е. Василенко отмечают, что применение ЭСС вызывает психологические эффекты (стресс, депрессия, социальная изоляция, снижение самооценки), усугубляющие посттравматический стресс и риск рецидива; приводит к нарушению приватности (тотальный надзор, утечка данных, несанкционированное использование геолокации), что в целом противоречит конституционным нормам, закону о персональных данных и Европейской конвенции о защите прав человека [8].

Заключение. Электронный мониторинг является важным инструментом современной уголовной политики, направленной на развитие альтернативных мер наказания и повышение эффективности пробационного контроля.

Проведенное исследование показало, что применение ЭСС позволяет значительно повысить уровень контроля за поведением осужденных и снизить риск рецидивной преступности.

Вместе с тем практика применения ЭСС выявила ряд проблем, связанных с техническими, организационными и правовыми аспектами.

В целях совершенствования системы электронного мониторинга представляется целесообразным:

1. Совершенствовать законодательное регулирование применения ЭСС, а именно: отчет системы мониторинга должен иметь статус бесспорного доказательства, что требует четкого закрепления в уголовно-процессуальном законодательстве.
2. Расширить техническую инфраструктуру электронного мониторинга, а именно: ввести биометрическую идентификацию, заменить громоздкие браслеты на мобильные приложения с функцией распознавания лиц и голоса.
3. Создать единую цифровую платформу для Службы пробации и заинтересованных органов.
4. Дифференцировать подход применения ЭСС, которое должно быть строго персонализировано на основе научно обоснованной оценки рисков и потребностей осужденного.
5. Повысить уровень подготовки сотрудников службы пробации.
6. Улучшить материально-техническую базу (установка современных ПК, интернет с широким диапазоном покрытия и т.д.).

Реализация указанных мер позволит повысить эффективность пробационного контроля и вывести на новый уровень электронный контроль, который является мощным катализатором модернизации уголовной юстиции. Его развитие позволит трансформировать службу пробации из

надзорного органа в эффективный институт социальной адаптации. Однако для достижения максимального эффекта требуется комплексный подход: устранение технологических несовершенств, ликвидация правовых пробелов и акцент на реабилитационной составляющей. Только в этом случае цифровой браслет станет не просто инструментом контроля, а реальным шансом на возвращение осужденных в полноценной жизни без рецидивов.

Список использованной литературы:

1. Nellis, M. Electronic Monitoring and Criminal Justice / M. Nellis. – London: Routledge, 2016. – 300 p.
2. Belur, J. A systematic review of the effectiveness of the electronic monitoring of offenders / J. Belur, et al. // Journal of Criminal Justice. – 2020. – Vol. 68. – 101686.
3. Hucklesby, A. Electronic Monitoring in Probation Practice / A. Hucklesby, E. Holdsworth. – London: Ministry of Justice Academic Insights, 2020. – 10 p.
4. Grenet, J. The Effects of Electronic Monitoring on Offenders and Their Families / J. Grenet, H. Grönqvist, S. Niknami // Journal of Public Economics. – 2024. – Vol. 230. – 105051.
5. Padgett, K. Under Surveillance: An Empirical Test of the Effectiveness and Consequences of Electronic Monitoring / K. Padgett, W. Bales, T. Blomberg // Criminology & Public Policy. – 2006. – Vol. 5. № 1. – Pp. 61-91.
6. Whitfield, D. The Magic Bracelet: Technology and Offender Supervision / D. Whitfield. – Winchester: Waterside Press, 2011. – 127 p.
7. Беялова, Д.Р. Правовая регламентация применения электронных средств слежения в службе пробации в Республике Казахстан / Д.Р. Беялова, С.А. Августхан // Құқық қорғау органдары академиясының Жаршысы. – 2023. – № 3 (29). – С. 1-9.
8. Семагин, А.О. Современные проблемы, связанные с электронным мониторингом подконтрольных лиц / А.О. Семагин, Д.Е. Василенко // Вестник Самарского юридического института. – 2025. – № 2 (63). – С.122-126.

References:

1. Nellis, M. Electronic Monitoring and Criminal Justice / M. Nellis. – London: Routledge, 2016. – 300 p.
2. Belur, J. A systematic review of the effectiveness of the electronic monitoring of offenders / J. Belur, et al. // Journal of Criminal Justice. – 2020. – Vol. 68. – 101686.
3. Hucklesby, A. Electronic Monitoring in Probation Practice / A. Hucklesby, E. Holdsworth. – London: Ministry of Justice Academic Insights, 2020. – 10 p.
4. Grenet, J. The Effects of Electronic Monitoring on Offenders and Their Families / J. Grenet, H. Grönqvist, S. Niknami // Journal of Public Economics. – 2024. – Vol. 230. – 105051.
5. Padgett, K. Under Surveillance: An Empirical Test of the Effectiveness and Consequences of Electronic Monitoring / K. Padgett, W. Bales, T. Blomberg // Criminology & Public Policy. – 2006. – Vol. 5. № 1. – Pp. 61-91.
6. Whitfield, D. The Magic Bracelet: Technology and Offender Supervision / D. Whitfield. – Winchester: Waterside Press, 2011. – 127 p.
7. Beljalova, D.R. Pravovaja reglamentacija primenenija jelektronnyh sredstv slezhenija v sluzhbe probacii v Respublike Kazahstan / D.R. Beljalova, S.A. Avgusthan // Құқық қорғау органдары академиясының Жаршысы. – 2023. – № 3 (29). – С. 1-9.
8. Semagin, A.O. Sovremennye problemy, svjazannye s jelektronnym monitoringom podkontrol'nyh lic / A.O. Semagin, D.E. Vasilenko // Vestnik Samarskogo juridicheskogo instituta. – 2025. – № 2 (63). – S.122-126.

АВТОРЛАР ТУРАЛЫ МӘЛІМЕТТЕР / СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Динара Талғатқызы Амуртаева – Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасы жанындағы Құқық қорғау органдары академиясының Жоғары оқу орнынан кейінгі білім беру институтының Арнайы заң пәндері кафедрасының доценті, заң ғылымдарының кандидаты, e-mail: amurtaeva-77@mail.ru.

Амуртаева Динара Талғатовна – доцент кафедрі специальных юридических дисциплин Института послевузовского образования Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, кандидат юридических наук, e-mail: amurtaeva-77@mail.ru.

Amurtaeva Dinara Talgatovna – Assistant Professor of the Department of Special Legal Disciplines of the Institute of Postgraduate Education of the Law Enforcement Academy under the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan, Candidate of Law Sciences, e-mail: amurtaeva-77@mail.ru.

Азамат Гарифуллаевич Шидемов – М. Есболатов атындағы Қазақстан Республикасы Ішкі істер министрлігінің Алматы академиясының Қылмыстық құқық және криминология кафедрасының доценті, философия докторы (PhD), e-mail: sh_azem@mail.ru.

Шидемов Азамат Гарифуллаевич – доцент кафедры уголовного права и криминологии Алматинской академии Министерства внутренних дел Республики Казахстан имени М. Есбулатова, доктор философии (PhD), e-mail: sh_azem@mail.ru.

Shidemov Azamat Garifullaevich – Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology at the Almaty Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan named after M. Yesbulatov, PhD, e-mail: sh_azem@mail.ru.

Н.Ш. Жемпиисов

*Академия правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан,
г. Косшы, Республика Казахстан*

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ СТАНДАРТЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА РАЗВИТИЕ УГОЛОВНОГО ПРАВА РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Аннотация. В статье проведен некоторый сравнительно-правовой анализ международно-правовых стандартов обеспечения экономической безопасности и их влияния на развитие отдельных норм уголовного права Республики Казахстан.

В ходе исследования автором изучены мнения отечественных и зарубежных ученых, рассматривающих данную проблематику, проведен сравнительно-правовой анализ международно-правовых стандартов обеспечения экономической безопасности, в т.ч. касающихся борьбы с коррупцией, с целью установления их влияния на развитие уголовного права и законодательства Республики Казахстан, включая формирование отдельных положений норм Уголовного кодекса об ответственности за уголовные правонарушения в сфере экономической деятельности, а также за некоторые коррупционные уголовные правонарушения.

По итогам проведенного анализа сформулированы выводы и предложения, направленные на перспективную и последовательную имплементацию ряда позитивных идей и норм международно-правовых стандартов и успешного зарубежного правового опыта в национальное законодательство путем поэтапной трансформации системы обеспечения экономической безопасности государства.

Ключевые слова: экономическая безопасность; международный стандарт; конвенция; Уголовный кодекс; имплементация; отмыwanie преступных доходов; транснациональная преступность; обеспечение финансовой прозрачности и контроля.

Н.Ш. Жемпиисов

*Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасының жанындағы Құқық қорғау органдары академиясы,
Қосшы қ., Қазақстан Республикасы*

ЭКОНОМИКАЛЫҚ ҚАУІПСІЗДІКТІ ҚАМТАСЫЗ ЕТУДІҢ ХАЛЫҚАРАЛЫҚ-ҚҰҚЫҚТЫҚ СТАНДАРТТАРЫ ЖӘНЕ ОЛАРДЫҢ ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНЫҢ ҚЫЛМЫСТЫҚ ҚҰҚЫҒЫНЫҢ ДАМУЫНА ЫҚПАЛЫ

Аннотация. Мақалада экономикалық қауіпсіздікті қамтамасыз етудің халықаралық-құқықтық стандарттарына салыстырмалы-құқықтық талдау жүргізіліп, олардың Қазақстан Республикасы қылмыстық құқығының жекелеген нормаларының дамуына ықпалы қарастырылған.

Зерттеу барысында автор осы мәселеге арналған отандық және шетелдік ғылыми еңбектерді зерделеді. Сонымен қатар халықаралық-құқықтық стандарттардың Қазақстан Республикасының қылмыстық құқығы мен заңнамасының дамуына, соның ішінде Қылмыстық кодекстің экономикалық қызмет саласындағы қылмыстық құқық бұзушылықтар мен кейбір сыбайлас жемқорлық қылмыстық құқық бұзушылықтар үшін жауаптылық туралы нормаларының жекелеген ережелерінің қалыптасуына тигізетін әсерін анықтау мақсатында экономикалық қауіпсіздікті қамтамасыз етудің (соның ішінде сыбайлас жемқорлықпен күрестің) халықаралық-құқықтық стандарттарына салыстырмалы-құқықтық талдау жүргізді.

Жүргізілген талдау қорытындысы бойынша мемлекеттің экономикалық қауіпсіздігін қамтамасыз ету жүйесін кезең-кезеңімен трансформациялау арқылы халықаралық-құқықтық стандарттардың бірқатар оң идеялары мен нормаларын және табысты шетелдік құқықтық тәжірибені ұлттық заңнамаға кезең-кезеңімен имплементациялауға бағытталған тұжырымдар мен ұсыныстар беріледі.

Түйінді сөздер: экономикалық қауіпсіздік; халықаралық стандарт; конвенция; Қылмыстық кодекс; имплементация; қылмыстық кірістерді заңдастыру (жылыстату); трансұлттық қылмыс; қаржылық ашықтық пен бақылауды қамтамасыз ету.

N.Sh. Zhempiisov

*The Law Enforcement Academy under the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan,
Kosshy, the Republic of Kazakhstan*

INTERNATIONAL LEGAL STANDARDS FOR ENSURING ECONOMIC SECURITY AND THEIR IMPACT ON THE DEVELOPMENT OF CRIMINAL LAW IN THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

Abstract. The article provides a comparative legal analysis of international legal standards for ensuring economic security and examines their impact on the development of specific norms of the criminal law of the Republic of Kazakhstan.

In the course of the research, the author has examined the opinions of domestic and foreign scholars addressing this issue and conducted a comparative legal analysis of international legal standards for ensuring economic security, including the fight against corruption. The analysis aims to determine their influence on the evolution of the criminal law and legislation of the Republic of Kazakhstan, including the formulation of specific provisions within the Criminal Code concerning liability for criminal offenses in the sphere of economic activity and also for some corrupt criminal offenses.

Based on the results of the analysis, the author formulates conclusions and proposals directed toward the forward-looking and consistent implementation of a number of progressive ideas and norms of international legal standards, alongside successful foreign legal experience, into national legislation through the phased transformation of the state's economic security system.

Keywords: economic security; international standard; convention; Criminal Code; implementation; money laundering; transnational crime; financial transparency and control.

DOI: 10.52425/25187252_2026_40_34

Введение. Современная система правового регулирования деятельности органов, осуществляющих функции по обеспечению экономической безопасности, подразделяется на 4 уровня:

- международный;
- республиканский (законы и подзаконные акты);
- республиканский ведомственный;
- региональный – административно-территориального субъекта государства.

Такой подход пока еще предопределяется нормами Конституции Республики Казахстан (далее – РК) 1995 года.

Так, пункт 3 статьи 4 Конституции 1995 года гласит: «Международные договоры, ратифицированные Республикой, имеют приоритет перед ее законами. Порядок и условия действия на территории Республики Казахстан международных договоров, участником которых является Казахстан, определяются законодательством Республики»¹.

Данные положения Конституции отечественный законодатель включил во все кодексы и иные основополагающие законы Казахстана, в т.ч. посвященные обеспечению экономической безопасности.

Например, часть 2 статьи 1 Уголовного кодекса РК (далее – УК РК) определяет: «Настоящий Кодекс основывается на Конституции Республики Казахстан и общепризнанных принципах и нормах международного права»².

На уровне законов, к примеру, в части 2 статьи 3 Закона РК «О противодействии коррупции», закреплено: «Если международным договором, ратифицированным Республикой

¹ Конституция Республики Казахстан: принята на республиканском референдуме 30 авг. 1995 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K950001000_ (дата обращения: 29.04.2026).

² Уголовный кодекс Республики Казахстан: от 3 июля 2014 г. № 226-V ЗРК [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226_ (дата обращения: 29.04.2026).

Казахстан, установлены иные правила, чем те, которые содержатся в настоящем Законе, то применяются правила международного договора»³.

При этом в пункте 1 статьи 5 новой Конституции 2026 года, которая вступает в силу с 1 июля 2026 года, определен следующий подход к признанию и применению норм международных договорных обязательств: «Действующее право Республики Казахстан – нормы Конституции, соответствующих ей законов, нормативных постановлений Конституционного Суда Республики Казахстан и Верховного Суда Республики Казахстан, иных нормативных правовых актов, международных договорных обязательств Республики Казахстан»⁴.

То есть учет современных мировых геополитических тенденций, как экономического, так и правового характера, приоритет национальных интересов перед региональными и глобальными привели в итоге к некоторым изменениям в Конституции 2026 года, в частности, иерархии правовых актов Казахстана. Таким образом, по сути, в новом Основном законе Казахстана наблюдается определенное «выключение» приоритета норм международных договорных обязательств перед нормами национального законодательства.

По сути международные стандарты остаются неотъемлемой частью правовой системы Казахстана, однако их «вход» в уголовно-правовую плоскость теперь строго регулируется национальным законодателем.

Введение «конституционных фильтров» для защиты национального суверенитета в условиях международной турбулентности может создать ряд «узлов» правового «напряжения». Согласно статьи 26 Венской конвенции о праве международных договоров государства обязаны добросовестно выполнять свои обязательства (*pacta sunt servanda*), а статья 27 прямо запрещает ссылаться на нормы внутреннего (национального) права в качестве оправдания для неисполнения договора.

Так, Конституция РК 2026 года устанавливает, что порядок действия договоров определяется законами. При этом, если Парламент страны примет закон, «ограничивающий» или модифицирующий действие конкретного ранее ратифицированного договора, то во внутреннем правовом поле суды будут обязаны руководствоваться этим законом.

На международном уровне это может рассматриваться как нарушение обязательств со стороны государства и повлечь за собой международно-правовую «ответственность».

В таком случае в целях сохранения конституционного суверенитета существуют отдельные механизмы разрешения подобных коллизий в виде специфических компенсаторных инструментов:

1. Превентивный контроль. Проверка международных договоров Конституционным Судом до их ратификации Парламентом. Если есть риск коллизии, договор либо не ратифицируется, либо подписывается с оговорками.

2. Институт оговорок. Активное использование статьи 19 Закона РК «О международных договорах Республики Казахстан»⁵ для исключения действия тех пунктов, которые противоречат обновленным конституционным ценностям (например, в вопросах юрисдикции международных судов).

3. Гармонизация через бланкетность. Вместо прямого применения договоров судами законодатель оперативно «переводит» международные обязательства (договоры) на язык национальных кодексов (законов), снимая коллизии на уровне правоприменения.

³ О противодействии коррупции: закон Республики Казахстан от 18 нояб. 2015 г. № 410-V ЗРК [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1500000410> (дата обращения: 29.04.2026).

⁴ Конституция Республики Казахстан: принята на республиканском референдуме 15 марта 2026 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2600000000> (дата обращения: 29.04.2026).

⁵ О международных договорах Республики Казахстан: закон Республики Казахстан от 30 мая 2005 г. № 54 [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z050000054_ (дата обращения: 12.06.2026).

Вместе с тем на сегодня определенные международно-правовые подходы к обеспечению экономической безопасности повлияли на отдельные нормы уголовного законодательства Казахстана и, уголовное право в целом.

Основной целью публикации является изучение влияния международно-правовых стандартов обеспечения экономической безопасности на развитие уголовного права РК, в т.ч. на формирование отдельных положений норм УК об ответственности за уголовные правонарушения в сфере экономической деятельности, а также за отдельные коррупционные уголовные правонарушения.

Задачи статьи – изучить современное состояние международного законодательства в сфере обеспечения экономической безопасности, провести некоторый сравнительно-правовой анализ отдельных норм международного и отечественного законодательства в данной области, включая некоторые аспекты влияния международно-правовых документов на национальное уголовное право.

Материалы и методы. При подготовке статьи для выявления характерного нормативно-правового влияния международно-правовых стандартов обеспечения экономической безопасности на развитие уголовного права РК, включая формирование отдельных норм УК об ответственности за уголовные правонарушения в сфере экономической деятельности и за отдельные коррупционные уголовные правонарушения, применялся сравнительно-правовой метод анализа.

Наряду с этим применение логического метода позволило проанализировать научную литературу и нормы международного и отечественного законодательства по вопросам обеспечения экономической безопасности и сделать ряд предложений по совершенствованию национального законодательства в рассматриваемой сфере.

Результаты, обсуждение. В своем Послании народу Казахстана Глава государства Касым-Жомарт Токаев «Казахстан в эпоху искусственного интеллекта: актуальные задачи и их решения через цифровую трансформацию» Казахстана Глава государства Касым-Жомарт Токаев отмечал: «Моя основная миссия – обеспечить стабильное социально-экономическое развитие и безопасность Казахстана в это турбулентное, полное опасностей время»⁶.

В Концепции правовой политики РК до 2030 года вопросы обеспечения экономической безопасности общества и государства связаны с защитой следующих сфер и направлений жизнедеятельности современного Казахстана: «Иные сферы общественной жизни также были затронуты нормативно-правовым регулированием в целях поступательного развития государственных и общественных институтов для устойчивого социально-экономического развития Казахстана... Государственное регулирование предпринимательской деятельности должно быть ограничено необходимостью устранения рисков, которые затрагивают национальную безопасность, жизнь и здоровье человека, экологию, правопорядок, нравственность»⁷.

Обеспечение экономической безопасности выступает ключевой, можно сказать, фундаментальной задачей любого государства, особенно в эпоху глобальной и быстроразвивающейся цифровой трансформации всех отраслей экономики.

Как обоснованно указывал Глава государства Касым-Жомарт Токаев в Послании народу Казахстана 2025 года: «За последние годы одной из наиболее серьезных угроз финансовой

⁶ Казахстан в эпоху искусственного интеллекта: актуальные задачи и их решения через цифровую трансформацию: Послание Главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана от 8 сент. 2025 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.akorda.kz/ru/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana-kazahstan-v-epohu-iskusstvennogo-intellekta-aktualnye-zadachi-i-ih-resheniya-cherez-cifrovuyu-transformaciyu-885145> (дата обращения: 29.04.2026).

⁷ Об утверждении Концепции правовой политики Республики Казахстан до 2030 года: указ Президента Республики Казахстан от 15 окт. 2021 г. № 674 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2100000674> (дата обращения: 29.04.2026).

безопасности государства и граждан стало онлайн-мошенничество. Для противодействия киберпреступности создан антифрод-центр, введена биометрическая идентификация, усилена ответственность банков, микрофинансовых организаций и операторов связи за предотвращение мошеннических операций. Но проблема требует постоянного внимания и совершенствования работы уполномоченных органов. Необходимо выстроить интеллектуальную систему противодействия киберпреступности. В случае необходимости следует внести корректировки в законодательство и практику деятельности правоохранительных органов»⁸.

Правильно отмечает И.Х. Еркеев: «Вектор развития государственно-правового механизма обеспечения экономической безопасности направлен на укрепление потенциала и повышение международной роли межгосударственного объединения..., Шанхайской организации сотрудничества, Содружества Независимых Государств, Евразийского экономического союза, Организации Договора о коллективной безопасности... и других межгосударственных объединений, и международных организаций. При этом Организация Объединенных Наций рассматривается в качестве главной площадки для кодификации международного права, организационной основы механизма формирования универсальных международно-правовых норм. Международно-правовое обеспечение экономической безопасности включает нормы всех отраслей международного права, оказывающих влияние на формирование и предотвращение деструктивных факторов экономической безопасности государства» [1, 20 стр.].

Сегодня следует понимать, что международно-правовые стандарты обеспечения экономической безопасности формируются в рамках международного права, уголовного права и экономики (экономической науки).

Экономика же является фундаментальным «каркасом» института экономической безопасности, да и в целом национальной безопасности любого государства.

В этой связи считаю обоснованным согласиться с мнением А. Илларионова, который предлагает понимать под экономической безопасностью страны «такое сочетание экономических, политических и правовых условий, которое обеспечивает устойчивое в длительной перспективе производство максимального количества экономических ресурсов на душу населения наиболее эффективным способом» [2, 48 стр.].

Одним из важнейших факторов, предопределяющих уровень экономического развития страны и, соответственно, ее экономической безопасности, А. Илларионов считает экономическую политику, выделяя пять ее составляющих: государственное предпринимательство (чем больше степень участия государства, тем ниже темпы развития страны), а также бюджетную, денежную, валютную и внешнеторговую политику государства [2, 48 стр.]. В целом, по мнению автора благодаря либерализации экономической жизни можно добиться наибольших успехов, что подтверждает опыт многих стран.

Если исходить из международного права, то ключевыми документами такого уровня в сфере обеспечения экономической безопасности выступают:

- международные договоры (конвенции);
- «мягкое право» (резолюции, рекомендации, стандарты);
- практика международных организаций.

В современный период экономическая безопасность государства в международном праве рассматривается через призму:

- борьбы с коррупцией;
- противодействия отмыванию преступных доходов;

⁸ Казахстан в эпоху искусственного интеллекта: актуальные задачи и их решения через цифровую трансформацию: Послание Главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана от 8 сент. 2025 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.akorda.kz/ru/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana-kazahstan-v-epohu-iskusstvennogo-intellekta-aktualnye-zadachi-i-ih-resheniya-cherez-cifrovuyu-transformaciyu-885145> (дата обращения: 29.04.2026).

- пресечения транснациональной преступности;
- обеспечения финансовой прозрачности и контроля.

В качестве примера приведем бразильский опыт борьбы с крупной коррупцией, которая нанесла значительный вред экономической и национальной безопасности страны. Как писали Х. Понтес и М. Ансельмо: «С какой стороны ни посмотри, «Автомойку» (Car Wash) можно считать крупнейшей и широкомасштабной антикоррупционной операцией в истории страны... Например, картельный сговор, обнаруженный в ходе данной операции, достиг такой степени самодовольной псевдоофициальности, что был составлен документ, в котором закреплялись «Правила Лиги», и при этом мошенничество с государственными тендерами в Petrobras не было признано рейдерским захватом» [3, С. 69, 85].

В этой связи основными международно-правовыми инструментами в сфере международной экономической безопасности выступают следующие универсальные конвенции ООН:

- Конвенция ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 года;
- Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма 1999 года;
- Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности 2000 года (Палермская конвенция);
- Конвенция ООН против киберпреступности 2024 года (направлена на укрепление международного сотрудничества в борьбе с определенными преступлениями, совершаемыми с использованием информационно-коммуникационных систем, и в обмене доказательствами в электронной форме, относящимися к серьезным преступлениям) и др.

Также на глобальном уровне ООН задает общие рамки через резолюции Генеральной Ассамблеи и деятельность специализированных учреждений, такие как:

- Хартия экономических прав и обязанностей государств (от 12 декабря 1974 г.), которая устанавливает принцип экономического суверенитета и право государств выбирать свою экономическую систему;
- цели устойчивого развития (17 ЦУР) до 2030 года, которые формируют стандарты «безопасного развития», увязывая экономический рост с социальной стабильностью и экологической безопасностью;
- международный валютный фонд (МВФ) и Всемирный банк, вырабатывающие стандарты финансовой прозрачности и надлежащего государственного управления (Good Governance).

Отдельным блоком в сфере обеспечения экономической безопасности следует выделить специальные торгово-инвестиционные стандарты, которые направлены на предотвращение дискриминации и защиту национальных рынков от недобросовестной конкуренции:

- ВТО (Всемирная торговая организация), Пакет соглашений: ГАТТ (Генеральное соглашение по тарифам и торговле), ГАТС (Генеральное соглашение по торговле услугами), TRIPS (Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности), ограничивающих протекционизм и устанавливающих процедуры разрешения споров, тем самым минимизируя риск «торговых войн»;
- двусторонние инвестиционные договоры, которые устанавливают международные стандарты защиты иностранных инвестиций от экспроприации и обеспечивают доступ к международному арбитражу (МЦУИС/ICSID – Международный центр по урегулированию инвестиционных споров).

Если говорить более конкретно, то экономическая безопасность любого государства невозможна без следующих жестких стандартов борьбы с теневым сектором:

- стандарты ФАТФ (FATF – Группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием

денег): 40 рекомендаций по борьбе с отмыванием денег и финансированием терроризма, дополнительно еще 9 специальных рекомендаций, являются де-факто обязательными для интеграции в национальное законодательство большинства стран⁹. Они непосредственно оказывают влияние на диспозицию статьи 218 УК РК «Легализация (отмывание) денег и (или) иного имущества, полученных преступным путем»;

- Конвенция ООН против коррупции (UNCAC): устанавливает международные стандарты прозрачности государственного аппарата (сектора) и механизмы возврата активов. Требуется криминализации наряду с прямым подкупом (взяточничеством) также злоупотребления влиянием, незаконного обогащения.

Как писал Т. Беннетт: «Задачи ФАТФ предусматривают установление стандартов и содействие реализации эффективных правовых, регулирующих и оперативных мер по борьбе с отмыванием денег, финансированием террористических и связанных с ними угроз целостности международной финансовой системы. ФАТФ является «директивным органом», который работает над формированием необходимой политической воли для проведения национальных законодательных и регулятивных реформ в этих областях. ФАТФ разработала свои 40 рекомендаций плюс 9 специальных рекомендаций (последние изменения были внесены в марте 2022 г.) в качестве одобренных на международном уровне глобальных рекомендаций – стандартов для повышения прозрачности, позволяющих странам успешно принимать меры против незаконного использования их финансовой системы для отмывания денег и финансирования терроризма» [4, 3 стр.]

Так, «включение в Черный список может быть «травмирующим» и привести к тому, что финансовые учреждения немедленно переведут ресурсы и услуги из любой такой страны или юрисдикции, включенной в Черный список. Это, в свою очередь, создает внутреннее экономическое давление в такой стране, включенной в Черный список, и вынуждает ее правительство вносить изменения в политику, соответствующие положениям ФАТФ. Влияние Черного списка ФАТФ было значительным и, возможно, оказалось более важным в международных усилиях по борьбе с отмыванием денег, чем сами рекомендации ФАТФ. Согласно международному праву, международный Черный список ФАТФ не предусматривает каких-либо официальных санкций, но на самом деле юрисдикции, включенные в Черный список ФАТФ, сталкиваются с сильным финансовым давлением, требующим проведения реформ. Даже попадание в Серый список может быть слегка травмирующим (например, Гибралтар, который недавно впервые попал в этот список)» [4, 3 стр.].

Определенная значимая работа в данном направлении в Казахстане уже проделана. Так, отдельные меры уже находят свою реализацию в рамках рекомендаций ФАТФ:

- получение доступа к базам данных зарубежных компаний. Это позволяет аналитикам в онлайн-режиме проводить мониторинг физических и юридических лиц на предмет причастности к террористической деятельности, наличия регуляторных санкций в зарубежных странах и иных негативных сведений;

- внедрение новых направлений оценки рисков. Например, подразделения финансовой разведки (ПФР) проводят мониторинг расходования бюджетных средств, чтобы выявлять недобросовестных исполнителей и фирмы-однодневки, исключая тем самым криминальное обналичивание бюджетных средств и коррупционные схемы;

- повышение значимости поиска и возврата доходов, полученных преступным путем;

- мониторинг и предотвращение незаконной деятельности необеспеченных цифровых

⁹ The FATF Recommendations Adopted by the FATF Plenary in February 2012 // Updated February 2025 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.fatf-gafi.org/content/dam/fatf-gafi/recommendations/February%202025%20FATF%20Recommendations.pdf> (дата обращения: 22.05.2026).

активов. Планируется повысить режим информирования о подозрительных операциях, связанных с оборотом цифровых активов;

- внедрение IT-инструментов. В работу по отслеживанию незаконных финансовых операций внедряются новые IT-инструменты.

Наряду с этим важными признаются также региональные стандарты (ЕАЭС, ЕС и др.), которые принимают форму более глубокой интеграции:

- единое правовое пространство: гармонизация таможенного, налогового и антимонопольного законодательства;

- механизмы коллективной защиты: создание стабилизационных фондов (например, Евразийский фонд стабилизации и развития) для поддержки национальных экономик в периоды кризисов.

Если говорить о «мягком праве», то в условиях глобальной цифровой трансформации всех сфер экономики и в целом человеческой жизни акцент смещается на наиболее актуальные сегодня области:

- кибербезопасность финансовых систем: например, реализация рекомендаций Базельского комитета по банковскому надзору (внедрение единых стандартов в сфере банковского регулирования, в связи с чем организация разрабатывает директивы и рекомендации для органов регулирования государств-членов);

- энергетическая безопасность: нормы, регулирующие транзит ресурсов и защиту критической инфраструктуры.

Показательно мнение российского ученого О.Г. Карповича, который отмечал: «Опыт развития американской экономики убедительно демонстрирует, что границы «правовой реальности» в сфере бизнеса в определенные исторические периоды были размыты и носили достаточно избирательный характер (сегодня это в первую очередь относится к деятельности транснациональных корпораций, международных финансово-промышленных групп и т.д.). Объективные обстоятельства нередко приводили и (приводят) бизнесменов к совершению экономических правонарушений (или даже преступлений). Дело в том, что в основе самой предпринимательской деятельности изначально заложен причинный комплекс экономических и социально-психологических противоречий, обусловленный стремлением к извлечению максимальной прибыли, рискованностью предпринимательства, значительной свободой способов достижения конечных результатов, отсутствием четких моральных критериев» [5, С. 3, 4].

По сути данный автор отмечает некую «предрасположенность» предпринимателей/бизнесменов к потенциальному совершению прежде всего экономических и нередко коррупционных уголовных правонарушений. Тотальный контроль (прежде всего финансовый и налоговый) чаще всего приводит к увеличению теневого рынка и секторов экономики, перемещению (утечке) оборотного капитала в другие налоговые гавани/государства или латентному совершению экономических преступлений.

Так, по сведениям Комитета по правовой статистике и специальным учетам при Генеральной прокуратуре РК, за 12 месяцев 2023 года было зарегистрировано 1091 уголовное правонарушение в сфере экономической деятельности, за 2024 год – 940 случаев, в 2025 году – 944 факта¹⁰.

При этом по фактам легализации (отмывания) денег и (или) иного имущества, полученных преступным путем (ст. 218), являющейся преступлением международного характера, было

¹⁰ Отчет № 1-М «О зарегистрированных уголовных правонарушениях / Статистические отчеты // Правовая статистика [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://qamqor.gov.kz/crimestat/statistics> (дата обращения: 20.05.2026).

зарегистрировано: в 2023 году – 73, в 2024 году – 101, в 2025 году – 172 факта¹¹.

Налицо значительный рост числа фактов легализации (отмывания) денег и (или) иного имущества, полученных преступным путем, предусмотренной статьей 218 УК РК, что свидетельствует о ее особой «значимости» для экономики государства.

Сегодня не является секретом, что отмывание преступных доходов, по сути, признается одним из основных инструментов не только утечки (бегства) капиталов, но и, прежде всего, беспрецедентного похищения капиталов (национального богатства).

На протяжении последних трех лет РК с переменным успехом реализовывала политику возврата похищенных активов путем принятия ряда организационно-управленческих решений (разработка специальных правовых актов, создание комиссий, служб и др.).

Как отметил в январе 2024 года директор Института экономической политики, член Национального курултая при Президенте РК К. Арыстанбеков, вопрос «возвращения незаконно выведенных из страны активов – очень сложный вопрос. Он становится уже не только фактором финансовой, экономической, но и национальной безопасности... По последним данным, возвращено имущество стоимостью около 1 трлн тенге. Если посчитать по курсу валюты, получается не очень много – возвращены активы стоимостью примерно более 2 млрд долларов. В макроэкономике есть такой показатель – бухгалтерский счет, он нужен для сведения платежного баланса. Когда мы смотрим по специальным бухгалтерским счетам, у нас ушло за рубеж около 162-165 млрд долларов США. Поэтому упомянутые 2 млрд долларов – очень маленькая сумма. Кроме того, возвращение незаконно выведенных активов – не быстрый процесс. Например, выяснить, в какие государства, в какие оффшоры, в какие юрисдикции были отправлены активы, вернуть их – очень сложная работа» [6].

В этой связи, учитывая особую значимость международно-правовых стандартов для обеспечения экономической безопасности Казахстана, остановимся на отдельных аспектах их влияния на развитие национального уголовного законодательства, прежде всего через призму имплементации отдельных международных норм в УК РК.

Так, современная трансформация УК РК под влиянием международных стандартов идет по трем основным направлениям:

- криминализация новых видов угроз: внедрение норм о транснациональной организованной преступности в экономической сфере путем усиления ответственности за финансирование терроризма и экстремизма;
- гуманизация и декриминализация: Казахстан, следуя рекомендациям ОЭСР и международным трендам, проводит политику «разумной репрессии» в бизнесе (введение кратных штрафов за отдельные коррупционные и экономические преступления, повышение порогов ущерба для наступления уголовной ответственности, освобождение от ответственности при полном возмещении ущерба (в определенных составах);
- институт конфискации: приведение института конфискации имущества в соответствие с международными стандартами «In Rem» (конфискация вне рамок уголовного производства или расширенная конфискация), что нашло отражение в последних реформах законодательства РК о возврате незаконно приобретенных активов.

Заключение. На основании изложенного перспективными направлениями последовательной имплементации ряда позитивных идей и норм международно-правовых стандартов и успешного зарубежного правового опыта в национальное законодательство можно считать следующее:

¹¹ Отчет № 1-М «О зарегистрированных уголовных правонарушениях / Статистические отчеты // Правовая статистика [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://qamqor.gov.kz/crimestat/statistics> (дата обращения: 20.05.2026).

- внедрение института уголовной ответственности юридических лиц за экономические и коррупционные преступления;
- широкое применение гражданской конфискации (Civil Forfeiture), согласно статье 254 Гражданского кодекса РК, и конфискации доходов от преступлений;
- развитие институтов отечественной медиации и отложенного судебного преследования (DPA) для юридических лиц (компаний);
- акцент на налоговое мошенничество и жесткий комплаенс-контроль внутри организаций (переход от карательного уклона к превентивному; экономическая безопасность обеспечивается не количеством осужденных предпринимателей, а прозрачностью финансовых потоков);
- синхронизация УК РК с Будапештской конвенцией о компьютерных преступлениях, поскольку современные экономические правонарушения мигрируют в цифровую среду.

Таким образом, полагаем целесообразным, учитывая международно-правовые подходы и зарубежную практику обеспечения экономической безопасности, продолжить работу по тщательному изучению и последовательному внедрению (имплементации) в национальное уголовное законодательство отдельных международных норм и стандартов.

Список использованной литературы:

1. Еркеев, И.Х. Экономическая безопасность государства в новых геополитических условиях / И.Х. Еркеев // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. – 2023. – № 2 (14). – С. 17-21.
2. Илларионов, А. Критерии экономической безопасности / А. Илларионов // Criteria of economic security // Вопросы экономики. – 1998. – № 10. – С. 35-58.
3. Pontes, J. Operation car wash. Brazil's Institutionalized Crime and The Inside Story of the Biggest Corruption Scandal in History / J. Pontes, M. Anselmo. – Bloomsbury Publishing, London, 2022. – 192 p.
4. Bennett, T. Money Laundering Compliance / T. Bennett. – Bloomsbury Professional, London, 2023. – 760 p.
5. Карпович, О.Г. Экономическая преступность в США: монография / О.Г. Карпович. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2015. – 167 с.
6. К.Т. Арыстанбеков. Из Казахстана незаконно выведено 165 миллиардов долларов [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.inform.kz/ru/iz-kazakhstana-nezakonno-vivedeno-165-milliardov-dollarov-kayirbek-aristanbekov-da1a68> (дата обращения: 20.05.2026).

References:

1. Erkeev, I.H. Jekonomicheskaja bezopasnost' gosudarstva v novyh geopoliticheskikh uslovijah / I.H. Erkeev // Obshhestvo, pravo, gosudarstvennost': retrospektiva i perspektiva. – 2023. – № 2 (14). – S. 17-21.
2. Illarionov, A. Kriterii jekonomicheskoy bezopasnosti / A. Illarionov // Criteria of economic security // Voprosy jekonomiki. – 1998. – № 10. – S. 35-58.
3. Pontes, J. Operation car wash. Brazil's Institutionalized Crime and The Inside Story of the Biggest Corruption Scandal in History / J. Pontes, M. Anselmo. – Bloomsbury Publishing, London, 2022. – 192 p.
4. Bennett, T. Money Laundering Compliance / T. Bennett. – Bloomsbury Professional, London, 2023. – 760 p.
5. Karpovich, O.G. Jekonomicheskaja prestupnost' v SSHA: monografija / O.G. Karpovich. – M.: JuNITI-DANA: Zakon i pravo, 2015. – 167 s.
6. K.T. Arystanbekov. Iz Kazakhstana nezakonno vyvedeno 165 milliardov dollarov [Jelektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: <https://www.inform.kz/ru/iz-kazakhstana-nezakonno-vivedeno-165-milliardov-dollarov-kayirbek-aristanbekov-da1a68> (data obrashhenija: 20.05.2026).

АВТОРЛАР ТУРАЛЫ МӘЛІМЕТТЕР / СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Назарбек Шаруанұлы Жемпинсов – Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасы жанындағы құқық қорғау органдары академиясының Жоғары оқу орнынан кейінгі білім беру институты Арнайы заң пәндері кафедрасының профессоры, заң ғылымдарының кандидаты, қауымдастырылған профессор, e-mail: oxbridge23@gmail.com.

Жемпинсов Назарбек Шаруанович – профессор кафедрa специальных юридических дисциплин Института послевузовского образования Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, кандидат юридических наук, ассоциированный профессор, e-mail: oxbridge23@gmail.com.

Zhempiisov Nazarbek Sharuanovich – Professor of the Department of Special Legal Disciplines of the Institute of Postgraduate Education of the Law Enforcement Academy under the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan, Candidate of Law Sciences, Associate Professor, e-mail: oxbridge23@gmail.com.

Е.К. Кайрулла

*Академия правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан,
г. Косшы, Республика Казахстан*

ИНТЕРНЕТ-МОШЕННИЧЕСТВО В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОЙ КИБЕРПРЕСТУПНОСТИ И НАУЧНЫЕ ПОДХОДЫ К ЕГО ИЗУЧЕНИЮ

Аннотация. В статье рассматривается мошенничество как одна из наиболее распространенных форм киберпреступности. Анализируются основные зарубежные и отечественные научные подходы к определению места мошенничества в системе киберпреступности. Особое внимание уделяется феномену социальной инженерии, виктимологическим особенностям кибермошенничества и его междисциплинарной природе. Обосновывается, что цифровая среда не изменила сущность мошенничества как обмана и злоупотребления доверием, однако радикально трансформировала его масштабы, способы совершения, механизмы воздействия на потерпевшего и уровень латентности. Сделан вывод о том, что современное мошенничество следует рассматривать как корыстное деяние, сочетающее признаки преступления против собственности, информационной деликтности и социально-психологического воздействия на жертву.

Ключевые слова: киберпреступность; кибермошенничество; мошенничество; социальная инженерия; виктимология; преступления против собственности.

Е.Қ. Қайрулла

*Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасының жанындағы Құқық қорғау органдары академиясы,
Қосшы қ., Қазақстан Республикасы*

ЗАМАНАУИ КИБЕРҚЫЛМЫСТЫЛЫҚ ЖҮЙЕСІНДЕГІ ИНТЕРНЕТ- АЛАЯҚТЫҚ ЖӘНЕ ОНЫ ЗЕРТТЕУДІҢ ҒЫЛЫМИ ТӘСІЛДЕРІ

Аннотация. Мақалада алаяқтық киберқылмыстылықтың кең таралған түрлерінің бірі ретінде қарастырылады. Киберқылмыстылық жүйесіндегі алаяқтықтың орнын айқындаудың негізгі шетелдік және отандық ғылыми тәсілдері талданады. Әлеуметтік инженерия құбылысына, кибер алаяқтықтың виктимологиялық ерекшеліктеріне және оның пәнаралық сипатына ерекше назар аударылады. Цифрлық орта алаяқтықтың алдау мен сенімге қиянат жасауға негізделген құқықтық табиғатын өзгерткен жоқ, алайда оның ауқымын, жасалу тәсілдерін, жәбірленушіге ықпал ету тетіктерін және латенттілік деңгейін түбегейлі өзгертті. Қазіргі алаяқтықты меншікке қарсы қылмыс, ақпараттық құқыққа қайшы әрекет белгілері және жәбірленушіге әлеуметтік-психологиялық әсер ету белгілерін біріктіретін пайдакүнемдік сипаттағы әрекет ретінде қарастыру керек деген қорытындыға келді.

Түйінді сөздер: киберқылмыстылық; кибералаяқтық; алаяқтық; әлеуметтік инженерия; виктимология; меншікке қарсы қылмыстар.

Y.K. Kairulla

*The Law Enforcement Academy under the Procurator General's Office of the Republic of Kazakhstan,
Kosshy, the Republic of Kazakhstan*

INTERNET FRAUD WITHIN THE FRAMEWORK OF MODERN CYBERCRIME AND SCIENTIFIC APPROACHES TO ITS STUDY

Abstract. The article examines fraud as one of the most widespread forms of cybercrime. It analyzes the main foreign and domestic scientific approaches to defining the place of fraud within the system of cybercrime. Special attention is given to the phenomenon of social engineering, the victimological features of cyber-fraud, and its interdisciplinary nature. It is argued that the digital environment has not changed the essence of fraud as deception and abuse of trust, but it has radically transformed its scale, methods of execution, mechanisms of impact on the victim, and the level of latency. The conclusion is that modern fraud should be viewed as a self-serving act that combines elements of a property crime, informational tort, and socio-psychological impact on the victim.

Keywords: cybercrime; cyberfraud; fraud; social engineering; victimology; crimes against property.

DOI: 10.52425/25187252_2026_40_44

Введение. В условиях стремительной цифровизации общественных отношений мошенничество приобретает новые формы и все чаще рассматривается не только как традиционное преступление против собственности, но и как одна из наиболее распространенных форм киберпреступности. Так, за последние три года в Казахстане количество зарегистрированных интернет-мошенничеств выросло на 32,5% (2023 г. – 21 777, 2024 г. – 22 870, 2025 г. – 28 851). При этом потери от них только по итогам 2025 года составили почти 74 млрд тенге (2023 г. – 19,3 млрд, 2024 г. – 46 млрд, 2025 г. – 73,9 млрд)¹.

Научный интерес к данной проблематике обусловлен тем, что интернет-мошенничество находится на стыке сразу нескольких исследовательских направлений: уголовного права, криминологии, виктимологии, психологии убеждения и исследований цифровой среды. В этой связи проблема определения его природы, места в системе киберпреступлений и криминологических особенностей имеет высокую теоретическую и практическую актуальность.

Мошенничество сохраняет свою уголовно-правовую природу как форма обмана и злоупотребления доверием. Однако использование цифровых технологий придает ему качественно новые криминологические особенности. Расширение сферы коммуникаций, оформление онлайн кредитов и платежей, интернет-торговли и сетевого взаимодействия привело к качественной трансформации механизма преступного обмана.

При этом, в отличие от традиционных форм обмана, кибермошенничество ориентировано на использование цифровых каналов коммуникации и механизмов социальной инженерии, что позволяет преступнику воздействовать на поведение потерпевшего без непосредственного контакта. Иными словами, интернет и цифровые технологии не создали мошенничество как преступление заново, но радикально усилили его криминогенный потенциал. Современный преступник получает возможность воздействовать на потерпевшего, используя преимущества цифровой среды.

Материалы и методы. Материалы исследования составили труды отечественных и зарубежных ученых в области киберпреступности, криминологии и виктимологии, правовая статистика, а также научные публикации, посвященные цифровым формам обмана и их криминологической интерпретации. Методологическую основу исследования образовали общенаучные и частнонаучные методы познания, в т.ч. диалектический, формально-логический, системно-структурный, сравнительно-правовой и криминологический методы. Их применение позволило определить место мошенничества в системе киберпреступности, выявить его сущностные признаки и раскрыть особенности механизма совершения.

Результаты, обсуждение. В современной криминологической и уголовно-правовой доктрине мошенничество все чаще рассматривается как одна из наиболее значимых форм преступности, трансформированных цифровой средой. При этом в строго научном смысле его следует относить прежде всего к киберобусловленным преступлениям. Такой подход соответствует международной исследовательской традиции, согласно которой киберпреступность охватывает не только деяния, непосредственно направленные против компьютерных систем и сетей, но и традиционные преступления, которые благодаря информационно-коммуникационным технологиям получают новые формы сокрытия, масштабы и механизмы совершения². Именно к

¹ Отчет № 1-М «О зарегистрированных уголовных правонарушениях» / Статистические отчеты // Правовая статистика [Электронный ресурс] – Режим доступа: qamqor.gov.kz/crimestat/statistics (дата обращения: 20.05.2026).

² Кратко о киберпреступности [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.unodc.org/cld/ru/education/tertiary/cybercrime/module-1/key-issues/cybercrime-in-brief.html> (дата обращения: 16.04.2026).

этой группе обычно относят онлайн-мошенничество, фишинг, мошеннические продажи на цифровых платформах, обман через электронные коммуникации и иные формы дистанционного завладения имуществом или правом на имущество.

Одним из наиболее авторитетных зарубежных исследователей киберпреступности Д. Уолл рассматривает цифровую преступность как закономерный результат трансформации преступного поведения в информационную эпоху. В его концепции особое место занимают преступления, совершаемые с использованием цифровой инфраструктуры как инструмента обмана, хищения и манипулирования жертвой. С этой точки зрения мошенничество представляет собой не просто разновидность имущественного преступления, перенесенного в онлайн-среду, а закономерную форму криминальной адаптации к новым технологическим условиям. Именно цифровая среда радикально изменила масштабы мошенничества. В доцифровую эпоху обман обычно требовал личного контакта, что объективно ограничивало число потенциальных потерпевших. В цифровой среде один и тот же мошеннический сценарий может одновременно тиражироваться на тысячи и миллионы пользователей через электронную почту, мессенджеры, социальные сети, маркетплейсы, поддельные сайты и рекламные кабинеты [1].

Значительный вклад в развитие данной тематики внесли Т. Холт и А. Босслер, рассматривающие киберпреступность как совокупность деяний, развитие которых тесно связано с изменением повседневных социальных практик. В их исследованиях подчеркивается, что успех многих видов киберпреступности, включая мошенничество, объясняется не только технической оснащенностью преступника, но и изменением образа жизни человека в цифровом обществе. Повседневное использование онлайн-банкинга, маркетплейсов, сервисов, социальных сетей и мессенджеров создает новые преступные возможности и новые уязвимости. Следовательно, мошенничество в интернете выступает отражением более широких социальных процессов цифровой модернизации [2].

Безусловно, повседневное использование онлайн-банкинга, маркетплейсов, сервисов, социальных сетей и мессенджеров создает новые преступные возможности и новые уязвимости. Следовательно, мошенничество в интернете выступает отражением более широких социальных процессов цифровой модернизации.

С криминологической точки зрения особенно важно, что кибермошенничество строится не столько на техническом взломе, сколько на эксплуатации человеческого поведения. В этой связи центральное место занимает феномен социальной инженерии.

Как справедливо отмечают К. Штайнметц и К. Кросс, цифровая среда изменила структуру виктимизации. Потерпевший все чаще сталкивается не с прямым навязыванием ложной информации, а с целой системой целенаправленного психологического воздействия. Преступник формирует ощущение срочности, опасности, выгоды, романтические аферы, банковские легенды, фишинг и мошенничество на торговых платформах. Объектом преступного воздействия становится процесс принятия решений жертвой. Цифровая среда позволяет гораздо точнее управлять вниманием, эмоциями и поведенческими реакциями потерпевшего, чем это было возможно в классических офлайн-схемах. Данный вывод согласуется с современным пониманием социальной инженерии в криминологической литературе [3].

Следовательно, основной целью посягательства становится не сама информационная система, а человек, как носитель доверия, чувства страха, склонности к поспешному принятию решений, неспособности распознать ложную цифровую коммуникацию, стремления к получению выгоды, привычки подчиняться мнимому авторитету и склонности импульсивно реагировать на стрессовые ситуации. Цифровой мошенник не просто выманивает деньги, а последовательно конструирует доверительные отношения, поэтому используя убеждение, эмоциональную вовлеченность и механизмы удержания жертвы в рамках преступной схемы.

Кибермошенничество представляет собой форму преступности, в которой техническая среда и психологическое воздействие образуют единый криминальный механизм. Именно поэтому фишинг, вишинг, поддельные банковские уведомления, ложные объявления, фиктивные сервисные сообщения и иные мошеннические сценарии оказываются эффективными даже без сложного технического вмешательства.

Такой подход позволяет рассматривать кибермошенничество как форму преступности, сочетающую технологический и социально-психологический компоненты. С одной стороны, цифровая среда обеспечивает преступнику анонимность, массовость и высокую скорость распространения мошеннических схем. С другой стороны, результат преступления достигается путем формирования ложного восприятия ситуации у потерпевшего и побуждения его к добровольной передаче денег, персональных данных или доступа к цифровым ресурсам.

Дополнительную сложность для научного анализа создает гибридный характер ряда мошеннических схем. Некоторые формы фишинга, например, могут выступать как самостоятельный способ незаконного получения конфиденциальных данных, а могут быть лишь этапом более сложной преступной атаки, включающей заражение устройства вредоносным программным обеспечением, несанкционированный доступ к аккаунтам или дальнейшее хищение средств. Данное обстоятельство показывает, что современное кибермошенничество не сводится лишь к техническим и имущественным преступлениям. Напротив, в цифровой среде все чаще возникают гибридные преступные модели, где социальная инженерия сочетается с элементами технического вмешательства.

Не менее важным направлением исследования является виктимологический аспект кибермошенничества. Работы М. Уитти и К. Кросс показывают, что жертвы онлайн-мошенничества, в т.ч. пожилые потерпевшие, страдают не только от прямого имущественного ущерба. Последствия часто включают вторичную виктимизацию, эмоциональную травму, чувство стыда, самообвинение, утрату доверия к цифровой коммуникации и снижение готовности обращаться за помощью. Особенно показательны исследования онлайн-романтических афер, в рамках которых преступник последовательно формирует доверительные отношения с потерпевшим, используя эмоциональную близость как средство вовлечения в преступную схему. Такой механизм доказывает, что кибермошенничество необходимо рассматривать не только как ненасильственное хищение чужого имущества, но и как форму глубокого психологического воздействия [4]; [5].

В отечественной научной литературе также обращают внимание на то, что дистанционные формы обмана приобрели массовый характер, а их профилактика требует не только совершенствования уголовно-правовых норм, но и комплексной виктимологической, организационной и информационной работы [6].

Системный характер данной проблемы подтверждается не только теоретическими положениями, но и материалами официальной статистики. Так, по итогам 1 квартала 2026 года, в нашей стране отмечается снижение регистрации мошенничеств на 13,3%, в т.ч. совершенных в интернет-среде – на 15,1% (*с 6 215 до 5 275*). При этом доля мошенничеств в общем массиве преступлений остается стабильно высокой и составляет 42,6%³. Иначе говоря, более двух пятых всех зарегистрированных преступлений приходится именно на мошенничества, что свидетельствует об их доминирующем положении в структуре общеуголовной преступности.

Наблюдаемое сокращение числа зарегистрированных мошенничеств не означает ослабление преступной практики, поскольку ее воспроизводственный потенциал остается высоким и сохраняет устойчивость за счет действия комплекса долговременных криминогенных

³ Отчет № 1-М «О зарегистрированных уголовных правонарушениях» / Статистические отчеты // Правовая статистика [Электронный ресурс] – Режим доступа: qamqor.gov.kz/crimestat/statistics (дата обращения: 20.05.2026).

факторов, формирующих благоприятную среду для ее постоянного воспроизводства.

К их числу относится прежде всего цифровизация повседневной жизни. Расширение использования современных технологий, развитие онлайн-банкинга, бесконтактных платежей, переводов по номеру телефона и иных форм дистанционного распоряжения денежными средствами снижают необходимость личного контакта между участниками сделки и одновременно упрощают процедуру незаконного завладения денежными средствами. В результате увеличивается число потенциальных ситуаций взаимодействия, в рамках которых может быть реализован обман. Происходит расширение виктимогенного поля, где практически любой пользователь цифровых сервисов становится потенциальной жертвой мошеннического воздействия. Кроме того, сокращается временной разрыв между фактом обмана и наступлением имущественного ущерба, что повышает эффективность преступной деятельности.

С криминологической точки зрения мошенничество следует рассматривать не просто как один из многочисленных видов преступлений, а как макро-индикатор, влияющий на уровень общеуголовной преступности, динамика которого в значительной степени определяет изменение совокупных показателей правовой статистики. Основанием для такого вывода служит то, что около половины преступлений приходится на мошенничества. Следовательно, можно утверждать, что рассматриваемая категория выступает чувствительным индикатором и оказывает системное влияние на состояние преступности в целом.

Для практики предупреждения преступности данная гипотеза имеет принципиальное значение, поскольку осуществление профилактического воздействия в отношении мошенничества дает результат не только в пределах данной категории, но и положительно влияет на общую криминогенную ситуацию. Поэтому борьба с мошенничеством, особенно с его наиболее массовыми и адаптивными формами, должна рассматриваться как одно из приоритетных направлений уголовной политики и криминологического предупреждения.

Мошенничество при таком его удельном весе закономерно выступает одной из ведущих детерминант изменения показателей правовой статистики. Уменьшение числа зарегистрированных деяний данной категории оказало заметное воздействие на общую динамику преступности. Так, сокращение случаев регистрации мошенничеств на 13,3% (*с 11 553 до 10 012*) сопровождалось общим снижением числа преступлений на 11,1% (*с 26 461 до 23 523*)⁴. Все это позволяет рассматривать данную категорию как одну из ключевых, влияющих на динамику преступности.

Вместе с тем официально фиксируемое улучшение статистических показателей требует осторожной интерпретации, поскольку интернет-мошенничеству присущ высокий уровень латентности. Вследствие этого отраженная в отчетности динамика не позволяет в полной мере судить о действительном масштабе виктимизации. Особую настороженность должны вызывать их виды, демонстрирующие аномально резкие колебания, т.к. возможен не только эффект реальных изменений криминальной активности, но и влияние особенностей учета и регистрации.

Проведенный анализ позволяет констатировать, что более половины мошенничеств имеют выраженную цифровую природу и относятся к интернет-мошенничествам (52,7%), т.е. наблюдается смещение основных криминогенных рисков от традиционных контактных форм обмана к опосредованным формам мошенничества (*телефонное воздействие, фишинг, онлайн-площадки, социальные сети и мессенджеры*).

Наибольший удельный вес в структуре данных преступлений приходится на фишинг и незаконное получение конфиденциальных данных – 21,5%, ложные звонки и сообщения от имени банков – 19,5%, мошенничества через объявления об оказании услуг – 19,4%, в сфере онлайн-

⁴ Отчет № 1-М «О зарегистрированных уголовных правонарушениях» / Статистические отчеты // Правовая статистика [Электронный ресурс] – Режим доступа: qamqor.gov.kz/crimestat/statistics (дата обращения: 20.05.2026).

покупок – 17,8%, а также связанные с оформлением онлайн-займов – 9,3%⁵.

При этом мошенничества, совершаемые путем создания финансовых пирамид и инвестиционных проектов, составляют 5,6%; взлома аккаунтов или доменов – 1,5%; рассылки в социальных сетях и мессенджерах от финансовых учреждений либо с просьбой занять денег – 1,3%; криптовалютных операций – 1,3%; фиктивных онлайн-казино – 1,3%; лотереи, викторин и конкурсов – 0,3%; лжеблаготворительности – 0,4%. Совокупно указанные категории формируют около 80% всех интернет-мошенничеств, что свидетельствует о высокой концентрации преступности в типовых схемах⁶.

В отличие от традиционных форм мошенничества, современные их виды зачастую не требуют высокой квалификации или специальных технических знаний. Для них достаточно базовых навыков работы с цифровыми сервисами и готовых шаблонов коммуникации (*включая сценарии разговоров, тексты сообщений и инструкции*). Цифровая среда позволяет многократно воспроизводить одну и ту же модель поведения, направляя ее одновременно на большое количество потенциальных потерпевших. При этом затраты на организацию такой деятельности остаются относительно низкими, что обеспечивает высокую «экономическую эффективность» преступления. Даже при низком проценте отклика со стороны жертв общий результат может быть значительным за счет массовости.

Наряду с этим особое значение имеет высокий уровень анонимности цифровой коммуникации. Использование подставных аккаунтов, виртуальных номеров, зарубежных сервисов, средств маскировки IP-адресов, а также трансграничных сервисов позволяет преступникам существенно затруднять идентификацию и установление их личности. Это в совокупности с межрегиональным и международным характером значительной части мошеннических схем усложняет процесс расследования преступлений и нивелирует принцип неотвратимости наказания.

Анализ статистических данных позволяет сделать вывод о том, что в 2025 году в сфере противодействия кибермошенничеству наблюдался положительный рост раскрываемости (20,6%, 10,5% в 2024 г.). Вместе с тем данный рост сам по себе не свидетельствует о преодолении ключевых трудностей расследования, поскольку значительная доля уголовных дел не достигает стадии окончательного процессуального завершения. Так, 80% зарегистрированных уголовных дел были прерваны за неустановлением лиц, подлежащих привлечению в качестве подозреваемых, тогда как оконченные производством дела составили лишь 20%. Соотношение указанных показателей позволяет заключить, что, несмотря на положительную динамику раскрываемости, преобладающий массив уголовных дел по фактам кибермошенничества по-прежнему не получает процессуального разрешения. В свою очередь, это свидетельствует о специфике расследования кибермошенничеств, связанной со сложностью установления причастных лиц, и указывает на необходимость совершенствования специальных организационно-правовых и криминалистических механизмов раскрытия данной категории преступлений.

Совокупное действие указанных факторов формирует устойчивый механизм воспроизводства мошенничества, при котором снижение зарегистрированных показателей не приводит к его структурному ослаблению. Напротив, данная категория преступлений характеризуется высокой адаптивностью, преступники оперативно модифицируют схемы, подстраивая их под новые технологические условия, изменения в цифровой инфраструктуре и актуальные социальные страхи граждан. Все это проявляется в быстром переходе от одних форм

⁵ Отчет № 1-М «О зарегистрированных уголовных правонарушениях» / Статистические отчеты // Правовая статистика [Электронный ресурс] – Режим доступа: qamqor.gov.kz/crimestat/statistics (дата обращения: 20.05.2026).

⁶ Там же.

обмана к другим, комбинировании различных способов воздействия и постоянном обновлении легенд.

Заключение. Проведенный анализ позволяет сделать криминологический прогноз на ближайшую перспективу и предположить сценарий дальнейшего умеренного снижения абсолютного числа мошенничеств без существенного ослабления их роли в структуре преступности. Иными словами, мошенничество, по всей видимости, сохранит высокий удельный вес и продолжит занимать одно из ведущих мест в преступности.

Также вероятно, что наиболее устойчивыми окажутся схемы, основанные на мошенничествах от имени банков, фишинге, на маркетплейсах и сервисных объявлениях. Именно данные формы лучше всего встраиваются в повседневное поведение граждан и легче всего маскируются под нормальную экономическую активность. Поэтому они будут либо снижаться медленно, либо быстро менять внешний вид при сохранении сути.

Следовательно, дальнейшее развитие теории и практики противодействия кибермошенничеству должно быть направлено на расширение междисциплинарных исследований, совершенствование виктимологической профилактики, повышение цифровой грамотности населения и адаптацию уголовно-правовых и криминологических подходов к новым формам цифрового преступного поведения. При этом для проведения расследований киберпреступлений требуются специальные знания в области информационных технологий, цифровой криминалистики, сетевых протоколов, криптографии и иных технических дисциплин.

Список использованной литературы:

1. Wall, D.S. Cybercrime: The Transformation of Crime in the Information Age. 2nd ed. / D.S. Wall. – Cambridge: Polity Press, 2017. – 352 p.
2. Holt, T.J. Cybercrime in Progress: Theory and Prevention of Technology-Enabled Offenses / T.J. Holt, A.M. Bossler. – London; New York: Routledge, 2016. – 225 p.
3. Steinmetz, K.F. Social Engineering [Электронный ресурс] / K.F. Steinmetz, C. Cross. – Oxford Research Encyclopedia of Criminology and Criminal Justice. – Oxford: Oxford University Press, 2023. – Режим доступа: <https://academic.oup.com/edited-volume/61796/chapter-abstract/546083734?redirectedFrom=fulltext#546083734> (дата обращения: 19.04.2026).
4. Whitty, M.T. The Scammers Persuasive Techniques Model: Development of a Stage Model to Explain the Online Dating Romance Scam / M.T. Whitty // The British Journal of Criminology. – 2013. – Vol. 53. No. 4. – Pp. 665-684.
5. Cross, C. They're Very Lonely»: Understanding the Fraud Victimization of Seniors / C. Cross // International Journal for Crime, Justice and Social Democracy. – 2016. – Vol. 5. No. 4. – Pp. 61-75.
6. Еселева-Пионка, М. Правовые меры противодействия финансовому мошенничеству: анализ законодательства и практики Республики Казахстан / М. Еселева-Пионка и др. // Вестник КазНУ. Серия: юридическая. – 2025. – № 1 (113). – С. 139-153.

References:

1. Wall, D.S. Cybercrime: The Transformation of Crime in the Information Age. 2nd ed. / D.S. Wall. – Cambridge: Polity Press, 2017. – 352 p.
2. Holt, T.J. Cybercrime in Progress: Theory and Prevention of Technology-Enabled Offenses / T.J. Holt, A.M. Bossler. – London; New York: Routledge, 2016. – 225 p.
3. Steinmetz, K.F. Social Engineering [Elektronnyj resurs] / K.F. Steinmetz, C. Cross. – Oxford Research Encyclopedia of Criminology and Criminal Justice. – Oxford: Oxford University Press, 2023. – Rezhim dostupa: <https://academic.oup.com/edited-volume/61796/chapter-abstract/546083734?redirectedFrom=fulltext#546083734> (data obrashhenija: 19.04.2026).
4. Whitty, M.T. The Scammers Persuasive Techniques Model: Development of a Stage Model to Explain the Online Dating Romance Scam / M.T. Whitty // The British Journal of Criminology. – 2013. – Vol. 53. No. 4. – Pp. 665-684.
5. Cross, C. They're Very Lonely»: Understanding the Fraud Victimization of Seniors / C. Cross // International Journal for Crime, Justice and Social Democracy. – 2016. – Vol. 5. No. 4. – Pp. 61-75.
6. Eseleva-Pionka, M. Pravovye mery protivodejstviya finansovomu moshennichestvu: analiz zakonodatel'stva i praktiki Respubliki Kazahstan / M. Eseleva-Pionka i dr. // Vestnik KazNU. Serija juridicheskaja. – 2025. – № 1 (113). – S. 139-153.

АВТОРЛАР ТУРАЛЫ МӘЛІМЕТТЕР / СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Еркін Қайруллаұлы Қайрулла – Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасының жанындағы Құқық қорғау органдары академиясының Ведомствоаралық ғылыми-зерттеу институты Қылмыстық саясат және криминология проблемаларын зерттеу орталығының бас ғылыми қызметкері, заң ғылымдарының кандидаты, e-mail: anara_erken@mail.ru.

Қайрулла Еркін Қайруллович – главный научный сотрудник Центра исследования проблем уголовной политики и криминологии Межведомственного научно-исследовательского института Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, кандидат юридических наук, e-mail: anara_erken@mail.ru.

Kairulla Yerkin Kairullovich – Chief Researcher at the Center for the Study of Problems Criminal Policy and Criminology of the Interdepartmental Research Institute of the Law Enforcement Academy under the Procurator General's Office of the Republic of Kazakhstan, Candidate of Law Sciences, e-mail: anara_erken@mail.ru.

А.А. Қалиев¹, К.С. Кужахметова²

*¹Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасының жанындағы Құқық қорғау органдары академиясы,
Қосшы қ., Қазақстан Республикасы*

*²Қазақстан Республикасы Ішкі істер министрлігінің Ш. Қабылбаев атындағы Қостанай академиясы,
Қостанай қ., Қазақстан Республикасы*

АҚПАРАТТЫҚ-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИЯЛЫҚ ТЕХНОЛОГИЯЛАР АРҚЫЛЫ ЖАСАЛАТЫН АЛАЯҚТЫҚТЫҢ АЛДЫН АЛУДЫҢ ҚЫЛЫСТЫҚ-ҚҰҚЫҚТЫҚ АСПЕКТІЛЕРІ

Аннотация. Мақалада ақпараттық-телекоммуникациялық технологиялар арқылы жасалатын алаяқтықтың алдын алудың қылмыстық-құқықтық тетіктері талданады. Зерттеудің мақсаты – цифрлық ортада жасалатын алаяқтықтың құқықтық табиғатын айқындау, оның алдын алуда қылмыстық заңнаманың, құқық қолдану практикасының және құқық қорғау органдарының ұйымдастырушылық қызметінің рөлін анықтау. Жұмыста формальды-зани, салыстырмалы-құқықтық, жүйелік-құрылымдық және доктриналық талдау әдістері пайдаланылды. Авторлар алаяқтықтың дәстүрлі белгілері цифрлық кеңістікте сақталғанымен, алдау тәсілдері, жәбірленушіге ықпал ету нысандары, дәлелдемелердің электрондық сипаты және қылмыстың трансшекаралық элементі оның алдын алуды күрделендіретінін негіздейді. Сонымен бірге құқықтық саралау өлшемдерін нақтылау, цифрлық іздерді бекіту тәртібін жетілдіру, жәбірленушіні ерте қорғау, банктер мен платформалармен өзара іс-қимылды күшейту және ақпараттық-талдамалық қызметті жетілдіру жөнінде ұсыныстар беріледі.

Түйінді сөздер: цифрлық дәлелдеме; фишинг; әлеуметтік инженерия; құқықтық саралау; ақпараттық жүйе; киберқауіпсіздік; санкция; превенция; құқық қолдану.

А.А. Калиев¹, К.С. Кужахметова²

*¹Академия правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан,
г. Косшы, Республика Казахстан*

*²Костанайская академия Министерства внутренних дел Республики Казахстан имени Ш. Кабылбаева,
г. Костанай, Республика Казахстан*

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ МОШЕННИЧЕСТВА, СОВЕРШАЕМОГО С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО- ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Аннотация. В статье анализируются уголовно-правовые механизмы профилактики мошенничества, совершаемого с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Цель исследования – определить правовую природу цифрового мошенничества и раскрыть роль уголовного законодательства, правоприменительной практики и организационного взаимодействия правоохранительных органов в его предупреждении. Используются формально-юридический, сравнительно-правовой, системно-структурный и доктринальный методы. Обосновано, что традиционные признаки мошенничества сохраняются и в цифровой среде, однако способы обмана, формы воздействия на потерпевшего, электронный характер доказательств и трансграничный элемент преступления существенно усложняют профилактику. В результате сформулированы предложения по уточнению правовой квалификации, совершенствованию порядка фиксации цифровых следов, ранней защите потерпевшего, усилению взаимодействия с банками и платформами, а также систематизации информационно-аналитической работы.

Ключевые слова: цифровые доказательства; фишинг; социальная инженерия; правовая квалификация; информационная система; кибербезопасность; санкция; превенция; правоприменение.

A.A. Kaliyev¹, K.S. Kuzhakhmetova²

¹*The Law Enforcement Academy under the Procurator General's Office of the Republic of Kazakhstan, Kossy, the Republic of Kazakhstan*

²*The Kostanay Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan named after Sh. Kabybayev, Kostanay, the Republic of Kazakhstan*

CRIMINAL LAW ASPECTS OF PREVENTING FRAUD COMMITTED USING INFORMATION AND TELECOMMUNICATION TECHNOLOGIES

Abstract. The article examines criminal law mechanisms for preventing fraud committed through information and telecommunication technologies. The purpose of the study is to identify the legal nature of digital fraud and to determine the role of criminal legislation, law enforcement practice, and organizational interaction of law enforcement agencies in its prevention. The research is based on formal legal, comparative legal, systemic, and doctrinal methods. The author argues that although the classic features of fraud remain unchanged in the digital environment, prevention becomes more difficult because of new methods of deception, specific ways of influencing victims, the electronic nature of evidence, and the transnational component of such acts. The study proposes clarifying legal qualification, improving procedures for securing digital traces, strengthening early victim protection, enhancing cooperation with banks and online platforms, and systematizing information-analytical work.

Keywords: digital evidence; phishing; social engineering; legal qualification; information system; cybersecurity; sanction; prevention; law enforcement.

DOI: 10.52425/25187252_2026_40_52

Kіpіcne. Қоғамдық қатынастардың цифрлануы мүлiктік қылмыстардың жасалу тәсілдерін түбегейлі өзгертті. Егер бұрын алаяқтық көбіне тікелей байланыс, бетпе-бет сендіру, жалған құжат ұсыну немесе сенімге кіру арқылы жүзеге асырылса, бүгінгі жағдайда оның негізгі бөлігі қашықтан жасалатын ықпал ету тетіктеріне сүйенеді. Бүгінде алдау телефон байланысы, мессенджерлер, жалған интернет-дүкендер, төлем сілтемелері, банктің немесе мемлекеттік органның атынан жасалатын хабарламалар арқылы жүзеге асады. Мұндай жағдайда қылмыстық-құқықтық алдын алу тек санкция белгілеумен шектелмейді; ол құқық нормасының анықтығын, кінәлі әрекетті дер кезінде тануды және жәбірленушіні ерте қорғауды қамтуы тиіс [1, 124 б.].

Цифрлық алаяқтықтың қауіптілігі оның тек жаңа техникалық формаға ие болуында емес, сонымен бірге күнделікті өмірдің қарапайым цифрлық әрекеттерімен астасып кетуінде. Азамат интернет арқылы төлем жасап, курьерлік қызметке жүгініп, банк қосымшасын пайдаланып немесе әлеуметтік желіде хабарлама алмасып отырған кезде қылмыстық тәуекелге ұшырауы мүмкін. Қылмыскер дәл осы үйреншікті цифрлық мінез-құлықты пайдаланады. Сондықтан мәселе жекелеген құқық бұзушылықтарды тіркеумен ғана шектелмейді; сөз азаматтардың цифрлық ортада қалыптасқан сенім моделін қылмыстық мақсатта теріс пайдалану жөнінде болып отыр. Бұл жағдай қылмыстық құқықтың дәстүрлі түсіндіру аппаратын жаңа шындыққа бейімдеуді талап етеді.

Қатқор құқықтық статистика порталындағы деректер интернет-алаяқтық фактілері елдегі қылмыстық ахуалдың ірі сегментіне айналғанын көрсетеді. Сондықтан мәселе тек жекелеген эпизодтармен күресу емес, ақпараттық жүйені пайдаланушыны алдау тәсілдерінің алдын алуға бағытталған тұрақты қылмыстық саясат қалыптастыруда болып отыр. Осы тұрғыдан алғанда қылмыс құрамының объективтік жақтарын дұрыс тану мен оларды ұқсас құрамдардан шектеу алдын алу үшін шешуші мәнге ие [2, 22 б.]. Әсіресе цифрлық ортада жасалатын әрекеттердің көпшілігі бір мезгілде бірнеше құқықтық белгілерге ұқсап көрінеді: бір жағынан, мүлiкті иелену бар, екінші жағынан, ақпараттық жүйеге заңсыз араласу элементтері байқалады, үшінші жағынан, жәбірленушінің өз қолымен ақша аударуы орын алады. Осындай күрделі жағдайларда құқықтық саралаудың қателігі тек әділ жаза тағайындауға ғана емес, жалпы профилактиканың тиімділігіне

де кері әсер етеді.

Шетелдік зерттеулер де азаматтық-құқықтық мәміле нысанын бүркеніш ретінде қолданатын, жалған міндеттемелер мен сенім қатынасын пайдаланатын алаяқтықтың қауіптілігі жоғары екенін көрсетеді. Демек, ақпараттық технологиялар арқылы жасалатын алаяқтықты алдын алудың қылмыстық-құқықтық аспектісі құқықтық саралауды, ниетті дәлелдеуді және бастапқы алдауды уақтылы анықтауды біртұтас жүйеде қарастыруды талап етеді [3, 74 р.]. Мұнда аса маңыздысы, цифрлық алаяқтық әрдайым техникалық шабуылдан басталмайды. Көп жағдайда ол әлеуметтік инженериядан, яғни адамның эмоциясына, қорқынышына, сенгіштігіне, асығыстығына немесе беделді институттарға деген сеніміне әсер етуден басталады. Осы себепті цифрлық қылмыстарды тек техникалық қауіп ретінде емес, құқықтық және психологиялық ықпал ету феномені ретінде де қарастырған жөн.

Сонымен бірге цифрлық ортадағы алаяқтықтың ерекшелігі оның анонимдік дәрежесінің жоғары болуында. Қылмыскер басқа елдің нөмірін, жалған аккаунтты, үшінші тұлғаның банктік деректерін немесе уақытша серверлерді пайдалана алады. Бұл құқық қорғау органдары үшін кінәлі тұлғаны анықтау ғана емес, қылмыс тізбегін дәлелдеу міндетін де күрделендіреді. Сондықтан алдын алу жұмысы тек қылмыс жасалғаннан кейін әрекет ететін репрессивтік жүйе емес, ерте байқау, тәуекелді модельдеу және қорғау шараларын уақтылы қосатын көпдеңгейлі құқықтық механизм болуы қажет.

Материалдар мен әдістер. Зерттеу барысында отандық ғылыми әдебиет, қазақстандық құқық қолдану практикасы, Қазақстан Республикасы Жоғарғы Сотының 2017 жылғы 29 маусымдағы № 6 «Алаяқтық туралы істер бойынша сот практикасы туралы» нормативтік қаулысы, сондай-ақ цифрлық ортадағы мүліктік қылмыстарға арналған шетелдік еңбектер талданды¹. Формальды-зәңгі әдіс алаяқтық құрамының белгілерін нақтылауға, салыстырмалы-құқықтық әдіс интернет-алаяқтықты интернет-ұрлықтан және өзге де цифрлық жымқырулардан ажырату өлшемдерін айқындауға мүмкіндік берді [4, 69 б.]. Әдістердің үйлесімді қолданылуы зерттеудің сипаттамалық деңгеймен шектелмей, түсіндірмелік сипат алуына мүмкіндік берді. Яғни назар тек норманың мәтініне емес, сол норманың цифрлық қатынастар жағдайында қалай қолданылатынына аударылды.

Құқық қолдану тәжірибесін зерделеу үшін банктік карталар шоттарынан ақша қаражатын алумен байланысты істерді саралау проблемаларына арналған отандық жарияланымдар пайдаланылды. Бұл материалдар жәбірленушінің ерік білдіруі бұрмаланған жағдайда алдаудың мазмұнын, электрондық реквизиттердің рөлін және қылмыстың аяқталу сәтін дұрыс анықтаудың маңызын көрсетуге мүмкіндік береді [5, 16 б.]. Әсіресе цифрлық ортада жәбірленушінің еркі мен оның сыртқы әрекетінің арақатынасы күрделі сипат алады. Мысалы, азамат ақша аударымын өзі растауы мүмкін, бірақ бұл растау шынайы еркінен емес, жалған ақпараттың ықпалынан туындайды. Мұндай жағдайда сырттай қарағанда ерікті әрекет болып көрінгенімен, мазмұны бойынша ол алдаудың нәтижесі ретінде бағалануға тиіс.

Сонымен қатар ақпараттық технологиялар саласындағы қылмыстарды анықтау және жолын кесудегі ақпараттық-талдамалық жұмыстың маңызын ашатын еңбектер қарастырылды. Мұндай тәсіл алдын алу ұғымын тар салалық жазалау шарасынан шығарып, оны құқықтық нормалар, цифрлық мониторинг, ведомствоаралық өзара іс-қимыл және тәуекелді ерте байқау құралдары арқылы іске асатын кешенді қызмет ретінде түсіндіруге негіз береді [6, 95 б.]. Қазіргі жағдайда қылмыстық-құқықтық профилактика тек құқық қорғау органының құзыретімен шектелмейді. Банктер, байланыс операторлары, цифрлық платформалар, төлем сервистері, киберқауіпсіздік құрылымдары және мемлекеттік органдар бірлескен профилактикалық контур

¹ Алаяқтық туралы істер бойынша сот практикасы туралы: Қазақстан Республикасы Жоғарғы Сотының 2017 ж. 29 маусымдағы № 6 нормативтік қаулысы [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/P170000006S> (жүгінген күні: 03.06.2026).

құруы керек. Зерттеудің әдістемелік негізі осы ортақ жауапкершілік идеясын да ескереді.

Зерттеуде талдау бірліктері ретінде алаяқтық тәсілі, жәбірленушіге ықпал ету механизмі, мүлікті иеленудің құқықтық формасы, электрондық іздердің сипаты және әрекеттің аяқталу сәті алынды. Осындай құрылым зерттеу нысанын шашыратпай, негізгі құқықтық түйіндерді іріктеп қарауға мүмкіндік берді. Сонымен бірге виктимологиялық тәсіл пайдаланылды. Бұл тәсіл қылмыскердің әрекетін ғана емес, жәбірленушінің цифрлық ортадағы осал мінез-құлқын, қауіп сигналдарын қабылдау қабілетін және алдын алу шараларына жауап беру ерекшеліктерін бағалауға мүмкіндік береді. Өйткені цифрлық алаяқтықта зиян келтіру көбіне шабуыл мен жәбірленуші реакциясының қиылысында пайда болады.

Нәтижелер, талқылау. Ақпараттық-телекоммуникациялық технологиялар арқылы жасалатын алаяқтықтың қылмыстық-құқықтық ерекшелігі алдау тәсілінің техникалық тұрғыдан күрделенуі, бірақ құқықтық мәнінің сақталуы болып табылады. Яғни кінәлі тұлға жәбірленушінің санасына жалған ақпарат енгізу арқылы оның мүлікке қатысты еркін өзгертіп, сол арқылы мүліктік зиян келтіреді. Цифрлық кеңістікте бұл ықпал автоматтандырылған хабарламалар, клон-сайттар, deepfake дыбыс, жалған сервистік сілтемелер және аккаунттарды иемдену схемалары арқылы жүзеге асуы мүмкін. Мұндай өзгеріс классикалық алаяқтықтың мазмұнын жоймайды, бірақ оның жасалу ауқымын, жасырынуын және трансшекаралық сипатын күшейтеді [7, 18 б.].

Осы орайда маңызды мәселе мынада: цифрлық алаяқтықтың сыртқы белгілері көбіне техникалық шабуылға ұқсайды, бірақ оның түпкі өзегі адамды жаңылыстыру болып қала береді. Мәселен, жалған банк қызметкері ретінде хабарласу кезінде қылмыскер жәбірленушінің шотына тікелей бұзып кірмейді, қайта оны өзі құпия кодты айтуға, қосымшаны орнатуға немесе ақшаны «қауіпсіз шотқа» аударуға көндіреді. Демек, қылмыстық-құқықтық бағалау барысында негізгі назар техникалық құралдың өзіне емес, сол құрал арқылы жүзеге асқан алдау механизміне аударылуы тиіс. Егер бұл айырмашылық ескерілмесе, құқық қолдану тәжірибесінде бірізділік бұзылады.

Қылмыстық-құқықтық алдын алудың бірінші бағыты заңи айқындық болып табылады. Қолданушыны алдау, жалған төлем интерфейстерін жасау немесе дербес деректерді иелену арқылы қаражатқа қол жеткізу жағдайларында қылмысты алаяқтық, ұрлық немесе ақпараттық қауіпсіздікке қарсы өзге қылмыс ретінде саралау мәселесі жиі туындайды. Шетелдік виктимологиялық зерттеулер көрсеткендей, фишинг пен зиянды бағдарламалар көбіне жәбірленушінің әлеуметтік сенімін, күнделікті онлайн мінез-құлқын және қорғаныш дағдыларының әлсіздігін пайдаланады, сондықтан құқықтық бағалау қылмыс тәсілімен қатар жәбірленушінің ерік білдіруіне әсер ету механизмін де есепке алуы тиіс [8, 82 б.].

Заңи айқындықтың маңызы сол, ол тек сот пен тергеушіге бағыт-бағдар бермейді, сонымен бірге жалпы алдын алу әсерін де күшейтеді. Норма неғұрлым нақты болса, соғұрлым құқық қолданушы алаяқтықтың белгілерін ерте таниды, ал азаматтар да қауіпті мінез-құлықты тезірек ажыратады. Керісінше, құқықтық шекаралар көмескі болса, бірдей әрекеттер әртүрлі сараланып, құқықтық сенім әлсірейді. Осы себепті цифрлық ортадағы алдаудың нысандары бойынша ресми түсіндірмелерді жүйелеу маңызды.

Алдын алудың екінші бағыты қылмыстық саясатты ұйымдастырушылық-техникалық шаралармен ұштастыру болып табылады. Фишинг шабуылдарының эволюциясын зерттеген еңбектер пайдаланушыларға ескерту мәтінін көбейту жеткіліксіз екенін, интерфейс қауіпсіздігі, көпфакторлы тексеру, домендерді жедел бұғаттау және жалған байланыс арналары туралы жедел хабарлау секілді ұйымдастырушылық шешімдердің құқықтық превенциямен бірге қолданылуы қажет екенін дәлелдейді [9, 74 б.]. Аталған ғылыми тұжырым ерекше назар аударуға лайық. Себебі құқықтық норма азаматты қорғайды, бірақ ол қорғау нақты цифрлық архитектурамен бекітілмесе, оның әсері әлсіз болады. Азамат қаншалықты сақ болса да, егер жалған сайт

түпнұсқаға айнытпай ұқсаса немесе жалған қоңырау ресми нөмірден түскендей көрінсе, қателесу ықтималдығы жоғары.

Осыдан келіп, қылмыстық-құқықтық алдын алудың техникалық өлшемі құқықтық кеңістікпен ажырамас байланыста қаралуы тиіс деген қорытынды шығады. Банктер тарапынан күмәнді транзакцияларды уақытша тоқтату, платформа әкімшілігінің жалған аккаунттарды жылдам бұғаттауы, байланыс операторларының жалған қоңырау трафигін сүзгіден өткізуі және азаматқа нақты қауіп сигналы бар интерфейс ұсынуы құқықтық профилактиканың шынайы мазмұнын толықтырады. Мұнда алдын алу тек «сақ болыңыз» деген ескертумен шектелмеуі керек, ол пайдаланушы қате жасауға үлгермейтіндей етіп құрылған орта қалыптастыруы тиіс.

Кешенді алдын алудың үшінші бағыты тәуекелге бағдарланған құқық қолдану болып табылады. Құқық қорғау органдары, банктер және цифрлық платформалар азаматтардың онлайн мінез-құлқындағы типтік қауіпті сценарийлерді ерте анықтауға бағытталған бірыңғай профилактикалық модельдерді әзірлеуі керек. Зерттеулер тәуекелі жоғары топтар өзін қорғау стратегияларын білсе де, оларды тұрақты түрде қолданбайтынын көрсетеді. Сондықтан қылмыстық-құқықтық алдын алу қорқыту әсеріне ғана сүйенбей, мінез-құлықтық профилактикамен, ақпараттық науқандармен және процестік жедел әрекет ету тәртібімен толықтырылуға тиіс [10, 540 б.].

Мысалы, азамат түнгі уақытта бұрын пайдаланбаған құрылғы арқылы бірден бірнеше аударым жасауға әрекет етсе немесе қысқа мерзім ішінде бірнеше күмәнді сілтемеге өтсе, мұндай мінез-құлық тәуекел индикаторы ретінде танылуы мүмкін. Осындай индикаторлар банктік жүйелерде, онлайн-платформаларда және құқық қорғау органдарының талдамалық базаларында бірдей ескерілсе, зиян келтірудің алдын алу ықтималдығы артады. Сонымен қатар адамның құқығын шектемеуі керек, бірақ пропорционалды және заңды бақылау құралдары арқылы үлкен шығынның алдын алуға болады.

Тағы бір маңызды бағыт цифрлық дәлелдемелермен жұмыс істеудің сапасын арттыруға қатысты. Цифрлық алаяқтық істерінде дәлел көбіне тұрақсыз, тез өшірілетін және бірнеше сервисте шашыраңқы түрде сақталатын сипатқа ие. Скриншоттар, чаттар, логтар, төлем тарихы, IP-мекенжайлар, құрылғы ізі, электрондық пошта тақырыптары, домен туралы мәліметтер сияқты деректердің әрқайсысы жеке алғанда жеткіліксіз болуы мүмкін, бірақ жиынтығында алдау схемасын қалпына келтіруге мүмкіндік береді. Сондықтан цифрлық дәлелдемелерді жинау, бекіту және бағалау тәртібінің бірыңғай стандарты қылмыстық-құқықтық алдын алу үшін де қажет. Өйткені қылмыскер жазасыз қалатын болса, профилактика әлсірейді.

Виктимологиялық профилактика да ерекше назар аударуды талап етеді. Цифрлық алаяқтық құрбандары әрдайым құқықтық сауаты төмен немесе техниканы білмейтін адамдар емес. Кейде жәбірленуші ақпараттандырылған, сақ, тәжірибелі қолданушы болуы мүмкін. Бірақ алаяқтық қысым, асығыстық, қорқыныш немесе беделді органның атын пайдалану арқылы іске асқанда, рационалды шешім қабылдау әлсірейді. Осыған байланысты халықты оқыту тек жалпы ережелер тізбегі ретінде емес, нақты мінез-құлықтық сценарийлерге негізделген бағдарлама ретінде құрылуы керек. Мысалы, «банк ешқашан код сұрамайды» деген сөйлемді қайталау жеткіліксіз; азаматқа күмәнді қоңырау түскен сәтте не істеу керектігінің қадамдық алгоритмі қажет.

Мәтінде айтылған ұсыныстарды жүйелеу үшін төмендегі кестені келтіреміз.

<i>Бағыт</i>	<i>Негізгі проблема</i>	<i>Ұсынылатын шешім</i>
Құқықтық саралау	Алаяқтықты интернет- ұрлықтан және өзге цифрлық жымқырудан ажырату қиындығы	Жоғарғы Соттың нормативтік қаулылары негізінде бірыңғай өлшемдер қалыптастыру

Дәлелдеме айналымы	Электрондық іздердің тез жойылуы және фрагменттілігі	Цифрлық дәлелдемені жинау мен бекітудің стандартталған тәртібін енгізу
Ведомствоаралық өзара іс-қимыл	Банк, платформа және құқық қорғау органының ақпарат алмасуы баяу	Жедел хабарлау хаттамалары мен тәуекел индикаторларын ұйымдастырушылық деңгейде біріктіру
Виктимологиялық профилактика	Азаматтардың әлеуметтік инженерияға осалдығы	Арнайы виктимологиялық бағдарлама мен мінез-құлықтық ескертулер жүйесін қолдану

1-кесте. Ақпараттық-телекоммуникациялық технологиялар арқылы жасалатын алаяқтықтың қылмыстық-құқықтық және ұйымдастырушылық-криминологиялық алдын алу бағыттары

Кестеде көрсетілген бағыттар бір-бірінен окшау жұмыс істемейді. Құқықтық саралау нақтыланбайынша, процестік әрекет ету де әлсіз болады. Ведомствоаралық өзара іс-қимыл жолға қойылмайынша, цифрлық дәлелдемелер толық жиналмайды. Ал азаматтың мінез-құлқына бағытталған профилактикасыз техникалық қорғаныс та жеткілікті нәтиже бермейді. Сондықтан цифрлық алаяқтықпен күресте кешенді, өзара байланысқан алдын алу жүйесін қалыптастыру тиімді бағыт ретінде көрінеді.

Қорытынды. Ақпараттық-телекоммуникациялық технологиялар арқылы жасалатын алаяқтықтың алдын алу қылмыстық құқықтың тек жазалау функциясымен шектелмейді. Оның тиімділігі қылмыстық заң нормаларының айқындығына, цифрлық дәлелдемелерді бекітудің сенімді тәртібіне, құқық қолдану органдарының жедел үйлесімділігіне және жәбірленушіні ерте қорғау тетіктеріне тәуелді. Қазақстан жағдайында мұндай профилактика қылмыстық кодекстегі алаяқтық құрамын қазіргі цифрлық тәсілдерге бейімдеп түсіндіруді, сот тәжірибесін біріздендіруді және ақпараттық жүйелерді пайдаланушыны алдау фактісін дәлелдеудің бірыңғай өлшемдерін қалыптастыруды қажет етеді.

Зерттеу нәтижелері цифрлық алаяқтықтың басты құқықтық өзегі өзгермегенін, яғни негізгі белгі әлі де алдау арқылы жәбірленушінің еркіне ықпал ету екенін көрсетті. Өзгерген нәрсе оның сыртқы формасы, таралу жылдамдығы, жасырыну деңгейі және трансшекаралық сипаты. Осыған байланысты құқықтық реакция да тек дәстүрлі қылмыс үлгісіне сүйенбеуі керек. Қылмыстық-құқықтық алдын алу енді заңи, техникалық, процестік және виктимологиялық компоненттерді біріктіретін көпқабатты жүйе ретінде құрылуға тиіс.

Цифрлық ортадағы алаяқтықтың қауіптілігі оның қылмыс ретінде тез бейімделуінде. Қылмыскерлер жаңа сервистерді, коммуникация арналарын, беделді ұйымдардың атын, тіпті адамның дауысын имитациялайтын технологияларды да пайдаланады. Сондықтан алдын алу саясаты да икемді болуы керек. Ол тек жасалған әрекетке жауап бермей, келесі ықтимал схемаларды да есепке алуы тиіс. Бұл тұрғыдан алғанда тәуекелге негізделген құқық қолдану моделі, күмәнді транзакциялар туралы жедел хабарлау, банктер мен платформалар арасындағы ақпарат алмасуды жеделдету аса өзекті.

Сонымен бірге, цифрлық алаяқтықпен күресте азаматтың рөлі ерекше. Жәбірленушіні тек әлсіз тарап ретінде емес, қорғау механизміне белсенді қатысушы субъект ретінде қарау қажет. Азаматтардың цифрлық құқықтық сауаттылығын көтеру профилактиканың қосымша емес, негізгі бағыты болуы тиіс. Бірақ бұл жұмыс жай ғана ескерту материалдарымен шектелмеуі керек. Ол шынайы сценарийлерге негізделген, түсінікті, жиі қайталанатын және нақты әрекет алгоритмін ұсынатын жүйе болғаны жөн.

Осыған байланысты ұсыныстарды екі деңгейге бөліп қарастыру орынды. Қылмыстық-құқықтық деңгейге алаяқтық пен цифрлық ортадағы өзге жымқыру нысандарын ажыратудың ресми түсіндірмелерін нақтылау және қылмыстық процесте электрондық іздерді сақтау мен ұсыну стандарттарын біріздендіру жатады. Ал банктер мен онлайн-платформалар үшін күмәнді транзакциялар туралы шұғыл хабарлау міндеттемесін күшейту, халықтың цифрлық құқықтық сауаттылығын арнайы виктимологиялық бағдарлама ретінде жүргізу, ведомствоаралық жедел байланыс арналарын автоматтандыру және тәуекел индикаторларының ортақ базасын қалыптастыру ұйымдастырушылық, криминологиялық және виктимологиялық алдын алу шаралары ретінде қарастырылуы тиіс. Бұл шаралар қылмыстық-құқықтық алдын алудың нәтижелілігін қамтамасыз ететін қосымша емес, онымен өзара байланысты элементтер болып табылады.

Сондықтан кешенді тәсіл цифрлық алаяқтықтың таралуын тежеуге және қылмыстық-құқықтық алдын алуды нақты нәтижеге бағыттауға мүмкіндік беретін маңызды алғышарт болып табылады. Қатаң қылмыстық-құқықтық ықпал ету шаралары өздігінен жеткілікті нәтиже бермейді. Сол сияқты техникалық сүзгілеу құралдарын жеке қолдану да цифрлық алаяқтықтың алдын алуды толық қамтамасыз ете алмайды. Ағартушылық шаралары да құқықтық және процестік тетіктермен ұштаспаса, тұрақты нәтиже бермейді. Нақты нәтиже құқықтық анықтық, технологиялық қорғаныс, процестік жеделдік және азаматтың саналы мінез-құлқы өзара ұштасқанда күшейеді. Қазіргі цифрлық қоғамда қылмыстық-құқықтық алдын алу осындай тұтас, бейімделгіш және тәжірибеге бағытталған сипатқа ие болғаны орынды.

Пайдаланылған әдебиеттер тізімі:

1. Овчинский, В.С. Криминология цифрового мира: учебник для магистратуры / В.С. Овчинский. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2018. – 352 с.
2. Жолжаксынов, Ж.Б. Хищение посредством использования информационно-коммуникационных технологий в уголовном законодательстве Республики Казахстан / Ж.Б. Жолжаксынов, Е.Б. Жунусов // Хабаршы – Вестник Карагандинской академии МВД Республики Казахстан им. Б. Бейсенова. – 2021. – № 2 (72). – С. 20-25.
3. Togaibayeva, S.S. Features of the Commission of Fraud, Coupled with the Failure to Comply with the Provisions of a Civil Contract / S.S. Togaibayeva, et al. // Journal of Politics and Law. – 2019. – № 12 (3). – Pp. 69-79.
4. Хамит, Е.Е. «Фишинг» арқылы жасалатын интернет-жымқыруларды саралаудың ерекшеліктері / Е.Е. Хамит // Құқық қорғау органдары академиясының Жаршысы. – 2023. – № 3 (29). – 67-74 б.
5. Еспергенова, Е.В. Некоторые вопросы квалификации преступлений, связанных с хищением денежных средств со счетов банковских карт / Е.В. Еспергенова // Хабаршы – Вестник Карагандинской академии МВД Республики Казахстан им. Б. Бейсенова. – 2021. – № 2 (72). – С. 14-19.
6. Коржумбаева, Т.М. Ақпараттық технологиялар саласындағы қылмыстарды анықтау, алдын алу және жолын кесудегі ақпараттық-талдамалық жұмыстың ерекшеліктері / Т.М. Коржумбаева, С.М. Әбіжанов // Құқық қорғау органдары академиясының Жаршысы. – 2023. – № 3 (29). – 93-102 б.
7. Wall, D.S. Cybercrime: The Transformation of Crime in the Information Age / D.S. Wall. – Cambridge: Polity Press, 2024. – 356 p.
8. Jansen, J. Phishing and Malware Attacks on Online Banking Customers in the Netherlands: A Qualitative Analysis of Factors Leading to Victimization / J. Jansen, R. Leukfeldt // International Journal of Cyber Criminology. – 2016. – Vol. 10 (1). – Pp. 79-91.
9. Hong, J. The State of Phishing Attacks / J. Hong // Communications of the ACM. – 2012. – Vol. 55 (1). – Pp. 74-81.
10. Drew, J.M. Online Victimization Risk and Self-Protective Strategies: Developing Police-Led Cyber Fraud Prevention Programs / J.M. Drew, L. Farrell // Police Practice and Research. – 2018. – Vol. 19 (6). – Pp. 537-549.

References:

1. Ovchinskij, V.S. Kriminologija cifrovogo mira: uchebnik dlja magistratury / V.S. Ovchinskij. – M.: Norma: INFRA-M, 2018. – 352 s.
2. Zholzhaksynov, Zh.B. Hishhenie posredstvom ispol'zovanija informacionno-kommunikacionnyh tehnologij v ugovnom zakonodatel'stve Respubliki Kazahstan / Zh.B. Zholzhaksynov, E.B. Zhunusov // Habarshy – Vestnik Karagandinskoj akademii MVD Respubliki Kazahstan im. B. Bejsenova. – 2021. – № 2 (72). – S. 20-25.

3. Togaibayeva, S.S. Features of the Commission of Fraud, Coupled with the Failure to Comply with the Provisions of a Civil Contract / S.S. Togaibayeva, et al. // Journal of Politics and Law. – 2019. – № 12 (3). – Pp. 69-79.
4. Hamit, E.E. «Fishing» arkyly zhasalatyn internet-zhymkyrular dy saraladyñ erekshelikteri / E.E. Hamit // Qyqyk qorǵau organdy akademiiasynyn Zharshysy. – 2023. – № 3 (29). – 67-74 b.
5. Espergenova, E.V. Nekotorye voprosy kvalifikatsii prestuplenij, svjazannyh s hishheniem denezhnyh sredstv so schetov bankovskikh kart / E.V. Espergenova // Habarshy – Vestnik Karagandinskoj akademii MVD Respubliki Kazakhstan im. B. Bejsenova. – 2021. – № 2 (72). – S. 14-19.
6. Korzhumbaeva, T.M. Aqparattyq tehnologijalar salasyndary qylmystardy anyqtau, aldyn alu zhane zholyn kesudegi aqparattyq-taldamalyq zhymystyn erekshelikteri / T.M. Korzhumbaeva, S.M. Ebizhanov // Qyqyk qorǵau organdy akademiiasynyn Zharshysy. – 2023. – № 3 (29). – 93-102 b.
7. Wall, D.S. Cybercrime: The Transformation of Crime in the Information Age / D.S. Wall. – Cambridge: Polity Press, 2024. – 356 p.
8. Jansen, J. Phishing and Malware Attacks on Online Banking Customers in the Netherlands: A Qualitative Analysis of Factors Leading to Victimization / J. Jansen, R. Leukfeldt // International Journal of Cyber Criminology. – 2016. – Vol. 10 (1). – Pp. 79-91.
9. Hong, J. The State of Phishing Attacks / J. Hong // Communications of the ACM. – 2012. – Vol. 55 (1). – Pp. 74-81.
10. Drew, J.M. Online Victimization Risk and Self-Protective Strategies: Developing Police-Led Cyber Fraud Prevention Programs / J.M. Drew, L. Farrell // Police Practice and Research. – 2018. – Vol. 19 (6). – Pp. 537-549.

АВТОРЛАР ТУРАЛЫ МӘЛІМЕТТЕР / СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Асқар Абужанұлы Қалиев – Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасы жанындағы Құқық қорғау органдарының академиясы Қазіргі заманғы сын-тегеуріндерге қарсы іс-қимыл және цифрлық технологияларды енгізу орталығының Кибертехнология және жасанды интеллект кафедрасының меңгерушісі, e-mail: askar909@mail.ru.

Калиев Асқар Абужанович – заведующий кафедрой кибертехнологий и искусственного интеллекта Центра противодействия современным вызовам и внедрения цифровых технологий Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, e-mail: askar909@mail.ru.

Kaliev Askar Abuzhanovich – Head of the Department of Cyber Technologies and Artificial Intelligence at the Center for Countering Modern Challenges and Introducing Digital Technologies at the Law Enforcement Academy under the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan, e-mail: askar909@mail.ru.

Қалдығұл Сирғалиқызы Қужахметова – Ш. Қабылбаев атындағы Қазақстан Республикасы Ішкі істер министрлігі Қостанай академиясының докторанты, заң ғылымдарының магистрі, e-mail: kalda83@mail.ru.

Қужахметова Қалдығұл Сирғалиевна – докторант Костанайской академии Министерства внутренних дел Республики Казахстан имени Ш. Кабылбаева, магистр юридических наук, e-mail: kalda83@mail.ru.

Kuzhakhmetova Kaldygul Sirgalievna – Doctoral Student at the Kostanay Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan named after Sh. Kabylbayev, Master of Law, e-mail: kalda83@mail.ru.

Д.М. Кожабеков

*Қазақстан Республикасы Ішкі істер министрлігінің М. Есболатов атындағы Алматы академиясы,
Алматы қ., Қазақстан Республикасы*

ЦИФРЛЫҚ ҚЫЛМЫСТЫЛЫҚТЫҢ ҚАЗІРГІ ДАМУ ЖАҒДАЙЫНДАҒЫ ҰЙЫМДАСҚАН ТОПТЫҢ ҰҒЫМЫ МЕН БЕЛГІЛЕРІ

Аннотация. Мақалада цифрлық қылмыстылықтың дамуы жағдайындағы ұйымдасқан топтың қылмыстық-құқықтық ұғымы зерттеледі. Ақпараттық-коммуникациялық технологияларды, цифрлық платформаларды және жасырын байланыс құралдарын пайдаланатын ұйымдасқан қылмыстық қызметтің қазіргі заманғы нысандары қарастырылады. Ұйымдасқан топтың белгілерін реттейтін Қазақстан Республикасының және бірқатар шет мемлекеттердің қылмыстық заңнамасына талдау жүргізілді. Зерттеу нәтижесінде ұйымдасқан топтың дәстүрлі белгілері цифрлық ортада әрекет ететін қылмыстық бірлестіктердің қызметін әрдайым толық бағалауға мүмкіндік бермейтіні анықталды. Зерттеу барысында ұйымдасқан топтың қылмыстық қызметтің сабақтастығы, қатысушылар құрамының тұрақтылығы және сандық құрамы, олардың әрекеттерінің үйлесімділігі, сондай-ақ қылмыстық мақсаттарға жету үшін цифрлық технологияларды пайдалану әлеуеті сияқты жүйелі белгілерін кешенді түрде бағалау қажеттігі негізделді. Зерттеу нәтижелері бойынша қазіргі жағдайда ұйымдасқан топ белгілерін соттық түсіндіруде жетілдіруге бағытталған ұсыныстар әзірленді.

Түйінді сөздер: ұйымдасқан қылмыс; трансұлттық ұйымдасқан қылмыс; ұйымдасқан топ; қылмыстық топ; ұйымдасқан топтың тұрақтылығы; киберкеңістік.

Д.М. Кожабеков

*Алматинская академия Министерства внутренних дел Республики Казахстан имени М. Есболатова,
г. Алматы, Республика Казахстан*

ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ ОРГАНИЗОВАННОЙ ГРУППЫ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Аннотация. В статье исследуются вопросы уголовно-правового понимания организованной группы в условиях развития цифровой преступности. Рассматриваются современные формы организованной преступной деятельности, основанные на использовании информационно-коммуникационных технологий, цифровых платформ и анонимных средств взаимодействия. Проведен анализ уголовного законодательства Республики Казахстан и отдельных зарубежных государств, регулирующего признаки организованной группы. Установлено, что традиционные критерии организованной группы не всегда позволяют объективно оценивать деятельность преступных объединений в цифровой среде. В ходе исследования обоснована необходимость комплексной оценки таких системных признаков организованной группы, как непрерывность преступной деятельности, устойчивость и количество участников, четкая координация их действий, а также способность использовать цифровые технологии для достижения преступных целей. По результатам исследования сформулированы предложения по совершенствованию судебного толкования признаков организованной группы в современных условиях.

Ключевые слова: организованная преступность; транснациональная организованная преступность; организованная группа; преступная группа; устойчивость организованной группы; киберпространство.

D.M. Kozhabekov

*Almaty Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan named after M. Esbulatov,
Almaty, the Republic of Kazakhstan*

THE CONCEPT AND SIGNS OF AN ORGANIZED GROUP IN MODERN CONDITIONS OF DIGITAL CRIME DEVELOPMENT

Abstract. The article examines the criminal law concept of an organized group in the context of the development of digital crime. It considers modern forms of organized criminal activity based on the use of information and communication

technologies, digital platforms, and anonymous means of interaction. The criminal legislation of the Republic of Kazakhstan and several foreign countries regulating the characteristics of an organized group is analyzed. The study substantiated the need for a comprehensive assessment of such systemic characteristics of an organized group as the continuity of criminal activity, the stability and number of participants, the clear coordination of their actions, and the ability to use digital technologies to achieve criminal goals. The necessity of assessing stability through the group's ability to ensure the continuity of criminal activity, coordinate the actions of its participants, and use digital technologies to achieve criminal objectives is substantiated. Based on the findings, proposals are formulated to improve the judicial interpretation of the characteristics of an organized group under modern conditions.

Keywords: organized crime; transnational organized crime; organized group; criminal group; sustainability of organized group; cyberspace.

DOI: 10.52425/25187252_2026_40_60

Kіpіcne. Жеке-дара жасалған заңсыз әрекеттерден гөрі ұйымдасқан қылмысты жасаудың қоғамдық қаупі жоғары. Бірнеше адамның күш-жігерін біріктіру, олардың заңсыз мақсатқа бағытталған ойластырылған әрекеттері қылмыстық ниеттің сәтті аяқталуын жеңілдетеді, көбінесе қылмыстың әрекетті жеделдетеді және жағымсыз нәтижелерді арттырады. Ұйымдасқан топтар жасаған қылмыстық құқық бұзушылықтар үшін қылмыстық жауаптылыққа бірдей құқықтық тәсілді көздейтін қолданыстағы заңнамалық модель негізделген және сұранысқа ие деп танылады.

Сонымен бірге, қоғамдық қатынастарды белсенді цифрландыру жағдайында, қылмыс айтарлықтай өзгерістерге ұшыраған кезде ұйымдасқан топтың сипаттамаларын анықтау барған сайын маңызды бола түседі. Себебі, тұрақтылық, бағыныштылық және топ мүшелері арасындағы тікелей байланыс сияқты дәстүрлі белгілер технология арқылы жүзеге асырылатын желілік, орталықтандырылмаған басқару үлгілеріне көбірек жол беріп, қылмыстық әрекеттерді анықтауды да, дәлелдеуді де қиындатады.

Сандық платформаларды, шифрланған коммуникацияларды, анонимді қаржы құралдарын және бөлінген функцияларды қолдану ұйымдасқан қылмыс туралы дәстүрлі түсініктердің өзектілігін әлсіретеді.

Ғалымдар арасында әділетті түрде айтылғандай, «цифрлық технологияларды дамыту жағдайында ұйымдасқан қылмыс өз қызметінің ауқымын арттырған кезде, құқық қорғау органдары бірлескен іс-қимыл шараларын жүргізу үшін халықаралық құқықтық актілерді басшылыққа алуға және кінәлі адамдарды қылмыстық жауапкершілікке тарту үшін рұқсат етілген дәлелдемелер алуы қамтамасыз етуге мәжбүр. Мұндай жағдайларда ұйымдасқан қылмыстық топқа қатысушылардың тұрақтылығын, ұйымшылдығын, рөлдердің бөлінуін және іс-әрекеттерінің келісімділігін дәлелдеу ерекше қиындық тудырады. Мұндай жағдайларда дәлелдемелер алу тергеудің күрделі кезеңдерінің бірі болып табылады, өйткені ақпараттың едәуір бөлігі шет елдердің юрисдикциясында орналасқан, онда қолданыстағы құқықтық құрылымдар әрдайым цифрлық технологиялармен жасалған ұйымдасқан қылмыстың жаңа түрлерін анықтауға мүмкіндік бермейді» [1, 14 б.]

Осыған байланысты Қазақстан Республикасының 2030 жылға дейінгі құқықтық саясат тұжырымдамасында белгіленген «халықаралық қатынастарды тұрақтандыруға және жаңа жаһандық қатерлер мен сын-тегеуріндерді еңсеруге бағытталған заңнаманы, оның ішінде қылмыстық заңнаманы дамытуға» байланысты бағыт ерекше өзекті болып отыр¹.

Осылайша, қолданыстағы құқықтық кемшіліктерді болдырмау қажеттілігі туындайды. Бұған ұйымдасқан топтардың белгілері мен ерекшеліктерін жан-жақты ғылыми және құқықтық талдау арқылы қол жеткізуге болады. Мұндай талдау тек ұлттық құқықтық жүйелерді ғана емес,

¹ Қазақстан Республикасының құқықтық саясатының 2030 жылға дейінгі тұжырымдамасын бекіту туралы: Қазақстан Республикасы Президентінің 2021 ж. 15 қазандағы № 674 Жарлығы [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/U2100000674> (жүгінген күні: 20.04.2026).

сонымен бірге шетелдік нормалар мен құқық қолдану практикасын да есепке алуы қажет.

Материалдар мен әдістер. Зерттеудің эмпирикалық негізін Қазақстан Республикасының қылмыстық заңнамасы (бұдан әрі – ҚР ҚК), ұйымдасқан қылмысқа қарсы іс-қимыл саласындағы халықаралық-құқықтық актілер, бірқатар шет мемлекеттердің қылмыстық заңнамасы, Қазақстан Республикасы Жоғарғы Сотының нормативтік қаулылары, ұйымдасқан қылмыс пен қылмыстық қызметтің цифрлық трансформациясы мәселелеріне арналған отандық және шетелдік ғылыми еңбектер, сондай-ақ цифрлық ортада әрекет еткен ұйымдасқан қылмыстық топтардың қызметіне байланысты қылмыстық істер бойынша сот-тергеу практикасының материалдары құрады.

Зерттеу мақсатына қол жеткізу үшін жалпы ғылыми және арнайы заңи әдістер кешені қолданылды. Формальды-құқықтық әдіс ұйымдасқан топтардың қызметі үшін қылмыстық жауаптылық мәселелерін реттейтін нормативтік құқықтық актілерді талдау кезінде пайдаланылды. Салыстырмалы-құқықтық әдіс Қазақстан Республикасында және шет мемлекеттерде ұйымдасқан топ белгілерінің заңнамалық бекітілу ерекшеліктерін анықтауға мүмкіндік берді. Жүйелік-құрылымдық әдіс арқылы ұйымдасқан топ қылмысқа қатысудың дербес нысаны және қазіргі ұйымдасқан қылмыстың элементі ретінде қарастырылды. Логикалық-құқықтық әдіс ұйымдасқан топ белгілерінің мазмұнын зерттеу және цифрлық қылмыстылық жағдайындағы құқық қолдану практикасын жетілдіруге бағытталған ұсыныстарды әзірлеу барысында қолданылды.

Нәтижелер, талқылау. Әлемдік ғылыми әдебиетте қазіргі цифрлық жағдайда ұйымдасқан қылмыс деп ақпараттық технологияларды түрлі тәсілдермен пайдалана отырып, ұзақ уақыт бойы онлайн немесе офлайн режимде әрекет ететін ұйымдасқан қылмыстық қауымдастықтар жүзеге асыратын ауыр қылмыстық қызмет түсініледі. Бұл ретте қазіргі заманғы цифрлық ұйымдасқан қылмыстың үш нысаны ажыратылады; 1) киберкеңістікке тәуелді ұйымдасқан қылмыс; 2) киберкеңістікті пайдалана отырып жасалатын ұйымдасқан қылмыс; 3) киберкеңістікті қолдай отырып, ұйымдасқан қылмыс [2, 14 б.].

Қазіргі әлемде ұйымдасқан қылмыстың жоғарыда аталған түрлерін бөліп көрсету цифрлық технологияларды қолданудан туындаған ұйымдасқан қылмыстың эволюциясын көрсетеді. Бұл қазіргі заманғы ұйымдасқан қылмыстық топтардың қызметі жедел, жаһандық қамту, шифрланған байланыс арналарын, анонимді төлем жүйелерін және заңсыз әрекеттерді үйлестіру үшін цифрлық платформаларды пайдалану арқылы желілік, орталықтандырылмаған және технологиялық делдалдық қылмыстық құрылымдар түрінде әрекет ететіндігіне байланысты. Осы өзгерістердің нәтижесінде ұйымдасқан қылмысты сипаттайтын «дәстүрлі» қылмыстық-құқықтық және криминологиялық белгілер ұйымдасқан қылмыстық топтар қызметінің сипаттамаларын, нысандары мен тетіктерін анықтауға инновациялық ғылыми тәсілдерді қайта қарауды және әзірлеуді қажет етеді.

Жоғарыда айтылғандарға сүйене отырып, ұйымдасқан топ ұғымынан туындайтын, қазіргі цифрлық ортаның қазіргі ерекшеліктеріне бейімделуі тиіс қатысудың жаңа формаларын анықтау және бөліп көрсету орынды болып көрінеді.

ҚР ҚК 3-бабының 36) тармақшасында ұйымдасқан топ дегеніміз – бір немесе бірнеше қылмыстық құқық бұзушылық жасау мақсатында алдын ала біріккен екі немесе одан да көп адамдардың тұрақты тобы екендігі туралы ереже бекітілген².

Осы заңнамалық анықтамаға сүйене отырып, ұйымдасқан топты сипаттайтын төрт белгіні бөліп көрсету керек: а) топ екі немесе одан да көп адамнан тұрады; ә) адамдар топқа алдын ала біріккен; б) топ тұрақты сипатқа ие; в) топтың мақсаты бір немесе бірнеше қылмыстық құқық бұзушылық жасау болып табылады.

² Қазақстан Республикасының Қылмыстық кодексі: 2014 ж. 3 шілдедегі № 226-V ҚРЗ [Электрондық ресурс] – Айналыс режим: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/K1400000226> (жүгінген күні: 20.04.2026).

Осы белгілердің қазіргі цифрлық жағдайларда заңсыз әрекеттерді жасауға қатыстылығын жан-жақты қарастырамыз, өйткені дәл цифрландыру жағдайында олардың мазмұны өзінің қылмыстық-құқықтық маңыздылығын сақтай отырып, айтарлықтай өзгеріске ұшырайды.

Ұйымдасқан топты сипаттайтын алғашқы белгі топта екі немесе одан да көп адамның болуы міндетті болып табылады. Қылмыстық құқық бұзушылықта осы белгіні анықтау үшін қылмыстық құқық бұзушылық субъектісінің жалпы белгілері бар екі немесе одан да көп адамның қатысуы, атап айтқанда олардың есі дұрыс деп танылып, қылмыстық жауаптылыққа қол жеткізілуі қажет.

2021-2025 жылдар аралығында ұйымдасқан топ құрамында жасалған қылмыстық құқық бұзушылықтарға қатысты сотқа жолданған қылмыстық істер материалдарын зерделеу ұйымдасқан қылмыстық құрылымдардың сандық құрамына қатысты белгілі бір заңдылықтарды анықтауға мүмкіндік берді. Зерттеу барысында қылмыстық құқық бұзушылықтарды бірлесіп жасаған тұлғалар тобына қатысты қылмыстық істер талданып, олардың құрамындағы қатысушылар санына назар аударылды.

Астана және Алматы қалаларында зерттелген 120 қылмыстық іс материалдарын талдау нәтижелері зерттелген жағдайлардың 24%-ында екі адамнан, 18%-ында үш адамнан, 22%-ында төрт адамнан, ал 36%-ында бес және одан да көп адамнан құралған ұйымдасқан қылмыстық топтар әрекет еткендігін көрсетті. Бұл деректер қазіргі жағдайда ұйымдасқан қылмыстық қызметтің әртүрлі ұйымдастырушылық үлгілер арқылы жүзеге асырылатынын айғақтайды.

Сонымен қатар, талдау нәтижелері ұйымдасқан қылмыстық топтың қоғамдық қауіптілігі оның құрамындағы қатысушылардың санымен ғана емес, олардың өзара әрекеттесу деңгейімен, функцияларды бөлумен, қылмыстық мақсаттардың ортақтығымен және іс-әрекеттердің үйлестірілуімен де айқындалатынын растайды. Әсіресе цифрлық орта жағдайында қылмыстық қызметке қатысушылар саны салыстырмалы түрде аз болғанымен, ақпараттық-коммуникациялық технологияларды пайдалану олардың қылмыстық мүмкіндіктерін едәуір арттыруы мүмкін.

ҚР Қылмыстық кодексіне қатысушылардың саны туралы ғылыми ортада заңнамалық бекітілгеніне қарамастан, оның халықаралық-құқықтық нормаларға сәйкес еместігі туралы пікір бар. Мәселен, ҚР ҚК 3-бабы 36) тармақшасына сәйкес ұйымдасқан қылмыстық құқық бұзушылық деп тану үшін оны жасауда екі және одан да көп қатысушылардың болуы жеткілікті.

Сонымен бірге, 2000 жылғы 15 қарашадағы БҰҰ-ның Трансұлттық ұйымдасқан қылмысқа қарсы конвенциясы «ұйымдасқан қылмыстық топ» ұғымын аша отырып, «белгілі бір кезең ішінде бар болған және бір немесе бірнеше ауыр қылмыстар немесе Конвенцияға сәйкес осындай деп танылған тікелей немесе жанама түрде қаржылық немесе басқа материалдық пайда алу үшін қылмыстар жасау мақсатында келісе отырып әрекет ететін үш немесе одан да көп адамнан тұратын құрылымдық ресімделген топ» ретінде көздейді³.

Шетелдік қылмыстық заңнамада ұйымдасқан қылмыстық топқа қатысушылардың санына қатысты әртүрлі тәсіл қарастырылғанын атап өткен жөн.

Сонымен, АҚШ заңнамасына сәйкес (Title 18 U.S. Code, Section 371) сөз байласу үшін қылмыстық қудалау заңсыз әрекетті жасау үшін екі немесе одан да көп адам алдын-ала сөз байласып, құқыққа қарсы әрекеттер жасау мақсатында оны жүзеге асыру үшін кем дегенде бір біліктілік әрекетін жасаған жағдайда мүмкін болады⁴. Құқыққа қарсы іс-қимыл туралы уағдаластыққа қол жеткізген кем дегенде екі тараптың сөз байласуын заңнамалық тұрғыдан белгілеудің ұқсас қағидаты 1977 жылы Ұлыбритания аумағында қолданылып жүрген қылмыстық

³ Біріккен Ұлттар Ұйымының Трансұлттық ұйымдасқан қылмысқа қарсы конвенциясын ратификациялау туралы: Қазақстан Республикасы 2008 ж. 4 маусымдағы № 40-IV Заңы [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: https://adilet.zan.kz/kaz/docs/Z080000040_ (жүгінген күні: 20.04.2026).

⁴ U.S. Code § 371 - Conspiracy to commit offense or to defraud United States [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/18/371> (жүгінген күні: 20.04.2026).

сот төрелігі туралы актіде де бекітілген⁵.

Кейбір елдерде ұйымдасқан топты анықтаудағы заңнама көбінесе қатаң сандық көрсеткішке сүйенеді. Италия, Канада және Исландия сияқты елдердің қылмыстық заңнамасына сәйкес ұйымдасқан қылмыстық топ кем дегенде үш немесе одан да көп адамнан тұруы керек. Мысалы, Канада Қылмыстық кодексінің 467.1-бабында үш немесе одан да көп адамнан тұратын ұйымдасқан топ жасаған, Канада ішінде де, одан тыс жерлерде де әрекет ететін қылмыстық жауапкершілік қарастырылған⁶. Италия Қылмыстық кодексінің 416-бабында кемінде үш адамнан тұратын қылмыстық ұйым үшін жауапкершілік белгіленеді⁷. Исландия заңнамасы сонымен қатар қылмыстық ұйымды үш немесе одан да көп адамнан тұратын қауымдастық ретінде анықтайды, оның мақсаты 4 жылға бас бостандығынан айыру жазасы бар белгілі бір заңсыз әрекеттерді жасау болып табылады (Исландия Қылмыстық кодексінің 175-бабы)⁸.

Тәуелсіз Мемлекеттер Достастығы елдерінің қылмыстық заңнамасы бойынша да ұйымдасқан қылмыстық топтың сандық өлшем қарастырылған. Сонымен, ұйымдасқан қылмыстық топтың құрамында екі немесе одан да көп адамның болуы туралы талап Әзірбайжан Республикасының (ӘР ҚК 34-бабы)⁹, Беларусь Республикасының (БР ҚК 18-бабы)¹⁰, Қырғыз Республикасының (ҚР ҚК 42-бабы)¹¹, Ресей Федерациясының (РФ ҚК 35-бабы)¹², Өзбекстан Республикасының (ӨР ҚК 29-бабы)¹³ қылмыстық заңнамасында қарастырылған.

Ұйымдасқан қылмыстық топтың тұрақтылығы мен қатысушылар санын айқындайтын халықаралық және шетелдік нормаларды талдау олардың мазмұны мен құрылымдық ерекшеліктері әртүрлі екенін көрсетеді. Сонымен қатар, жалпы тәсіл-ұйымдасқан топ ұйымшылдықтың жоғары деңгейімен, атап айтқанда келісілген әрекеттердің болуымен, рөлдердің бөлінуімен және тұрақтылығымен ерекшеленеді.

Біздің ойымызша, ұйымдасқан қылмыстық іс-әрекет жаңа формаларға ие болатын цифрлық орта контекстінде заң шығарушы белгілеген қатысудың сандық критерийі қылмыстың осы түрін ұйымдастырудың нақты деңгейін көрсетпейді. Анонимділікті, бүркеншік атты және иесі көрсетілмеген аккаунттарды пайдалану сияқты цифрлық ортаның ерекшеліктері адамдарды сәйкестендіруді қиындатады, бірақ егер олар жалпы ниетпен біріктірілсе, олардың қылмыстық әрекетке қатысу фактісін жоймайды. Сонымен қатар, қылмыстық схемалар қатысушылар тікелей байланысқа түспестен жеке, оқшауланған функцияларды орындап, ортақ қылмыстық мақсатқа бірлесіп ықпал еткенде таратылуы мүмкін.

Ұйымдасқан қылмыстық топты сипаттау кезінде «екі немесе одан да көп адамның» сандық өлшемін бағалау формальдылықтан тыс болуы керек. Субъектілер арасындағы тұрақты функционалдық байланыстардың болуын, олардың іс-әрекеттерінің дәйектілігін және бірыңғай қылмыстық схемаға нақты қатысуын ескеру маңызды. Бұл тәсіл қатысушылар арасында жеке танысу немесе тікелей өзара әрекеттесу болмаған кезде, атап айтқанда рөлдердің бөлінуін және

⁵ Criminal Law Act 1977 [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: https://en.wikipedia.org/wiki/Criminal_Law_Act_1977 (жүгінген күні: 20.04.2026).

⁶ Criminal Code of Canada (1985) (as of 2017) [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/c-46/> (жүгінген күні: 20.04.2026).

⁷ Codice Penale 2024 [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://www.brocardi.it/codice-penale/> (жүгінген күні: 20.04.2026).

⁸ The General Penal Code of Iceland [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: https://www.government.is/library/Files/General_Penal_Code_sept.-2015.pdf (жүгінген күні: 20.04.2026).

⁹ Уголовный кодекс Азербайджанской Республики: от 30 дек. 1999 г. № 787-IQ [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: https://prg.kz/document/?doc_id=30420353&doc_id2=30420353&pos2=698;295 (жүгінген күні: 20.04.2026).

¹⁰ Уголовный кодекс Республики Беларусь: от 9 июля 1999 г. № 275-3 [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9900275> (жүгінген күні: 20.04.2026).

¹¹ Уголовный кодекс Кыргызской Республики: от 28 окт. 2021 г. № 127 [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: https://prg.kz/document/?doc_id=36675065 (жүгінген күні: 20.04.2026).

¹² Уголовный кодекс Российской Федерации: от 13 июля 1996 г. № 63-ФЗ [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/?ysclid=mo5w7ydc9t512634613 (жүгінген күні: 20.04.2026).

¹³ Уголовный кодекс Республики Узбекистан: от 22 сент. 1994 г. № 2012-XII [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: https://prg.kz/document/?doc_id=30421110&pos=51;312&doc_id2=30421110&pos2=624;291 (жүгінген күні: 20.04.2026).

цифрлық технологиялар арқылы өзара әрекеттесу сипатын ескере отырып, қатысуға мүмкіндік береді.

Қылмыстық әрекетке бірлесіп қатысушылықтың бастапқы деңгейінде өзара келісімге келу күрделі ұйымдастырушылық күш-жігерді қажет етпейді. Ал ұйымдасқан қылмыстық топты құру процесі топ мүшелерін іріктеуді, кездесулер өткізуді, шабуыл объектісін таңдауды топ ішіндегі міндеттерді мамандандыруды және алдағы қылмыстық әрекеттерін жоспарлауды талап етеді. Келтірілген дәлелдерді растау мақсатында Интернет желісін және электрондық төлем жүйелерін пайдалана отырып, қылмыстық қызметті жүзеге асырған ұйымдасқан қылмыстық топтың құрылымы мен жұмыс істеу тетігін көрсететін сот-тергеу практикасынан мысал келтіреміз.

Сонымен қатар, ұйымдасқан топтың тұрақтылығы әрдайым қылмыстық әрекеттің бірнеше мәрте жасалуымен немесе ұзақ уақыт қызмет етуімен ғана айқындала бермейді. Кейбір жағдайларда ұйымдасқан қылмыстық топ бір ғана ауыр немесе аса ауыр қылмысты жасау мақсатында құрылуы мүмкін, алайда мұндай қылмыс жоғары деңгейдегі ұйымдастырушылық дайындықты, қатысушылар арасында функцияларды бөлуді, қаржыландыруды және үйлестіруді талап етеді. Мұндай жағдайларда қылмыстың қайталану белгісі топтың жоғары дәрежедегі тұрақтылығын көрсететін өзге белгілермен алмастырылады.

Бұл тұжырым Қарағанды облысының қылмыстық істер жөніндегі мамандандырылған ауданаралық сотының архивінен зерделенген № 203572031000457 қылмыстық іс материалдарымен расталады. Аталған іс бойынша алты адамнан тұратын трансұлттық ұйымдасқан қылмыстық топ Қарағанды облысының аумағында есірткі құралдарын өндірумен және өткізумен байланысты аса ауыр қылмыстар жасаған.

Қылмыстық іс материалдарына сәйкес, ұйымдастырушы тергеумен анықталмаған тұлға болып, Ресей Федерациясының аумағында болған. Ол «Signal» мобильдік қосымшасында «Джама» бүркеншік атын пайдаланып, TOR желісі арқылы қылмыстық топ мүшелерін іріктеген, олардың әрекеттерін үйлестірген және «Signal» мен «Totalcoin.kz» платформалары арқылы қаржыландыруды жүзеге асырған. Тергеу барысында ұсталған тұлғалардың әрқайсысы «Джама» есімді ұйымдастырушыдан есірткі зертханасын құру, тұрғын үй жалдау, есірткі заттарын өндіру және тарату жөнінде нұсқаулар алып отырғаны анықталған.

Сонымен қатар, қылмыстық топ мүшелері ұсталған кезде бір-бірімен жеке таныс болмаған. Дегенмен олардың әрқайсысының ұялы телефондарынан ұйымдастырушымен жүргізілген хат алмасулар, жалға алынған тұрғын үйлерде орналасқан есірткі зертханалары, есірткі құралдары мен оларды дайындауға арналған жабдықтар, сондай-ақ қылмыстық қызметті қаржыландыру үшін алынған ақша қаражаттары анықталған.

Аталған мысал қазіргі цифрлық жағдайларда ұйымдасқан топтың тұрақтылығы міндетті түрде қатысушылардың ұзақ мерзімді жеке байланыстарымен немесе олардың бір жерде шоғырлануымен сипатталмайтынын көрсетеді. Керісінше, қылмыстық қызметтің тұрақтылығы қашықтан басқару мүмкіндігімен, цифрлық коммуникация арналарының тұрақтылығымен, функциялардың нақты бөлінуімен және қатысушылардың бірыңғай қылмыстық мақсатқа бағытталған үйлестірілген әрекеттерімен айқындалады.

Мәселен, азамат И. Қазақстан Республикасынан тыс жерде бола отырып, фишингтік интернет-ресурстар арқылы азаматтардың ақшалай қаражатын ұрлауға бағытталған жоспар әзірледі. Осы жоспарды іске асыру шеңберінде ол пайдаланушылардың құпия деректерін (логиндер, парольдер, SMS-расталулар) жинау үшін оның функционалдығын қамтамасыз ете отырып, екінші деңгейдегі банктердің бірінің ресми порталына сырттай толық сәйкес келетін веб-сайттың телнұсқасын жасады. Зиянды сілтемелерді тарату үшін И. мессенджерлер мен әлеуметтік желілердегі анонимді профильдерді пайдалана отырып, әлеуетті құрбандарға банктік операцияларды растау немесе бонустар алу сылтауымен сілтеме бойынша өту ұсыныстарымен

жаппай хабарлама жіберуді жүзеге асырған Ташкент қаласының тұрғыны Б-ны тартты.

И. сонымен қатар өзінің қылмыстық жоспарларын жүзеге асыру үшін аз. С. және К.-ны тартты. Техникалық дағдыларды меңгерген азамат С. алынған деректерді өңдеуді, бір реттік растау кодтарын құрықтауды және жәбірленушілердің банктік шоттарына қол жеткізуді қамтамасыз етті. Ол өз әрекеттерін VPN-қызметтерін және басқа анонимизация құралдарын қолдана отырып, қашықтан жүргізді. Азамат К. «дроппер» рөлін атқарды, оның атына банктік карталар мен электронды әмияндар ресімделді, олар арқылы ұрланған қаражат алынып, қолма-қол ақшаға айналды және қатысушылар арасында бөлінді. Сот И., Б., С. және К.-лардың әрекеттерін ұйымдасқан топ жасаған деп саралады¹⁴.

Біздің ойымызша, сот кінәлі адамдардың әрекеттерін ұйымдасқан қылмыстық топ ретінде негізді түрде таныды. Тікелей байланыс пен жеке танысудың болмауына қарамастан, олардың әрекеттері үйлесімділікпен, рөлдердің нақты бөлінуімен және жалпы мақсатпен – қылмыстық нәтижеге қол жеткізумен сипатталатын бірыңғай қылмыстық идеяны құрайды.

Шетелдік зерттеушілер цифрлық технологияларды пайдаланудың өзі қылмыстылықтың дербес түрін қалыптастырмайтынын және дәстүрлі қылмыстық-құқықтық конструкцияларды алмастырмайтынын атап көрсетеді [3].

Қазіргі цифрлық жағдайларда жасалатын ұйымдасқан қылмысты саралау кезінде проблемалар туғызатын белгілердің бірі-белгі-тұрақтылық.

Топтың тұрақтылығы, атап айтқанда, оның құрамының тұрақтылығы, оның мүшелері арасындағы тығыз байланыс, олардың іс-әрекеттерінің келісімділігі, қылмыстық іс-әрекеттің формалары мен әдістерінің тұрақтылығы, оның өмір сүру ұзақтығы сияқты белгілермен дәлелденуі мүмкін [4, 104 б.].

Мысалы, зерттеу авторлары Интернет желісінде жасалатын мүліктік қылмыстардың ішінде кеңінен таралған түрлеріне «нигериялық хаттар» деп аталатын алаяқтық схемаларын [5], фишингті [6] және вишингті [7] жатқызады.

Сонымен қатар, ұйымдасқан қылмыстың трансформациясы жағдайында, әсіресе цифрландыру жағдайында, иерархия, өмір сүру ұзақтығы және құрамның тұрақтылығы туралы дәстүрлі идеялар қылмыстық бірлестіктердің жұмыс істеуінің нақты тетіктерін әрдайым көрсете бермейді. Бұл ретте іс-әрекеттердің келісімділігі, рөлдердің бөлінуі, жоспардың болуы, қатысушылардың өзара байланысы және қылмыстық іс-әрекеттің қайталануы сияқты белгілер арқылы тұрақтылық өлшемдерін ашатын жоғары сот сатыларының ұстанымдарында әдіснамалық маңыздылық сақталғанмен, алайда заманауи жағдайларға бейімделуді талап етеді.

Сандық ортада ұйымдасқан топтың тұрақтылығы сапалы түрде әр түрлі мазмұнға ие болады және оны формальды-ұйымдастырушылық белгілер (қатаң иерархия, тұрақты құрам, қызмет ету ұзақтығы) арқылы емес, функционалдық сипаттамалар арқылы бағалау керек. Мұндай сипаттамаларға топтың ақпараттық-коммуникациялық технологияларды пайдалану есебінен қылмыстық қызметтің үздіксіздігін қамтамасыз ету қабілеті, цифрлық өзара іс-қимылдың тұрақты арналарын (мессенджерлер, шифрланған платформалар, анонимді желілер) қолдау, сондай-ақ қатысушылар арасында физикалық байланыссыз нақты уақыт режимінде іс-қимылдарды жедел үйлестіру мүмкіндігі жатады.

Цифрландыру жағдайында қатысушылардың өзара іс-қимылы бірыңғай басқару орталығы жоқ немесе жасырын болатын желілік (көлденең) қағидат бойынша құрылатындығы, ал функциялар икемді бөлінетіндігі және нақты тапсырмаға байланысты өзгеруі мүмкін екендігі ерекше маңызға ие. Мұндай модель шығарылған қатысушыларды тез ауыстыруға, қылмыстық әрекетті масштабтауға және құқық қорғау органдары схеманы ішінара ашқан кезде де оның

¹⁴ Қазақстан Республикасы Жоғарғы Сотының Сот актілерінің банкі [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://office.sud.kz/new/form/courtActs/index.xhtml> (жүгінген күні: 20.04.2026).

тиімділігін сақтауға мүмкіндік береді. Дәл осы қабілет өзін-өзі сақтау, қылмыстық әрекетті бейімдеу және көбейту оның қазіргі түсінігінде тұрақтылықтың болуын көрсетеді.

Сонымен қатар, тұрақтылық қолданылатын қылмыстық схемалардың қайталануынан, қатысушылардың іс-әрекеттерін стандарттаудан, пысықталған цифрлық құралдардың (фишингтік сайттар, дерекқорлар, жәбірленушілермен өзара іс-қимыл скриптері) болуынан, сондай-ақ қылмыстық табыс алудың жүйелік сипатынан көрінеді. Топ бір қылмыс жасау үшін құрылған, бірақ ұзақ дайындықты, рөлдерді бөлуді, техникалық қамтамасыз етуді және үйлестіруді қажет ететін жағдайларда да, мұндай жағдайлар тұрақтылықтың болуын көрсетуі мүмкін.

Бұл жағдайда ұйымдасқан топты құруды және басқаруды жүзеге асыратын адамдарды анықтау проблемасы айтарлықтай қиындайды. Мұндай жағдайларда ұйымдастырушының қылмыстық топтың құрушысы және оның басшылығы туралы идеясы дәстүрлі қылмыстық-құқықтық белгілерге толық сәйкес келмейді. Қазіргі заманғы цифрлық ұйымдасқан қылмыс қылмыстық топта кейбір адамдар қаржы, басқалары логистика, басқалары жалдау, үйлестіру, цифрлық қауіпсіздік немесе трансшекаралық байланыстар үшін жауап беретіндігімен сипатталады. Бұл ретте негізгі шешімдер заманауи цифрлық арналар арқылы қашықтан қабылданады [4, 69 б.].

Осылайша, қазіргі жағдайда ұйымдасқан топтың тұрақтылығын ішкі ұйымның формасына, соның ішінде өзара әрекеттесудің цифрлық модельдеріне қарамастан, оның тиімді жұмыс істеуі және қылмыстық мақсаттарға жету қабілеті ретінде қарастырған жөн. Бұл технологиялардың дамуы мен қылмыстың трансұлттық сипатын ескере отырып, құқық қолдану практикасында дәстүрлі тәсілдерді қайта қарастыруды және осы белгіні бағалаудың жаңа критерийлерін әзірлеуді талап етеді.

Қорытынды. Қазіргі цифрлық жағдайларда ұйымдасқан қылмысты сипаттайтын белгілерге жүргізілген талдау Қазіргі қылмыстық-құқықтық белгілер салыстырмалы түрде тұрақты иерархияның болуын, қатысушылардың аумақтық локализациясын және олардың арасындағы тікелей өзара әрекеттесуді болжайтын ұйымдасқан қылмыстың дәстүрлі моделіне көбірек бағытталғанын көрсетті. Алайда, цифрлық технологияларды қолдана отырып жасалған ұйымдасқан қылмыстың қазіргі формалары басқа ұйымдық модельмен сипатталады, онда қылмыстық қызметті басқару, қаржыландыру, үйлестіру және қамтамасыз ету функциялары әртүрлі юрисдикциялардағы және тек цифрлық байланыс арналары арқылы өзара әрекеттесетін бірнеше адамдар арасында бөлінуі мүмкін.

Осыған байланысты «Соттардың бандитизм және қылмыстық құқық бұзушылықтарға қатыса отырып, басқа қылмыстық құқық бұзушылықтар жасағаны үшін жауапкершілік туралы заңнаманы қолдануының кейбір мәселелері туралы» Қазақстан Республикасы Жоғарғы Сотының 2001 жылғы 21 маусымдағы Нормативтік қаулысында тиісті түсініктеме беру қажет болып көрінеді¹⁵.

Атап айтқанда, жоғарыда аталған қаулыда ұйымдасқан қылмыстың қазіргі заманғы түрлеріне қатысты ұйымдасқан топтың ұйымдастырушысын, басшысын, үйлестірушісін және өзге де қатысушыларын айқындауға мүмкіндік беретін өлшемшарттарды бекіту орынды. Сондай-ақ, ұйымдасқан топтардың қатысушылары арасында жеке байланыстардың болмауы және ұйымдасқан қылмыстық топ құрамының икемділігі оны тұрақты ұйымдасқан қылмыстық топ деп тануға кедергі келтірмейтінін анықтау қажет.

Баяндалғанның негізінде Соттардың бандитизм және қылмыстық құқық бұзушылықтарға қатыса отырып, басқа қылмыстық құқық бұзушылықтар жасағаны үшін жауапкершілік туралы

¹⁵ Соттардың бандитизм және қылмыстық құқық бұзушылықтарға қатыса отырып, басқа қылмыстық құқық бұзушылықтар жасағаны үшін жауапкершілік туралы заңнаманы қолдануының кейбір мәселелері туралы: нормативтік қаулысы 2001 ж. 21 маусым № 2 Қазақстан Республикасы Жоғарғы Сотының [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://office.sud.kz/new/form/courtActs/index.xhtml> (жүгінген күні: 20.04.2026).

заңнаманы қолдануының кейбір мәселелері туралы» Қазақстан Республикасы Жоғарғы Сотының нормативтік қаулысын мынадай мазмұндағы ережемен толықтыру ұсынылады:

«Мұндай бірлестікті құрған не оның қызметіне басшылықты, үйлестіруді немесе өзге де басқарушылық ықпал етуді жүзеге асыратын, оның ішінде қылмыстық қызметтің бағыттарын айқындауды, қатысушылардың арасында функцияларды бөлуді, осындай адамның орналасқан жеріне және басқаруды жүзеге асыру тәсіліне қарамастан, қылмыстық топтың тұрақты жұмыс істеуін қаржылық, ақпараттық, технологиялық не өзге де қамтамасыз етуді қоса алғанда, адам қылмыстық топтың ұйымдастырушысы деп танылады, оның ішінде ақпараттық-коммуникациялық технологияларды пайдалана отырып».

Пайдаланылған әдебиеттер тізімі:

1. Ott, T. Responding to the Threat of International Organized Crime: A Primer on Programs, Profiles, and Practice Points / T. Ott // United States Attorneys' Bulletin. – 2012. – Vol. 60. – Pp. 1-24.
2. Di Nicola, A. Towards Digital Organized Crime and Digital Sociology of Organized Crime / A. Di Nicola // Trends in Organized Crime. – 2022. – Pp. 1-20.
3. Chawki, M. Nigeria tackles advance fee fraud [Электронный ресурс] / M. Chawki // Journal of Information, Law and Technology. – 2009. – No. 1. – Режим доступа: https://go.warwick.ac.uk/jilt/2009_1/chawki (дата обращения: 03.01.2026).
4. Борчашвили, И.Ш. Қазақстан Республикасының Қылмыстық кодексіне түсіндірме: Жалпы бөлік. 1 том / И.Ш. Борчашвили. – Алматы: «Жеты жарғы», 2022. – 820 б.
5. Yar, M. The novelty of cybercrime: An assessment in light of routine activity theory / M. Yar // European Journal of Criminology. – 2005. – Vol. 2. № 4. – Pp. 407-427.
6. R. Dhamija. Why phishing works: Proceedings of the SIGCHI Conference on Human Factors in Computing Systems (CHI 2006). – Montreal, Quebec, Canada, 2006. – Pp. 581-590.
7. F. Maggi, Are the con artists back? A preliminary analysis of modern phone frauds: Proceedings of the 10th IEEE International Conference on Computer and Information Technology. – Bradford, West Yorkshire, UK, 2010. – Pp. 824-831.
8. Амуртаева, Д.Т. Некоторые вопросы уголовной ответственности за создание и руководство транснациональными преступными объединениями / Д.Т. Амуртаева // Құқық қорғау органдары академиясының Жаршысы. – 2025. – № 3 (37). – С. 65-72.

References:

1. Ott, T. Responding to the Threat of International Organized Crime: A Primer on Programs, Profiles, and Practice Points / T. Ott // United States Attorneys' Bulletin. – 2012. – Vol. 60. – Pp. 1-24.
2. Di Nicola, A. Towards Digital Organized Crime and Digital Sociology of Organized Crime / A. Di Nicola // Trends in Organized Crime. – 2022. – Pp. 1-20.
3. Chawki, M. Nigeria tackles advance fee fraud [Elektronnyj resurs] / M. Chawki // Journal of Information, Law and Technology. – 2009. – No. 1. – Rezhim dostupa: https://go.warwick.ac.uk/jilt/2009_1/chawki (data obrashheniya: 03.01.2026).
4. Borchashvili, I.Sh. Қазақстан Республикасының Қылмыстық кодексіне түсіндірме: Жалпы бөлік. 1 том / I.Sh. Borchashvili. – Almaty: «Zhety zharғы», 2022. – 820 b.
5. Yar, M. The novelty of cybercrime: An assessment in light of routine activity theory / M. Yar // European Journal of Criminology. – 2005. – Vol. 2. № 4. – Pp. 407-427.
6. R. Dhamija. Why phishing works: Proceedings of the SIGCHI Conference on Human Factors in Computing Systems (CHI 2006). – Montreal, Quebec, Canada, 2006. – Pp. 581-590.
7. F. Maggi, Are the con artists back? A preliminary analysis of modern phone frauds: Proceedings of the 10th IEEE International Conference on Computer and Information Technology. – Bradford, West Yorkshire, UK, 2010. – Pp. 824-831.
8. Amurtaeva, D.T. Nekotorye voprosy ugovornoj otvetstvennosti za sozдание i rukovodstvo transnacional'nyimi prestupnymi ob#edinenijami / D.T. Amurtaeva // Құқық қорғау органдары академиясының Жаршысы. – 2025. – № 3 (37). – С. 65-72.

АВТОРЛАР ТУРАЛЫ МӘЛІМЕТТЕР / СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Даурен Мейрханович Кожабеков – М. Есболатов атындағы Қазақстан Республикасы Ішкі істер министрлігінің Алматы академиясының докторанты, құқық магистрі, e-mail: daurenkozhabekov2016@gmail.com.

Кожабеков Даурен Мейрханович – докторант Алматинской академии Министерства внутренних дел Республики Казахстан имени М. Есбулатова, магистр права, e-mail: daurenkozhabekov2016@gmail.com.

Kozhabekov Dauren Meirkhanovich – Doctoral Student of the Almaty Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan named after M. Yesbulatov, Master of Law, e-mail: daurenkozhabekov2016@gmail.com.

R. Cojocaru, I. Soroceanu

*Academy „Stefan cel Mare” of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Moldova,
Chisinau c., the Republic of Moldova*

LEGAL-CRIMINAL ANALYSIS OF CRIMES RELATED TO MERCENARY ACTIVITY, ANALYSIS ACCORDING TO THE CRIMINAL CODE OF THE REPUBLIC OF MOLDOVA

Abstract. The activity of mercenaries constitutes a serious criminal phenomenon that directly endangers the peace, stability, and security of the international community. Mercenaries are individuals who, by engaging in armed conflict for private gain, acquire a particular legal status that subjects them to criminal liability. Their involvement is prohibited under the legislation of most states, as well as under key international legal instruments, precisely because such actions undermine lawful military structures, fuel conflicts, and jeopardize fundamental human rights.

Given the complexity and gravity of this issue, the present study sets out as its main objective a comprehensive juridical-criminal analysis of offenses connected to mercenary activity. This includes examining the legal definitions, the constitutive elements of such crimes, the forms of participation, as well as the measures adopted at both national and international levels to prevent, sanction, and combat mercenarism.

Keywords: armed conflict; training mercenaries; criminal law; military actions; hiring mercenaries; normative modalities; integrity; financing mercenaries.

Р. Кожокару, И. Сорочану

*Молдова Республикасы Ішкі істер министрлігінің «Стефан чел Маре» академиясы,
Кишинев қ., Молдова Республикасы*

ЖАЛДАМАЛЫЛЫҚҚА ҚАТЫСТЫ ҚЫЛМЫСТАРДЫҢ ҚЫЛМЫСТЫҚ-ҚҰҚЫҚТЫҚ ТАЛДАУЫ: МОЛДОВА РЕСПУБЛИКАСЫ ҚЫЛМЫСТЫҚ КОДЕКСІНІҢ НЕГІЗІНДЕ

Аннотация. Жалдамалылардың қызметі халықаралық қоғамдастықтың бейбітшілігіне, тұрақтылығына және қауіпсіздігіне тікелей қауіп төндіретін ауыр қылмыстық құбылыс болып табылады. Жалдамалылар – жеке пайда табу мақсатында қарулы қақтығыстарға қатысатын және мұндай әрекеттері үшін қылмыстық жауаптылыққа тартылатын ерекше құқықтық мәртебесі бар тұлғалар. Жалдамалылардың қарулы қақтығыстарға қатысуына көптеген мемлекеттердің ұлттық заңнамаларында, сондай-ақ негізгі халықаралық-құқықтық құжаттарда тыйым салынған, себебі мұндай әрекеттер мемлекеттердің заңды әскери институттарының қызметіне нұқсан келтіреді.

Бұл мәселенің күрделілігі мен маңыздылығын ескере отырып, зерттеудің негізгі мақсаты ретінде жалдамалылықпен байланысты қылмыстардың кешенді құқықтық-қылмыстық талдауын белгілейді. Осы мақсатқа қол жеткізу үшін құқықтық анықтамалар, қылмыс құрамының элементтері, қатысу нысандарын, сондай-ақ жалдамалылықтың алдын алу, жазалау және оған қарсы күресу үшін ұлттық және халықаралық деңгейлерде қабылданған шараларды зерттеу кіреді.

Түйінді сөздер: қарулы қақтығыс; жалдамалыларды даярлау; қылмыстық құқық; әскери әрекеттер; жалдамалыларды жалдау; нормативтік әдіс; адалдық; жалдамалы әскерлерді қаржыландыру.

Р. Кожокару, И. Сорочану

*Академия «Штефан чел Маре» Министерства внутренних дел Республики Молдова,
г. Кишинев, Республика Молдова*

ПРАВОВОЙ И УГОЛОВНЫЙ АНАЛИЗ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НАЕМНИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ, АНАЛИЗ В СООТВЕТСТВИИ С УГОЛОВНЫМ КОДЕКСОМ РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА

Аннотация. Деятельность наемников представляет собой серьезное преступное явление, представляющее прямую угрозу миру, стабильности и безопасности международного сообщества. Наемники – это лица, которые,

участвуя в вооруженном конфликте в целях личной выгоды, приобретают особый правовой статус, влекущий за собой уголовную ответственность. Их участие запрещено законодательством большинства государств, а также ключевыми международно-правовыми документами, поскольку такие действия подрывают законные военные структуры, разжигают конфликты и ставят под угрозу основные права человека.

Учитывая сложность и серьезность данного вопроса, настоящее исследование ставит своей основной целью комплексный уголовно-правовой анализ преступлений, связанных с наемничеством. Это включает в себя изучение правовых определений, составов таких преступлений, форм участия, а также мер, принятых как на национальном, так и на международном уровне для предотвращения, наказания и борьбы с наемничеством.

Ключевые слова: вооруженный конфликт; подготовка наемников; уголовное право; военные действия; найм наемников; нормативная норма; честность; финансирование наемников.

DOI: 10.52425/25187252_2026_40_69

Introduction. In accordance with the provisions of Article 2, paragraph (1) of the Criminal Code of the Republic of Moldova, we note that the legislator has enunciated a complex of supreme values, which the Criminal Law is intended to defend.

Thus, according to the text of the law, individuals, their rights and freedoms, property, the environment, the constitutional order, sovereignty, independence and territorial integrity of the Republic of Moldova, the peace and security of humanity, as well as the entire legal order are protected (2 art.)¹.

Peace and security constitute fundamental values, indispensable for the existence and harmonious development of society, being recognized and enshrined at both national and international levels. From this perspective, crimes committed in the sphere of war and armed conflict are regarded as serious violations of these essential values. They are not tolerated within the objective reality of the contemporary legal order, as they undermine not only individual interests but also the very foundations of peaceful coexistence among states and peoples. Consequently, the commission of such acts entails criminal liability, since the international community has established clear legal mechanisms for their prevention and punishment, thereby reaffirming the imperative nature of the norms that safeguard the peace and security of humanity.

Materials and methods. In the process of developing the scientific article, we were guided by several and various scientific research methods that made it possible to properly investigate the titular subject, among which we can list: the analysis method, the synthesis method, the deduction method, the historical method, as well as the comparative method.

The theoretical and legal basis of the scientific approach includes the defining material such as the local legal framework, as well as numerous studies of the specialized literature, which directly or indirectly address the essence and content of the subject under research.

Results, discussion. Therefore, within the scientific approach we propose to elucidate from a legal and criminal point of view the essence of the crime *Mercenary activity*, as an illegal act that attacks the value of human society – the peace and security of mankind.

The factors that favor or facilitate individuals with criminal inclinations to commit such illegalities in contemporary society are linked to the obvious political crisis, the existing economic crisis and, consequently, to the psychological crisis of each perpetrator or the desire to obtain some advantages [1].

Recourse to the services of paid individuals to perform military tasks is an old practice, which some states still resort to today. This is sometimes done in violation of international regulations. The activities of mercenaries directly contradict the fundamental principles of international law, which form the foundation of relations between states and of the international legal order. Among these principles are non-interference in the internal affairs of states, respect for territorial integrity, and the safeguarding

¹ Criminal Code of the Republic of Moldova no. 985 of 18.04.2002 // Official Gazette of the Republic of Moldova no. 72-74 of 14.04.2009, in force according to the latest amendments and additions of 20.04.2021.

of the independence and sovereignty of each state. By their very nature, the actions of mercenaries often involve participation in armed conflicts or the destabilization of internal situations within a state in exchange for material benefits. Such external involvement, driven by private interests, undermines the legitimate authority of states and may generate significant imbalances in their constitutional and political order. Moreover, the use of mercenaries can contribute to the escalation of conflicts, violations of fundamental human rights, and threats to international peace and security. For these reasons, the international community has consistently condemned the phenomenon of mercenarism and has adopted legal instruments aimed at preventing and sanctioning it, thereby reaffirming the importance of respecting the fundamental principles that govern peaceful coexistence among states. These activities create obstacles in the process of self-determination of peoples fighting against colonialism, as well as all other forms of foreign domination. That is why some international legal instruments seek to prohibit the use of mercenaries, condemning both the recourse to their services and their participation in hostilities [2, Pp. 136-137].

According to the text of the law, established in art.141 of the Criminal Code of the Republic of Moldova², we note that criminal liability for the activity of mercenaries is set out in the following legislative order:

1) participation of a mercenary in an armed conflict, in military actions or in other violent actions aimed at overthrowing or undermining the constitutional order or violating the territorial integrity of the state (141 art.)³, is punishable by imprisonment from 5 to 10 years;

2) hiring, training, financing or otherwise providing mercenaries, as well as their use in an armed conflict (141 art.)⁴, in military actions or in other violent actions aimed at overthrowing or undermining the constitutional order or violating the territorial integrity of the state. Such an act is also punishable by imprisonment for a term of 10 to 15 years (141 art.)⁵.

The object of the crime is formed by social relations protected by the norms of criminal law [3]. According to Chapter I of the Special Part of the Criminal Code of the Republic of Moldova, Crimes against peace, security of mankind and war crimes, the general legal object of the respective crimes is formed by social relations that are conditioned by the protection of the constitutional order, sovereignty, independence and territorial integrity of the Republic of Moldova, peace and security of mankind, as well as the other values provided for in Article 2 of the criminal law [4].

The specific legal object is the concrete social value that is affected by the crime. This category of object serves to determine the individuality of a crime within a group [5, 109 p.].

At the same time, this opinion regarding the aforementioned is also supported by the authors Alina Șavga and Mariana Grama, who in one of their works mention that „the special object is the concrete social value that is harmed by the commission of the crime” [6, 27 p.].

The special legal object of the crime of mercenary activity is the social relations regarding the non-admission of the participation of the mercenary, the provision in any way of the activity of mercenaries or their use in violent actions aimed at overthrowing or undermining the constitutional order or violating the territorial integrity of the state [2, 137 p.].

All crimes assume the existence of a legal object without which the criminalization of the acts is not possible. Some crimes, in addition to the legal object, are also characterized by the existence of a material object, which should not be confused with the objects that served to commit the act [7, 112 p.].

In the specialized literature, the objective side of a crime is understood as the totality of the conditions required by the incrimination norm regarding the act of conduct for the existence of the crime

² Criminal Code of the Republic of Moldova no. 985 of 18.04.2002 // Official Gazette of the Republic of Moldova no. 72-74 of 14.04.2009, in force according to the latest amendments and additions of 20.04.2021.

³ In the same place.

⁴ In the same place.

⁵ In the same place.

[8, 132 p.]. The objective side of the crime component constitutes the external aspect of the dangerous attack on objects protected by criminal law, that is, the external aspect of the person's behavior, manifested in the real world and expressed by causing danger to this object or by threatening to endanger it. The objective side is the so-called external aspect of the crime, that is, what we see in reality, what we feel and what unfolds before us [9, 103 p.].

The objective side of the crimes specified in art. 141 paragraph (1) of the Criminal Code of the Republic of Moldova includes the following two signs (141 art.)⁶:

1) the harmful act expressed in the action of participation in an armed conflict, in military actions or in other violent actions (141 art.)⁷;

2) the time of the commission of the crime, namely – the time of armed conflict, military actions or the commission of other violent actions (141 art.)⁸.

Participation in an armed conflict, military action or other violent action means the activity, whether organized or not, led or not by other persons, involving the use of violence. This participation can be carried out in various concrete ways, such as: attacking the headquarters of public authorities or communication centers or radio and television stations; attacking military units; occupying the headquarters of public authorities or the headquarters of parties or other legal organizations; resisting the bodies responsible for maintaining public order; disarming the law enforcement agencies, etc.

For the qualification of the act under art. 141 par. (1) of the Criminal Code of the Republic of Moldova, it is not important whether the participation in an armed conflict, military actions or other violent actions is active or not. Such a circumstance may be taken into account when individualizing the punishment. In order to establish the degree of participation of the perpetrator in an armed conflict, military actions or violent actions, the following shall be taken into account: the degree of aggression of the perpetrator; his spirit of initiative; the ability to make decisions and execute them; the refusal to spare the victim; recalcitrance in relation to representatives of the authorities, etc. [4].

The objective side of the crime provided for in Article 141 paragraph (2) of the Criminal Code of the Republic of Moldova is characterized by a set of constituent elements that define the external manifestation of the incriminated act. Within the normative limits established by criminal law, this objective side includes two essential features, which outline the legal content of the offense and allow it to be distinguished from other acts provided for under criminal legislation. These two features reflect both the specific conduct prohibited by the incriminating norm and the conditions under which such conduct acquires criminal relevance. Their analysis is indispensable for the proper legal classification of the act, since only the cumulative fulfillment of these objective elements may lead to the determination of the existence of the offense in the form provided by the aforementioned legal provision:

1) the harmful act materialized in the action of hiring, training, financing or otherwise providing mercenaries, or of using them in an armed conflict, in military actions or in other violent actions (141 art.)⁹;

2) the time of the commission of the crime, namely – the time of the armed conflict or military actions (in the case of the use of mercenaries in an armed conflict, military actions or other violent actions) (141 art.)¹⁰.

It can be observed that the alternative normative modalities of the prejudicial action examined are:

1) hiring mercenaries;

⁶ Criminal Code of the Republic of Moldova no. 985 of 18.04.2002 // Official Gazette of the Republic of Moldova no. 72-74 of 14.04.2009, in force according to the latest amendments and additions of 20.04.2021.

⁷ In the same place.

⁸ In the same place.

⁹ In the same place.

¹⁰ In the same place.

- 2) training mercenaries;
- 3) financing mercenaries;
- 4) other provision of mercenaries;
- 5) using mercenaries in an armed conflict, in military actions or in other violent actions.

By “hiring mercenaries” is meant the attraction, hiring, recruitment (by selection) of a person, followed by offering him/her to give his/her consent to participate as a mercenary in an armed conflict, military actions or other violent actions.

“Training mercenaries” encompasses any activity involving the provision of specialized instruction, guidance, or preparation aimed at enabling individuals to participate as mercenaries in armed conflicts, military operations, or other forms of organized violence. This training is not limited to general military skills but specifically targets the enhancement of capacities necessary for engagement in illicit or unlawful violent actions.

“Mercenary financing” refers to the provision, by any means, whether directly or indirectly, of goods, resources, or financial services to a mercenary with the purpose, or with knowledge, that such goods or services will be used, in whole or in part, to facilitate the participation of a person as a mercenary in armed conflicts, military operations, or other acts of violence. This definition encompasses not only monetary transfers but also the provision of equipment, weapons, materials, logistical support, or any other type of tangible or intangible resources that can contribute to the preparation or execution of mercenary activities.

“Other provision of mercenaries” means: the provision of weapons, ammunition, other destructive devices or means, harmful or dangerous substances, other such means or instruments; hosting; facilitating entry into areas with limited access; providing data on target objectives; providing other support, in any form. In the event of other provision of mercenaries, the application of liability in accordance with art. 141 paragraph (2) of the Criminal Code of the Republic of Moldova excludes the additional reference to art. 42 paragraph (5) and art. 141 paragraph (1) of the Criminal Law of the Republic of Moldova.

Finally, the „use of a mercenary in an armed conflict, military action or other violent action” means the actual involvement of the mercenary in participating in an armed conflict, military action or other violent action. In the case of the use of a mercenary in an armed conflict, military action or other violent action, the application of liability in accordance with art. 141 paragraph (2) of the Criminal Code of the Republic of Moldova excludes the additional reference to art. 42 paragraph (3) and art. 141 paragraph (1) of the Criminal Law of the Republic of Moldova.

In the manner of using mercenaries in an armed conflict, in military actions or in other violent actions, the time of the commission of the crime, namely – the time of the armed conflict, military actions or the commission of other violent actions – is a mandatory secondary sign of the objective side of the crime provided for in art. 141 paragraph (2) of the Criminal Code of the Republic of Moldova. In the absence of this sign of the objective side, the use of the mercenary cannot be qualified on the basis of art. 141 paragraph (2) of the Criminal Law of the Republic of Moldova [2, Pp. 139-140].

The criminal acts provided for in art. 141 of the Criminal Code of the Republic of Moldova are formal crimes and are consumed from the moment of the commission of the act of participation of the mercenary [10, 42 p.], either in financing, training, hiring mercenaries, or other provision of mercenaries or in their use in armed conflicts, military action or in other violent actions.

Human conduct, from a subjective perspective, represents the support of the way of thinking, decision-making and execution of the objective criminal act, being the basis for its actual commission, implying the adoption of an individual attitude of the offender towards the act and its socially dangerous result [11, 160 p.]. Thus, the content of the subjective side constitutes the external aspect of the crime [12, 59 p.]. The subjective side of the crime of mercenary activity is always committed with guilt,

through direct intent [13, 281 p.].

Motive and purpose, as subjective processes, are intimately linked to the moral element of the crime in which they are integrated. Attempting a definition of the two subjective aspects, we will consider the motive of the crime as an inner impulse that determines the offender to make a criminal decision and to commit it. By the purpose of the crime, we will understand the finality pursued by the perpetrator, the situation he wants to reach by committing the act [7, Pp. 245-246].

The motives for crimes related to mercenary activity may consist of material interest, or the perpetrator's desire to facilitate his criminal activity; the perpetrator's desire to pass on his accumulated criminal experience to the mercenary, etc. [2, 141 p.].

The legal framework of the Republic of Moldova, by recognizing this dual purpose, allows for a comprehensive approach to criminal liability, ensuring that all underlying motivations – whether ideological, political, or economic – are considered in the assessment and prosecution of such offenses. In the absence of either of these two purposes, the act cannot be qualified according to art. 141 of the Criminal Code of the Republic of Moldova [2, 138 p.].

The state acts as the guarantor of social values, enforcing compliance among all members of society, while individuals are simultaneously recognized as rights-holders entitled to protection. This conceptualization reinforces the idea that criminal law is both preventive and protective, aiming to maintain social order and stability by deterring harmful conduct and securing the values deemed fundamental by society. It therefore follows that, in principle, all members of society are involved in criminal law relations, either as recipients or as beneficiaries of the criminal law, and thereby they become subjects of criminal law [14, 52 p.]. In the event of the commission of crimes, the members of society – who have disregarded the criminal provision of compliance – enter into a criminal legal relationship of conflict with the state, as the agent of society in organizing social defense, acquiring the quality of criminal law subject of the legal relationship of conflict or contradiction [15, 177 p.]. Therefore, the subject of the crime is the person who committed the crime and who, according to the law, is obliged to bear criminal liability for the act committed [16, 16 p.].

The subject of the offenses incriminated under art. 141 of the Criminal Code of the Republic of Moldova is the responsible natural person who at the time of committing this offense has reached the age of 16 [17]. At the same time, under the conditions of art. 141 paragraph (1) of the Criminal Law of the Republic of Moldova, the subject must also possess the special quality of mercenary.

Conclusion. Taking into account the aspects discussed previously, we can firmly conclude that the offense defined in Article 141 of the Criminal Code of the Republic of Moldova, known under the generic term mercenary activity, represents a profoundly socially dangerous act that undermines, in a direct and substantial manner, the peace, stability, and security of humanity as a whole.

In recent years, mercenary involvement in various conflict zones has become increasingly visible and widely publicized. Escalating geopolitical tensions, the emergence of private armed groups, and the use of foreign combatants by both state and non-state actors have brought the phenomenon back into the spotlight of international discourse and media coverage. As a result, societies and legal systems worldwide are confronted with new challenges in identifying, regulating, and sanctioning such activities.

Under these circumstances, acquiring a thorough understanding of the constitutive elements of the offense – its objective and subjective components, the specific legal criteria that distinguish a mercenary from other participants in armed conflict, and the forms of criminal liability that may arise – becomes not only relevant but essential. A detailed juridical-criminal analysis is crucial for ensuring the correct qualification of mercenary actions, for preventing misinterpretations in legal practice, and for strengthening the mechanisms through which states counteract this dangerous phenomenon. Ultimately, such an analysis contributes to the more effective protection of international order and the promotion of global peace and security.

List of used literature:

1. Cojocaru, R. Personality traits of the mercenary criminal, citizen of the Republic of Moldova – case study / R. Cojocaru, I. Soroceanu // Law and Life Magazine. – 2018. – № 11. – Pp. 9-12.
2. Brînză, S. Treatise on Criminal Law / S. Brînză, V. Stati. – Special Part. Chişinău, F.E.-P. Publishing House “Tipografia Centrală”, 2015. – 1328 p.
3. Mariş, A. Criminal Law / A. Mariş. – General Part. Volume I, Chişinău, F.E.-P. Publishing House “Tipografia Centrală”, 2002. – 112 p.
4. Arteni, D. The significance of the nature of the legal object of the composition of crimes and the analysis of the legal object of the illicit actions of practicing mercenary activity / D. Arteni, I. Soroceanu // Modern scientific research journal. – 2018. – Issue 5. – Pp. 54.
5. Boroi, A. Criminal Law. General Part; 3rd edition / A. Boroi. – Bucharest, ALL BECK Publishing House, 2001. – 360 p.
6. Şavga, A. Album of schemes. Criminal law. General part, methodological and didactic material / A. Şavga, M. Grama. – Chisinau. State University of Moldova, 2004. – 138 p.
7. Zolyneak, M. Criminal Law. General Part, Iaşi / M. Zolyneak, M.-I. Michinici. – Chemarea Foundation Publishing House, 1999. – 518 p.
8. Botnaru, S. Criminal Law. General Part / S. Botnaru, et al. – Chişinău, Cartier Juridic Publishing House, 2005. – 624 p.
9. Macari I. Criminal Law of the Republic of Moldova. General Part / I. Macari. – Chisinau, Publishing House „Editorial Center of the State University of Moldova”, 2002. – 398 p.
10. Brînză, S. Criminal Law. Special Part / S. Brînză, et al. – Chişinău. Cartier Juridic Publishing House, 2005. – 804 p.
11. Tănăsescu, I. General Criminal Law / I. Tănăsescu, C. Tănăsescu, G. Tănăsescu. – Bucharest, ALL BECK Publishing House, 2002. – 758 p.
12. Vasiloi, D. Criminal law. General part. Theory of crime, Course notes / D. Vasiloi, V. Bujor. – Chisinau, Publishing House of the Institute of Criminal Sciences and Applied Criminology, 2019. – 125 p.
13. Barbăneagră, A. Commentary on the Criminal Code of the Republic of Moldova / A. Barbăneagră, et al. – Chişinău, Sarmis Publishing House „Tipografia Reclama SA”, 2009. – 860 p.
14. Bulai, C. Criminal Law Institutions. Selective Course for the Bachelor's Degree Exam / C. Bulai, A. Filipaş, C. Mitache. – Bucharest, Trei Publishing House, 2001. – 577 p.
15. Giurgiu, N. General Criminal Law: Doctrine, Legislation and Jurisprudence / N. Giurgiu. – Cantes Publishing House, 2000. – 678 p.
16. Şterbeţ, V. Criminal Law, Course material / V. Şterbeţ, S. Brînză, V. Stati. – Chişinău, Publishing House SRL Elan Poligraf, 2008. – 216 p.
17. I. Soroceanu. The subject of the crime of mercenary activity. In: Materials of the National Scientific Conference with international participation „Realities and perspectives of national legal education” from 01.10-02.10.2019. Volume II. – Chisinau, Publishing House „Printing Center of the Moldovan State University”. – Pp. 136-361.

References:

1. Cojocaru, R. Personality traits of the mercenary criminal, citizen of the Republic of Moldova – case study / R. Cojocaru, I. Soroceanu // Law and Life Magazine. – 2018. – № 11. – Pp. 9-12.
2. Brînză, S. Treatise on Criminal Law / S. Brînză, V. Stati. – Special Part. Chişinău, F.E.-P. Publishing House “Tipografia Centrală”, 2015. – 1328 p.
3. Mariş, A. Criminal Law / A. Mariş. – General Part. Volume I, Chişinău, F.E.-P. Publishing House “Tipografia Centrală”, 2002. – 112 p.
4. Arteni, D. The significance of the nature of the legal object of the composition of crimes and the analysis of the legal object of the illicit actions of practicing mercenary activity / D. Arteni, I. Soroceanu // Modern scientific research journal. – 2018. – Issue 5. – Pp. 54.
5. Boroi, A. Criminal Law. General Part; 3rd edition / A. Boroi. – Bucharest, ALL BECK Publishing House, 2001. – 360 p.
6. Şavga, A. Album of schemes. Criminal law. General part, methodological and didactic material / A. Şavga, M. Grama. – Chisinau. State University of Moldova, 2004. – 138 p.
7. Zolyneak, M. Criminal Law. General Part, Iaşi / M. Zolyneak, M.-I. Michinici. – Chemarea Foundation Publishing House, 1999. – 518 p.
8. Botnaru, S. Criminal Law. General Part / S. Botnaru, et al. – Chişinău, Cartier Juridic Publishing House, 2005. – 624 p.

9. Macari I. Criminal Law of the Republic of Moldova. General Part / I. Macari. – Chisinau, Publishing House „Editorial Center of the State University of Moldova”, 2002. – 398 p.
10. Brînză, S. Criminal Law. Special Part / S. Brînză, et al. – Chişinău. Cartier Juridic Publishing House, 2005. – 804 p.
11. Tănăsescu, I. General Criminal Law / I. Tănăsescu, C. Tănăsescu, G. Tănăsescu. – Bucharest, ALL BECK Publishing House, 2002. – 758 p.
12. Vasiloi, D. Criminal law. General part. Theory of crime, Course notes / D. Vasiloi, V. Bujor. – Chisinau, Publishing House of the Institute of Criminal Sciences and Applied Criminology, 2019. – 125 p.
13. Barbăneagră, A. Commentary on the Criminal Code of the Republic of Moldova / A. Barbăneagră, et al. – Chişinău, Sarmis Publishing House „Tipografia Reclama SA”, 2009. – 860 p.
14. Bulai, C. Criminal Law Institutions. Selective Course for the Bachelor's Degree Exam / C. Bulai, A. Filipaş, C. Mitache. – Bucharest, Trei Publishing House, 2001. – 577 p.
15. Giurgiu, N. General Criminal Law: Doctrine, Legislation and Jurisprudence / N. Giurgiu. – Cantes Publishing House, 2000. – 678 p.
16. Şterbeţ, V. Criminal Law, Course material / V. Şterbeţ, S. Brînză, V. Stati. – Chişinău, Publishing House SRL Elan Poligraf, 2008. – 216 p.
17. I. Soroceanu. The subject of the crime of mercenary activity. In: Materials of the National Scientific Conference with international participation „Realities and perspectives of national legal education” from 01.10-02.10.2019. Volume II. – Chisinau, Publishing House „Printing Center of the Moldovan State University”. – Pp. 136- 361.

АВТОРЛАР ТУРАЛЫ МƏЛІМЕТТЕР / СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Радион Кожокару – Молдова Республикасы Ішкі істер министрлігінің Стефан чел Маре академиясының университет профессоры, заң ғылымдарының докторы, ORCID iD: 0000-0002-3809-7392, e-mail: radioncojocaruu@gmail.com.

Кожокару Радион – профессор Университета Академии Стефана чел Маре Министерства внутренних дел Республики Молдова, доктор юридических наук, ORCID iD: 0000-0002-3809-7392, e-mail: radioncojocaruu@gmail.com.

Cojocarui Radion – Professor of the University of the Stefan cel Mare Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Moldova, Doctor of Law, ORCID iD: 0000-0002-3809-7392, e-mail: radioncojocaruu@gmail.com.

Игорь Сорочану – Молдова Республикасы Ішкі істер министрлігінің Стефан чел Маре академиясының докторанты, ORCID iD: 0000-0002-8719-0454, e-mail: soroceanuuigor@gmail.com.

Сорочану Игорь – докторант Академии Стефана чел Маре Министерства внутренних дел Республики Молдова, ORCID iD: 0000-0002-8719-0454, e-mail: soroceanuuigor@gmail.com.

Soroceanui Igor – Doctoral Student at the Stefan cel Mare Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Moldova, ORCID iD: 0000-0002-8719-0454, e-mail: soroceanuuigor@gmail.com.

УДК 343.9
МРНТИ 10.81.31

К.С. Лакбаев, Л.К. Аренова

Қарағандық университет Қазпотребсоюзы, г. Қарағанда, Республика Қазақстан

УГОЛОВНАЯ СТАТИСТИКА В СФЕРЕ КИБЕРПРЕСТУПНОСТИ: «БОЛЕЗНЬ РОСТА» ИЛИ СИСТЕМНАЯ ПРОБЛЕМА?

Аннотация. В данной статье рассматриваются проблемные вопросы формирования официальной уголовной статистики по группе уголовных правонарушений, объединяемых понятием «киберпреступность». Анализ их динамики за пять лет выявил ряд несоответствий, негативно отражающихся на анализе криминогенной ситуации в данной сфере. Прежде всего, это неполнота информации по некоторым уголовным правонарушениям. Также отмечается отсутствие в уголовной статистике сведений по комплексу составов, отражающих состояние оперативной обстановки по весьма актуальным направлениям, таким как кражи и наркопреступления. Аналогичная картина по разжиганию розни, публичным призывам к захвату власти и сепаратизму. Все эти уголовные правонарушения в основном готовятся и совершаются в информационной среде и с применением новых технологий. На основании изложенного предлагается дополнить официальную статистику этими важными показателями.

Ключевые слова: киберпреступность; правоохранительная деятельность; уголовная статистика; информатизация и связь; интернет; информационные технологии.

К.С. Лакбаев, Л.К. Аренова

Қазтұтынуодағы Қарағанды университеті, Қарағанды қ., Қазақстан Республикасы

«КИБЕРҚЫЛМЫСТЫЛЫҚ САЛАСЫНДАҒЫ ҚЫЛМЫСТЫҚ СТАТИСТИКА: “ӨСУ ДЕРТІ” МЕ ӘЛДЕ ЖҮЙЕЛІ ПРОБЛЕМА МА?»

Аннотация. Бұл мақалада «киберқылмыстылық» ұғымымен біріктірілетін қылмыстық құқық бұзушылықтар тобы бойынша ресми қылмыстық статистиканы қалыптастырудың өзекті мәселелері қарастырылады. Олардың соңғы бес жылдағы динамикасын талдау осы саладағы криминогендік жағдайды талдауға теріс әсер ететін бірқатар қайшылықтарды анықтады. Ең алдымен, кейбір қылмыстық құқық бұзушылықтар бойынша ақпараттың толық еместігі байқалады. Сондай-ақ қылмыстық статистикада ұрлық және есірткі қылмыстары сияқты өзекті бағыттардағы жедел ахуалды сипаттайтын бірқатар құрамдар бойынша мәліметтердің жоқтығы атап өтіледі. Осындай жағдай алауыздықты қоздыру, билікті басып алуға ашық шақырулар және сепаратизм бойынша да байқалады. Аталған қылмыстық құқық бұзушылықтардың басым бөлігі негізінен ақпараттық ортада және жаңа технологияларды қолдану арқылы дайындалып, жасалады. Жүргізілген талдау негізінде ресми статистиканы осы маңызды көрсеткіштермен толықтыру ұсынылады.

Түйінді сөздер: киберқылмыстылық; құқық қорғау қызметі; қылмыстық статистика; ақпараттық технологиялар және коммуникациялар; интернет; ақпараттық технологиялар.

K.S. Lakbayev, L.K. Arenova

Karaganda university of Kazpotreboysuz, Karaganda, the Republic of Kazakhstan

CYBERCRIME STATISTICS: “GROWING PAINS” OR A SYSTEMIC PROBLEM?

Abstract. The present article analyze key impediments of collating official criminal statistics related to criminal offenses unified by the conception of “cybercrime”. A long-term analysis of their dynamics over five years exposed numerous of discrepancies that adversely affect the analysis of the criminogenic risk assessments in this area. Inter alia, this is the informational deficiency on certain infractions. Additionally, there is a lack of information in criminal statistics on a range of offenses that evince the existing conditions in crucial sectors, including larceny and drug-related violations. Analogous depiction arise with regard to promotion of hostility, public calls for the coup d'état and separatism. Aforementioned unlawful acts are primarily dedicated in the information ecosystem and utilizing new technologies. Drawing from the preceding, it is proposed to supplement official statistics with these important indicators.

Keywords: cybercrime; law enforcement; criminal statistics; information technology and communications; the

Введение. Киберпреступность является наиболее актуальной проблемой текущей криминогенной обстановки. История показывает, что преступный мир всегда пользовался последними достижениями науки: это и яды, не оставляющие в теле человека следов, ацетиленовые горелки и т.п. Настоящее время – не исключение. Криминал относительно давно освоил виртуальное пространство и новейшие достижения IT-технологий в целях реализации преступного умысла [1].

Зарубежные эксперты описывают будущую преступность лаконичным выражением: «Все можно взломать». Это означает получение доступа ко всему, что подключено к Интернету. В современном автомобиле можно нажать на тормоза или включить подушку безопасности. Определенные сервисы дают возможность подключиться к любому незащищенному устройству – веб-камере, телевизору и даже системам управления аквапарка или АЭС¹. Описание преступления в недалеком будущем может выглядеть таким образом: «Мужчина был задержан за стрельбу в свою жену, но освобожден после того, как выяснилось, что его бионическая рука была взломана»².

В то же время изучение данных официальной уголовной статистики по нашей стране позволяет сделать тревожный вывод о том, что в ней находят отражение не все опасные киберпреступления. Более того, даже та информация, которая имеется, во многом является фрагментарной, что не позволяет создать на ее основе полноценную картину реальной криминогенной ситуации в этой сфере.

Между тем в статистической информации должны содержаться сведения, характеризующие преступность; на них базируются результаты криминологических исследований [2]; она показывает, где, как, при каких условиях протекают те или другие явления, каковы их закономерности и взаимосвязи [3].

Материалы и методы. Исследование уголовной статистики по линии киберпреступности требует комплексного подхода и использования материалов из различных отраслей науки. Прежде всего, это комплекс юридических дисциплин антикриминального цикла – уголовное право и криминология, оперативно-розыскная деятельность (ОРД). Данные отрасли права формируют концептуальную базу для формирования той правовой информации, которая ложится в официальную уголовную статистику и служит основой для построения целостной картины криминогенной ситуации.

При этом использован комплексный подход, включающий элементы системно-информационного анализа, который позволяет установить причинно-следственные связи между различными составами уголовных правонарушений. Для этого также применялись общенаучные и частнонаучные методы – логико-юридический метод и метод моделирования.

Результаты, обсуждение. Определение «киберпреступность» носит в основном научный характер и охватывает весьма широкий круг криминальных деяний. Следует отметить, что в названиях различных нормативных правовых актов (как международного, так и национального характера) эта дефиниция до недавнего времени не была отражена. Например, Конвенция Совета Европы, принятая 23 ноября 2001 года в Будапеште и считавшаяся одним из основных международных документов по противодействию киберпреступности, называется «Конвенция о

¹ Будущее преступлений [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://cripo.com.ua/processes/?p=217471/> (дата обращения: 01.05.2026).

² Там же.

компьютерных преступлениях»³. И лишь Конвенция Организации Объединенных Наций (ООН) от 24 декабря 2024 года официально ввела данное понятие в международный правовой оборот⁴.

Тем не менее, термин «киберпреступность» достаточно давно применяется в отношении всех уголовных правонарушений, связанных с информационной сферой.

Подходя к их статистическому изучению, киберпреступления можно условно разделить на два больших блока.

Первый из них – это уголовные правонарушения, в которых непосредственным объектом посяательства являются динамично формирующиеся правоотношения в области новых информационных технологий. Как известно, в Уголовном кодексе Республики Казахстан (далее – УК РК) наиболее характерные из этих деяний объединены в специальной главе 7 «Уголовные правонарушения в сфере информатизации и связи»:

- статья 205 «Неправомерный доступ к информации, в информационную систему или информационно-коммуникационную сеть»;
- статья 206 «Неправомерное уничтожение или модификация информации»;
- статья 207 «Нарушение работы информационной системы или информационно-коммуникационной сети»;
- статья 208 «Неправомерное завладение информацией»;
- статья 209 «Принуждение к передаче информации»;
- статья 210 «Создание, использование или распространение вредоносных компьютерных программ и программных продуктов»;
- статья 211 «Неправомерное распространение электронных информационных ресурсов ограниченного доступа»;
- статья 212 «Предоставление услуг для размещения интернет-ресурсов, преследующих противоправные цели»;
- статья 213 «Неправомерные изменение идентификационного кода абонентского устройства сотовой связи, устройства идентификации абонента, а также создание, использование, распространение программ для изменения идентификационного кода абонентского устройства».

Изучение данных уголовной статистики Комитета правовой статистики и специальных учетов (далее – КПСиСУ) при Генеральной прокуратуре РК показывает рост регистрации этих уголовных правонарушений за период с 2020 по 2025 годы более чем втрое, хотя в абсолютных величинах их количество сравнительно невелико, особенно в общей криминальной массе.

Так, в 2020 году всего по данным девяти составов было зарегистрировано 62 факта, в 2021 году – 74, в 2022 году – 85, в 2023 году – 77, в 2024 году – 122, в 2025 году – 215⁵ (рис. 1).

³ Конвенция о компьютерных преступлениях: Будапешт, 23 нояб. 2001 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://rm.coe.int/1680081580> (дата обращения: 27.03.2026).

⁴ Конвенция Организации Объединенных Наций против киберпреступности; укрепление международного сотрудничества в борьбе с определенными преступлениями, совершаемыми с использованием информационно-коммуникационных систем, и в обмене доказательствами в электронной форме, относящимися к серьезным преступлениям: принята резолюцией 79/243 Генеральной Ассамблеи от 24 дек. 2024 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.un.org/ru/documents/assembly/A-RES-79-243> (дата обращения: 27.03.2026).

⁵ Отчет 1-М «О зарегистрированных уголовных правонарушениях» // Статистические отчеты КПСиСУ при Генеральной прокуратуре РК [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://qamqor.gov.kz/portal/page/portal/POPageGroup/Services/Pravstat> (дата обращения: 28.03.2026).

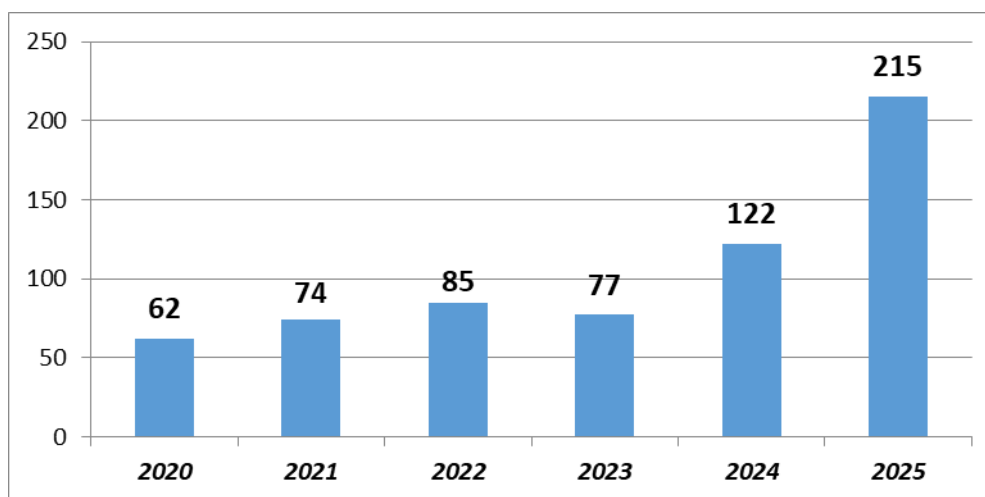

Рис. 1. Динамика регистрации уголовных правонарушений по главе 7 УК РК

В то же время реальная действительность серьезно отличается от статистических данных. Так, по итогам 2025 года АО «Государственная техническая служба» зафиксировано более 61 тыс. инцидентов в области информационной безопасности, в т.ч. с вирусами, сетевыми червями и троянами. Среди них DoS/DDoS-атаки, в т.ч. на государственные органы (11 фактов), несанкционированный доступ и модификация содержания (22 факта)⁶.

Если сравнить эту информацию с уголовной регистрацией по этим составам, то можно увидеть, что по статье 207 УК РК, регламентирующей ответственность за атаки, в 2025 году было зарегистрировано всего 4 факта из 11. И наоборот, по статьям 205 и 206 УК РК (несанкционированный доступ и модификация содержания) зарегистрировано 124 факта, т.е. в несколько раз больше, чем приводится в отчете АО «Государственная техническая служба».

При этом в июне 2025 года произошла масштабная утечка персональных данных – в открытом доступе оказалось 16,3 млн записей, содержащих фамилии, имена, индивидуальные идентификационные номера (ИИН), адреса, даты рождения, номера телефонов и другие сведения о казахстанцах [4]. В то же время, согласно данным уголовной статистики, ущерб от всех подобных фактов по статье 205 УК РК не зарегистрирован.

Следующий блок уголовных правонарушений, связанных с информационной сферой, также представляет большой интерес с точки зрения количества и качества. В него включены более привычные и традиционные составы, в т.ч. кражи и мошенничества, составляющие основную долю в общей криминогенной ситуации.

По состоянию на 31 декабря 2025 года в УК РК содержалось 34 состава, где в качестве квалифицирующего признака указывалось совершение деяния в сфере информатизации и связи, а также посредством использования сети Интернет⁷.

Вместе с тем полноценный анализ этой группы уголовных правонарушений затруднителен в связи с тем, что уголовная статистика по ним не отражает указанного квалифицирующего признака. Исключение представляет лишь интернет-мошенничества, информация по которым присутствует на портале КПСиСУ. Но даже по ним количественные показатели на несколько порядков превышают суммарное количество всех уголовных правонарушений по главе 7 УК РК.

⁶ Киберкод 2025: вызовы цифровой эпохи [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://sts.kz/storage/media/%D0%9A%D0%B8%D0%B1%D0%B5%D1%80%D0%B4%D0%B0%D0%B9%D0%B4%D0%B6%D0%B5%D1%81%D1%82%202025_1.pdf (дата обращения: 28.03.2026).

⁷ Уголовный кодекс Республики Казахстан: от 3 июля 2014 г. № 226-V ЗРК [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226> (дата обращения: 08.10.2025).

Так, в 2020 году было совершено 15 058 фактов интернет-мошенничества, в 2021 году – 23 351, в 2022 году – 22 898, в 2023 году – 23 800, в 2024 году – 21 387, в 2025 году – 28 851⁸ (рис. 2).

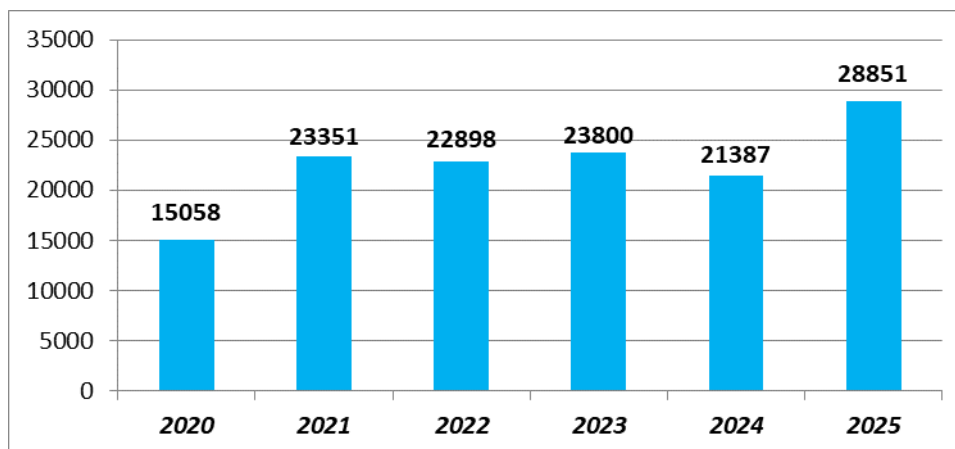

Рис. 2. Динамика интернет-мошенничеств

Понятно, что и по другим составам этого блока уголовных правонарушений значительная часть совершается или в недалеком будущем будет в значительной степени совершаться в сфере информатизации и связи, а также посредством использования сети Интернет.

В то же время объективно анализировать их динамику не представляется возможным в связи с тем, что соответствующих данных в открытой статистике не хватает. Так, в приложении PRIL 1 отчетности М-1 КПСиСУ присутствует реквизит «с использованием компьютера». Согласно ему, таким образом в 2020 году было совершено всего 6 краж из 67 254 зарегистрированных (0,00009%), в 2021 году – 12 из 57 498 (0,0002%), в 2022 году – 4 из 58 880 (0,00007%), в 2023 году – 3 из 42 639 (0,00007%), в 2024 году – 5 из 29 089 (0,0002%), в 2025 году – 6 из 23 266 (0,0006%)⁹ (рис. 3).

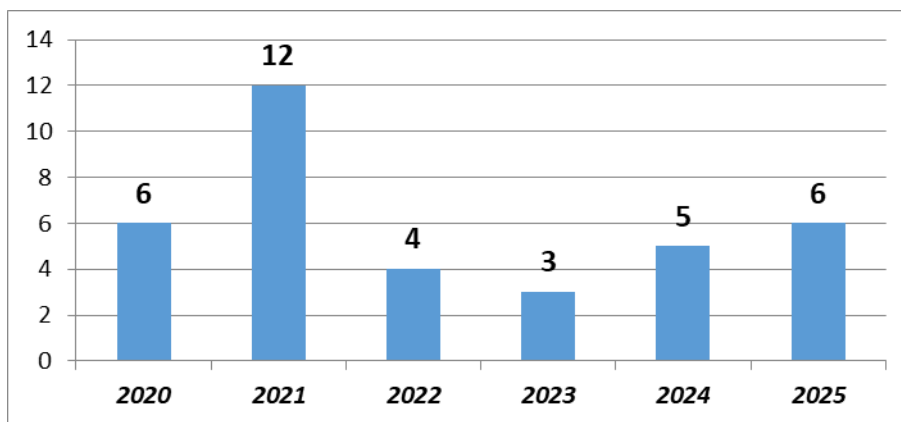

Рис. 3. Динамика регистрации краж, совершенных с использованием компьютера

⁸ Отчет 1-М «О зарегистрированных уголовных правонарушениях» КПСиСУ при Генеральной прокуратуре РК [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://qamqor.gov.kz/crimestat/statistics> (дата обращения: 28.03.2026).

⁹ Там же.

С учетом доли интернет-мошенничеств в общем их количестве очевидно, что такие цифры явно не отражают реальное состояние по кражам, которые также, вероятно, в значительной части совершаются с использованием новых информационных технологий.

Аналогичные вопросы возникают и по другим, более серьезным уголовным правонарушениям. Если изучить статистику в приложении PRIL 1 отчетности М-1 КПСиСУ по результатам 2022 года, то получается следующая картина.

Так, по статье 174 УК РК «Разжигание социальной, национальной, родовой, расовой, сословной или религиозной розни» было зарегистрировано 46 фактов, из них с использованием компьютера – ни одного. Аналогично обстоят дела:

- по статье 179 УК РК «Пропаганда или публичные призывы к захвату или удержанию власти либо насильственное изменение строя Республики Казахстан» (46 фактов);
- по статье 180 УК РК «Сепаратистская деятельность» (7 фактов).

Аналогичная ситуация по данному реквизиту за 2023-2025 гг.

Маловероятно, что эти весьма актуальные и опасные в настоящее время уголовные правонарушения совершались без использования информационных технологий, в т.ч. компьютеров.

Некорректность таких статистических данных еще более наглядно видна при анализе количественных показателей по статье 299-1 УК РК «Пропаганда или незаконная реклама наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, прекурсоров». Среди сотни ежегодно регистрируемых фактов лишь единицы значатся как совершенные с помощью компьютера. При этом общеизвестно, что практически вся пропаганда или реклама наркотиков ведется через информационные платформы.

Аналогичная проблема существует и в России, где многие ученые и практики констатируют факт, что состояние уголовно-правовой статистики из технической проблемы переросло в проблему социальную [5].

Таким образом, уголовная статистика по ряду актуальных показателей в сфере противодействия киберпреступности не является корректной, что препятствует полноценному анализу состояния криминогенной ситуации по данной линии. Следовательно, планирование каких-либо действенных управленческих мер в этой сфере изначально не может быть соответствующим.

Отсюда следует необходимость внесения корректировок в рассматриваемый реквизит «с использованием компьютера» приложения PRIL 1 отчетности М-1 КПСиСУ и сопряжения его данных с реальной информацией, фиксируемой в Едином реестре досудебных расследований (ЕРДР) по конкретным уголовным делам.

Кроме того, следует изменить название этого реквизита, т.к. оно морально устарело. В нынешних условиях значительная часть киберпреступлений совершается не только с помощью компьютеров, но и посредством телефонов и других технических устройств. К тому же, в недалеком будущем прогнозируется распространение таких уголовных правонарушений, совершаемых с использованием технологий искусственного интеллекта (ИИ) и дипфейков (deep fake). Об этом говорят многие эксперты.

Более того, отечественные ученые, указывая на некорректность уголовной статистики в этой сфере, предлагают вывести киберпреступность в отдельную категорию учета с связи ее явной спецификой [6].

Об аналогичных тенденциях говорят отечественные и зарубежные специалисты. Так, О.Ж. Жолдасов отмечает, что из-за высокой технологичности и новизны таких преступлений официальная уголовная статистика не отражает их реальные масштабы [7]. Т. Сиппи и Ф. Енок указывают на то, что уголовная статистика фиксирует состав преступления, но не метод его

совершения. Из-за отсутствия специальных статистических меток в базах данных невозможно вычленишь, какая доля преступлений совершена с применением, М. Халил говорит о критическом «внутреннем лаге» государственной статистики, которая не успевает за динамикой киберпреступности. Поэтому автор вынужден получать альтернативную картину из отчетов аналитических агентств и регуляторов, таких как Ofcom, NIST, DARPA [9].

В этой связи было бы целесообразно данный реквизит расширить и привести в соответствие с квалифицирующими признаками, обозначенными в соответствующих нормах УК РК – «совершенное в сфере информатизации и связи, а также посредством использования сети Интернет».

Заключение. Обобщая результаты изучения уголовной статистики в сфере киберпреступности, можно сделать вывод, что она пока находится на стадии становления и формирования. С одной стороны, это объяснимо новизной проблематики и традиционным отставанием правоохранительной практики от развития преступности. С другой стороны, такое несоответствие статистических данных реальной криминогенной ситуации внушает серьезные опасения, т.к. другой цифровой базы для прогнозирования перспективной правоохранительной деятельности не существует.

Соответственно, если эта база не корректна, то неадекватными будут и организационно-управленческие меры по противодействию киберпреступности.

Отсюда следует, что уголовная статистика по данной линии критически нуждается в корректировке с целью ее приближения к действительной картине оперативной обстановки.

Не хотелось бы, чтобы и в данном сегменте уголовной статистики имело под собой основание расхожее выражение о том, что существуют три вида лжи: ложь, наглая ложь и статистика [10].

Статья подготовлена в рамках реализации грантового проекта «Модернизация механизмов расследования киберпреступлений в Республике Казахстан», финансируемого Комитетом науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (AP 26198915).

Список использованной литературы:

1. Драпезо, Р.Г. Особенности использования результатов оперативно-розыскного мероприятия «получение компьютерной информации» / Р.Г. Драпезо, В.Н. Шелестюков // Российский следователь. – 2018. – № 9. – С. 65-72.
2. Рогова, Е.В. Уголовно-правовая статистика и реальное состояние преступности в России / Е.В. Рогова // Глагол правосудия. – 2015. – № 2 (10). – С. 34-39.
3. Ткачев, П.Н. Статистические этюды (Опыт разработки русской уголовной статистики) / П.Н. Ткачев // Библиотека для чтения. – 1863. – № 10. – С. 1-33.
4. А. Шашкина. Уголовную ответственность за утечку данных могут ввести в Казахстане [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/ugolovnuyu-otvetstvennost-massovuuyu-utechku-dannyih-mogut-596092/ (дата обращения: 28.03.2026).
5. Гаврилов, Б.Я. Современная уголовная политика России: цифры и факты / Б.Я. Гаврилов. – М.: Проспект, 2008. – 208 с.
6. Сатбаева, А.М. Проблемы противодействия киберпреступности: опыт международного сотрудничества / А.М. Сатбаева, А.Р. Алимбетова, М.Т. Бейсенбаева // Вестник института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. – 2024. – № 3 (78). – С. 211-221.
7. Жолдасов, О.Ж. Актуальные вопросы уголовного права в условиях развития технологий искусственного интеллекта / О.Ж. Жолдасов, Ж.А. Кегембаева // Құқық қорғау органдары академиясының Жаршысы. – 2025. – № 1 (35). – С. 157-165.
8. Sippy, T. Behind the Deepfake: 8% Create 90% Concerned / T. Sippy, F. Enock // The Alan Turing Institute [Электронный ресурс] – Режим доступа: [https://www.turing.ac.uk/news/publications/behind-deepfake-8-create-90-concerned#:~:text=First%2C%20on%20average%2C%2015%25,was%20relatively%20low%20\(8%25\)](https://www.turing.ac.uk/news/publications/behind-deepfake-8-create-90-concerned#:~:text=First%2C%20on%20average%2C%2015%25,was%20relatively%20low%20(8%25)) (дата обращения: 29.03.2026).
9. M. Khalil. Deepfake Statistics 2025: AI Fraud Data & Trends [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://deepstrike.io/blog/deepfake-statistics-2025> (дата обращения: 29.03.2026).

10. Huff, D. How to Lie with Statistics / D. Huff, I. Geis // W.W. Norton & Company Inc., 1954. – 144 p.

References:

1. Drapezo, R.G. Osobennosti ispol'zovaniya rezul'tatov operativno-rozysknogo meroprijatija «poluchenie komp'juternoj informacii» / R.G. Drapezo, V.N. Shelestjukov // Rossijskij sledovatel'. – 2018. – № 9. – S. 65-72.
2. Rogova, E.V. Ugolovno-pravovaja statistika i real'noe sostojanie prestupnosti v Rossii / E.V. Rogova // Glagol pravosudija. – 2015. – № 2 (10). – S. 34-39.
3. Tkachev, P.N. Statisticheskie jetjudy (Opyt razrabotki russkoj ugolovnoj statistiki) / P.N. Tkachev // Biblioteka dlja chtenija. – 1863. – № 10. – S. 1-33.
4. A. Shashkina. Ugolovnuju otvetstvennost' za utechku dannyh mogut vvesti v Kazahstane [Jelektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/ugolovnuyu-otvetstvennost-massovuyu-utechku-dannyih-mogut-596092/ (data obrashhenija: 28.03.2026).
5. Gavrilov, B.Ja. Sovremennaja ugolovnaja politika Rossii: cifry i fakty / B.Ja. Gavrilov. – M.: Prospekt, 2008. – 208 s.
6. Satbaeva, A.M. Problemy protivodejstviya kiberprestupnosti: opyt mezhdunarodnogo sotrudnichestva / A.M. Satbaeva, A.R. Alimbetova, M.T. Beisenbaeva // Vestnik instituta zakonodatel'stva i pravovoj informacii Respubliki Kazahstan. – 2024. – № 3 (78). – S. 211-221.
7. Zholdasov, O.Zh. Aktual'nye voprosy ugolovnogo prava v uslovijah razvitija tehnologij iskusstvennogo intellekta / O.Zh. Zholdasov, Zh.A. Kegembaeva // Құқық қорғау органдары академиясының Жаршысы. – 2025. – № 1 (35). – S. 157-165.
8. Sippy, T. Behind the Deepfake: 8% Create 90% Concerned / T. Sippy, F. Enock // The Alan Turing Institute [Jelektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: [https://www.turing.ac.uk/news/publications/behind-deepfake-8-create-90-concerned#:~:text=First%2C%20on%20average%2C%2015%25,was%20relatively%20low%20\(8%25\)](https://www.turing.ac.uk/news/publications/behind-deepfake-8-create-90-concerned#:~:text=First%2C%20on%20average%2C%2015%25,was%20relatively%20low%20(8%25)) (data obrashhenija: 29.03.2026).
9. M. Khalil. Deepfake Statistics 2025: AI Fraud Data & Trends [Jelektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: <https://deepstrike.io/blog/deepfake-statistics-2025> (data obrashhenija: 29.03.2026).
10. Huff, D. How to Lie with Statistics / D. Huff, I. Geis // W.W. Norton & Company Inc., 1954. – 144 p.

АВТОРЛАР ТУРАЛЫ МӘЛІМЕТТЕР / СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Канат Саметулы Лакбаев – Қазтұтынуодағы Қарағанды университеті экономикалық және құқықтық зерттеулер ғылыми-зерттеу институтының бас ғылыми қызметкері, заң ғылымдарының докторы, профессор, e-mail: k.lakbaev@mail.ru.

Лакбаев Канат Саметович – главный научный сотрудник научно-исследовательского института экономических и правовых исследований Карагандинского университета Казпотребсоюза, доктор юридических наук, профессор, e-mail: k.lakbaev@mail.ru.

Lakbayev Kanat Sametovich – Chief Researcher of Research Institute of Economic and Legal Research of Karaganda University of Kazpotrebsoyuz, Doctor of Legal Sciences, Professor, e-mail: k.lakbaev@mail.ru.

Лейла Климентьевна Аренова – Қазтұтынуодағы Қарағанды университетінің экономикалық қатынастарды құқықтық реттеу кафедрасының профессоры, заң ғылымдарының кандидаты, e-mail: leila.arenova.73@inbox.ru.

Аренова Лейла Климентьевна – профессор кафедры правового регулирования экономических отношений Карагандинского университета Казпотребсоюза, кандидат юридических наук, e-mail: leila.arenova.73@inbox.ru.

Arenova Leila Klimentievna – Professor of the Department of Legal Regulation of Economic Relations at the Karaganda University of Kazpotrebsoyuz, Candidate of Law Sciences, e-mail: leila.arenova.73@inbox.ru.

Д.К. Райбаев, М.К. Нуркенова

Академия управления Министерства внутренних дел Республики Казахстан, г. Астана, Республика Казахстан

ОРГАНИЗАЦИЯ ТРУДОУСТРОЙСТВА ОСУЖДЕННЫХ В УЧРЕЖДЕНИЯХ МИНИМАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ПРОБЛЕМЫ, РИСКИ И НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Аннотация. В статье рассматривается воспитательная работа с осужденными, содержащимися в учреждениях минимальной безопасности Республики Казахстан, включая лиц, фактически вовлеченных в трудовую деятельность. Показано, что минимальная безопасность предполагает не только смягченный режим, но и особую нагрузку на адресное сопровождение, поскольку трудоустроенные осужденные чаще взаимодействуют с работодателями, социальным окружением и внешней средой. На основе анализа законодательства, ведомственной эмпирики и научных подходов обоснована необходимость связывать воспитательное воздействие с оценкой риска, устойчивостью правомерного поведения и задачами ресоциализации. Отмечается, что формальный подсчет мероприятий не отражает их профилактической полезности, если не учитываются причины нарушений и динамика поведения. Ресоциализация рассматривается как продолжительный процесс, начинающийся до освобождения и связанный с трудовыми навыками, ответственностью и социальными связями. Представлены предложения по уточнению ведомственных правил, развитию межведомственного взаимодействия, применению элементов динамической безопасности и закреплению индивидуальных программ сопровождения. Общественная безопасность при таком подходе выступает итоговым социальным результатом воспитательной работы.

Ключевые слова: воспитательная работа; минимальная безопасность; трудоустроенные осужденные; адресное сопровождение; оценка риска; правомерное поведение; ресоциализация; динамическая безопасность; межведомственное взаимодействие; общественная безопасность.

Д.К. Райбаев, М.К. Нуркенова

Қазақстан Республикасы Ішкі істер министрлігінің Басқару академиясы, Астана қ., Қазақстан Республикасы

ҚАУІПСІЗДІГІ БАРЫНША ТӨМЕН МЕКЕМЕЛЕРДЕ СОТТАЛҒАНДАРДЫ ЕҢБЕКПЕН ҚАМТАМАСЫЗ ЕТУДІ ҰЙЫМДАСТЫРУ: ПРОБЛЕМАЛАР, ТӘУЕКЕЛДЕР ЖӘНЕ ЖЕТІЛДІРУ БАҒЫТТАРЫ

Аннотация. Мақалада Қазақстан Республикасының қауіпсіздігі барынша төмен мекемелерінде ұсталатын, оның ішінде нақты еңбек қызметіне тартылған сотталғандармен жүргізілетін тәрбие жұмысы қарастырылады. Қауіпсіздігі барынша төмен режим тек жеңілдетілген ұстау тәртібін ғана емес, сонымен қатар жеке сүйемелдеуге қойылатын ерекше талаптар қоятыны көрсетіледі, өйткені еңбекпен қамтылған сотталғандар жұмыс берушілермен, әлеуметтік ортамен және сыртқы байланыстармен жиі қатынас жасайды. Заңнаманы, ведомстволық тәжірибе және ғылыми тәсілдерді талдау негізінде тәрбиелік ықпалды тәуекелді бағалаумен, тұрақты құқыққа сай мінез-құлықтың тұрақтылығымен және қайта әлеуметтендіру міндеттерімен байланыстыру қажеттігі негізделеді. Іс-шаралардың сандық есебін бұзушылық себептері мен мінез-құлық динамикасын ашпайынша, профилактикалық нәтижені толық көрсетпейтіні атап өтіледі. Қайта әлеуметтендіру босатуға дейін басталатын, еңбек дағдыларымен және әлеуметтік байланыстармен ұштасатын ұзақ процесс ретінде бағаланады. Ведомстволық қағидаларды нақтылау, ведомствоаралық өзара іс-қимылды дамыту, динамикалық қауіпсіздік элементтерін қолдану және қоғамдық қауіпсіздікке бағытталған жеке сүйемелдеу бағдарламаларын бекіту ұсынылады. Нәтижесінде қоғамдық қауіпсіздікті қамтамасыз етуге бағытталған кешенді сүйемелдеу моделі ұсынылады.

Түйінді сөздер: тәрбие жұмысы; барынша төмен қауіпсіздік; сотталғандарды еңбекпен қамту; жеке сүйемелдеу; тәуекелді бағалау; тұрақты құқыққа сай мінез-құлық; қайта әлеуметтендіру; динамикалық қауіпсіздік; ведомствоаралық өзара іс-қимыл; қоғамдық қауіпсіздік.

D.K. Raibaev, M.K. Nurkenova

*Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan,
Astana, the Republic of Kazakhstan*

ORGANIZING THE EMPLOYMENT OF CONVICTS IN MINIMUM-SECURITY INSTITUTIONS: PROBLEMS, RISKS AND AREAS FOR IMPROVEMENT

Abstract. The article examines educational work with convicts held in minimum-security institutions of the Republic of Kazakhstan, including those actually involved in labour activities. It argues that minimum security is not limited to a less restrictive regime, but also places a special burden on targeted support, since employed convicts more often interact with employers, social networks and the external environment. Based on legislation, departmental empirical data and scholarly approaches, the article substantiates the need to link educational influence with risk assessment, stable law-abiding behaviour and resocialization. It is noted that a formal count of activities does not show their preventive value unless the causes of violations and behavioural dynamics are considered. The article proposes clarifying departmental rules, strengthening interagency cooperation, applying elements of dynamic security and introducing individual support programmes aimed at public safety.

Keywords: educational work; minimum security; employed convicts; targeted support; risk assessment; law-abiding behaviour; resocialization; dynamic security; interagency cooperation; public safety.

DOI: 10.52425/25187252_2026_40_85

Введение. Минимальная безопасность в уголовно-исполнительной системе отличается от более закрытых режимов не только уровнем изоляции. В таких учреждениях осужденный чаще сохраняет внешние социальные связи, участвует в трудовой занятости и постепенно приближается к условиям жизни после освобождения. Поэтому воспитательная работа здесь не может быть сведена к проведению плановых бесед или культурно-массовых мероприятий. Ее содержание должно быть ближе к реальной повседневности осужденного: трудовой дисциплине, маршрутам перемещения, контактам с работодателем, семейным отношениям, конфликтам и личной готовности соблюдать установленные ограничения.

В научной литературе воспитательная работа среди осужденных рассматривается как одно из устойчивых направлений исправительного воздействия. В.Н. Жамулдинов обращает внимание на то, что педагогическая составляющая исполнения наказания сохраняет значение даже тогда, когда внешние условия учреждения меняются и становятся более открытыми [1]. Для учреждений минимальной безопасности этот вывод особенно важен: чем больше у осужденного пространства для самостоятельного поведения, тем выше значение содержательной профилактики, а не только режима.

Правовая сторона вопроса также требует уточнения. В сравнительно-правовом исследовании А.Н. Сирякова и Э.Х. Абишева подчеркивается, что законодательство о воспитательной работе с осужденными в России и Казахстане развивается вокруг идеи индивидуализации исправительного процесса, однако практическая детализация форм и процедур остается неодинаковой [2]. Отсюда следует, что минимальная безопасность должна рассматриваться не как «облегченная» разновидность исполнения наказания, а как особая среда, где адресное сопровождение становится центральным условием управляемости поведения.

Международные стандарты подтверждают эту логику. Правила Нельсона Манделы исходят из уважения достоинства заключенного, необходимости индивидуального подхода и ориентации исполнения наказания на возвращение человека к жизни в обществе¹. Следовательно, воспитательная работа в учреждениях минимальной безопасности должна сочетать доверие и

¹ The United Nations Standard Minimum Rules for the Treatment of Prisoners (the Nelson Mandela Rules) [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.unodc.org/documents/justice-and-prison-reform/Nelson_Mandela_Rules-E-ebook.pdf (дата обращения: 25.04.2026).

контроль, поддержку и требовательность, свободу трудовой адаптации и ясное понимание последствий нарушения порядка.

Наиболее уязвимой в этом отношении является группа лиц, работающих за пределами жилой зоны либо регулярно взаимодействующих с внешними организациями. Трудоустроенные осужденные находятся на пересечении двух пространств: внутри учреждения сохраняются режим, обязанности и ответственность перед администрацией, а вне учреждения появляются требования работодателя, производственный темп, контакты с коллективом и бытовые факторы. Если между этими пространствами нет согласованности, воспитательная работа теряет практическую адресность.

Цель исследования состоит в выявлении правовых и организационных проблем трудоустройства осужденных в учреждениях минимальной безопасности, определении рисков, возникающих при осуществлении ими трудовой деятельности, в т.ч. за пределами жилой зоны учреждения, а также в разработке предложений по совершенствованию контроля, индивидуального сопровождения и взаимодействия с работодателями.

Для достижения указанной цели решаются следующие задачи: проанализировать нормативные основы и организационные особенности трудоустройства осужденных в учреждениях минимальной безопасности; определить основные риски внешней трудовой занятости; оценить ведомственные данные о дисциплинарных нарушениях на объектах труда; раскрыть возможности риск-ориентированного отбора, динамической безопасности и индивидуального социально-воспитательного сопровождения; сформулировать предложения по совершенствованию ведомственных правил, межведомственного взаимодействия и критериев оценки трудовой адаптации.

Материалы и методы. Исследование основано на сочетании формально-юридического, сравнительно-правового и аналитического методов. Формально-юридический метод использован при рассмотрении уголовно-исполнительного законодательства Республики Казахстан (далее – РК) и ведомственных правил, регулирующих воспитательную работу с осужденными к лишению свободы². Сравнительно-правовой подход применен при обращении к международным стандартам и современным концепциям исправительного воздействия. Аналитический метод позволил сопоставить нормативные требования с ведомственной эмпирикой и практическими ситуациями, характерными для учреждений минимальной безопасности.

Эмпирическую основу составили обобщенные ведомственные данные о дисциплинарной практике в учреждениях уголовно-исполнительной системы за 12 месяцев 2025 года, а также материалы служебного анализа отдельных ситуаций, связанных с трудоустройством осужденных вне периметра учреждения. Данные использованы в обобщенном виде, без персональных сведений, что соответствует требованиям конфиденциальности и исследовательской этики.

Для теоретического объяснения полученных результатов использованы три взаимодополняющих подхода. Первый связан с десистанс-исследованиями, где отказ от преступного поведения рассматривается как длительный процесс закрепления новой социальной роли, а не как одномоментный результат формального воздействия [3]. Второй опирается на психологию криминального поведения и идею соотношения риска, потребностей и восприимчивости осужденного к коррекционным программам [4]. Третий подход раскрывает модель Risk-Need-Responsivity и показывает, что эффективная профилактика должна учитывать не только уровень риска, но и изменяемые криминогенные потребности личности [5].

² Уголовно-исполнительный кодекс Республики Казахстан: от 5 июля 2014 г. № 234-V ЗРК [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000234> (дата обращения: 25.04.2026);

Об утверждении Правил проведения воспитательной работы с осужденными к лишению свободы: приказ Министра внутренних дел Республики Казахстан от 13 авг. 2014 г. № 508 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V14C0009729> (дата обращения: 25.04.2026).

Такой методологический выбор оправдан именно спецификой минимальной безопасности. Здесь воспитательная работа оценивается не количеством мероприятий, а способностью персонала своевременно увидеть риск, определить его источник, выбрать разумную интенсивность вмешательства и встроить сопровождение в те ситуации, где нарушение действительно может возникнуть. Поэтому оценка риска рассматривается в статье не как отдельная анкета или формальная процедура, а как элемент повседневного управленческого решения.

Результаты, обсуждение. Действующее регулирование задает общую рамку воспитательной работы, но не всегда достаточно точно описывает особенности учреждений минимальной безопасности. В правилах закреплены формы индивидуального и группового воздействия, обязанности сотрудников, общие направления профилактики, однако трудовая занятость за пределами жилой зоны требует более конкретного алгоритма. На практике сотруднику необходимо понимать не только то, какие мероприятия следует провести, но и как учитывать производственную дисциплину, взаимоотношения с работодателем, влияние коллектива, маршрут движения и возможные внешние контакты.

Именно здесь проявляется противоречие между универсальной отчетностью и реальным сопровождением. Формально учреждение может выполнить план воспитательных мероприятий, провести беседы, лекции, встречи и профилактические часы. Однако это еще не означает, что у конкретного осужденного укрепились правомерное поведение. Если не анализируются причины нарушений, повторяемость проступков, динамика мотивации к труду и качество социальных связей, то воспитательная работа остается внешне завершенной, но содержательно слабой.

Адресное сопровождение предполагает иной порядок мышления. Индивидуальная работа должна исходить из того, что трудоустроенные осужденные различаются по уровню самоконтроля, криминальному опыту, семейной поддержке, конфликтности, зависимому поведению и готовности выполнять правила без постоянного внешнего давления. Поэтому индивидуальный план не должен быть одинаковым для всех. В нем желательно фиксировать выявленные факторы риска, ожидаемые поведенческие изменения, меры профилактики и понятные критерии прогресса.

Эмпирическую основу исследования составили обобщенные ведомственные данные о дисциплинарной практике в учреждениях уголовно-исполнительной системы РК за 12 месяцев 2025 года, а также материалы служебного анализа отдельных ситуаций, связанных с трудоустройством осужденных вне периметра учреждения. Указанные материалы использованы в обезличенном и обобщенном виде, без раскрытия персональных сведений и служебной информации ограниченного доступа. Ведомственная эмпирика подтверждает, что вопрос имеет не абстрактный, а вполне практический характер. По данным служебного учета и аналитического обзора УВСПРСО Комитета уголовно-исполнительной системы за 12 месяцев 2025 года³, осужденными допущено 10 091 нарушение дисциплины, тогда как годом ранее было зафиксировано 10 090. Из указанного массива 9 501 нарушение пришлось на жилую зону, 590 – на промышленную. При внешней стабильности общего показателя обращает на себя внимание рост нарушений на объектах труда: с 436 до 590. Этот сдвиг показывает, что зона трудовой активности остается уязвимым участком, где режимный контроль и воспитательная работа должны действовать совместно.

Структура нарушений также неоднородна. Общее количество злостных нарушений снизилось с 3 281 до 3 112, однако отдельные виды повторяющегося поведения, напротив,

³ Комитет уголовно-исполнительной системы Министерства внутренних дел Республики Казахстан. Обобщенные ведомственные данные о дисциплинарной практике в учреждениях уголовно-исполнительной системы Республики Казахстан за 12 месяцев 2025 года. Служебные аналитические материалы. Не опубликовано. Использовано авторами без раскрытия персональных сведений.

выросли. Так, отказ без уважительных причин от работ по благоустройству увеличился с 559 до 660 случаев, а повторное однородное нарушение, за которое в течение шести месяцев уже применялись меры взыскания, – с 248 до 343 случаев. Эти данные не позволяют говорить о простой положительной динамике. Скорее они указывают на то, что дисциплинарная картина меняется неравномерно, а профилактический потенциал воспитательной работы используется не полностью.

Отдельного внимания заслуживают материалы мониторинга воспитательных и профилактических мероприятий с применением видеонаблюдения. В ряде учреждений установлено, что соответствующая работа проводилась формально либо фактически отсутствовала. Дополнительно выявлялись нарушения порядка предоставления выездов за пределы учреждения, включая случаи, когда трудовые отпуска предоставлялись сверх ограничений трудового законодательства. Следовательно, слабым звеном выступает не только поведение осужденного, но и организация сопровождения со стороны учреждения.

На практике значительная часть нарушений обусловлена не столько наличием прямой криминальной мотивации, сколько бытовыми и управленческими причинами, включая: непонимание требований работодателя, неумение разрешить конфликт, эмоциональное напряжение, влияние микрогруппы, слабые коммуникативные навыки, неустойчивую мотивацию к труду. В таких условиях воспитательная работа должна включать не только правовое информирование, но и развитие навыков саморегуляции, конструктивного общения, ответственности за рабочее поведение и понимания границ допустимого.

С позиции общественной безопасности трудовая занятость имеет двойственный характер. С одной стороны, она может стать ресурсом ресоциализации: человек осваивает режим труда, получает социально полезную роль, восстанавливает чувство ответственности и постепенно формирует законопослушную траекторию. С другой стороны, при слабом контроле трудовая занятость способна превратиться в канал нежелательных контактов, неформальных договоренностей, зависимостей или иных криминогенных влияний. Поэтому оценка риска должна сопровождать весь процесс – от отбора кандидата на внешнюю работу до анализа его поведения после возвращения в учреждение.

Практически оправданно рассматривать сопровождение по этапам. Первый этап – отбор кандидата и проверка его готовности к внешней трудовой среде. Второй – адаптация на рабочем месте и объяснение требований работодателя. Третий – сопровождение маршрутов, режима времени и контактов. Четвертый – реагирование на инцидент без чрезмерного запаздывания. Пятый – подготовка к освобождению, где трудовой опыт должен быть связан с будущей законопослушной жизнью. Такая логика позволяет отказаться от абстрактного контроля и сделать адресное сопровождение более предметным.

Если обобщить типичные сценарии, то чаще всего повторяются три группы ситуаций. Первая – конфликты в трудовой среде, вызванные низкой стрессоустойчивостью и дефицитом социальных навыков. Вторая – нарушения маршрута и времени перемещения, которые становятся возможными при слабой предварительной профилактике. Третья – риск вовлечения во внешние криминогенные связи при отсутствии устойчивых позитивных опор. Следовательно, воспитательная работа должна быть направлена не только на реакцию после нарушения, но и на раннее распознавание этих сценариев.

В современных пенитенциарных подходах все большее значение получает динамическая безопасность. В отличие от сугубо технического контроля, она строится на профессиональном знании осужденных, постоянном наблюдении за изменениями в их поведении, доверительном, но требовательном взаимодействии персонала и своевременном обмене значимой информацией. Руководство УНП ООН по динамической безопасности и пенитенциарной разведке подчеркивает,

что порядок в учреждении обеспечивается не только физическими барьерами, но и качеством отношений, наблюдения и анализа сведений⁴. Для минимальной безопасности этот подход особенно важен, поскольку часть рисков формируется за пределами жилой зоны.

Одновременно нельзя игнорировать роль современных технических средств. Электронный контроль, видеонаблюдение, средства учета перемещений и идентификации личности способны повысить управляемость процессов, связанных с нахождением осужденных вне учреждения. Исследование Б.Т. Уразалина и А.Д. Дарменова показывает, что разработка технико-криминалистических средств для учреждений минимальной безопасности имеет прикладное значение именно в связи с обеспечением контроля за поведением и перемещением осужденных [6]. Однако техника сама по себе не заменяет воспитательную работу. Она становится полезной только тогда, когда полученная информация используется для профилактики, анализа поведения и индивидуального сопровождения.

Межведомственное взаимодействие здесь приобретает самостоятельное значение. В процесс фактически вовлечены администрация учреждения, сотрудники воспитательной и психологической служб, работодатели, подразделения, отвечающие за безопасность и конвоирование, социальные службы, а на завершающем этапе – служба пробации. Если информация между ними передается нерегулярно или запаздывает, то оценка риска становится неполной. Поэтому необходимо закрепить понятный порядок обмена сведениями: какие обстоятельства работодатель сообщает учреждению, как фиксируются опоздания, конфликты и нарушения трудовой дисциплины, кто принимает решение об усилении сопровождения и как учитывается положительная динамика.

Важной является и связь с ресоциализацией после освобождения. Д. Несипбаева, анализируя развитие уголовно-исполнительной политики РК, обращает внимание на то, что проблемы лиц, освобождаемых из мест лишения свободы, нельзя решать только после выхода человека из учреждения [7]. Подготовка должна начинаться заранее, еще в период отбывания наказания. Для учреждений минимальной безопасности это означает, что трудовая занятость должна рассматриваться не как временная занятость внутри срока, а как часть будущей социальной траектории.

Поэтому минимальная безопасность требует специального раздела в ведомственных правилах воспитательной работы. В таком разделе следует закрепить цели сопровождения при расширенных внешних контактах, порядок составления индивидуального плана на основе оценки риска и потребностей, обязанности сотрудников при трудоустройстве осужденного вне жилой зоны, механизм взаимодействия с работодателем, а также алгоритм реагирования на тревожные индикаторы поведения.

Не менее важно определить минимальный стандарт программного наполнения. Он может включать правовое информирование, профилактику зависимого и насильственного поведения, обучение навыкам самоконтроля, управление конфликтом, подготовку к освобождению и работу с семьей. Для трудоустроенных осужденных эти программы должны быть связаны с реальными трудовыми ситуациями: отношениями с руководителем, выполнением графика, соблюдением маршрута, отказом от несанкционированных контактов, ответственностью за нарушение условий труда и режима.

Показатели эффективности также нуждаются в пересмотре. Количество проведенных мероприятий само по себе не показывает результата. Более точными индикаторами могут быть повторяемость нарушений, стабильность трудовой занятости, отсутствие нарушений маршрута, динамика психологической диагностики, качество социальных связей, готовность к

⁴ Handbook on Dynamic Security and Prison Intelligence [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.unodc.org/documents/justice-and-prison-reform/UNODC_Handbook_on_Dynamic_Security_and_Prison_Intelligence.pdf (дата обращения: 25.04.2026).

освобождению и способность осужденного объяснить собственные обязанности. Такой подход позволяет связать воспитательную работу с правомерным поведением, а не только с отчетностью.

Таким образом, обновление модели воспитательной работы в учреждениях минимальной безопасности должно опираться на три взаимосвязанных элемента: адресное сопровождение конкретного осужденного, оценку риска в реальных ситуациях трудовой занятости и межведомственное взаимодействие с субъектами, влияющими на поведение вне учреждения. Только при таком сочетании минимальная безопасность будет выполнять переходную, а не формально режимную функцию.

Заключение. Проведенный анализ показывает, что воспитательная работа в учреждениях минимальной безопасности не может рассматриваться как второстепенное приложение к режиму. В условиях внешней трудовой занятости и расширенных контактов она становится самостоятельным инструментом управления поведением, профилактики нарушений и подготовки осужденного к жизни после освобождения.

Ведомственная эмпирика за 2025 год подтверждает наличие проблемных участков: при почти неизменном общем количестве дисциплинарных нарушений заметно выросло число нарушений на объектах труда, а отдельные виды повторяющегося поведения сохранили негативную динамику. Это означает, что трудоустроенные осужденные нуждаются не только в контроле, но и в более точечной воспитательной, психологической и социальной поддержке.

Содержательное обновление ведомственных правил проведения воспитательной работы с осужденными к лишению свободы, утвержденных приказом Министра внутренних дел РК от 13 августа 2014 года № 508, целесообразно проводить по нескольким направлениям. Во-первых, необходимо выделить особенности учреждений минимальной безопасности и закрепить отдельный порядок работы с осужденными, занятыми вне жилой зоны. Во-вторых, индивидуальные планы должны строиться на оценке риска, конкретных факторах поведения и понятных критериях прогресса. В-третьих, требуется усилить межведомственное взаимодействие с работодателями, социальными службами и пробацией. В-четвертых, динамическая безопасность и технические средства контроля должны использоваться не вместо воспитательной работы, а вместе с ней.

В конечном счете речь идет не только о внутреннем порядке учреждения. Более точная модель сопровождения повышает устойчивость правомерного поведения, а ресоциализация становится не лозунгом, а проверяемым результатом повседневной работы. Общественная безопасность при этом получает практическое содержание: снижается вероятность повторных нарушений, укрепляются социальные связи и формируется ответственность за поведение после освобождения. Именно поэтому минимальная безопасность должна рассматриваться как пространство постепенного возвращения человека к социальной ответственности, а не как упрощенная форма исполнения наказания.

Список использованной литературы:

1. Жамулдинов, В.Н. Воспитательная работа среди осужденных: состояние и перспективы совершенствования / В.Н. Жамулдинов // Вестник КазНУ. Серия: Юридическая. – 2012. – № 1 (61). – С. 86-88.
2. Сирыков, А.Н. Законодательство о воспитательной работе с осужденными к лишению свободы в России и Казахстане / А.Н. Сирыков, Э.Х. Абишев // Международный пенитенциарный журнал. – 2019. – Т. 1. № 2. – С. 84-98.
3. McNeill, F. Four forms of offender rehabilitation: Towards an interdisciplinary perspective / F. McNeill // Legal and Criminological Psychology. – 2012. – Vol. 17. № 1. – Pp. 18-36.
4. Bonta, J. The Psychology of Criminal Conduct. – 6th ed. / J. Bonta, D.A. Andrews. – New York: Routledge, 2016. – 522 p.
5. Andrews, D.A. The Risk-Need-Responsivity (RNR) Model: Does Adding the Good Lives Model Contribute to Effective Crime Prevention? / D.A. Andrews, J. Bonta, J.S. Wormith // Criminal Justice and Behavior. – 2011. – Vol. 38. № 7. – Pp. 735-755.
6. Уразалин, Б.Т. Разработка технико-криминалистических средств, обеспечивающих содержание

осужденных в учреждениях минимальной безопасности / Б.Т. Уразалин, А.Д. Дарменов // Құқық қорғау органдары академиясының Жаршысы. – 2024. – № 4 (34). – С. 98-105.

7. Несипбаева, Д. Развитие уголовно-исполнительной политики Республики Казахстан. Проблемы ресоциализации лиц, освобожденных из мест лишения свободы / Д. Несипбаева // Государственное управление и государственная служба. – 2016. – № 3. – С. 58-64.

References:

1. Zhamuldinov, V.N. Vospitatel'naja rabota sredi osuzhdenных: sostojanie i perspektivy sovershenstvovanija / V.N. Zhamuldinov // Vestnik KazNU. Serija: Juridicheskaja. – 2012. – № 1 (61). – S. 86-88.

2. Sirjakov, A.N. Zakonodatel'stvo o vospitatel'noj rabote s osuzhdenными k lisheniju svobody v Rossii i Kazahstane / A.N. Sirjakov, Je.H. Abishev // Mezhdunarodnyj penitencijarnyj zhurnal. – 2019. – T. 1. № 2. – S. 84-98.

3. McNeill, F. Four forms of offender rehabilitation: Towards an interdisciplinary perspective / F. McNeill // Legal and Criminological Psychology. – 2012. – Vol. 17. № 1. – Pp. 18-36.

4. Bonta, J. The Psychology of Criminal Conduct. – 6th ed. / J. Bonta, D.A. Andrews. – New York: Routledge, 2016. – 522 p.

5. Andrews, D.A. The Risk-Need-Responsivity (RNR) Model: Does Adding the Good Lives Model Contribute to Effective Crime Prevention? / D.A. Andrews, J. Bonta, J.S. Wormith // Criminal Justice and Behavior. – 2011. – Vol. 38. № 7. – Pp. 735-755.

6. Urazalin, B.T. Razrabotka tehniko-kriminalisticheskikh sredstv, obespechivajushhih sodержание osuzhdenных v uchrezhdenijah minimal'noj bezopasnosti / B.T. Urazalin, A.D. Darменов // Құқық қорғау органдары академиясының Жаршысы. – 2024. – № 4 (34). – С. 98-105.

7. Nesipbaeva, D. Razvitie ugovovno-ispolnitel'noj politiki Respubliki Kazahstan. Problemy resocializacii lic, osvobozhdenных iz mest lishenija svobody / D. Nesipbaeva // Gosudarstvennoe upravlenie i gosudarstvennaja sluzhba. – 2016. – № 3. – S. 58-64.

АВТОРЛАР ТУРАЛЫ МӘЛІМЕТТЕР / СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Даулет Құмарбекұлы Райбаев – Қазақстан Республикасы Ішкі істер министрлігі басқару академиясы ғылыми-зерттеу институтының Ішкі істер органдары қылмыстық-атқару жүйесінің проблемаларын зерттеу орталығының бастығы, философия докторы (PhD), қауымдастырылған профессор, e-mail: doul_zare4ka@mail.ru.

Райбаев Даулет Кумарбекович – начальник Центра по исследованию проблем уголовно-исполнительной системы органов внутренних дел Научно-исследовательского института Академии управления Министерства внутренних дел Республики Казахстан, доктор философии (PhD), ассоциированный профессор, e-mail: doul_zare4ka@mail.ru.

Raibaev Daulet Kumbekovich – Head of the Research Center on Penal Enforcement System Issues of Internal Affairs Bodies, Research Institute Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan, PhD, Associate Professor, e-mail: doul_zare4ka@mail.ru.

Мадина Казизовна Нуркенова – Қазақстан Республикасы Ішкі істер министрлігінің басқару академиясы ғылыми-зерттеу институтының Ішкі істер органдары қылмыстық-атқару жүйесі проблемаларын зерттеу орталығының аға ғылыми қызметкері, e-mail: ovr_pvl@mail.ru.

Нуркенова Мадина Казизовна – старший научный сотрудник Центра по исследованию проблем уголовно-исполнительной системы органов внутренних дел Научно-исследовательского института Академии управления Министерства внутренних дел Республики Казахстан, e-mail: ovr_pvl@mail.ru.

Nurkenova Madina Kazizovna – Senior Research Fellow Research Center on Penal Enforcement System Issues of Internal Affairs Bodies Research Institute Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan, e-mail: ovr_pvl@mail.ru.

УДК 343.3/.7; 34.07
МРНТИ 10.77.51; 10.71.01

Д.А. Секенов, Д.Ж. Муканов

Главная военная прокуратура, г. Астана, Республика Казахстан

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ФУНКЦИЙ ОРГАНОВ ВОЕННОЙ ПОЛИЦИИ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы реализации правоохранительных функций органов военной полиции Вооруженных Сил Республики Казахстан. На основе функционального анализа исследуются особенности правового статуса, компетенций и практической деятельности органов военной полиции.

Особое внимание уделено проблемам дублирования полномочий с органами военного управления, выполнения несвойственных функций, недостаточной эффективности профилактической деятельности, а также несоответствию организационно-штатной структуры задачам обеспечения правопорядка в войсках. Анализируется влияние указанных факторов на состояние воинской дисциплины, профилактику правонарушений и реализацию правоохранительных полномочий.

Отдельно рассматриваются проблемы нормативного регулирования, методического обеспечения и отсутствия риск-ориентированного подхода к предупреждению правонарушений. Сделан вывод о необходимости усиления правоохранительной специализации органов военной полиции, совершенствования функционального разграничения полномочий и развития превентивной модели обеспечения воинского правопорядка.

Ключевые слова: военная полиция; воинский правопорядок; военная безопасность; правоохранительная деятельность; воинские уголовные правонарушения; профилактика; Вооруженные Силы Республики Казахстан.

Д.Ә. Секенов, Д.Ж. Муканов

Бас әскери прокуратурасы, Астана қ., Қазақстан Республикасы

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ ҚАРУЛЫ КҮШТЕРІНІҢ ӘСКЕРИ ПОЛИЦИЯ ОРГАНДАРЫНЫҢ ҚҰҚЫҚ ҚОРҒАУ ФУНКЦИЯЛАРЫН ІСКЕ АСЫРУ МӘСЕЛЕЛЕР

Аннотация. Мақалада Қазақстан Республикасы Қарулы Күштері әскери полиция органдарының құқық қорғау функцияларын іске асыру мәселелері қарастырылады. Функционалдық талдау негізінде әскери полиция органдарының құқықтық мәртебесі, құзыреті және практикалық қызметі зерттеледі.

Әскери басқару органдарымен өкілеттіктердің қайталануы, өзіне тән емес функцияларды орындау, профилактикалық жұмыстың тиімділігінің төмендігі, сондай-ақ ұйымдық-штаттық құрылымның әскерлердегі әскери құқықтық тәртіпті қамтамасыз ету міндеттеріне сәйкессіздігі мәселелеріне ерекше назар аударылады. Аталған факторлардың әскери тәртіптің жай-күйіне, құқық бұзушылықтардың профилактикасына және құқық қорғау өкілеттіктерін іске асыруға әсері талданады.

Сонымен қатар нормативтік-құқықтық реттеу, әдістемелік қамтамасыз ету және құқық бұзушылықтардың алдын алуда тәуекелге бағдарланған тәсілдің болмауы мәселелері қарастырылады. Әскери полиция органдарының құқық қорғау қызметінің мамандандырылуын күшейту, өкілеттіктерді функционалдық шектеуді жетілдіру және әскери құқықтық тәртіпті қамтамасыз етудің превентивтік моделін дамыту қажеттігі негізделеді.

Түйінді сөздер: әскери полиция; әскери құқықтық тәртіп; әскери қауіпсіздік; құқық қорғау қызметі; әскери қылмыстық құқық бұзушылық; алдын алу; Қазақстан Республикасының Қарулы Күштері.

D.A. Sekenov, D.Zh. Mukanov

Main Military Prosecutor's Office, Astana, the Republic of Kazakhstan

PROBLEMS OF IMPLEMENTING LAW ENFORCEMENT FUNCTIONS BY THE MILITARY POLICE OF THE ARMED FORCES OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

Abstract. The article examines the problems of implementing law enforcement functions by the military police of the Armed Forces of the Republic of Kazakhstan. Based on a functional analysis, the author studies the legal status,

competence, and practical activities of military police bodies.

Particular attention is paid to the issues of duplication of powers with military command bodies, performance of non-core functions, insufficient effectiveness of preventive activities, and inconsistency between the organizational structure and the objectives of maintaining law and order in the armed forces. The article analyzes the impact of these factors on military discipline, crime prevention, and the implementation of law enforcement powers.

Problems of legal regulation, methodological support, and the absence of a risk-oriented prevention model are also considered. The author concludes that it is necessary to strengthen the law enforcement specialization of military police bodies and improve the preventive model of maintaining military law and order.

Keywords: military police; military law and order; military security; functional analysis; law enforcement activity; military criminal offenses; prevention; Armed Forces of the Republic of Kazakhstan.

DOI: 10.52425/25187252_2026_40_93

Введение. Современные условия развития системы национальной безопасности Республики Казахстан характеризуются трансформацией и расширением спектра угроз военной безопасности, изменением характера воинской службы, цифровизацией государственного управления и повышением требований к эффективности правоохранительных механизмов, в т.ч. в Вооруженных Силах Республики Казахстан (далее – ВС РК). В этих условиях особую актуальность приобретает исследование функциональной природы органов военной полиции (далее – ОВП) как специализированного субъекта обеспечения правопорядка в войсках.

Принятие нового Закона РК «Об органах военной полиции» от 14 марта 2023 года стало важным этапом институционального оформления военной полиции, определения их статуса, задач, полномочий и принципов деятельности¹. Вместе с тем практика функционирования ОВП свидетельствует о наличии ряда организационных и правоприменительных проблем, связанных с дублированием отдельных полномочий, недостаточной координацией с иными правоохранительными органами, преобладанием реактивных форм деятельности над профилактическими, а также ограниченностью аналитических механизмов предупреждения правонарушений.

Анализ деятельности органов военной полиции позволяет выявить системные особенности их правового положения, определить эффективность реализации возложенных задач и сформулировать направления дальнейшего совершенствования военно-правоохранительной системы государства.

Материалы и методы. Методологическую основу исследования составили общенаучные и специальные юридические методы познания: системно-структурный, функциональный, сравнительно-правовой, формально-юридический и аналитический методы.

Функциональный подход позволяет рассматривать ОВП не только как совокупность структурных подразделений, но и как систему взаимосвязанных функций, обеспечивающих поддержание воинского правопорядка, предупреждение правонарушений и реализацию правоохранительной политики государства в военной сфере.

При подготовке статьи использованы положения законодательства РК, научные труды по вопросам государственного управления, военной безопасности, деятельности правоохранительных и военных органов, а также предупреждения воинской преступности.

Результаты, обсуждение. Согласно Закону РК «Об органах военной полиции», ОВП предназначены для обеспечения правопорядка в Вооруженных Силах, других войсках и воинских формированиях в пределах установленной компетенции.

Особенностью ОВП является сочетание признаков воинского формирования и правоохранительного органа. Данная двойственная правовая природа определяет специфику их

¹ Об органах военной полиции: закон Республики Казахстан от 14 марта 2023 г. № 205-VII ЗРК [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2300000205> (дата обращения: 15.03.2026).

функционального назначения. С одной стороны, ОВП входят в систему военной организации государства и функционируют на основе принципов единоначалия и воинской субординации. С другой стороны, они реализуют правоохранительные функции, связанные с выявлением, пресечением и расследованием правонарушений.

Следует отметить, что аналогичный подход к определению предназначения военной полиции прослеживается и в зарубежных государствах, где она рассматривается как специализированный институт, сочетающий элементы военной организации и правоохранительной деятельности, обеспечивающий поддержание правопорядка, воинской дисциплины и законности в вооруженных силах [1].

Эффективность деятельности правоохранительных органов во многом определяется качеством управленческого, аналитического и информационного обеспечения. Для органов военной полиции данный фактор имеет особое значение, поскольку их деятельность осуществляется в условиях повышенной дисциплинарной регламентации, закрытости воинской среды и необходимости оперативного реагирования на угрозы безопасности службы.

Г.Ф. Дубовцев справедливо указывает, что обеспечение военной безопасности государства невозможно без устойчивой системы внутреннего правопорядка в войсках и эффективного функционирования специализированных органов обеспечения законности [2]. В этой связи ОВП выступают одним из ключевых элементов механизма обеспечения военной безопасности РК.

Особое значение правоохранительная функция приобретает в условиях роста латентности отдельных категорий воинских уголовных правонарушений, включая неуставные взаимоотношения, насилие в отношении военнослужащих срочной службы и коррупционные проявления.

Практика деятельности ОВП свидетельствует о наличии существенного разрыва между их законодательно закрепленным предназначением и фактическим содержанием повседневной работы. Формально военная полиция создавалась как специализированный правоохранительный институт в военной сфере, ориентированный на обеспечение правопорядка, профилактику правонарушений, поддержание воинской дисциплины и реализацию полицейских функций в Вооруженных Силах [3].

Вместе с тем анализ показывает, что значительная часть их деятельности фактически смещена в сторону административно-исполнительских, охранных, режимных, организационно-штабных и обеспечительных задач, что снижает эффективность реализации основной правоохранительной функции. Аналогичная проблема отмечается и в научной литературе, где подчеркивается, что административная деятельность военной полиции нередко начинает занимать доминирующее положение по отношению к правоохранительной составляющей [4].

Наиболее проблемным направлением является профилактика правонарушений. Законодательство относит ОВП к самостоятельным субъектам профилактики, наделяя их полномочиями по выявлению причин и условий правонарушений, внесению представлений, ведению профилактической работы и взаимодействию с командованием, психологическими и иными службами. Вместе с тем на практике отсутствует четкое разграничение функций между органами военной полиции и органами военного управления. В результате командиры и военная полиция нередко проводят однотипные мероприятия, тогда как наиболее сложные направления – индивидуальная профилактика, выявление лиц группы риска, анализ причин повторяемости правонарушений, оценка морально-психологического климата – остаются без конкретного ответственного исполнителя.

Профилактическая работа во многом сохраняет формальный характер и ориентирована преимущественно на количественные показатели. Проведение лекций, бесед, инструктажей и иных мероприятий зачастую сводится к пересказу положений уголовного и административного

законодательства без учета реальных криминогенных факторов, особенностей воинского коллектива, возраста военнослужащих, конфликтной среды и психологических рисков. При этом не оценивается фактическое влияние таких мероприятий на состояние дисциплины и уровень правонарушений. В научных исследованиях неоднократно отмечалось, что борьба с неуставными взаимоотношениями и иными формами девиантного поведения невозможна исключительно посредством формального контроля и требует комплексного превентивного механизма [3].

Недостаточно используется и такой важный правовой инструмент, как внесение представлений об устранении обстоятельств, способствовавших совершению правонарушений. На практике представления нередко носят шаблонный характер, ограничиваются общими формулировками и не содержат конкретных предложений по изменению ведомственных приказов, локальных актов, порядка организации службы, контроля, воспитательной и психологической работы. В результате устраняются не причины правонарушений, а лишь их внешние проявления, что сохраняет условия для повторяемости аналогичных нарушений.

Отдельного внимания заслуживает слабая результативность кабинетов профилактической работы и патрульно-постовой службы. Несмотря на их формальное предназначение по предупреждению и пресечению нарушений, фактическое выявление таких правонарушений остается крайне низким. При этом значительная часть воинских уголовных правонарушений совершается непосредственно на территории воинских частей, тогда как маршруты патрулирования ориентированы преимущественно на внешний периметр либо на выявление малозначительных нарушений распорядка дня и правил ношения формы. Между тем в зарубежной практике деятельность военной полиции ориентируется прежде всего на обеспечение правопорядка внутри воинской среды, предотвращение преступлений среди военнослужащих и поддержание дисциплины в войсках [5].

Существенным ограничением является и отсутствие правового и методического механизма выявления латентных правонарушений. ОВП не относятся к субъектам оперативно-розыскной деятельности, однако к их компетенции относятся правонарушения, которые часто имеют скрытый характер, включая нарушения уставных правил взаимоотношений, насилие, вымогательство, давление на военнослужащих. При отсутствии специальных алгоритмов выявления таких фактов деятельность военной полиции становится преимущественно реактивной: она подключается после наступления последствий, а не на стадии раннего выявления риска.

Тогда как в современных зарубежных подходах деятельность военной полиции все чаще основывается на концепции превентивного полицейского воздействия, предусматривающей выявление факторов риска и предупреждение противоправного поведения до момента совершения правонарушения [6].

Проблема усугубляется тем, что ОВП недостаточно ориентированы на анализ факторов, предшествующих правонарушениям. В повседневной деятельности слабо учитываются такие обстоятельства, как употребление алкоголя или наркотиков, лудомания, агрессивное поведение, признаки психических расстройств, неблагоприятный климат в коллективе, семейные конфликты, долговая нагрузка и иные социально-психологические детерминанты. Отсутствие системного анализа этих факторов лишает командование и руководство ОВП возможности вырабатывать адресные меры предупреждения.

Не менее значимой является проблема дублирования полномочий. Отдельные функции военной полиции пересекаются с обязанностями командиров, штабов, кадровых органов, служб безопасности воинской службы и иных подразделений. К таким функциям относятся участие в организации суточного наряда, внутренней и гарнизонной службы, контроль формы одежды, обеспечение безопасности воинской службы, отдельные элементы противодиверсионной и

антитеррористической защиты. По своей природе эти направления относятся прежде всего к сфере командирской ответственности и уставного управления войсками. Их возложение на ОВП размывает границы компетенции, снижает дисциплинарную роль командиров и приводит к подмене принципа единоначалия внешним контрольным механизмом. В научной литературе также обращается внимание на необходимость четкого разграничения административной и правоохранительной составляющих деятельности военной полиции, поскольку чрезмерное расширение обеспечительных функций приводит к снижению эффективности правоохранительной деятельности [4].

Особую проблему составляют несвойственные функции, прямо не связанные с правоохранительной природой ОВП. К числу таких функций относится, например, охрана здания Министерства обороны. По своему содержанию данная деятельность ближе к караульной службе или ведомственной охране, чем к правоохранительной деятельности. Задействование значительного количества сотрудников ОВП на охранных задачах приводит к отвлечению кадров от дознания, профилактики, административной практики и аналитической работы. При этом зарубежный опыт свидетельствует о том, что деятельность военной полиции преимущественно ориентирована на обеспечение правопорядка и дисциплины в войсках, предупреждение и пресечение правонарушений среди военнослужащих [5].

Функциональная размытость проявляется и в создании отдельных подразделений оперативного реагирования, численность которых составляет практически треть личного состава. При отсутствии четко закрепленного правового статуса, постоянной потребности и понятных критериев применения такие подразделения рискуют превращаться в резерв для выполнения текущих организационных поручений, замещения отсутствующих сотрудников и решения непрофильных задач. Это снижает их профессиональную специализацию и порождает вопрос о рациональности использования бюджетных и кадровых ресурсов.

Дополнительным фактором, снижающим эффективность деятельности ОВП, является несогласованность нормативного регулирования. В отдельных случаях положения подзаконных актов расширяют либо изменяют компетенцию органов военной полиции по сравнению с законом. Это касается, в частности, административной практики по коррупционным правонарушениям, контроля за соблюдением антикоррупционного законодательства гражданским персоналом, а также отдельных полномочий патрульных нарядов по установлению обстоятельств уголовных правонарушений. Подобные противоречия создают риски превышения полномочий, нарушения прав участников процесса и признания собранных материалов недопустимыми.

Организационно-штатная структура ОВП также не в полной мере соответствует их правоохранительному предназначению. Анализ распределения личного состава показывает дисбаланс между профильными подразделениями и обеспечивающими, руководящими, статистическими, охранными и организационными должностями. Подразделения дознания занимают незначительную долю в общей численности, тогда как существенные ресурсы направлены на функции, не оказывающие прямого влияния на состояние правопорядка в войсках.

Отдельного внимания заслуживает вопрос должностных обязанностей руководства ОВП ВС РК. С одной стороны, первый руководитель в уголовно-процессуальном законодательстве отнесен к начальникам органов дознания и должен обеспечивать реализацию соответствующих процессуальных полномочий. С другой стороны, фактический объем его должностных обязанностей включает широкий круг вопросов, связанных с вооружением, техникой, снабжением, мобилизационной и боевой готовностью, кадровой, идеологической и иной обеспечительной работой. Такое совмещение статуса начальника правоохранительного органа и командира обеспечительной структуры искажает функциональную природу военной полиции.

Таким образом, ключевая проблема современной модели деятельности военной полиции

заключается не в недостатке полномочий, а в их функциональной несбалансированности. ОВП одновременно выполняют правоохранные, профилактические, режимные, охранные, административные, штабные и обеспечительные функции. Такая модель приводит к распылению ресурсов, дублированию компетенции с командованием, ослаблению профилактического потенциала и смещению акцента с реального обеспечения правопорядка на формально-исполнительскую деятельность.

Выявленные проблемы подтверждаются и динамикой правонарушений в ВС РК. Так, количество административных правонарушений за последние три года увеличилось с 16 922 в 2023 году до 21 152 в 2024 году и 24 005 в 2025 году. Одновременно наблюдается рост воинских уголовных правонарушений: со 159 фактов в 2023 году до 165 в 2024 году и 238 в 2025 году². Указанная тенденция свидетельствует о недостаточной эффективности существующих механизмов профилактики и необходимости усиления правоохранительной и превентивной составляющей деятельности ОВП.

Сложившаяся практика свидетельствует о необходимости пересмотра подходов к организации деятельности ОВП с учетом их правоохранительного предназначения. В современных условиях эффективность военной полиции должна определяться не объемом обеспечительных или контрольных мероприятий, а способностью предупреждать правонарушения, выявлять факторы риска и обеспечивать устойчивый воинский правопорядок.

Заключение. Проведенный анализ деятельности ОВП ВС РК показывает, что существующая модель их функционирования характеризуется существенным расхождением между нормативно закрепленными задачами и фактической практикой деятельности. Несмотря на правоохранительную природу военной полиции, значительная часть ее деятельности сосредоточена на выполнении административно-исполнительских, режимных, охранных и обеспечительных функций, что снижает эффективность реализации основных задач по обеспечению правопорядка и профилактике правонарушений в войсках.

Исследование позволило выявить ряд системных проблем, включая дублирование полномочий органов военной полиции и органов военного управления, отсутствие четкого разграничения ответственности, недостаточную ориентированность на профилактическую деятельность, слабое использование аналитических механизмов выявления факторов риска, а также наличие несвойственных функций и дисбаланс организационно-штатной структуры.

Установлено, что действующая модель деятельности ОВП преимущественно ориентирована на реагирование на уже совершенные правонарушения, тогда как современное состояние воинской преступности и дисциплины требует развития превентивных механизмов обеспечения правопорядка, основанных на раннем выявлении причин и условий противоправного поведения.

В этой связи приоритетными направлениями совершенствования деятельности ОВП должны стать усиление их правоохранительной специализации, устранение функционального дублирования с органами военного управления, развитие профилактической и аналитической работы, а также оптимизация организационно-штатной структуры с концентрацией ресурсов на выполнении профильных правоохранительных задач. Реализация указанных мер будет способствовать повышению эффективности обеспечения законности, воинской дисциплины и безопасности воинской службы в ВС РК.

² Отчет формы № 1-М «О зарегистрированных уголовных правонарушениях», Отчет формы № 1-АД «О результатах рассмотрения уполномоченными органами дел об административных правонарушениях» // Комитет по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры Республики Казахстан [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.qamqor.gov.kz/crimestat/statistics> (дата обращения: 03.03.2026).

Список использованной литературы:

1. Falcone, D.N. The Army Military Police: A Neglected Policing Model / D.N. Falcone, B.A. Smith // Criminal Justice Policy Review. – 2000. – № 11 (3). – Pp. 251-268.
2. Дубовцев, Г.Ф. Военная безопасность Республики Казахстан: опыт, актуальные проблемы, основные направления обеспечения: монография / Г.Ф. Дубовцев. – Астана: КИСИ при Президенте РК, 2018. – 218 с.
3. Усатая, А.Ю. Современные перспективы военной полиции / А.Ю. Усатая, С.Н. Жуенко // Государство и право в XXI веке. – 2016. – № 1. – С. 69-72.
4. Минтягов, С.А. Административная деятельность военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации: понятие и виды / С.А. Минтягов // Вестник Российской правовой академии. – 2020. – № 2. – С. 25-33.
5. Матвеев, С.П. Формирование военной полиции в Вооруженных Силах Российской Федерации: зарубежный опыт и перспективы / С.П. Матвеев // Вестник ВГУ. Серия: Право. – 2014. – № 2. – С. 124-132.
6. S. Albrycht. Prevention is Protection // U.S. Army. 2024 [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.army.mil/article-amp/280126/prevention_is_protection (дата обращения: 25.02.2026).

References:

1. Falcone, D.N. The Army Military Police: A Neglected Policing Model / D.N. Falcone, B.A. Smith // Criminal Justice Policy Review. – 2000. – № 11 (3). – Pp. 251-268.
2. Dubovcev, G.F. Voennaja bezopasnost' Respubliki Kazahstan: opyt, aktual'nye problemy, osnovnye napravlenija obespechenija: monografija / G.F. Dubovcev. – Astana: KISI pri Prezidente RK, 2018. – 218 s.
3. Usataja, A.Ju. Sovremennye perspektivy voennoj policii / A.Ju. Usataja, S.N. Zhuenko // Gosudarstvo i pravo v XXI veke. – 2016. – № 1. – S. 69-72.
4. Mintjagov, S.A. Administrativnaja dejatel'nost' voennoj policii Vooruzhennyh Sil Rossijskoj Federacii: ponjatie i vidy / S.A. Mintjagov // Vestnik Rossijskoj pravovoj akademii. – 2020. – № 2. – S. 25-33.
5. Matveev, S.P. Formirovanie voennoj policii v Vooruzhennyh Silah Rossijskoj Federacii: zarubezhnyj opyt i perspektivy / S.P. Matveev // Vestnik VGU. Serija: Pravo. – 2014. – № 2. – S. 124-132.
6. S. Albrycht. Prevention is Protection // U.S. Army. 2024 [Jelektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: https://www.army.mil/article-amp/280126/prevention_is_protection (data obrashhenija: 25.02.2026).

АВТОРЛАР ТУРАЛЫ МӘЛІМЕТТЕР / СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS:

Дастан Әбдіқадырұлы Секенов – Бас әскери прокурор, философия докторы (PhD), e-mail: dastan.sekenov75@gmail.com.

Секенов Дастан Абдикадырович – Главный военный прокурор, доктор философии (PhD), e-mail: dastan.sekenov75@gmail.com.

Sekenov Dastan Abdykadyrovich – Chief Military Prosecutor, PhD, e-mail: dastan.sekenov75@gmail.com.

Данияр Жумагатович Муканов – Бас әскери прокурор Аппарат басшысының орынбасары, заң ғылымдарының кандидаты, e-mail: centr.nii@mail.ru.

Муканов Данияр Жумагатович – заместитель руководителя Аппарата Главного военного прокурора, кандидат юридических наук, e-mail: centr.nii@mail.ru.

Mukanov Daniyar Zhumagatovich – Deputy Chief of Staff of the Chief Military Prosecutor, Candidate of Law Sciences, e-mail: centr.nii@mail.ru.

Г.А. Таубаева

*Академия правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан,
г. Косшы, Республика Казахстан*

ДОЛЖНОСТНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПОК КАК СПОСОБ ХИЩЕНИЯ БЮДЖЕТНЫХ СРЕДСТВ: ВОПРОСЫ ВЫЯВЛЕНИЯ И ДОКАЗЫВАНИЯ

Аннотация. В статье исследуются должностные преступления в сфере государственных закупок как латентный экономико-правовой механизм хищения бюджетных средств, реализуемый посредством формально законных закупочных процедур. Обосновывается, что такие преступления не сводятся к отдельным нарушениям конкурсных правил, а представляют собой заранее выстроенную систему управленческих решений, направленных на перераспределение публичных финансов в пользу аффилированных либо подконтрольных субъектов. На основе анализа материалов досудебных расследований, судебной и контрольно-надзорной практики раскрываются типовые схемы ограничения конкуренции, искусственного дробления закупок, формирования технических спецификаций под заранее определенного поставщика, завышения стоимости товаров, работ и услуг, а также фиктивного исполнения государственных контрактов. Особое внимание уделяется вопросам доказывания, связанным с высокой формализацией закупочной деятельности, маскировкой преступного умысла под хозяйственную целесообразность и необходимостью установления реальных выгодоприобретателей. Сформулированы предложения по совершенствованию тактики выявления и доказывания хищений бюджетных средств в сфере государственных закупок, включая ранний анализ управленческих решений, финансовых потоков, аффилированности участников и фактических результатов исполнения контрактов.

Ключевые слова: государственные закупки; бюджетные средства; должностное преступление; хищение; злоупотребление должностными полномочиями; доказывание.

Г.А. Таубаева

*Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасының жанындағы Құқық қорғау органдары академиясы,
Қосшы қ., Қазақстан Республикасы*

МЕМЛЕКЕТТІК САТЫП АЛУ САЛАСЫНДАҒЫ ЛАУАЗЫМДЫҚ ҚЫЛЫСТАРДЫҢ БЮДЖЕТ ҚАРАЖАТЫН ЖЫМҚЫРУ ТӘСІЛІ РЕТІНДЕ: АНЫҚТАУ ЖӘНЕ ДӘЛЕЛДЕУ МӘСЕЛЕЛЕРІ

Аннотация. Мақалада мемлекеттік сатып алулар саласындағы лауазымдық қылмыстар заң талаптарына формальды түрде сәйкес келетін сатып алу рәсімдері арқылы жүзеге асырылатын бюджет қаражатын жымқырудың жасырын экономикалық-құқықтық тетігі ретінде зерттеледі. Мұндай қылмыстар конкурстық қағидаларды жеке бұзумен ғана шектелмей, жария қаржыны аффилиирленген не бақылаудағы субъектілердің пайдасына қайта бөлуге бағытталған басқарушылық шешімдердің алдын ала құрылған жүйесі болып табылатыны негізделеді. Сотқа дейінгі тергеп-тексеру материалдарын, сот және бақылау-қадағалау практикасын талдау негізінде бәсекелестікті шектеу, сатып алуларды жасанды түрде бөлшектеу, нақты өнім берушіге бейімдеп әзірлеу, тауарлар, жұмыстар мен көрсетілетін қызметтер құнын негізсіз көтеру, сондай-ақ мемлекеттік шарттардың жалған орындалуы сияқты типтік схемалар ашылады. Сатып алу қызметінің жоғары деңгейде формалдануы, қылмыстық ниетті экономикалық орындылықпен бүркемелеу және нақты пайда алушыларды анықтау қажеттілігімен байланысты дәлелдеу мәселелеріне ерекше назар аударылады. Мемлекеттік сатып алулар саласындағы бюджет қаражатын жымқыруды анықтау және дәлелдеудің жетілдіру жөніндегі ұсыныстар негізделеді.

Түйінді сөздер: мемлекеттік сатып алулар; бюджеттік қаражат; лауазымдық қылмыстар; жымқыру; лауазымдық өкілеттіктерді теріс пайдалану; дәлелдеу.

G.A. Taubayeva

*The Law Enforcement Academy under the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan,
Kosshy, the Republic of Kazakhstan*

OFFICIAL CRIMES IN THE FIELD OF PUBLIC PROCUREMENT AS A METHOD OF EMBEZZLING BUDGET FUNDS: ISSUES OF DETECTION AND PROOF

Abstract. The article examines official crimes in the field of public procurement as a latent economic and legal mechanism for embezzling budget funds, implemented through formally lawful procurement procedures. It is substantiated that such crimes are not limited to isolated violations of tender rules, but constitute a prearranged system of managerial decisions aimed at redistributing public finances in favor of affiliated or controlled entities. Based on the analysis of pre-trial investigation materials, judicial practice and supervisory findings, the article identifies typical schemes of restricting competition, artificial splitting of procurements, tailoring technical specifications to a predetermined supplier, unjustified overpricing of goods, works and services, and fictitious performance of public contracts. Special attention is paid to evidentiary problems arising from the high degree of formalization of procurement activities, the masking of criminal intent as business expediency and the need to identify actual beneficiaries. The article formulates proposals aimed at improving the tactics of detecting and proving embezzlement of budget funds in public procurement, including early analysis of managerial decisions, financial flows, affiliation of participants and the actual results of contract performance.

Keywords: public procurement; budget funds; official crime; embezzlement; abuse of official authority; proof.

DOI: 10.52425/25187252_2026_40_100

Введение. Государственные закупки занимают особое место в системе публичных финансов, поскольку именно через них значительная часть бюджетных ассигнований трансформируется в конкретные товары, работы и услуги, необходимые для функционирования государства и обеспечения публичных потребностей. Вместе с тем концентрация значительных денежных потоков, наличие сложных процедурных регламентов и управленческого усмотрения должностных лиц объективно формируют повышенные коррупционные и криминогенные риски [1, 42 стр.]; [2, С. 77-79].

В отличие от очевидных форм хищения, должностные преступления в сфере государственных закупок, как правило, совершаются не путем открытого изъятия бюджетных средств, а посредством их внешне правомерного перераспределения. Преступная выгода достигается через принятие решений о планировании закупки, выборе способа ее проведения, формировании технической спецификации, допуске либо отклонении заявок, приемке результата и оплате исполнения. Именно поэтому такие преступления нередко выглядят как обычные административные или хозяйственные решения, что значительно усложняет их выявление на ранних стадиях.

Современная правоприменительная практика Республики Казахстан (далее – РК) показывает, что формальное наличие договора, актов выполненных работ, счетов-фактур и иных документов само по себе не подтверждает реальность и экономическую обоснованность исполнения. В ряде дел именно полный комплект документов использовался как средство легализации хищения, когда фактически поставленные товары, выполненные работы или оказанные услуги не соответствовали оплаченной за счет бюджета стоимости, объему либо качеству [3, С. 56-58].

Дополнительную актуальность теме придает обновление законодательства о государственных закупках. Закон РК от 1 июля 2024 года № 106-VIII «О государственных закупках», введенный в действие с 1 января 2025 года, закрепляет обновленную регулятивную рамку закупочной деятельности и усиливает значение добросовестной конкуренции, качества закупаемых товаров, работ и услуг, а также ответственности участников закупочного процесса. В этих условиях вопросы уголовно-правовой и криминалистической оценки должностных

злоупотреблений в закупках приобретают не только теоретическое, но и выраженное прикладное значение¹.

Целью настоящего исследования является комплексный анализ должностных преступлений в сфере государственных закупок как способа хищения бюджетных средств, выявление типовых схем их совершения и формулирование практико-ориентированных подходов к их выявлению и доказыванию.

Материалы и методы. Методологическую основу исследования составили общенаучные и специальные методы научного познания: анализ и синтез, индукция и дедукция, системный и структурно-функциональный подходы, формально-юридический, сравнительно-правовой и криминалистический методы. Их применение позволило рассмотреть закупочное должностное преступление не только как уголовно-правовой состав, но и как экономико-управленческий механизм, в котором правовая форма операции может скрывать ее противоправную сущность.

В целях реконструкции типовых способов хищения использовались элементы финансово-экономического анализа, ситуационного моделирования и криминалистического прогнозирования. Особое значение имело сопоставление закупочной документации с фактическими результатами исполнения контрактов, движением денежных средств, сведениями об аффилированности участников, данными бухгалтерского и налогового учета, а также материалами оперативно-розыскного и досудебного производства.

Информационную базу составили обобщенные материалы досудебных расследований и судебной практики по делам о хищениях бюджетных средств, злоупотреблении должностными полномочиями, служебном подлоге и иных преступлениях, совершенных в связи с организацией и исполнением государственных закупок, а также аналитические материалы правоохранительных, контрольных и антикоррупционных органов РК. Использовались открытые нормативные правовые акты, научные публикации по проблемам коррупционной и экономической преступности, а также материалы международных организаций, раскрывающие подходы к выявлению финансовых следов преступной деятельности [4, 104 стр.]; [5].

Результаты, обсуждение. Проведенный анализ позволяет рассматривать должностные преступления в сфере государственных закупок как самостоятельную разновидность экономически мотивированного преступного поведения, в которой ключевое значение имеет не только факт нарушения закупочной процедуры, но и управленческое решение, повлекшее необоснованное выбытие бюджетных средств. Такое решение может быть принято на любой стадии закупочного цикла: при планировании, выборе способа закупки, подготовке технической спецификации, оценке заявок, заключении договора, приемке результата либо оплате исполнения².

На стадии планирования наиболее распространенными являются искусственное дробление предмета закупки, завышение потребности, необоснованное включение в план товаров, работ или услуг, фактически не требующихся заказчику, а также определение параметров закупки исходя не из публичной потребности, а из возможностей заранее определенного поставщика. Практическая опасность таких действий состоит в том, что последующая закупочная процедура лишь формально закрепляет преступный замысел, сформированный еще до объявления конкурса или иного способа закупки.

На стадии подготовки закупочной документации ключевым способом ограничения конкуренции выступает формирование технических спецификаций под конкретного поставщика. Внешне такие требования могут иметь вид профессионально подготовленного описания товара,

¹ О государственных закупках: закон Республики Казахстан от 1 июля 2024 г. № 106-VIII ЗРК [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2400000106> (дата обращения: 28.04.2026).

² Уголовный кодекс Республики Казахстан: от 3 июля 2014 г. № 226-V ЗРК [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226> (дата обращения: 28.04.2026).

работы или услуги, однако их совокупность фактически исключает участие иных потенциальных поставщиков. К числу характерных индикаторов относятся чрезмерно детализированные технические параметры, необоснованное указание уникальных характеристик, установление избыточных квалификационных требований, а также использование формулировок, совпадающих с коммерческими предложениями заранее определенных субъектов.

На стадии проведения закупочной процедуры должностное злоупотребление нередко выражается в необоснованном отклонении конкурентных заявок, различном подходе к оценке однотипных документов, манипулировании критериями допуска и оценки, а также в создании условий, при которых формально состоявшаяся закупка фактически лишается состязательного содержания. В таких случаях для доказывания недостаточно зафиксировать отдельное нарушение регламента. Необходимо установить, в чьих интересах оно совершено, какие финансовые последствия наступили для бюджета и каким образом действия должностного лица обеспечили преимущество конкретному поставщику.

Наиболее латентной является стадия исполнения и приемки государственных контрактов. Именно здесь формальная правомерность документации чаще всего вступает в противоречие с фактическим результатом. Подписание актов выполненных работ, приемка товара ненадлежащего качества, подтверждение завышенных объемов, оплата фактически невыполненных работ либо услуг создают видимость надлежащего исполнения и одновременно обеспечивают окончательное выбытие бюджетных средств. В практическом плане именно акты приемки, заключения технического надзора, фотоотчеты, сметы, дефектные ведомости и платежные документы должны рассматриваться не изолированно, а в единой доказательственной связи.

Особое значение для расследования имеет установление аффилированности заказчика, поставщика, субподрядчиков и фактических выгодоприобретателей. В современных схемах такая связь редко проявляется в прямом учредительстве или официальном трудовом отношении. Значительно чаще используются доверенные лица, номинальные руководители, родственники, бывшие коллеги, подконтрольные индивидуальные предприниматели, взаимные займы, единые IP-адреса при подаче документов, общие контактные данные, совпадение бухгалтерского сопровождения и иные косвенные признаки. Их совокупность позволяет выявить реальную структуру контроля, скрытую за формально самостоятельными участниками закупки³.

Практика показывает, что одной из типичных ошибок расследования является подмена доказывания хищения фиксацией процедурного нарушения. Между тем нарушение закупочного законодательства само по себе еще не раскрывает механизма преступления. Для уголовно-правовой оценки необходимо доказать противоправную направленность управленческого решения, причинение имущественного ущерба бюджету, наличие причинно-следственной связи между служебными действиями и наступившими финансовыми последствиями, а также умысел и заинтересованность должностного лица [6, 129 стр.]; [7].

В этой связи управленческое решение в сфере государственных закупок целесообразно рассматривать как самостоятельный объект криминалистического анализа. Оно соединяет юридическую форму закупочной процедуры, экономическое содержание операции и фактическое движение бюджетных средств. Анализ такого решения должен включать проверку его необходимости, своевременности, экономической обоснованности, соответствия реальной потребности заказчика, альтернативности возможных способов закупки и последующих выгод для конкретных лиц.

К числу наиболее результативных направлений выявления относятся: сопоставление начальной цены договора с рыночными показателями; анализ повторяемости побед одних и тех

³ О противодействии коррупции: закон Республики Казахстан от 18 нояб. 2015 г. № 410-V ЗРК [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1500000410> (дата обращения: 28.04.2026).

же поставщиков у конкретного заказчика; проверка связей между должностными лицами и участниками закупки; исследование цепочки субподрядов; установление конечного использования бюджетных средств; проверка фактического наличия поставленного товара или результата работ; назначение строительно-технических, товароведческих, экономических и компьютерно-технических экспертиз. Такой подход позволяет перейти от формального контроля документов к проверке реального экономического содержания операции.

Финансовый анализ имеет самостоятельное доказательственное значение. Движение денежных средств после поступления оплаты по государственному контракту нередко позволяет установить, что поставщик не обладал необходимыми ресурсами для исполнения обязательств, перечислял значительную часть суммы аффилированным субъектам, обналичивал денежные средства либо распределял их между участниками схемы под видом займов, консультационных услуг, аренды, маркетинга или иных трудно проверяемых операций [8, 88 стр.]; [9]. В таких случаях финансовые потоки выступают не вспомогательным, а ключевым носителем информации о реальном механизме хищения⁴.

Обобщение практики позволяет выделить три базовые модели хищения бюджетных средств в сфере государственных закупок. Первая модель связана с созданием искусственного преимущества заранее определенному поставщику и последующим завышением цены договора. Вторая основана на фиктивном либо частичном исполнении обязательств при наличии формально надлежащих актов. Третья предполагает использование цепочки субподрядчиков и подконтрольных организаций для вывода бюджетных средств, когда фактическое исполнение осуществляется минимальными ресурсами либо не осуществляется вовсе. На практике указанные модели нередко комбинируются.

Доказательственная конструкция по таким делам должна строиться не вокруг одного документа или одного следственного действия, а вокруг взаимосвязанной системы фактов: служебное полномочие должностного лица; принятое им управленческое решение; отклонение этого решения от экономически обоснованной модели поведения; преимущество конкретного поставщика; фактическое выбытие бюджетных средств; несоответствие результата оплаченной стоимости; связь поставщика с должностным лицом либо иными выгодоприобретателями; последующее движение денежных средств. Только такая совокупность позволяет убедительно раскрыть хищение, скрытое за внешне законной закупочной процедурой.

Представляется необходимым внедрение в следственную практику раннего аналитического профилирования закупки. Уже на первоначальном этапе досудебного расследования следует формировать карту закупочного цикла, карту участников, карту финансовых потоков и карту управленческих решений. Это позволяет определить, на какой стадии был сформирован преступный замысел, какие документы создавали видимость законности, кто обеспечивал принятие решений и кто получил конечную экономическую выгоду.

Заключение. Должностные преступления в сфере государственных закупок представляют собой сложную латентную форму хищения бюджетных средств, при которой противоправный результат достигается через использование формально законных процедур. Их общественная опасность состоит не только в причинении имущественного ущерба бюджету, но и в подрыве принципов добросовестной конкуренции, доверия к публичному управлению и эффективности государственных расходов.

Проведенный анализ показывает, что эффективное выявление и доказывание таких преступлений требует выхода за пределы формальной проверки закупочной документации. Центральное значение должны приобретать анализ экономической обоснованности

⁴ FATF. Operational Issues – Financial Investigations Guidance [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.fatf-gafi.org/en/publications/Methodsandtrends/Operationalissues-financialinvestigationguidance.html> (дата обращения: 28.04.2026).

управленческих решений, установление фактических выгодоприобретателей, исследование аффилированности участников, проверка реального исполнения контрактов и отслеживание последующего движения бюджетных средств.

Практико-ориентированное значение имеет переход от модели поиска нарушения к модели реконструкции преступного механизма. Следователь, прокурор, оперативный сотрудник и специалист финансового анализа должны исследовать закупку как единый цикл: от формирования потребности до конечного распределения денежных средств. Только при таком подходе возможно установить причинно-следственную связь между служебным решением, фиктивной либо экономически необоснованной операцией и наступившим ущербом.

К числу приоритетных направлений совершенствования правоприменительной практики следует отнести внедрение рискориентированного отбора закупок для проверки; системное использование данных электронных закупочных платформ; обязательный анализ субподрядных цепочек; раннее назначение финансово-экономических и специальных экспертиз; сопоставление договорной цены с рыночными индикаторами; проверку фактического результата исполнения; развитие межведомственного обмена данными между правоохранительными, антикоррупционными, финансовыми и контрольными органами⁵.

Научная новизна исследования заключается в обосновании управленческого решения в сфере государственных закупок как самостоятельного объекта криминалистического анализа и ключевого связующего элемента между формально законной процедурой и фактическим хищением бюджетных средств. Предложенный подход позволяет рассматривать закупочные преступления не как совокупность разрозненных нарушений, а как целостный экономико-управленческий механизм, подлежащий выявлению и доказыванию через анализ правовой формы, экономического содержания и финансового результата.

Список использованной литературы:

1. Лунеев, В.В. Мотивация преступного поведения / В.В. Лунеев. – М.: Наука, 1991. – 107 с.
2. Лопашенко, Н.А. Коррупционные преступления: уголовно-правовой анализ / Н.А. Лопашенко. – М.: Юрайт, 2021. – 312 с.
3. Астанин, В.В. Финансовые механизмы коррупции: криминологический и правовой анализ / В.В. Астанин. – М.: Проспект, 2019. – 224 с.
4. Шумилов, А.Ю. Параллельные финансовые расследования: теория и практика / А.Ю. Шумилов. – М.: Норма, 2022. – 198 с.
5. Levi, M. Understanding the Laundering of Organized Crime Money / M. Levi, M. Soudijn // European Journal of Criminology. – 2020. – Vol. 17 (4). – Pp. 473-491.
6. Головкин, Л.В. Доказывание по уголовным делам о коррупционных преступлениях / Л.В. Головкин. – М.: Статут, 2021. – 286 с.
7. Калининченко, Д.В. Противодействие хищениям бюджетных средств в сфере публичных закупок / Д.В. Калининченко // Журнал российского права. – 2021. – № 6. – С. 112–121.
8. Unger, B. Money Laundering and Terrorist Financing / B. Unger, J. Ferwerda. – Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2011. – 352 p.
9. Greenberg, T. Stolen Asset Recovery: A Practitioner's Handbook / T. Greenberg, et al. – Washington, DC: World Bank, 2009. – 324 p.

References:

1. Luneev, V.V. Motivacija prestupnogo povedenija / V.V. Luneev. – M.: Nauka, 1991. – 107 s.
2. Lopashenko, N.A. Korruptsiionnye prestuplenija: ugovovno-pravovoj analiz / N.A. Lopashenko. – M.: Jurajt, 2021. – 312 s.
3. Astanin, V.V. Finansovyje mehanizmy korruptcii: kriminologicheskij i pravovoj analiz / V.V. Astanin. – M.: Prospekt, 2019. – 224 s.

⁵ OECD. Preventing Corruption in Public Procurement. – Paris: OECD Publishing, 2016. – 30 p. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.oecd.org/gov/ethics/Corruption-Public-Procurement-Brochure.pdf> (дата обращения: 28.04.2026).

4. Shumilov, A.Ju. Parallel'nye finansovye rassledovaniya: teoriya i praktika / A.Ju. Shumilov. – M.: Norma, 2022. – 198 s.
5. Levi, M. Understanding the Laundering of Organized Crime Money / M. Levi, M. Soudijn // European Journal of Criminology. – 2020. – Vol. 17 (4). – Pp. 473-491.
6. Golovko, L.V. Dokazyvanie po ugovolnym delam o korrupcionnyh prestuplenijah / L.V. Golovko. – M.: Statut, 2021. – 286 s.
7. Kalinichenko, D.V. Protivodejstvie hishhenijam bjudzhetnyh sredstv v sfere publicnyh zakupok / D.V. Kalinichenko // Zhurnal rossijskogo prava. – 2021. – № 6. – S. 112–121.
8. Unger, B. Money Laundering and Terrorist Financing / B. Unger, J. Ferwerda. – Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2011. – 352 p.
9. Greenberg, T. Stolen Asset Recovery: A Practitioner's Handbook / T. Greenberg, et al. – Washington, DC: World Bank, 2009. – 324 p.

АВТОРЛАР ТУРАЛЫ МӘЛІМЕТТЕР / СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Гульфарида Амандыковна Таубаева – Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасы жанындағы Құқық қорғау органдары академиясының Кәсіби оқыту институтының қылмыстық қудалау кафедрасының меңгерушісі, e-mail: gulfarida78@mail.ru.

Таубаева Гульфарида Амандыковна – заведующая кафедрой уголовного преследования Института первоначального обучения Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, e-mail: gulfarida78@mail.ru.

Taubayeva Gulfarida Amandykovna – Head of the Department of Criminal Prosecution at the Institute of Professional Education of the Law Enforcement Academy under the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan, e-mail: gulfarida78@mail.ru.

УДК 343.85
МРНТИ 10.81.71

К.К. Тусупов

*Академия правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан,
г. Косшы, Республика Казахстан*

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕХАНИЗМОВ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КОНФИСКОВАННОГО ИМУЩЕСТВА: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Аннотация. В статье исследуются правовые механизмы использования конфискованного имущества и средств от его реализации в зарубежных государствах, а также анализируются перспективы совершенствования соответствующего института в Республике Казахстан. На основе сравнительно-правового анализа рассмотрены модели управления конфискованными активами в странах дальнего и ближнего зарубежья. Особое внимание уделено правовым системам, где законодательством предусмотрены направление части конфискованных активов на развитие материально-технической базы правоохранительных органов. Проведена научная дискуссия относительно допустимости финансирования правоохранительной деятельности за счет конфискованных средств. Обоснована необходимость формирования централизованной системы учета конфискованного имущества и создания специального фонда конфискованных активов в Республике Казахстан. Разработаны предложения по совершенствованию национального законодательства.

Ключевые слова: использование конфискованного имущества; борьба с преступностью; добытый преступным путем; специальный фонд; финансирование правоохранительных органов; стимулирование работника.

Қ.Қ. Тусупов

*Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасының жанындағы Құқық қорғау органдары академиясы,
Қосшы қ., Қазақстан Республикасы*

ТӘРКІЛЕНГЕН МҮЛІКТІ ПАЙДАЛАНУ ТЕТІКТЕРІН ЖЕТІЛДІРУ: САЛЫСТЫРМАЛЫ-ҚҰҚЫҚТЫҚ ТАЛДАУ ЖӘНЕ ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ ЗАҢНАМАСЫН ДАМУ ТУ ПЕРСПЕКТИВАЛАРЫ

Аннотация. Мақалада шет мемлекеттердегі тәркіленген мүлікті және оны өткізуден түскен қаражатты пайдалану тетіктері зерттеліп, Қазақстан Республикасында аталған институтты жетілдіру мүмкіндіктері талданады. Салыстырмалы-құқықтық талдау негізінде алыс және жақын шет мемлекеттердегі тәркіленген активтерді басқару модельдері қарастырылады. Заңнамада тәркіленген активтердің бір бөлігін құқық қорғау органдарының материалдық-техникалық базасын дамытуға бағыттау көзделген құқықтық жүйелерге ерекше назар аударылады. Құқық қорғау қызметін тәркіленген қаражат есебінен қаржыландырудың жол берілуі мәселесіне қатысты ғылыми пікірлер талданады. Қазақстан Республикасында тәркіленген мүлікті орталықтандырылған есепке алу жүйесін қалыптастыру және тәркіленген активтердің арнайы қорын құру қажеттілігі негізделеді. Ұлттық заңнаманы жетілдіру бойынша нақты ұсыныстар әзірленген.

Түйінді сөздер: тәркіленген мүлікті пайдалану; қылмысқа қарсы іс-қимыл; қылмыстық жолмен алынған мүлік; арнайы қор; құқық қорғау органдарын қаржыландыру; қызметкерлерді ынталандыру.

K.K. Tusupov

*The Law Enforcement Academy under the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan,
Kosshy, the Republic of Kazakhstan*

IMPROVING MECHANISMS FOR THE USE OF CONFISCATED PROPERTY: A COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS AND PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF LEGISLATION IN THE REPUBLIC OF KAZAKSTAN

Abstract. The article examines the legal mechanisms for use of confiscated property and proceeds from its sale in

foreign countries and analyzes prospects for improving the relevant institution in the Republic of Kazakhstan. Using a comparative legal analysis, models for managing confiscated assets in neighboring and non-CIS countries are examined. Particular attention is paid to legal systems where legislation provides for the allocation of a portion of confiscated assets to the development of the material and technical base of law enforcement agencies. A scientific discussion was held regarding the admissibility of funding law enforcement activities with confiscated funds. The need for a centralized system for recording confiscated property and special fund for confiscated assets in the Republic of Kazakhstan was substantiated. Proposals for improving national legislation were developed.

Keywords: use of confiscated property; fight against crime; obtained by criminal means; special fund; funding of law enforcement agencies; employee incentives.

DOI: 10.52425/25187252_2026_40_107

Введение. Общеизвестно, что конфискация имущества, приобретенного преступным путем, является одним из ключевых инструментов борьбы с преступностью и правонарушениями, коррупцией и легализацией преступных доходов.

Конфискация имущества преследует не только материальное наказание виновных лиц, но и устранение экономических стимулов для дальнейшего совершения противоправных действий, т.е. лишение финансовой привлекательности преступлений и правонарушений.

От совершенствования института конфискации имущества зависит эффективность ее применения на практике.

В современных условиях борьба с преступностью все чаще рассматривается через призму экономического воздействия на преступные структуры. По мнению ряда исследователей, эффективность уголовной политики во многом зависит от способности государства изымать и возвращать в публичный оборот активы, полученные преступным путем [1].

Международные стандарты в данной сфере закреплены в рекомендациях Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (FATF). В частности, Рекомендация № 38 предусматривает необходимость создания эффективных механизмов управления конфискованным имуществом и распределения конфискованных активов. Государствам предлагается рассмотреть возможность создания специальных фондов конфискованных активов, средства которых могут использоваться для финансирования правоохранительной деятельности, социальной сферы и иных общественно значимых целей¹.

В разных правовых системах сформировались различные модели управления конфискованным имуществом. В странах дальнего зарубежья преимущественно используются централизованные фонды конфискованных активов, в ближнем зарубежье, в частности в постсоветских странах, а также в Республике Казахстан (далее – РК) практикуется распределение конфискованного имущества через уполномоченные государственные органы.

Вместе с тем действующая в РК система управления конфискованным имуществом не предусматривает единого централизованного учета средств, полученных от его реализации, что по мнению автора ограничивает возможности эффективного анализа и планирования использования таких ресурсов.

Вопросы конфискации имущества как меры уголовно-правового воздействия широко исследованы в трудах отечественных и зарубежных ученых.

Правовая природа конфискации, механизмов выявления и изъятия преступных активов, а также управления конфискованным имуществом изучались Н.А. Головановой, К.В. Камчатовым,

¹ International standards on combating money laundering and the financing of terrorism & proliferation the FATF Recommendations – February 2012. – 38 p.

А.А. Тимошенко, О.В. Бузу, Е.Ю. Камчатовой, Джон Л. Ворралл и другие исследователями.

Вместе с тем большинство научных работ посвящено вопросам выявления, ареста и конфискации имущества. Проблемы дальнейшего использования средств, полученных от реализации конфискованного имущества, включая создание специализированных фондов и возможность их направления на финансирование правоохранительной деятельности, изучены недостаточно, что обуславливает научную значимость настоящего исследования.

Особую актуальность приобретает изучение зарубежного опыта использования средств от конфискованного имущества и разработка предложений по совершенствованию национального законодательства.

Цель исследования – анализ зарубежных механизмов использования средств от конфискованного имущества и определение перспектив их внедрения в правовую систему РК.

Материалы и методы. Методологическую основу исследования составили общенаучные методы (анализа, синтеза, индукции и дедукции), позволившие выявить общие закономерности и внутренние связи рассматриваемого института в разных правовых системах.

Метод анализа использовался для изучения структуры и элементов института использования конфискованного имущества, включая субъективный и объективный критерии, а метод синтеза – для обобщения полученных результатов и формирования целостного представления возможностей их эффективного использования.

Индукция и дедукция позволили перейти от частных случаев использования конфискованного имущества к выявлению общих закономерностей возможного совершенствования национального права.

Также применялись формально-юридический и сравнительно-правовой методы при анализе правовых норм зарубежных, в т.ч. постсоветских стран. Эмпирическую основу составили общедоступные правовые нормы законодательства, а также публичные статистические данные государственных органов зарубежных стран и РК, международные акты, а также труды отечественных и зарубежных правоведов.

Научная новизна исследования заключается в том, что предлагается возможность рассмотрения института стимулирования правоохранительных органов за счет средств от реализации конфискованного имущества.

Практическая значимость выражается в возможности использования полученных результатов при принятии решения о внесении изменений в национальное законодательство по данному вопросу.

Таким образом, институт использования средств от конфискованного имущества представляет собой одно из наиболее перспективных направлений развития современной уголовно-правовой системы Казахстана, а его комплексное исследование является важной задачей как для науки, так и для практики.

Результаты, обсуждение.

Национальное правовое регулирование конфискации имущества

Правовой институт конфискации имущества в РК закреплен в ряде нормативных актов, включая Конституцию РК, Уголовный кодекс, Гражданский кодекс и Кодекс об административных правонарушениях.

Согласно статье 48 Уголовного кодекса РК, конфискация имущества есть принудительное безвозмездное изъятие и обращение в собственность государства имущества, добытого преступным путем либо приобретенного на средства, добытые преступным путем, а также имущества, являющегося орудием или средством совершения уголовного правонарушения. Конфискация применяется на основании судебного решения и является дополнительным видом

наказания².

В административном праве конфискация также выступает одной из форм административного взыскания. В соответствии с положениями Кодекса РК об административных правонарушениях конфискации подлежат предметы, явившиеся орудием либо предметом совершения административного правонарушения, а равно имущество, полученное вследствие совершения административного правонарушения³.

Использование конфискованного имущества регулируется Правилами учета, хранения, оценки и дальнейшего использования имущества, обращенного (поступившего) в собственность государства по отдельным основаниям (далее – Правила № 833), утвержденных постановлением Правительства РК за № 833 от 26 июля 2002 года⁴.

Также по отношению к конфискованному имуществу применяются нормы Правил реализации или использования имущества, арестованного на основании приговора суда по уголовному делу в части конфискации имущества либо на основании решения о передаче имущества государству, утвержденных приказом Министра финансов РК № 227 от 30 марта 2015 года (далее – Правила № 227)⁵, согласно которым имущество, включаемое в реестр, до его продажи подлежит предложению государственным юридическим лицам для передачи на их баланс.

Имущества в виде средств сотовой связи, транспорта, недвижимости, одежды и обуви могут быть переданы правоохранительным и специальным государственным органам в целях обеспечения безопасности государства, поддержания законности и правопорядка, предупреждения и пресечения уголовных правонарушений, в случае экономической целесообразности.

В соответствии с Правилами № 833 уполномоченным органом по организации работы по учету, хранению, оценке и дальнейшему использованию имущества, обращенного (поступившего) в республиканскую собственность, является Комитет государственного имущества и приватизации Министерства финансов РК, по данным которого в 2022-2024 гг. в государственную собственность поступило более 3 млн единиц имущества общей стоимостью около 8,9 млрд тенге. При этом правоохранительным органам переданы около 29,3% имущества на сумму более 1,4 млрд тенге (таблица 1).

Наименование позиции	Всего		2022 год		2023 год		2024 год	
	Кол-во	Сумма	Кол-во	Сумма	Кол-во	Сумма	Кол-во	Сумма
Поступило от реализации конфискованного имущества	3 054 566	8 939 725 00 0	2 608 465	1 393 109 100	341 111	4 124 114 300	104 990	3 422 501

² Уголовный кодекс Республики Казахстан: от 3 июля 2014 г. № 226-V ЗРК [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226> (дата обращения: 31.03.2026).

³ Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях: от 5 июля 2014 г. № 235-V ЗРК [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000235> (дата обращения: 31.03.2026).

⁴ Некоторые вопросы учета, хранения, оценки и дальнейшего использования имущества, обращенного (поступившего) в собственность государства по отдельным основаниям: постановление Правительства Республики Казахстан от 26 июля 2002 г. № 833 [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/P020000833_ (дата обращения: 31.03.2026).

⁵ Об утверждении Правил реализации или использования имущества, арестованного на основании приговора суда по уголовному делу в части конфискации имущества либо на основании решения о передаче имущества государству: приказ Министра финансов Республики Казахстан от 30 марта 2015 г. № 227 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V1500010813> (дата обращения: 31.03.2026).

<i>Из них приняты правоохранительными органами</i>	895 381	1 409 050 773	571 058	632 524 476	313 879	250 178 321	10 444	526 347 976
<i>Удельный вес</i>	29,3%	15,8%	21,9%	45,4%	92%	6%	9,9%	15,4%

Таблица 1. Данные Министерства финансов РК о движении средств от реализации конфискованного имущества за 2022-2024 гг.

Несмотря на наличие указанных механизмов, в национальной правовой системе отсутствует централизованный учет денежных средств, поступающих от реализации отдельных категорий конфискованного имущества, таких как лом и отходы драгоценных металлов и денежные средства, а также жилища и земельные участки.

Лом и отходы драгоценных металлов подлежат аффинажу и зачислению в активы Национального Банка, их стоимость за вычетом издержек, связанных с переработкой, перечисляется в бюджет. Имущество в виде денежных средств зачисляется в доход бюджета или Фонд поддержки инфраструктуры образования.

Использование жилища и земельных участков вовсе регулируются Законом РК «О жилищных отношениях» и Земельным кодексом РК, соответственно.

По мнению автора, действующая система управления конфискованным имуществом не дает возможность оценить эффективность института конфискации имущества как инструмента противодействия преступности, а также обеспечить прозрачность в его использовании на благо общества.

По мнению Н.А. Головановой тема повторного использования конфискованного имущества интересна не только юристам, но и обычным гражданам, которые считают необходимым издание специального закона о передаче конфискованного у преступников (в т.ч. у коррумпированных чиновников) недвижимого имущества для социальных нужд [2].

Данный фактор подтверждает чувствительность общества к теме эффективности и прозрачности использования конфискованного имущества, в связи с чем полагаем, что совершенствование и имплементация передовых правовых норм и практик должны способствовать повышению уровня доверия общества к институтам государственной власти.

В этой связи полагаем необходимым проанализировать зарубежные правовые нормы по использованию конфискованного имущества, в т.ч. по направлению их части на финансирование правоохранительных органов в целях повышения эффективности работы в данном направлении.

Зарубежный опыт использования конфискованных активов

В США функционирует Фонд конфискованных активов Министерства юстиции (Assets Forfeiture Fund), созданный на основании Всеобъемлющего закона о борьбе с преступностью 1984 года⁶.

Программа конфискации активов Министерства юстиции (Justice) включает в себя изъятие, конфискацию и распоряжение активами, которые представляют собой доходы от совершения

⁶ Assets Forfeiture Fund (AFF) [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.justice.gov/afp/assets-forfeiture-fund-aff> (дата обращения: 31.03.2026).

федеральных преступлений или использовались для их содействия. Генеральный прокурор осуществляет предусмотренные законом полномочия по управлению Программой.

Программа конфискации активов преследует четыре основные цели:

1. Наказание и сдерживание преступной деятельности путем лишения преступников имущества, использованного в незаконной деятельности или приобретенного в результате нее.
2. Содействие и укрепление сотрудничества между федеральными, региональными, местными, племенными (общинными) и зарубежными правоохранительными органами.
3. Возврат активов, которые могут быть использованы для компенсации жертвам в случаях, предусмотренных федеральным законодательством.
4. Обеспечение профессионального, законного и соответствующего здоровой государственной политике управления Программой.

Одним из дополнительных преимуществ конфискации активов является возможность справедливого распределения федеральных средств, полученных от конфискации, в соответствующих случаях между сотрудничающими правоохранительными органами. Программа укрепляет сотрудничество между правоохранительными органами, предоставляя ценные дополнительные ресурсы оказывающим помощь в расследованиях нарушений федеральных законов. Однако Программа призвана дополнять и расширять, а не заменять выделенные ведомствам ресурсы⁷.

В *Великобритании* действует схема стимулирования возврата активов (Asset Recovery Incentivisation Scheme), которая поощряет полицию и другие правоохранительные органы к возврату денежных средств и активов, полученных преступным путем. Когда полиция арестовывает преступников, часть незаконно полученных ими доходов распределяется между органами, участвующими в расследовании и судебном преследовании⁸.

При изъятии наличных средств, когда одно агентство может изымать, задерживать и ходатайствовать о конфискации наличных средств, это агентство сохраняет за собой 50% операционной доли в полном объеме. По 18,75% выделяется каждому из следственных органов (например, полиции или Национальному агентству по борьбе с преступностью) и органов уголовного преследования (обычно Королевской прокурорской службе (Crown Prosecution Service, CPS)), оставшиеся 12,5% выделяются на обслуживание судов и трибуналов Ее Величества (HMCTS) в качестве исполнительного органа.

Такое распределение ассигнований в целом соответствует относительным уровням расходов, определенным Государственным контрольным управлением. В делах о возмещении ущерба в гражданском порядке средства распределяются между соответствующим учреждением и органом исполнительной власти.

Средства, поступившие от административной конфискации, делятся по 50% между МВД и следственными органами, а средства от налоговой и гражданской конфискации делятся в равных долях между МВД и прокуратурой [2].

В *Австралии* конфискованные средства могут быть направлены на финансирование правоохранительных органов, а также на программы по предотвращению преступности и реабилитации преступников.

В 2011 году правительство Австралии создало целевую группу по конфискации преступных активов (CACT, The Criminal Assets Confiscation Taskforce) для борьбы с этой угрозой.

Средства, полученные от ликвидации конфискованных активов, зачисляются на счет

⁷ Equitable Sharing Program [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.justice.gov/criminal/criminal-mnf/equitable-sharing-program> (дата обращения: 31.03.2026).

⁸ Asset Recovery Incentivisation Scheme (ARIS) [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://hmicfrs.justiceinspectorates.gov.uk/glossary/asset-recovery-incentivisation-scheme-aris/> (дата обращения: 31.03.2026).

конфискованных активов.

Управление финансовой безопасности Австралии (AFSA, Australian Financial Security Authority) управляет конфискованными активами (CAA, Confiscated Assets Account) от имени правительства Австралии.

Средства используются на благо общества посредством программ профилактики преступности и других инициатив, связанных с правоохранительными органами или обществом. К таковым относятся:

- Национальная программа ДНК-анализа для неопознанных и пропавших без вести лиц;
- Кампания по повышению осведомленности о торговле людьми «Взгляни немного глубже»;
- ThinkUKnow – онлайн-программа для обучения технике безопасности детей;
- программа «Соседский дозор»⁹.

Италия является одной из немногих европейских стран, где прямое повторное использование конфискованных активов путем передачи конфискованного имущества, в т.ч. на благо общества, применяется наиболее часто. Уникальной особенностью итальянской системы управления конфискованным имуществом является то, что в этой деятельности приоритет отдан передаче такого имущества общинам, в т.ч. по соображениям прозрачности. Эта особенность позволила местным властям использовать активы как компенсацию обществу за ущерб, причиненный организованной преступностью.

Наряду с этим правовые нормы законодательства Италии предусматривают распределение конфискованного имущества государственным органам, в т.ч. правоохранительным, с учетом экономической целесообразности¹⁰.

Практика стран постсоветского пространства

Правовые нормы, регулирующие вопросы использования конфискованного имущества на постсоветском пространстве, в частности в Российской Федерации, республиках Азербайджан, Беларусь и Узбекистан схожи с правовыми нормами нашей страны.

При этом интересным представляются правовые инструменты Республики Узбекистан и Республики Азербайджан, направленные на стимулирование задействованных в конфискации имущества правоохранительных органов.

Так, на основании статьи 44 Бюджетного кодекса Республики Узбекистан министерства и ведомства могут иметь внебюджетные фонды.

Доходы данных внебюджетных фондов формируются в установленном порядке за счет отчислений от государственных пошлин, сборов и неналоговых платежей, административных штрафов и финансовых санкций (ст. 62 Бюджетного кодекса Республики Узбекистан), которые наряду с другими могут быть использованы для материального стимулирования работников¹¹.

Постановлением Кабинета Министров Республики Узбекистан № 62 от 2 апреля 2010 года «О мерах по упорядочению отчислений средств во внебюджетные фонды министерств и ведомств» определены размеры отчислений от государственных пошлин, сборов и неналоговых платежей, административных и финансовых санкций, направляемых во внебюджетные фонды министерств и ведомств.

⁹ Taking the profit out of crime [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.afp.gov.au/crimes/serious-and-organised-crime/criminal-assets#:~:text=The%20funds%20realised%20from%20the,and%20monies%20in%20bank%20accounts> (дата обращения: 31.03.2026).

¹⁰ Amministrazione trasparente [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://benisequestratificati.it/amministrazione-trasparente/> (дата обращения: 31.03.2026).

¹¹ Бюджетный кодекс Республики Узбекистан: от 26 дек. 2013 г. № ЗРУ-360 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.lex.uz/acts/2304140> (дата обращения: 31.03.2026).

Согласно приложению № 1 к указанному постановлению, 7 государственных учреждений и 1 фонд получают в свои внебюджетные фонды часть средств от конфискованного имущества (данные приведены в таблице 2)¹².

№	Наименование министерств и ведомств	Источник формирования	Размеры отчислений (в %)
1	Государственный таможенный комитет	Средства от реализации имущества, изъятого таможенными органами (в т.ч. совместно с пограничными службами) и обращенного в доход государства в установленном законодательством порядке	8
2	Комитет по охране Государственной границы СНБ Республики Узбекистан	Средства от реализации имущества, изъятого таможенными органами совместно с пограничными службами и обращенного в доход государства в установленном законодательством порядке	8
3	Служба национальной безопасности	Средства от реализации имущества, обращенного в доход государства в установленном законодательством порядке	16
4	Генеральная прокуратура	Суммы от реализации имущества, обращенного в доход государства в установленных законодательством случаях	8
5	Государственный налоговый комитет	Средства от реализации имущества, изъятого налоговыми органами и обращенного в доход государства в установленном законодательством порядке	10
6	Министерство внутренних дел	Средства от реализации имущества, обращенного в доход государства в установленных законодательством случаях	8
7	Фонд развития судов и	Средства, поступающие от	8

¹² О мерах по упорядочению отчислений средств во внебюджетные фонды министерств, государственных комитетов и ведомств: постановление Кабинета Министров Республики Узбекистан от 2 апр. 2010 г. № 62 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://lex.uz/ru/docs/1609351> (дата обращения: 31.03.2026).

	<i>органов юстиции (МЮ, ВС, Высший хозяйственный суд, Департамент по исполнению судебных решений, МТиФО деятельности судов)</i>	реализации имущества, изъятого уполномоченными органами и обращенного в доход государства, а также от взыскания недоимок по налогам и другим обязательным платежам	
8	<i>Госбиоконтроль</i>	Суммы, поступающие от реализации конфискованных орудий охоты и рыбной ловли, а также незаконной продукции охоты	40

Таблица 2. Размеры отчислений от государственных пошлин, сборов и неналоговых платежей, административных и финансовых санкций, направляемых во внебюджетные фонды

Также суммы финансовых санкций за нарушения налогового законодательства и штрафов за административные правонарушения, выявленные Департаментом по борьбе с налоговыми, валютными преступлениями и легализацией преступных доходов при Генеральной прокуратуре Республики Узбекистан, направляются во внебюджетный фонд указанного Департамента.

В соответствии с абзацем 5 статьи 39 Закона Республики Азербайджан «О прокуратуре» от 7 декабря 1999 года при обеспечении возмещения причиненного государству ущерба во время предварительного следствия, по расследуемым в прокуратуре уголовным делам установленная законодательством часть выплаченной после приговора суда суммы может быть направлена на укрепление материально-технической базы прокуратуры и материальное поощрение работников.

Указом Президента Республики Азербайджан № 469 от 16 октября 2006 года утверждены Правила направления части конфискованного имущества на совершенствование материально-технической базы правоохранительных и иных органов (далее – Правила).

В соответствии с Правилами часть конфискованного на основании приговора (решения) суда имущества передается правоохранительным органам, проводившим предварительное расследование по уголовным делам, и органам, начавшим производство по делам об административных правонарушениях.

Передача части конфискованного имущества осуществляется в следующем порядке:

- продажа конфискованного имущества на аукционах в установленном законом порядке и выдача полученных средств;
- зачисление денежных средств в национальной и иностранной валюте в соответствующем порядке на казначейский счет;
- передача конфискованного имущества в натуре.

Часть конфискованного имущества, направляемого на совершенствование материально-технической базы правоохранительных и иных органов, определяется в следующих размерах (таблица 3):

№	Источник формирования	Размеры отчислений (в %)
1	из средств, поступивших от реализации конфискованного имущества через аукционы в установленном законодательством порядке (за вычетом расходов, связанных с содержанием,	30

	транспортировкой, оценкой и реализацией этого имущества, а также иных расходов, определенных законодательством)	
2	конфискованные денежные средства в национальной и иностранной валюте (за вычетом расходов по банковским операциям), поступившие на счет Агентства государственного казначейства Министерства финансов Республики Азербайджан в Центральном банке Республики Азербайджан	25
3	имущество, отвечающее требованиям правоохранительных и иных органов из конфискованного имущества	передается в полном натуральном виде

Таблица 3. Размеры отчислений из средств, поступивших от реализации конфискованного имущества

Одновременно с этим Указом Президента Республики Азербайджан утверждены Правила возмещения ущерба государству освобождаемыми от уголовной ответственности и наказания, а также по делам об административных правонарушениях.

Согласно данным Правилам, 5% поступивших в государственный бюджет от уплаты за освобождение от ответственности и наказания, а также 23% от наложенных штрафов по делам об административных правонарушениях, направленных в суд для рассмотрения прокурором, перечисляются на казначейский счет Генеральной прокуратуры Республики Азербайджан.

Данные средства направляются на стимулирование работников прокуратуры и на решение вопросов технического обеспечения, а также в предусмотренных законодательством случаях расходуются на другие цели.

Анализ указанных моделей показывает, что зарубежная практика допускает использование части средств от конфискованного имущества для финансирования деятельности государственных органов, участвующих в выявлении и конфискации преступных активов.

Заключение. Проведенный анализ показал, что национальная система управления конфискованным имуществом в целом соответствует международным стандартам, однако нуждается в дальнейшем совершенствовании.

Одним из перспективных направлений является создание централизованного фонда конфискованных активов и внедрение прозрачных механизмов распределения средств, что позволит повысить эффективность борьбы с преступностью и укрепить доверие общества к государственным институтам.

Такого же мнения ученые К.В. Камчатов, А.А. Тимошенко, Е.Ю. Камчатова, О.В. Бузу, которые отмечали, что для построения эффективной системы управления изъятым и конфискованным имуществом необходимо создание централизованных систем и баз данных для регистрации активов на протяжении всего процесса управления, которые сделают весь процесс открытым, доступным и отслеживаемым на всех уровнях [3].

Кроме того, целесообразно рассмотреть возможность направления части средств от конфискованного имущества на финансирование деятельности задействованных правоохранительных органов. Как было указано выше подобный подход применяется в ряде зарубежных стран и по мнению ученых может способствовать повышению эффективности финансовых расследований.

Американский криминолог, исследующий влияние конфискации на деятельность полиции Джон Ворралл (John L. Worrall), отмечает, что конфискация активов стала важным финансовым

ресурсом для правоохранительных органов и может усиливать их потенциал в борьбе с преступностью [4].

При этом, важным условием реализации таких механизмов является обеспечение прозрачности распределения средств и предотвращение возможных коррупционных рисков. Для этого необходимо установить четкие критерии распределения средств, а также механизмы парламентского и общественного контроля.

В контексте проанализированного вопроса полагаем, что для Казахстана могут быть интересны правовые нормы Республики Азербайджан, которые наряду с возможностью передачи конфискованного имущества в натуре, предусматривают выдачу части полученных средств после их реализации, а также зачисление денежных средств в национальной и иностранной валюте в соответствующем порядке на казначейский счет.

Введение аналогичных норм в национальное законодательство, по нашему мнению, позволила бы более гибче подойти к использованию выделенных средств в зависимости от операционных потребностей и стратегии развития заинтересованных государственных органов.

Список использованной литературы:

1. Michael, L. Crime and Justice / M. Levi, P. Reuter // Chicago Journals. – 2006. – Vol. 34. No. 1. – Pp. 289-375.
2. Голованова, Н.А. Вопросы управления конфискованным имуществом / Н.А. Голованова // Журнал российского права. – 2016. – № 10. – С. 78-89.
3. Kamchatov, K.V. Management of Seized and Confiscated Assets as a Condition for Providing Victims with Access to Justice and Fairness of Procedures Used in Criminal Proceedings: International and Russian Experience / K.V. Kamchatov, et al. // Atlantis Press. – 2021. – Vol. 531. – Pp. 343-348.
4. Worrall, J.L. Addicted to the drug war: The role of civil asset forfeiture as a budgetary necessity in contemporary law enforcement. / J.L. Worrall // Journal of Criminal Justice. – 2001. – Vol. 29. Issue 3. – Pp. 171-187.

References:

1. Michael, L. Crime and Justice / M. Levi, P. Reuter // Chicago Journals. – 2006. – Vol. 34. No. 1. – Pp. 289-375.
2. Golovanova, N.A. Voprosy upravleniya konfiskovannym imushchestvom / N.A. Golovanova // Zhurnal rossijskogo prava. – 2016. – № 10. – S. 78-89.
3. Kamchatov, K.V. Management of Seized and Confiscated Assets as a Condition for Providing Victims with Access to Justice and Fairness of Procedures Used in Criminal Proceedings: International and Russian Experience / K.V. Kamchatov, et al. // Atlantis Press. – 2021. – Vol. 531. – Pp. 343-348.
4. Worrall, J.L. Addicted to the drug war: The role of civil asset forfeiture as a budgetary necessity in contemporary law enforcement. / J.L. Worrall // Journal of Criminal Justice. – 2001. – Vol. 29. Issue 3. – Pp. 171-187.

АВТОРЛАР ТУРАЛЫ МӘЛІМЕТТЕР / СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Қайрақбай Кенесұлы Тусупов – Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасының жанындағы Құқық қорғау органдары академиясының Ведомствоаралық ғылыми-зерттеу институтының Қылмыстық процесс проблемаларын зерттеу орталығының аға ғылыми қызметкері, e-mail: k.tusupov1980@gmail.com.

Тусупов Кайрақбай Кенесович – старший научный сотрудник Центра исследования проблем уголовного процесса Межведомственного научно-исследовательского института Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, e-mail: k.tusupov1980@gmail.com.

Tusupov Kairakbay Kenesovich – Senior Researcher of the Center for Research of Criminal Procedure Problems of the Interdepartmental Research Institute of the Law Enforcement Academy under the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan, e-mail: k.tusupov1980@gmail.com.

ҚЫЛМЫСТЫҚ ПРОЦЕСС, КРИМИНАЛИСТИКА, СОТ-САРАПТАМА ҚЫЗМЕТІ УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, КРИМИНАЛИСТИКА, СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ CRIMINAL PROCEDURE, CRIMINALISTICS, FORENSIC EXPERTISE

УДК 343.1; 347.963
МРНТИ 10.79.01; 10.71.35

Э.У. Кулькеев

*Академия правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан,
г. Косшы, Республика Казахстан*

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБВИНЕНИЕ В КАЗАХСТАНЕ: ПРОБЛЕМЫ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ РЕФОРМЫ

Аннотация. В статье исследуются институциональные и процессуальные проблемы поддержания государственного обвинения в Республике Казахстан в контексте принципов состязательности, презумпции невиновности, процессуальной справедливости и защиты прав человека. Цель исследования заключается в выработке научно обоснованной модели совершенствования статуса государственного обвинителя и организационных основ судебно-обвинительной деятельности. Методологическую основу составили формально-юридический, сравнительно-правовой и системный методы, анализ действующего законодательства Республики Казахстан, зарубежного и постсоветского опыта, международных стандартов, а также научных и экспертных источников. Обосновано, что действующая модель сочетает процессуальную обязанность обвинителя действовать объективно с его организационной зависимостью от общей прокурорской вертикали. По результатам исследования предложена модель создания специализированной вертикали государственных обвинителей с коллегиальным механизмом разрешения разногласий, письменной процедурой изменения обвинительной позиции и системой гарантий, направленных на снижение обвинительного уклона и повышение качества публичного обвинения.

Ключевые слова: судебное обвинение; автономия; состязательный процесс; конфликт; судебная стадия.

Э.У. Күлкеев

*Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасының жанындағы Құқық қорғау органдары академиясы,
Қосшы қ., Қазақстан Республикасы*

ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ МЕМЛЕКЕТТІК АЙЫПТАУ: ИНСТИТУЦИОНАЛДЫҚ РЕФОРМА МӘСЕЛЕЛЕРІ

Аннотация. Мақалада Қазақстан Республикасында мемлекеттік айыптауды қолдаудың институционалдық және процестік мәселелері жарыспалылық, кінәсіздік презумпциясы, процестік әділеттілік және адам құқықтарын қорғау қағидаттары тұрғысынан қарастырылады. Зерттеудің мақсаты мемлекеттік айыптаушы мәртебесін және соттағы айыптау қызметінің ұйымдастырушылық негіздерін жетілдірудің ғылыми негізделген моделін әзірлеу болып табылады. Әдіснамалық негізін формальды-құқықтық, салыстырмалы-құқықтық және жүйелік әдістер, Қазақстан Республикасының қолданыстағы заңнамасын, шетелдік және посткеңестік мемлекеттердің тәжірибесі, халықаралық стандарттарды, сондай-ақ ғылыми және сараптамалық дереккөздерді талдау құрады. Қолданыстағы модель мемлекеттік айыптаушының объективті әрекет ету жөніндегі процестік міндетін оны жалпы прокуратура органдарының сатылы жүйесі ұйымдастырушылық бағыныштылықпен ұштастыратыны негізделеді. Зерттеу нәтижесінде келіспеушіліктерді алқалы түрде шешу тетігі, айыптау ұстанымын өзгерту рәсімінің жазбаша нысаны және айыптау бейімділігін төмендетуге бағытталған кепілдіктер жүйесі бар мамандандырылған мемлекеттік айыптаушылар вертикалін құру моделі ұсынылады.

Түйінді сөздер: соттағы айыптау; дербестік; жарыспалылық; қайшылық; сот сатысы.

E.U. Kulkeev

*The Law Enforcement Academy under the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan,
Kosshy, the Republic of Kazakhstan*

PUBLIC PROSECUTION IN KAZAKHSTAN: PROBLEMS OF INSTITUTIONAL REFORM

Abstract. The article examines institutional and procedural problems of public prosecution in Kazakhstan in the context of adversarial proceedings, the presumption of innocence, procedural fairness and the protection of human rights. The purpose of the study is to develop a scientifically grounded model for improving the status of the public prosecutor and the organizational foundations of courtroom prosecution. The methodological basis includes formal-legal, comparative-legal and systemic methods, analysis of the current legislation of the Republic of Kazakhstan, foreign and post-Soviet experience, international standards, as well as scholarly and expert sources. It is substantiated that the existing model combines the prosecutor's procedural duty to act objectively with organizational dependence on the general prosecutorial hierarchy. The study proposes a specialized vertical of public prosecutors, a collegial mechanism for resolving disagreements, a written procedure for changing the prosecutorial position and safeguards aimed at reducing accusatory bias and improving the quality of public prosecution.

Keywords: courtroom prosecution; autonomy; adversarial proceedings; conflict; trial stage.

DOI: 10.52425/25187252_2026_40_118

Введение. Современное развитие уголовного судопроизводства в Республике Казахстан (далее – РК) связано с необходимостью укрепления гарантий справедливого судебного разбирательства, реального равноправия сторон, повышения стандартов защиты прав человека и устранения обвинительного уклона в судебной практике. В этих условиях особую значимость приобретает вопрос о соответствии действующей организационно-правовой модели поддержания государственного обвинения задачам состязательного процесса и логике правового государства.

Актуальность проблемы обусловлена тем, что государственный обвинитель в суде занимает двойственное положение. Он поддерживает обвинение от имени государства, но одновременно обязан соотносить его с непосредственно исследованными в суде доказательствами, и при отсутствии подтверждения должен изменить обвинение либо отказаться от него. В зарубежной научной литературе подобная двойственность описывается как сочетание ролей прокурора как носителя публичного интереса и как состязательного процессуального оппонента стороны защиты [1]; [2].

На уровне публичного государственного курса проблема получила четкое выражение. В Послании Президента РК от 1 сентября 2020 года прямо указано, что суд должен быть состязательным, а судья – свободным от стороны обвинения, для чего необходимо обеспечить равенство адвоката и прокурора¹.

Материалы и методы. Методологическую основу исследования составили формально-юридический, системно-структурный, сравнительно-правовой и логико-догматический методы. Формально-юридический метод использовался для анализа Конституции РК, Конституционного закона «О прокуратуре», Уголовно-процессуального кодекса РК и ведомственного регулирования участия прокурора в суде.

Системно-структурный метод позволил выявить соотношение между организационным устройством прокуратуры и процессуальной природой государственного обвинения.

Сравнительно-правовой метод применен при изучении моделей постсоветских и иных зарубежных государств. Используются материалы официального государственного, адвокатского и академического дискурса Казахстана, международные стандарты Совета Европы, Организации

¹ Казахстан в новой реальности: время действий: Послание Главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана от 1 сент. 2020 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.akorda.kz/ru/addresses/addresses_of_president/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana-1-sentyabrya-2020-g (дата обращения: 16.04.2026).

Объединенных Наций и OECD. Такой комплекс источников позволил исследовать проблему не только в нормативном, но и в институциональном измерении.

Дополнительное внимание уделено практическим последствиям расширения подсудности суда с участием присяжных заседателей и усложнения судебно-обвинительной работы по наиболее сложным категориям уголовных дел.

Практическая значимость рассматриваемой проблемы подтверждается не только нормативными дискуссиями, но и изменением самой судебной среды уголовного судопроизводства. Расширение форм непосредственного судебного исследования доказательств, повышение требований к качеству поддержания обвинения в резонансных и многоэпизодных делах, а также возрастание роли процессуальной стратегии прокурора в суде усиливают значение вопроса о пределах его организационной зависимости и процессуальной самостоятельности.

Особенно показателен институт суда присяжных, поскольку расширение подсудности дел, рассматриваемых с участием присяжных заседателей, объективно усилило требования к качеству судебной подготовки прокурора, его коммуникативной стратегии, способности гибко реагировать на результаты судебного следствия и при этом сохранять верность закону и внутреннему убеждению. Это обстоятельство придает дополнительную практическую значимость вопросу о специальных организационных гарантиях деятельности государственного обвинителя.

Результаты, обсуждение. Нормативная основа и институциональное противоречие. Конституционно-правовая основа участия прокурора в уголовном судопроизводстве РК строится на сочетании двух начал. С одной стороны, Конституция РК и Конституционный закон «О прокуратуре» закрепляют за прокуратурой функции представления интересов государства в суде и осуществления уголовного преследования. С другой стороны, тот же Конституционный закон определяет прокуратуру как единую централизованную систему органов, основанную на подчинении нижестоящих прокуроров вышестоящим и Генеральному Прокурору². Дополнительное значение имеет то обстоятельство, что в 2022 году закон «О прокуратуре» был принят в форме конституционного закона. В результате организационно-статусные положения о системе, подчиненности и внутреннем устройстве прокуратуры получили более высокий уровень в иерархии нормативных правовых актов по сравнению с кодексами, включая Уголовно-процессуальный кодекс РК (далее – УПК РК)³.

Отсюда возникает ключевое противоречие модели. Уголовно-процессуальная логика требует от государственного обвинителя самостоятельной оценки доказательств, изменения обвинения либо отказа от него, если оно не подтверждается результатами судебного следствия. Однако организационно он остается включенным в ту же прокурорскую вертикаль, внутри которой ранее уже было принято решение о направлении дела в суд и сформирована обвинительная позиция. Следовательно, проблема проявляется не в отсутствии процессуального регулирования как такового, а в том, что закрепленная в УПК самостоятельность государственного обвинителя должна реализовываться в рамках более жестко оформленной и нормативно усиленной системы прокурорской подчиненности⁴.

Данная проблема отражается и в казахстанском официальном и профессиональном дискурсе. Генеральный Прокурор РК Б. Асыллов в публичном выступлении подчеркнул, что государственный обвинитель не должен идти на поводу у следствия и при отсутствии

² Конституция Республики Казахстан: принята на республиканском референдуме 30 авг. 1995 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K950001000> (дата обращения: 16.04.2026);

О прокуратуре: Конституционный закон Республики Казахстан от 5 нояб. 2022 г. № 155-VII ЗРК [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2200000155> (дата обращения: 16.04.2026).

³ О правовых актах: закон Республики Казахстан от 6 апр. 2016 г. № 480-V ЗРК [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1600000480> (дата обращения: 17.06.2026).

⁴ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан: от 4 июля 2014 г. № 231-V ЗРК [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000231> (дата обращения: 17.06.2026).

объективных доказательств не вправе «из ложной солидарности» либо «за честь мундира» настаивать на обвинении. В то же время в позиции Научно-консультативного совета Республиканской коллегии адвокатов отмечено, что уже с начала уголовного преследования защита в большей степени поражена в процессуальных правах по сравнению с органами следствия и прокурорами, а обвинительный уклон проявляется почти в любом уголовном деле⁵.

Казахстанская научная литература также описывает рассматриваемую проблему через категории процессуального дуализма и институциональных противоречий статуса государственного обвинителя. Наиболее показательна в этом отношении статья Г.Г. Нубаевой и Ж.А. Құранбек, где обоснована необходимость более четкого разграничения процессуальных ролей и дополнительных гарантий объективности судебного обвинения [3, С. 196-197; 203-204]. Отдельные аспекты участия прокурора в суде как стороны, поддерживающей обвинение и предлагающей наказание, рассматриваются в статье Т.Г. Маханова и Д.Х. Наймановой [4, С. 192-194].

Сравнительно-правовой анализ показывает, что постсоветские и зарубежные модели не дают универсального решения, однако позволяют выявить практически значимые элементы эффективной организации публичного обвинения. Англия и Уэльс демонстрируют преимущества отдельной национальной службы обвинения, структурно отделенной от следствия. Швеция показывает, как внутри единой системы можно защитить индивидуальное решение прокурора по делу. Португалия демонстрирует юридизацию внутренних указаний и возможность отказа от исполнения незаконного распоряжения, а Италия – конституционную формулу функциональных гарантий публичного обвинителя. Сравнительные исследования также показывают, что организация публичного обвинения тесно связана с политико-институциональными особенностями конкретного государства [5].

В этой связи опыт Crown Prosecution Service (CPS) Англии и Уэльса представляет интерес не как модель для прямого заимствования, а как пример институционального отделения решения о преследовании от полиции, публичной стандартизации обвинительной политики и специализации обвинителей. Учрежденная Prosecution of Offences Act 1985 служба должна была стать «нейтральным фильтром» между полицией и судом, однако и в самой английской модели, как показывают современные исследования, сохраняются риски управленческого давления, снижения самостоятельности конкретного прокурора и деформации профессиональной идентичности [6, С. 425, 434]. Поэтому обращение к CPS должно служить не основанием для механического копирования, а источником отдельных институциональных решений, подлежащих адаптации к национальной системе прокуратуры.

Методологически это согласуется с подходом Л.В. Головки, согласно которому уголовное судопроизводство должно рассматриваться через его государственную и институциональную природу: государство не только создает уголовный процесс, но и участвует в нем посредством специально образованных органов и должностных лиц [7, С. 3-5]. Следовательно, вопрос о реформе государственного обвинения не может сводиться к заимствованию отдельных зарубежных конструкций без учета общей архитектоники уголовного преследования, разграничения следственной и прокурорской деятельности и места прокуратуры в национальной системе публичной власти.

Международные стандарты подтверждают данный вывод. Вместе с тем зарубежные

⁵ Генеральный прокурор РК выделил главную задачу государственного обвинителя в ходе республиканского форума гособвинителей [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://mtrk.kz/ru/2023/05/26/generalnyy-prokuror-rk-berik-asylov/> (дата обращения: 16.04.2026);

Позиция Научно-консультативного совета Республиканской коллегии адвокатов по обеспечению реальной состязательности между сторонами обвинения и защиты в рамках уголовно-процессуального законодательства [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://advokatura.kz/ru/pozicii/pozicia-naucno-konsul-tativnogo-soveta-respublikanskoj-kollegii-advokatov-po-obespeceniu-real-noj-sostazatel-nosti-mezdu-storonami-obvinenia-i-zasity-v-ramkah-ugolovno-processual-nogo-zakonodatelstva> (дата обращения: 16.04.2026).

научные исследования показывают, что решение о поддержании обвинения зависит не только от формального объема доказательств, но и от правовой культуры, принятых стандартов доказывания и процессуальной архитектуры уголовного преследования [8].

С учетом казахстанского нормативного каркаса и сравнительно-правового материала наиболее перспективной представляется комбинированная модель, предполагающая создание в системе Генеральной прокуратуры РК специализированного Комитета государственных обвинителей. Его смысл состоит в институциональном отделении судебно-обвинительной деятельности от территориально-досудебной логики принятия решений. Территориальные подразделения такого Комитета не должны подчиняться территориальным прокурорам по вопросам судебной обвинительной позиции. В современной зарубежной доктрине специально подчеркивается необходимость структурирования прокурорской власти посредством системы институциональных ограничителей и внутренних гарантий [9].

При этом создание специализированного Комитета государственных обвинителей не является единственно возможным вариантом реформы. Теоретически можно выделить по меньшей мере три сценария: во-первых, сохранение действующей системы при усилении внутренних гарантий самостоятельности прокурора посредством письменных указаний, запрета устных распоряжений по существу обвинительной позиции и углубления специализации; во-вторых, формирование отдельной вертикали государственных обвинителей внутри существующей структуры Генеральной прокуратуры без создания самостоятельного комитета; в-третьих, институционализация специализированного Комитета как самостоятельного функционального звена. В пользу реализуемости третьего варианта свидетельствует и то обстоятельство, что в системе органов прокуратуры РК уже существует пример специализированного ведомства Генеральной прокуратуры с собственной территориальной вертикалью – Комитет по правовой статистике и специальным учетам. Это показывает, что национальная архитектура органов прокуратуры допускает создание подчиненных Генеральной прокуратуре ведомств, организационно выведенных из подчинения территориальным прокуратурам, а значит, сама идея специализированного Комитета государственных обвинителей не является чуждой действующей модели⁶.

Первые два варианта потенциально способны частично снизить зависимость судебного обвинителя, однако в меньшей степени разрывают его организационную связь с территориально-досудебной вертикалью. Именно поэтому третий вариант представляется наиболее последовательным с точки зрения реального обеспечения процессуальной самостоятельности в суде.

Организационно Комитет целесообразно создавать как многоуровневую специализированную систему. В его составе предусмотреть центральный аппарат, региональные и межрегиональные подразделения, а также специализированные группы по отдельным категориям дел. В центральном аппарате могут быть сосредоточены подразделения поддержания государственного обвинения в судах первой инстанции, апелляционного и кассационного обвинения, методического обеспечения, анализа судебной практики, кадров, аттестации и мониторинга качества государственного обвинения.

⁶ Об образовании Комитета по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры Республики Казахстан: указ Президента Республики Казахстан от 28 марта 2003 г. № 1050 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U030001050> (дата обращения: 18.06.2026);

Структура. Комитет по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры Республики Казахстан [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.gov.kz/memleket/entities/pravstat/about/structure> (дата обращения: 18.06.2026);

Об утверждении положений о территориальных и приравненных к ним органах Комитета по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры Республики Казахстан: приказ Председателя Комитета по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры Республики Казахстан от 4 июля 2023 г. № 92 о/д [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/G23WA000092> (дата обращения: 18.06.2026).

Ключевым элементом модели должен стать коллегиальный механизм разрешения разногласий по вопросу изменения обвинительной позиции. Если государственный обвинитель приходит к выводу о необходимости изменения обвинения либо отказа от него, он представляет письменную мотивированную позицию. Она рассматривается внутри Комитета коллегиальным составом, который не должен включать лиц, участвовавших в утверждении обвинительного акта или направлении дела в суд. При несогласии коллегии дальнейшее участие в процессе принимает другой государственный обвинитель.

При этом предлагаемая модель требует учета собственных рисков: переноса зависимости с территориального уровня на руководство Комитета, превращения коллегии в средство давления на первоначального обвинителя, конфликта интересов в составе коллегии, злоупотребления коллегиальным механизмом и сохранения обвинительно-статистической логики оценки работы. Нейтрализация указанных рисков требует прямого нормативного закрепления соответствующих правовых гарантий: разграничения административного руководства и процессуальной автономии, допустимости указаний только в письменной и мотивированной форме, исключения конфликта интересов в составе коллегии и переориентации оценки деятельности обвинителей на качество, законность и обоснованность процессуальной позиции.

В законодательном плане совершенствование института поддержания государственного обвинения в Республике Казахстан должно быть реализовано в виде согласованного трехуровневого пакета изменений. На уровне Конституционного закона «О прокуратуре» необходимо предусмотреть создание Комитета государственных обвинителей как специализированного звена в системе Генеральной прокуратуры. На уровне УПК не требуется заново устанавливать само право государственного обвинителя изменить обвинение либо отказаться от него, поскольку эти полномочия уже закреплены в статье 337 УПК РК. Законодательная задача состоит в другом: уточнить и институционально обеспечить процессуальную самостоятельность обвинителя судебной стадии, согласовать ее с организационной моделью прокуратуры, определить порядок письменного оформления разногласий и пределы коллегиального вмешательства. Подзаконное регулирование должно детализировать структуру Комитета, порядок формирования коллегии, прямой запрет устных указаний по существу обвинительной позиции и новые критерии оценки деятельности.

Заключение. Проведенное исследование подтверждает, что действующая модель поддержания государственного обвинения в РК содержит внутреннее институциональное противоречие. Законодательство, с одной стороны, закрепляет единую централизованную систему прокуратуры, с другой – предполагает судебную обязанность прокурора действовать по закону, согласно доказательствам и внутреннему убеждению. Пока эти данные начала не будут приведены в согласование, обвинительный уклон будет воспроизводиться как системный риск.

Для усиления законности, состязательности и правозащитного потенциала прокуратуры недостаточно декларативного признания объективности государственного обвинителя. Необходимы институциональные гарантии, которые отделят судебное обвинение от давления досудебной и территориальной вертикали, но при этом не разрушат единства прокурорской системы. Создание специализированной вертикали государственных обвинителей при одновременном введении письменных, мотивированных и коллегиально проверяемых процедур представляется наиболее сбалансированным направлением дальнейшего развития казахстанской модели уголовного судопроизводства.

Список использованной литературы:

1. Garg, A. A Dynamic Theory of Prosecutorial Roles in Adversarial Trials / A. Garg // Asian Journal of Law and Society. – 2024. – № 11 (2). – Pp. 152-177.
2. Green, B.A. Prosecutorial Neutrality / B.A. Green, F.C. Zacharias // Wisconsin Law Review. – 2004. – № 3. –

Рр. 837-904.

3. Нубаева, Г.Г. Процессуальный дуализм и институциональные противоречия в статусе государственного обвинителя при уголовном судопроизводстве с участием присяжных заседателей: казахстанский опыт и глобальные тенденции / Г.Г. Нубаева, Ж.А. Құранбек // Құқық қорғау органдары академиясының жаршысы. – 2025. – № 4 (38). – С. 196-206.

4. Маханов, Т.Г. Отдельные аспекты участия прокурора в суде как стороны, поддерживающей обвинение и предлагающей наказание / Т.Г. Маханов, Д.Х. Найманова // Құқық қорғау органдары академиясының Жаршысы. – 2025. – № 1 (35). – С. 192-202.

5. Tonry, M. Prosecutors and Politics in Comparative Perspective / M. Tonry // Crime and Justice. – 2012. – № 41 (1). – Pp. 1-33.

6. Soubise, L. Professional identity, legitimacy and managerialism at the Crown Prosecution Service / L. Soubise // Legal Studies. – 2023. – Vol. 43 (3). – Pp. 425-442.

7. Головкин, Л.В. Государство и его уголовное судопроизводство: монография / Л.В. Головкин. – М.: Издательский Дом «Городец», 2022. – 464 с.

8. Jackson, J.D. The effect of legal culture and proof in decisions to prosecute / J.D. Jackson // Law, Probability and Risk. – 2004. – № 3 (2). – Pp. 109-131.

9. Sepulveda, C. Structuring prosecutorial power / C. Sepulveda, J. Wilenmann // Legal Studies. – 2022. – № 42 (4). – Pp. 680-695.

References:

1. Garg, A. A Dynamic Theory of Prosecutorial Roles in Adversarial Trials / A. Garg // Asian Journal of Law and Society. – 2024. – № 11 (2). – Pp. 152-177.

2. Green, B.A. Prosecutorial Neutrality / B.A. Green, F.C. Zacharias // Wisconsin Law Review. – 2004. – № 3. – Pp. 837-904.

3. Nubaeva, G.G. Processual'nyj dualizm i institucional'nye protivorechija v statute gosudarstvennogo obvinitelja pri ugovnom sudoproizvodstve s uchastiem prisjazhnyh zasedatelej: kazahstanskij opyt i global'nye tendencii / G.G. Nubaeva, Zh.A. Құранбек // Құқық қорғау органдары академиясының жаршысы. – 2025. – № 4 (38). – С. 196-206.

4. Mahanov, T.G. Otdel'nye aspekty uchastija prokurora v sude kak storony, podderzhivajushhej obvinenie i predlagajushhej nakazanie / T.G. Mahanov, D.H. Najmanova // Құқық қорғау органдары академиясының Жаршысы. – 2025. – № 1 (35). – С. 192-202.

5. Tonry, M. Prosecutors and Politics in Comparative Perspective / M. Tonry // Crime and Justice. – 2012. – № 41 (1). – Pp. 1-33.

6. Soubise, L. Professional identity, legitimacy and managerialism at the Crown Prosecution Service / L. Soubise // Legal Studies. – 2023. – Vol. 43 (3). – Pp. 425-442.

7. Golovko, L.V. Gosudarstvo i ego ugovnoe sudoproizvodstvo: monografija / L.V. Golovko. – М.: Izdatel'skij Dom «Gorodec», 2022. – 464 s.

8. Jackson, J.D. The effect of legal culture and proof in decisions to prosecute / J.D. Jackson // Law, Probability and Risk. – 2004. – № 3 (2). – Pp. 109-131.

9. Sepulveda, C. Structuring prosecutorial power / C. Sepulveda, J. Wilenmann // Legal Studies. – 2022. – № 42 (4). – Pp. 680-695.

АВТОРЛАР ТУРАЛЫ МӘЛІМЕТТЕР / СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Эльмир Уристович Күлкеев – Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасы жанындағы Құқық қорғау органдарының академиясының Ведомствоаралық ғылыми-зерттеу институтының Қылмыстық процесс проблемаларын зерттеу орталығының аға ғылыми қызметкері, e-mail: kulkeev_elmir@mail.ru.

Кулькеев Эльмир Уристович – старший научный сотрудник Центра исследования проблем уголовного процесса Межведомственного научно-исследовательского института Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, e-mail: kulkeev_elmir@mail.ru.

Kulkeev Elmir Uristemovich – Senior Researcher at the Center for the Study of Criminal Procedure Problems of the Interdepartmental Research Institute of the Law Enforcement Academy under the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan, e-mail: kulkeev_elmir@mail.ru.

Б.Р. Рыскулбекова¹, Б.П. Жаксымбетов²

¹Университет Туран, г. Алматы, Республика Казахстан

²Казахский национальный аграрный исследовательский университет, г. Алматы, Республика Казахстан

ЦИФРОВЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: КАЗАХСТАН И ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ

Аннотация. В статье рассматриваются особенности правового регулирования цифровых доказательств в уголовном процессе Республики Казахстан и Европейского союза. Актуальность темы обусловлена ростом цифровой преступности и расширением использования электронных данных в расследовании уголовных правонарушений. Анализируется правовая природа цифровых доказательств, их место в системе доказывания, а также особенности сбора, фиксации и оценки в уголовном судопроизводстве. Особое внимание уделяется сравнению подходов Казахстана, основанных на общих нормах Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан и гибкости правоприменения, и Европейского союза, где доминирует детальная регламентация и стандартизация процедур. Выявляются проблемы правовой неопределенности, технической обеспеченности и трансграничного доступа к данным. В результате исследования формулируются выводы о необходимости совершенствования национального законодательства с учетом международного опыта, повышения процессуальных гарантий и внедрения единых стандартов работы с цифровыми доказательствами.

Ключевые слова: цифровые доказательства; Уголовно-процессуальный кодекс; анализ; Европейская модель; право; процесс; регулирование.

Б.Р. Рыскулбекова¹, Б.П. Жаксымбетов²

¹Тұран университеті, Алматы қ., Қазақстан Республикасы

²Қазақ ұлттық аграрлық зерттеу университеті, Алматы қ., Қазақстан Республикасы

ҚЫЛМЫСТЫҚ ПРОЦЕСТЕГІ ЦИФРЛЫҚ ДӘЛЕЛДЕМЕЛЕР: КАЗАҚСТАН ЖӘНЕ ЕУРОПАЛЫҚ ОДАҚ

Аннотация. Мақалада Қазақстан Республикасы мен Еуропалық Одақтағы қылмыстық процесте цифрлық дәлелдемелерді құқықтық реттеудің ерекшеліктері қарастырылады. Тақырыптың өзектілігі киберқылмыстылық деңгейінің артуымен және қылмыстық құқық бұзушылықтарды тергеу барысында электрондық деректерді кеңінен қолданумен байланысты. Цифрлық дәлелдемелердің құқықтық табиғаты, олардың дәлелдеу жүйесіндегі орны, сондай-ақ қылмыстық сот ісін жүргізу барысында жинау, тіркеу және бағалау ерекшеліктері талданады. Қазақстанның ҚПК-нің жалпы нормаларына және қолдану тәжірибесіндегі икемділікке негізделген тәсілі Еуропалық одақтағы егжей-тегжейлі құқықтық реттеу мен стандарттау жүйесімен салыстырылады. Құқықтық белгісіздікке, техникалық қамтамасыз ету деңгейіне және трансшекаралық деректерге қол жеткізуге байланысты мәселелер айқындалады. Зерттеу нәтижесінде ұлттық заңнаманы жетілдіру, процестік кепілдіктерді күшейту және бірыңғай стандарттарды енгізу қажеттілігі туралы қорытындылар жасалады.

Түйінді сөздер: цифрлық дәлелдемелер; Қазақстан Республикасының Қылмыстық-процестік кодексі; Қазақстан Республикасы; Еуропалық Одақ моделі; құқық; процесс; реттеу.

B.R. Ryskulbekova¹, B.P. Zhaksymbetov²

¹Turan University, Almaty, the Republic of Kazakhstan

²Kazakh National Agrarian Research University, Almaty, the Republic of Kazakhstan

DIGITAL EVIDENCE IN CRIMINAL PROCEEDINGS: KAZAKHSTAN AND THE EUROPEAN UNION

Abstract. The article examines the features of the legal regulation of digital evidence in criminal proceedings in the Republic of Kazakhstan and the European Union. The relevance of the topic is driven by the growing level of cybercrime and the increasing use of electronic data in criminal investigations. The legal nature of digital evidence, its role in the system of

proof, as well as the procedures for collection, fixation, and evaluation in criminal proceedings are analyzed. The study compares Kazakhstan's approach, based on general provisions of the Criminal Procedure Code and flexible law enforcement practice, with the European Union's model characterized by detailed regulation and standardization. Issues of legal uncertainty, technical capacity, and cross-border access to data are identified. The study concludes with recommendations on improving national legislation, strengthening procedural safeguards, and introducing unified standards for handling digital evidence.

Keywords: digital evidence; Criminal Procedure Code; analysis; European model; law; procedure; regulation.

DOI: 10.52425/25187252_2026_40_125

Введение. В условиях глобальной цифровизации общественных отношений происходит качественная трансформация не только форм и способов совершения преступлений, но и механизмов их выявления, расследования и доказывания. Информационно-коммуникационные технологии становятся неотъемлемой частью повседневной жизни, что закономерно отражается и на криминальной сфере: значительная часть противоправных деяний сегодня осуществляется с использованием цифровых инструментов, а их следы фиксируются в виде электронных данных. В результате цифровые доказательства постепенно занимают центральное место в системе уголовного судопроизводства, выступая важнейшим источником установления фактических обстоятельств дела.

Вместе с тем стремительное развитие технологий существенно опережает формирование адекватных правовых механизмов их регулирования. Данная проблема носит универсальный характер и наблюдается в большинстве правовых систем мира. Законодательство нередко оказывается не готовым к оперативному реагированию на появление новых форм цифровой информации, что приводит к фрагментарности регулирования и отсутствию единых подходов к определению правовой природы цифровых доказательств. В результате правоприменительная практика вынуждена адаптировать традиционные категории доказательственного права к новым цифровым реалиям, что не всегда обеспечивает необходимый уровень правовой определенности [1].

Особую сложность представляет специфика самих цифровых доказательств. В отличие от традиционных материальных объектов, они не обладают устойчивой физической формой, могут легко изменяться, копироваться или уничтожаться без видимых следов. Это требует применения специальных технических средств и процедур для их обнаружения, фиксации и исследования. Одновременно возрастает значение вопросов обеспечения их подлинности, целостности и достоверности, поскольку любые нарушения на этапе получения или обработки данных могут повлечь признание таких доказательств недопустимыми.

Дополнительные вызовы связаны с необходимостью соблюдения фундаментальных прав личности. Использование цифровых доказательств неизбежно затрагивает сферу частной жизни, включая доступ к переписке, персональным данным и иной конфиденциальной информации. В этой связи перед государствами стоит задача поиска баланса между эффективностью уголовного преследования и обеспечением правовых гарантий участников процесса, что приобретает особую актуальность в условиях расширения возможностей цифрового контроля.

Существенное значение имеет и трансграничный характер цифровых данных. Информация, представляющая интерес для расследования, может храниться на серверах, расположенных в других государствах, либо передаваться через международные сети, что усложняет ее получение и использование в национальном уголовном процессе. Отсутствие унифицированных международных механизмов взаимодействия в данной сфере создает дополнительные правовые и организационные барьеры.

На этом фоне особый интерес представляет опыт зарубежных правовых систем, в частности государств Европейского союза (далее – ЕС), где сформированы более комплексные

подходы к регулированию цифровых доказательств. Развитие концепции электронных доказательств и внедрение единых стандартов работы с цифровыми данными позволяют обеспечить более высокий уровень правовой определенности и доверия к результатам их использования в уголовном процессе.

Таким образом, проблема правового регулирования цифровых доказательств находится на стыке технологического прогресса и правового развития и требует комплексного научного осмысления. Ее актуальность обусловлена необходимостью адаптации уголовно-процессуального законодательства к новым цифровым реалиям, обеспечения надежности доказательственной базы и соблюдения прав и свобод человека в условиях цифровой трансформации общества.

Материалы и методы. В качестве нормативной базы исследования использованы положения уголовно-процессуального законодательства Республики Казахстан (далее – РК), прежде всего нормы Уголовно-процессуального кодекса РК (далее – УПК РК), регулирующего доказательства, их собирание и оценку, а также следственные действия, применяемые при работе с электронными носителями информации. Дополнительно рассмотрены акты законодательства о защите информации и персональных данных, имеющие значение для допустимости цифровых доказательств.

Также проанализированы нормативные акты Европейского союза, включая Общие правила защиты данных (General Data Protection Regulation), а также документы и инициативы ЕС в сфере электронных доказательств (e-evidence), определяющие подходы к их сбору и трансграничному использованию. Эмпирическую основу составили научные публикации и материалы правоприменительной практики по вопросам цифровых доказательств.

Методологическую основу исследования составляют сравнительно-правовой и формально-юридический методы, дополненные приемами анализа и обобщения, что позволило выявить особенности регулирования цифровых доказательств в Казахстане и ЕС.

Результаты, обсуждение. В уголовном процессе РК цифровые доказательства не выделены в самостоятельную категорию на уровне закона, однако их правовой статус достаточно четко прослеживается через общие положения доказательственного права, закрепленные в УПК РК. В частности, статья 111 УПК РК¹ определяет доказательства как законно полученные фактические данные, на основе которых органы уголовного преследования и суд устанавливают обстоятельства дела. Именно в рамках этой широкой конструкции на практике и функционируют цифровые доказательства: переписка, файлы, записи камер видеонаблюдения, данные из информационных систем рассматриваются как «иные документы» или результаты процессуальных действий [2, 163 стр.].

Ключевым моментом является не столько форма доказательства, сколько способ его получения и процессуального закрепления. Это прямо вытекает из статьи 125 УПК РК², согласно которой доказательство признается допустимым только при условии, что оно получено в порядке, установленном законом. Для цифровых данных это требование приобретает особую значимость: любая ошибка при извлечении информации – от неправильного копирования до отсутствия фиксации действий следователя – может поставить под сомнение ее достоверность. Более того, та же норма требует оценки доказательств по критериям относимости, допустимости и достоверности в совокупности, что усложняет работу с цифровыми следами, которые нередко носят фрагментарный характер [3, 130 стр.].

Сбор и закрепление цифровых доказательств в Казахстане осуществляется в рамках общих

¹Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан: от 4 июля 2014 г. № 231-V ЗРК [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000231> (дата обращения: 25.04.2026).

² Там же.

процессуальных механизмов. Согласно статье 122 УПК РК³, собирание доказательств включает их обнаружение, закрепление и изъятие. На практике это реализуется через традиционные следственные действия – осмотр, выемку, обыск, – которые адаптируются к цифровой среде. Однако именно здесь возникает одна из ключевых проблем: закон описывает процедуру в общем виде, не учитывая технологическую специфику электронных данных. В результате многое зависит не от нормы закона, а от навыков конкретного специалиста и используемых технических средств.

Еще одна особенность казахстанской модели заключается в том, что цифровые доказательства фактически «встраиваются» в уже существующую систему доказательств без создания отдельного института. Это обеспечивает гибкость, но одновременно порождает неопределенность. Например, электронная переписка может рассматриваться и как документ, и как результат осмотра, и как приложение к протоколу следственного действия. Такая вариативность, с одной стороны, удобна для следствия, но с другой – создает риски для стороны защиты, поскольку критерии допустимости не всегда применяются единообразно [4].

Серьезные трудности возникают и при работе с данными, находящимися за пределами Казахстана. УПК РК не содержит специальных норм, посвященных цифровым доказательствам трансграничного характера, и в таких случаях применяются общие механизмы международной правовой помощи. Однако они часто не соответствуют скорости оборота цифровой информации, что снижает эффективность их использования в уголовном процессе.

В отличие от Казахстана, в Европейском союзе подход к цифровым доказательствам носит более системный характер. Существенную роль здесь играет (Общие правила защиты данных) General Data Protection Regulation⁴, который устанавливает строгие правила обработки персональных данных, включая требования законности, прозрачности и минимизации данных. Эти принципы напрямую влияют на допустимость цифровых доказательств, поскольку любые нарушения при получении информации могут привести к признанию ее недопустимой [5].

Кроме того, в ЕС развивается специальное регулирование электронных доказательств (e-evidence)⁵, включая, например, механизмы европейских ордеров на предоставление и сохранение электронных данных. Эти инструменты направлены на упрощение доступа правоохранительных органов к информации, находящейся в других государствах-членах, и существенно ускоряют процесс ее получения. В отличие от классических процедур международной правовой помощи, такие механизмы учитывают специфику цифровой среды и позволяют работать с доказательствами в режиме, приближенном к реальному времени [6].

На формирование современных подходов к работе с цифровыми доказательствами заметное влияние оказала Будапештская конвенция о компьютерных преступлениях 2001 года. Хотя основной целью документа является противодействие киберпреступности, его положения затрагивают и вопросы получения, сохранения и передачи электронных данных, имеющих доказательственное значение. Конвенция стала одной из первых международных основ для развития сотрудничества государств при расследовании преступлений в цифровой среде и во многом предопределила дальнейшее развитие европейской концепции электронных доказательств⁶.

³ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан: от 4 июля 2014 года № 231-V ЗРК [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000231> (дата обращения: 25.04.2026).

⁴ General Data Protection Regulation (GDPR) [Электронный ресурс] – Режим доступа: [https://gdpr-info.eu/#:~:text=The%20General%20Data%20Protection%20Regulation%20\(GDPR\)%20is,subject%20*%20**Chapter%204**%20Controller%20and%20processor](https://gdpr-info.eu/#:~:text=The%20General%20Data%20Protection%20Regulation%20(GDPR)%20is,subject%20*%20**Chapter%204**%20Controller%20and%20processor) (дата обращения: 25.04.2026).

⁵ E-evidence – cross-border access to electronic evidence [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://commission.europa.eu/law/cross-border-cases/judicial-cooperation/types-judicial-cooperation/e-evidence-cross-border-access-electronic-evidence_en (дата обращения: 25.04.2026).

⁶ Convention on cybercrime / Budapest, 23.XI.2001 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.europarl.europa.eu/cmsdata/179163/20090225ATT50418EN.pdf> (дата обращения: 25.04.2026).

Развитие цифровых технологий и трансграничный характер электронных данных обусловили необходимость создания специальных механизмов доступа к информации, находящейся за пределами национальной юрисдикции. В государствах Европейского союза существенным шагом в этом направлении стало принятие в 2023 году пакета нормативных актов в сфере электронных доказательств (e-Evidence Package), включающего положения о Европейском приказе на предоставление электронных доказательств (European Production Order) и Европейском приказе на сохранение электронных доказательств (European Preservation Order)⁷. Новые механизмы позволяют компетентным органам государств-членов напрямую обращаться к поставщикам цифровых услуг для получения либо сохранения необходимых данных, не прибегая к длительным процедурам международной правовой помощи. Такой подход направлен на повышение эффективности расследования преступлений, совершаемых в цифровой среде, где оперативность получения информации зачастую имеет решающее значение.

Одновременно европейское законодательство предусматривает комплекс процессуальных гарантий, направленных на защиту основных прав и свобод личности. Получение электронных данных должно соответствовать требованиям необходимости и соразмерности вмешательства, а обработка информации осуществляется с учетом стандартов защиты персональных данных, закрепленных в праве Европейского союза. В результате в ЕС сформирована достаточно целостная модель обращения с цифровыми доказательствами, сочетающая эффективность расследования с механизмами судебного и правового контроля.

Для Казахстана данный опыт представляет практический интерес в контексте совершенствования процедур получения цифровых доказательств, находящихся на зарубежных серверах или в распоряжении иностранных поставщиков цифровых услуг. В условиях роста трансграничной преступности вопросы международного сотрудничества и оперативного доступа к электронным данным постепенно приобретают такое же значение, как и традиционные механизмы сбора доказательств в рамках национальной юрисдикции.

Характерной чертой европейского подхода является также высокая степень стандартизации. В большинстве стран ЕС разработаны детальные методики цифровой криминалистики, предусматривающие обязательную фиксацию всех этапов работы с данными, использование сертифицированного программного обеспечения и строгий контроль за сохранением целостности информации. Это формирует устойчивую практику, при которой цифровые доказательства воспринимаются судом как надежный источник информации [7].

Таким образом, проведенный анализ показывает, что казахстанская и европейская модели регулирования цифровых доказательств формируются на основе различных правовых подходов и по-разному решают проблему адаптации уголовного процесса к цифровой среде. Казахстанская система в значительной степени опирается на общие положения УПК РК, регулирующие доказательства и следственные действия, что позволяет включать новые виды цифровой информации в существующую процессуальную конструкцию без необходимости детальной нормативной перестройки. Такой подход обеспечивает гибкость и адаптивность правового регулирования, позволяя правоприменителю реагировать на быстро меняющиеся технологические условия. Вместе с тем он неизбежно приводит к тому, что значительная часть вопросов решается на уровне практики, а единые стандарты работы с цифровыми доказательствами формируются постепенно и не всегда являются унифицированными.

Европейская модель, напротив, развивается в направлении детальной правовой регламентации и технологической стандартизации. Существенную роль в этом играют Общие

⁷ Regulation (EU) 2023/1543 of the European Parliament and of the Council of 12 July 2023 on European Production Orders and European Preservation Orders for electronic evidence in criminal proceedings and for the execution of custodial sentences following criminal proceedings [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2023/1543/oj/eng> (дата обращения: 25.04.2026).

правила защиты данных (General Data Protection Regulation)⁸, закрепляющие строгие принципы обработки данных, включая законность, прозрачность и ограничение целей использования информации. В совокупности с развитием механизмов электронных доказательств (e-evidence)⁹ это формирует достаточно жестко структурированную систему, в которой детально определены требования к сбору, фиксации, хранению и передаче цифровых данных. Такой уровень регламентации способствует единообразию практики и снижает риск произвольного толкования норм [8, 15 стр.].

Различие подходов напрямую влияет на уровень правовой определенности и предсказуемости. В Европейском союзе более высокая степень стандартизации обеспечивает устойчивость правоприменительной практики, усиливает гарантии защиты прав участников процесса и повышает доверие к цифровым доказательствам как к источнику информации [9]. В Казахстане, напротив, сохраняется определенная зависимость качества правоприменения от технической оснащенности органов расследования и профессионального уровня специалистов, что может приводить к неоднородности практики и различиям в оценке одних и тех же категорий цифровых данных.

Вместе с тем гибкость казахстанской модели также имеет свои преимущества, поскольку позволяет быстрее адаптировать уголовный процесс к новым технологическим реалиям без ожидания масштабных законодательных реформ. Европейская же система, несмотря на высокую степень защищенности и структурированности, требует значительных институциональных и технических ресурсов для поддержания установленного уровня регламентации.

Заключение. Проведенное исследование показало, что дальнейшее развитие института цифровых доказательств в уголовном процессе РК требует не только совершенствования правоприменительной практики, но и последовательной модернизации уголовно-процессуального законодательства. Анализ опыта Европейского союза позволяет сделать вывод о том, что эффективность использования цифровых доказательств напрямую зависит от уровня нормативной определенности, технологической стандартизации и наличия специальных механизмов международного сотрудничества.

В этой связи представляется целесообразным внести ряд первоочередных изменений в Уголовно-процессуальный кодекс РК. Прежде всего требует нормативного закрепления понятие цифровых доказательств как самостоятельной категории доказательственной информации с определением их основных признаков и видов. Одновременно представляется необходимым установить специальные процессуальные требования к обнаружению, изъятию, копированию, хранению и исследованию цифровых данных, включая обязательную фиксацию всех действий с электронными носителями и обеспечение непрерывности цепочки хранения доказательств (chain of custody). Такой подход позволит снизить риск утраты или изменения информации и повысить уровень доверия к результатам цифровой экспертизы.

С учетом европейского опыта отдельного нормативного регулирования требуют вопросы получения электронных данных, размещенных за пределами национальной юрисдикции. В перспективе целесообразно разработать специальные процедуры трансграничного доступа к цифровой информации и расширить международное сотрудничество с иностранными поставщиками цифровых услуг. Кроме того, представляется обоснованным совершенствование законодательства о защите персональных данных в части использования информации,

⁸ General Data Protection Regulation (GDPR) [Электронный ресурс] – Режим доступа: [https://gdpr.info.eu/#:~:text=The%20General%20Data%20Protection%20Regulation%20\(GDPR\)%20is,subject%20*%20**Chapter%204**%20Controller%20and%20processor](https://gdpr.info.eu/#:~:text=The%20General%20Data%20Protection%20Regulation%20(GDPR)%20is,subject%20*%20**Chapter%204**%20Controller%20and%20processor) (дата обращения: 25.04.2026).

⁹ E-evidence – cross-border access to electronic evidence [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://commission.europa.eu/law/cross-border-cases/judicial-cooperation/types-judicial-cooperation/e-evidence-cross-border-access-electronic-evidence_en (дата обращения: 25.04.2026).

полученной в ходе уголовного судопроизводства, с установлением дополнительных гарантий судебного контроля за доступом к конфиденциальным сведениям.

Наряду с законодательными изменениями необходимы институциональные и технические меры. В частности, представляется целесообразным создание специализированных подразделений цифровой криминалистики в системе правоохранительных органов, разработка единых национальных методик работы с цифровыми доказательствами и внедрение обязательной сертификации программно-технических средств, используемых при извлечении и анализе электронных данных. Практическое значение также имеет организация системной подготовки следователей, прокуроров, судей и судебных экспертов по вопросам цифровой криминалистики и электронных доказательств.

Таким образом, дальнейшее развитие казахстанской модели регулирования цифровых доказательств должно быть связано не только с расширением возможностей использования цифровой информации в уголовном процессе, но и с укреплением процессуальных гарантий ее достоверности, допустимости и законности получения. Реализация указанных мер позволит повысить эффективность расследования преступлений в цифровой среде и одновременно обеспечить более надежную защиту прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства.

Список использованной литературы:

1. O.S. Kerr. Searches and seizures in a digital world [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.jstor.org/stable/4093493> (дата обращения: 12.05.2026).
2. Аскарлов, А.А. Цифровая собственность как новое доказательство: концептуальные основы исследования цифровых объектов в криминалистике Казахстана / А.А. Аскарлов, Р.А. Медиев // Құқық қорғау органдары академиясының жаршысы. – 2025. – № 4 (38). – С. 160-169.
3. Tolybayeva, A. Problems of electronic criminal procedure in Kazakhstan and comparative analysis of foreign digital investigation models / A. Tolybayeva, et al. // KazNU Bulletin. The legal series. – 2025. – Vol. 116. № 4. – Pp. 125-140.
4. N. Apsimet, et al. Challenges of using digital evidence in pretrial investigations of online fraud: lessons for Kazakhstan from international practice [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://dialnet.unirioja.es/servlet/articulo?codigo=10679411> (дата обращения: 25.04.2026).
5. Abdullah, H.O. Digital Evidence in Criminal Proceedings: Legal Standards, Chain of Custody, and Evidentiary Reliability in the Digital Era / H.O. Abdullah, M. Maqsood, A. Nadeem // Research Journal for Social Affairs. – 2025. – № 3 (5). – Pp. 795-805.
6. Juszczak, A. The Use of Electronic Evidence in the European Area of Freedom, Security, and Justice / A. Juszczak, E. Sason // Euclid. – 2023. – Vol. 18 (2). – Pp. 182-200.
7. Ch. Ragni. Digital evidence in international criminal proceedings and human rights challenges [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://ojs.srce.hr/eclic/article/view/28255/14423> (дата обращения: 25.04.2026).
8. Bhatti, N. The Use of Digital Evidence in Criminal Proceedings / N. Bhatti // American Journal of Society and Law (AJSL). – 2026. – Vol. 5. № 1. – Pp. 10-19.
9. Ch.M. Miller. A survey of prosecutors and investigators using digital evidence: a starting point [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC10311201/> (дата обращения: 25.04.2026).
10. Miha, E. Electronic evidence in the criminal process / E. Miha, I. Pekmezi // Academic journal of business, management, law and social sciences. – 2024. – Vol. 10. № 2. – Pp. 124-132.

References:

1. O.S. Kerr. Searches and seizures in a digital world [Elektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: <https://www.jstor.org/stable/4093493> (data obrashheniya: 12.05.2026).
2. Askarov, A.A. Cifrovaya sobstvennost' kak novoe dokazatel'stvo: konceptual'nye osnovy issledovaniya cifrovyyh ob'ektov v kriminalistike Kazahstana / A.A. Askarov, R.A. Mediev // Құқық қорғау органдары академиясының жаршысы. – 2025. – № 4 (38). – С. 160-169.
3. Tolybayeva, A. Problems of electronic criminal procedure in Kazakhstan and comparative analysis of foreign digital investigation models / A. Tolybayeva, et al. // KazNU Bulletin. The legal series. – 2025. – Vol. 116. № 4. – Pp. 125-140.

4. N. Apsimet, et al. Challenges of using digital evidence in pretrial investigations of online fraud: lessons for Kazakhstan from international practice [Jelektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: <https://dialnet.unirioja.es/servlet/articulo?codigo=10679411> (data obrashhenija: 25.04.2026).
5. Abdullah, H.O. Digital Evidence in Criminal Proceedings: Legal Standards, Chain of Custody, and Evidentiary Reliability in the Digital Era / H.O. Abdullah, M. Maqsood, A. Nadeem // Research Journal for Social Affairs. – 2025. – № 3 (5). – Pp. 795-805.
6. Juszczak, A. The Use of Electronic Evidence in the European Area of Freedom, Security, and Justice / A. Juszczak, E. Sason // Eu crim. – 2023. – Vol. 18 (2). – Pp. 182-200.
7. Ch. Ragni. Digital evidence in international criminal proceedings and human rights challenges [Jelektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: <https://ojs.srce.hr/eclic/article/view/28255/14423> (data obrashhenija: 25.04.2026).
8. Bhatti, N. The Use of Digital Evidence in Criminal Proceedings / N. Bhatti // American Journal of Society and Law (AJSL). – 2026. – Vol. 5. № 1. – Pp. 10-19.
9. Ch.M. Miller. A survey of prosecutors and investigators using digital evidence: a starting point [Jelektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: <https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC10311201/> (data obrashhenija: 25.04.2026).
10. Miha, E. Electronic evidence in the criminal process / E. Miha, I. Pekmezi // Academic journal of business, management, law and social sciences. – 2024. – Vol. 10. № 2. – Pp. 124-132.

АВТОРЛАР ТУРАЛЫ МӘЛІМЕТТЕР / СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Балжан Рашитовна Рыскулбекова – Тұран университетінің докторанты, e-mail: nur.raya@inbox.ru.

Рыскулбекова Балжан Рашитовна – докторант Университета Туран, e-mail: nur.raya@inbox.ru.

Ryskulbekova Balzhan Rashitovna – Doctoral Student at Turan University, e-mail: nur.raya@inbox.ru.

Бакитжан Пармешович Жаксымбетов – Қазақ ұлттық аграрлық зерттеу университетінің құқық кафедрасының аға оқытушысы, заң ғылымдарының кандидаты, e-mail: zhaksymbetova.zhanara@gmail.com.

Жаксымбетов Бакитжан Пармешович – старший преподаватель кафедры права Казахского национального аграрного исследовательского университета, кандидат юридических наук, e-mail: zhaksymbetova.zhanara@gmail.com.

Zhaksymbetov Bakitzhan Parmeshovich – Senior lecturer at the Department of Law of the Kazakh National Agrarian University, Candidate of Law Sciences, e-mail: zhaksymbetova.zhanara@gmail.com.

ӘОЖ 349.6:502.175
ХҒТАР 10.53.25

А.Ж. Сарсенова, А.Е. Бектурганов

Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Астана қ., Қазақстан Республикасы

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНЫҢ СОТ ПРОЦЕСІНДЕГІ ЭКОЛОГИЯЛЫҚ САРАПТАМАНЫҢ ҚҰҚЫҚТЫҚ МӘСЕЛЕЛЕРІ

Аннотация. Мақала Қазақстан Республикасының сот жүйесінде экологиялық сараптаманы құқықтық қамтамасыз ету мәселелеріне арналған. Зерттеудің мақсаты – сот ісін жүргізу барысында қолданылатын экологиялық сараптаманың құқықтық тетіктерін кешенді талдау және олардың тиімділігін арттыруға бағытталған құқықтық ұсыныстар әзірлеу болып табылады. Зерттеу барысында экологиялық сараптаманы құқықтық реттеу жүйесіндегі негізгі проблемалар анықталып, олардың сот тәжірибесіне әсері ғылыми тұрғыдан талданады. Атап айтқанда, нормативтік-құқықтық актілердің фрагментарлығы мен өзара үйлесімсіздігі, сарапшылардың кәсіби мәртебесі мен жауаптылығының жеткілікті деңгейде айқындалмауы, процестік нормалардың нақты регламенттелмеуі және тәуелсіз сараптама институтының институционалдық әлсіздігі негізгі мәселелер ретінде қарастырылады. Зерттеудің ғылыми жаңалығы сот-экологиялық сараптаманы құқықтық реттеудің құрылымдық моделін әзірлеу және оны халықаралық тәжірибемен салыстырмалы талдау негізінде ұлттық құқықтық жүйені жетілдіру бағыттарын айқындауда көрініс табады. Зерттеу барысында жүйелі-құрылымдық, салыстырмалы-құқықтық және эмпирикалық әдістер қолданылып, шетел мемлекеттерінің тәжірибесі мен Қазақстанның сот практикасы салыстырмалы түрде талданады. Нәтижесінде сот-экологиялық сараптаманың тиімділігін арттыруға бағытталған нақты ұсыныстар тұжырымдалады: нормативтік-құқықтық базаны жүйелеу, сарапшылардың құқықтық мәртебесін нақтылау, кәсіби аттестация мен аккредиттеу тетіктерін жетілдіру, сараптаманың бірыңғай әдістемелік стандарттарын енгізу және сараптама процестерін цифрландыру. Ұсынылған шараларды іске асыру ғылыми негізделген сот шешімдерін қабылдауға, экологиялық қауіпсіздікті қамтамасыз етуге және сот төрелігінің сапасын арттыруға мүмкіндік береді.

Түйінді сөздер: сот-экологиялық сараптама; нормативтік-құқықтық база; сарапшылар мәртебесі; сараптаманың тәуелсіздігі; экологиялық даулар; цифрлық технологиялар; халықаралық стандарт; экологиялық құқық.

А.Ж. Сарсенова, А.Е. Бектурганов

Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, г. Астана, Республика Казахстан

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В СУДЕБНОМ ПРОЦЕССЕ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Аннотация. Статья посвящена проблемам правового обеспечения экологической экспертизы в судебной системе Республики Казахстан. Цель исследования заключается в комплексном анализе правовых механизмов применения экологической экспертизы в судебном процессе и разработке предложений по повышению эффективности ее правового регулирования. В работе выявляются ключевые проблемы действующей системы правового регулирования экологической экспертизы и анализируется их влияние на судебную практику. К основным проблемам отнесены фрагментарность и несогласованность нормативно-правовых актов, недостаточная определенность профессионального статуса и ответственности экспертов, неопределенность процессуальных норм, а также институциональная слабость независимого института судебной экспертизы. Научная новизна исследования заключается в формировании концептуального подхода к совершенствованию правового регулирования судебно-экологической экспертизы на основе сравнительно-правового анализа международной практики и национальной модели правового регулирования. В исследовании применены системно-структурный, сравнительно-правовой и эмпирический методы, что позволило сопоставить зарубежный опыт и казахстанскую судебную практику. В результате сформулированы конкретные предложения по совершенствованию правового регулирования экологической экспертизы: систематизации нормативно-правовой базы, уточнению правового статуса экспертов, совершенствованию механизмов профессиональной аттестации и аккредитации, внедрению единых методических стандартов проведения экспертиз и цифровизация экспертных процедур. Реализация предложенных мер будет

способствовать повышению эффективности рассмотрения экологических споров, обеспечению экологической безопасности и укреплению качества правосудия.

Ключевые слова: судебно-экологическая экспертиза; нормативно-правовая база; статус экспертов; независимость экспертизы; экологические споры; цифровые технологии; международный стандарт; экологическое право.

A.Zh. Sarsenova, A.E. Bekturganov

L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, the Republic of Kazakhstan

LEGAL PROBLEMS OF ENVIRONMENTAL EXPERTISE IN THE JUDICIAL PROCESS OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

Abstract. The article examines the issues of legal support for environmental expertise within the judicial system of the Republic of Kazakhstan. The aim of the study is to conduct a comprehensive analysis of the legal mechanisms governing the use of environmental expertise in judicial proceedings and to develop proposals for improving its legal regulation. The study identifies key problems within the current legal framework of environmental expertise and analyzes their impact on judicial practice. Among the main challenges are the fragmentation and inconsistency of regulatory legal acts, the insufficiently defined professional status and liability of experts, the ambiguity of procedural rules, and the institutional weakness of the independent expert institution. The scientific novelty of the research lies in developing a conceptual approach to improving the legal regulation of judicial environmental expertise based on a comparative legal analysis of international practices and the national regulatory model. The research employs system-structural, comparative legal, and empirical methods, enabling a comparative assessment of foreign experience and Kazakhstan's judicial practice. As a result, several practical recommendations are proposed, including the systematization of the regulatory framework, clarification of the legal status of experts, improvement of professional certification and accreditation mechanisms, the introduction of unified methodological standards for conducting expert examinations, and the digitalization of expert procedures. The implementation of these measures will contribute to more effective resolution of environmental disputes, strengthening environmental safety, and improving the quality of justice.

Keywords: judicial environmental expertise; regulatory legal framework; status of experts; independence of expertise; environmental disputes; digital technologies; international standard; environmental law.

DOI: 10.52425/25187252_2026_40_133

Кіріспе. Адамның шаруашылық және өндірістік қызметінің бақылаусыз жүзеге асырылуы техногендік сипаттағы экологиялық апаттарға алып келіп, адам мен қоршаған ортаның өзара байланысына негізделген күрделі экожүйедегі тепе-теңдіктің бұзылуына себеп болуы мүмкін. Осыған байланысты кез келген жаңа қызмет түрін немесе инвестициялық жобаны әзірлеу және іске асыру барысында табиғи ортаға келуі ықтимал қауіптер мен экологиялық қатерлерді алдын ала бағалау ерекше маңызға ие. Қазіргі уақытта мұндай бағалау тетігі экологиялық сараптама жүргізу арқылы жүзеге асырылады, ол жоспарланып отырған қызметтің қоршаған ортаға әсерін анықтауға, ықтимал теріс салдардың алдын алуға және экологиялық қауіпсіздікті қамтамасыз етуге бағытталған маңызды құқықтық құрал болып табылады [1].

Соңғы онжылдықтарда экологиялық проблемалар әлемнің көптеген елдерінің, соның ішінде Қазақстанның мемлекеттік саясатының басым деңгейіне шықты. Жеделдетілген индустрияландыру және урбанизация, өндіруші салалардың белсенді дамуы, аграрлық және инфрақұрылымдық құрылыстың кеңеюі табиғи экожүйелерге теріс әсер етеді. Гидробаланстың бұзылуы, топырақтың деградациясы, атмосфералық ауа мен су объектілерінің сапасының нашарлауы шаруашылық жүргізуші субъектілер, мемлекеттік органдар мен халық арасындағы қақтығыстар санының өсуіне алғышарттар жасайды. Мұндай жағдайларда сот органдары экологиялық бұзушылықтар мен қоршаған ортаға зиян келтіруге байланысты дауларды шешудің негізгі құқықтық институттардың біріне айналуға [2].

Экологиялық сараптама – қоршаған ортаны қорғау саласындағы маңызды құқықтық және

басқарушылық тетік болып табылады. Оның негізгі ерекшелігі – жоспарланып отырған шаруашылық немесе өзге де қызметтің табиғи ортаға ықтимал әсерін алдын ала бағалау арқылы экологиялық қауіптің алдын алуға бағытталуында. Экологиялық сараптама табиғатты ұтымды пайдалану қағидаларын қамтамасыз етіп қана қоймай, қоршаған ортаның жай-күйіне әсер ететін жобалардың экологиялық талаптарға сәйкестігін анықтауға мүмкіндік береді. Бұл институттың тағы бір маңызды ерекшелігі – оның кешенді сипатында, өйткені сараптама жүргізу барысында экологиялық, экономикалық, әлеуметтік және құқықтық факторлар жан-жақты қарастырылады. Сонымен қатар экологиялық сараптама қоршаған ортаны қорғау саласындағы мемлекеттік бақылаудың маңызды элементі ретінде әрекет етеді және табиғи ресурстарды пайдалануға байланысты шешімдердің ғылыми негізді қабылдануын қамтамасыз етеді. Экологиялық сараптаманың тиімді жүзеге асырылуы экологиялық қауіпсіздікті нығайтуға, табиғи ресурстарды ұтымды пайдалануға және тұрақты даму қағидаларын іске асыруға ықпал етеді. Экологиялық сараптама қылмыстық және әкімшілік істер шеңберінде ерекше маңызға ие, онда табиғат қорғау заңнамасын бұзу фактісін анықтау, залал дәрежесін және оның себеп-салдарлық байланыстарын айқындау талап етіледі. Бұл сотта негізгі дәлел болып табылатын сараптамалық қорытынды, өйткені ол күрделі экологиялық процестер мен антропогендік араласудың салдарын терең және ғылыми тұрғыдан бағалауға мүмкіндік береді. Алайда, бұл функцияны іс жүзінде жүзеге асыру сот төрелігінің тиімділігі мен экологиялық қорғаныс деңгейіне тікелей әсер ететін көптеген құқықтық мәселелерге тап болады. 2025 жылдың қаңтар-мамыр қорытындылары бойынша ҚР сотқа дейінгі тергеп-тексерулердің бірыңғай тізілімінде 255 қылмыстық экологиялық құқық бұзушылық тіркелді, бұл өткен жылмен салыстырғанда 9%-ға артық¹.

Сонымен қатар, Қазақстандағы экологиялық істер санының өсуі сот органдарының статистикасымен расталады: тек соңғы бес жылда табиғат қорғау талаптарын бұзу туралы бап бойынша әкімшілік істердің және қылмыстардың экологиялық құрамы бойынша қылмыстық істердің айтарлықтай өсуі байқалады. Бұл мемлекеттік қадағалау органдарының (ҚР экология, геология және табиғи ресурстар министрлігі мен оның аумақтық бөлімшелерінің) бақылауын күшейтумен, сондай-ақ қоғамдық экологиялық сана мен үкіметтік емес ұйымдардың белсенділігін арттырумен байланысты. Осы тенденцияларға жауап ретінде заң шығарушы нормативтік-құқықтық базадағы олқылықтарды толтырды, бірақ бірқатар ережелер нақты емес формальді нормалар қатарын толықтырып отыр, сәйкесінше бұл сараптамаларды тағайындау мен бағалауда белгісіздік тудырады.

Қазақстан Республикасында экологиялық сараптаманы құқықтық қамтамасыз етудің негізгі мәселелеріне сарапшылардың біліктілігіне бірыңғай көзқарастың болмауын атауға болады. Қолданыстағы заңнама білім мен тәжірибеге қойылатын жалпы талаптарды белгілейді, бірақ сотқа маманның құзыреттілігін объективті бағалауға мүмкіндік беретін нақты өлшемдерді анықтамайды. Тәжірибе көрсеткендей, бірқатар істерде бейіндік білім деңгейі жеткіліксіз немесе мүдделер қақтығысы бар сарапшылар тағайындалады, бұл тұжырымдардың дұрыстығын және соның салдарынан сот шешімдерінің әділдігін төмендетеді. Қатаң Кәсіби Стандарттар мен олардың сақталуын бақылау механизмін әзірлеу қажеттілігі туындап отыр.

Елімізде Экологиялық сараптама жүргізу тәртібін нормативтік-құқықтық реттеу жанама түрде қарастырылған. ҚР экологиялық кодексі², Су кодексі³, Әкімшілік құқық бұзушылық туралы

¹ В Казахстане на 9% выросло число экологических правонарушений [Электрондық ресурс] – Айналыс режим: https://www.kt.kz/rus/ecology/v_kazahstane_na_9_vyroslo_chislo_ekologicheskikh_1377965725.html (жүгінген күні: 16.02.2026).

² Қазақстан Республикасының Экология кодексі: Қазақстан Республикасының 2021 ж. 2 қаңтардағы № 400-VI ҚРЗ [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/K2100000400> (жүгінген күні: 16.03.2026).

³ Қазақстан Республикасының Су кодексі: 2003 ж. 9 шілдедегі № 481-II ҚРЗ [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: https://adilet.zan.kz/kaz/docs/K030000481_ (жүгінген күні: 30.06.2025).

Кодекс⁴, қылмыстық процестік⁵ және азаматтық іс жүргізу кодекстерінде⁶ мақсатын, мерзімдері мен орындалу тәртібін реттейтін әртүрлі нормалар бар. Бұл ретте әдістемелік ұсынымдар ең аз жаңартылған, қазіргі заманғы халықаралық стандарттарға сәйкес келмейді және кешенді зерттеулердің (гидробиологиялық, Топырақтану, токсикологиялық-гигиеналық және т.б.) ерекшеліктерін ескермейді. Бұл процестік тәуекелдердің туындауына алып келеді: сараптамалардың гетерогенділігі, жұмыстардың қайталануы, істерді қарау мерзімдерінің ұлғаюы және сот шығындарының өсуі де мәселе болып отыр.

Экологиялық сараптаманы жетілдірудің маңызды бағыты сараптама үшін техникалық тапсырманы дайындаудың нақты рәсімін әзірлеу болып табылады. Іс жүзінде, тым жалпы немесе, керісінше, тым егжей-тегжейлі тапсырма сарапшының негізгі мәселелерге назар аударуына кедергі келтіретін, «бұлыңғыр» тұжырымдарды қалыптастыратын және сараптамалық зерттеулердің көлемі мен мазмұны бойынша даулар тудыратын жағдайлар бар. Техникалық тапсырма бланкілерінің стандартталған нысандарын енгізу және оларды міндетті пайдалану сараптамалық жұмыстың сапасын едәуір арттыра алады [3].

Сонымен қатар, бастапқы материалдар мен зерттеу нысандарына қол жетімділіктің болмауы жиі кездесетін мәселе болып табылады. Мемлекеттік органдар мен өтініш берушілер әрдайым сарапшыларды қажетті су, топырақ, ауа сынамаларымен немесе құжаттамамен қамтамасыз ете бермейді, бұл толық емес мәліметтер негізінде зерттеулер жүргізуге немесе нақты өлшемдермен бірге жүрмейтін «қағаз» есептерді тартуға мәжбүр етеді. Бұл дәлелдемелік базаны әлсіретеді және сараптамаларды қайта тағайындау арқылы процестерді кешіктіруге жағдай жасайды. Жаһандану және Қазақстанның халықаралық міндеттемелерін орындау жағдайында (биологиялық әртүрлілік туралы Конвенция⁷, Климат жөніндегі Париж келісімі⁸ және басқалар) экологиялық сараптаманың ұлттық практикасын халықаралық стандарттармен үйлестіру ерекше өзекті болып отыр. Сонымен қатар, отандық заңнама әлі күнге дейін аккредиттелген шетелдік зертханалардың нәтижелерін автоматты түрде мойындау тетігін көздемейді, бұл өзендер мен атмосфералық ағындардың ластануына байланысты трансшекаралық істерді қарауды қиындатады. Бұл салада нақты рәсімдердің болмауы экологиялық бағдарланған жобалардың инвестициялық тартымдылығын төмендетеді және озық аналитикалық технологияларды тартуға кедергі келтіреді. Сарапшылар мен сараптама жіберетін тұлғалардың жауаптылығы мәселесі де маңызды болып табылады. Бүгінгі таңда заңнамада қате немесе біржақты қорытындылар үшін тәртіптік және материалдық-құқықтық жауаптылыққа тартудың жеткілікті тетіктері жоқ. Нәтижесінде жосықсыз сараптамалық қызметтен келтірілген залалды азаматтық-құқықтық өтеу институты жоғалады, бұл жалпы сот процесіне деген сенімге нұқсан келтіреді.

Жоғарыда айтылғандарды ескере отырып, Қазақстан Республикасының сот процесінде экологиялық сараптаманың құқықтық мәселелеріне терең ғылыми талдау жүргізу маңызды ғылыми-практикалық міндет болып табылады. Зерттеу анықталған олқылықтарды жүйелеуге, озық халықаралық тәжірибені талдауға және сараптамаларды тағайындаудың нормативтік базасын, әдістемелік құралдары мен практикасын жетілдіру бойынша негізделген ұсыныстарды тұжырымдауға мүмкіндік береді.

Материалдар мен әдістер. Зерттеу әдістемесі жоғары ғылыми деңгейдегі кешенді тәсілге

⁴ Қазақстан Республикасының Әкімшілік құқық бұзушылық туралы кодексі: 2014 ж. 5 шілдедегі № 235-V ҚРЗ [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/K1400000235> (жүгінген күні: 30.06.2025).

⁵ Қазақстан Республикасының Қылмыстық-процестік кодексі: 2014 ж. 4 шілдедегі № 231-V ҚРЗ [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/K1400000231> (жүгінген күні: 30.06.2025).

⁶ Қазақстан Республикасының Азаматтық процестік кодексі: 2015 жылғы 31 қазандағы № 377-V ҚРЗ [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/K1500000377> (жүгінген күні: 30.06.2025).

⁷ Convention on Biological Diversity (Rio de Janeiro, 5 June 1992). – 2011. – 30 p. [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://www.cbd.int/doc/legal/cbd-en.pdf> (жүгінген күні: 16.02.2026).

⁸ Париж келісімі (Париж, 2015 жылғы 12 желтоқсанда) [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: https://prg.kz/Document/?doc_id=35684349&ysclid=ml61viehv5130410702t (жүгінген күні: 30.06.2025).

негізделеді: Жүйелі-құрылымдық әдіс экологиялық сараптама институтының ғылыми талдауында ерекше маңызға ие. Бұл әдіс зерттеліп отырған нысанды – яғни экологиялық сараптаманы – өзара байланыстағы элементтерден тұратын күрделі жүйе ретінде қарастыруға мүмкіндік береді. Мұндай тәсіл экологиялық сараптама институтының әрбір құрамдас бөлігінің (нормативтік-құқықтық база, ұйымдастырушылық құрылым, сарапшылар корпусы, процестік рәсімдер, бақылау және қаржыландыру тетіктері) өзара әрекеттесуін терең түсінуге жағдай жасайды. Жүйелі-құрылымдық талдау барысында экологиялық сараптаманың құқықтық институты біртұтас жүйе ретінде қарастырылып, оның ішкі құрылымдық деңгейлері салыстырылады. Атап айтқанда, құқықтық нормалардың өзара байланысы мен иерархиясы, ведомстволық құзыреттердің үйлесімділігі, сот пен сараптама органдарының функциялық шекаралары, сондай-ақ шешім қабылдау процесіндегі өзара тәуелділік деңгейі айқындалады. Мұндай салыстырмалы құрылымдық талдау сараптамалық қызметтің тиімділігін төмендететін қайшылықтар мен үйлесімсіздіктерді анықтауға мүмкіндік береді. Сонымен қатар, әдістің жүйелілік сипаты экологиялық сараптама институтын тек құқықтық тұрғыдан ғана емес, сонымен қатар әлеуметтік, институционалдық және технологиялық аспектілерде кешенді қарастыруды көздейді. Бұл өз кезегінде экологиялық сараптаманы сот процесінде неғұрлым тиімді қолдануға, сараптаманың объективтілігі мен тәуелсіздігін арттыруға, сондай-ақ халықаралық стандарттарға сай жаңғырту жолдарын негіздеуге мүмкіндік береді. Формальды-құқықтық әдіс нормативтік актілердегі «экологиялық сараптама», «сарапшының құзыреті» және «сараптаманы тағайындау тәртібі» ұғымдарының терминологиялық біртұтастығын талдап, процестік және материалдық-құқықтық нормалардың өзектілігін бағалайды; салыстырмалы-құқықтық әдіс шетелдік континенттік және англо-американдық тәжірибені зерделеп, отандық стандарттарды жетілдіру бағыттарын ұсынады. Эмпирикалық әдістер экологиялық сараптама институтын зерттеуде нақты сот тәжірибесін, іс жүргізу материалдарын және практикалық жағдайларды талдауға бағытталады. Бұл әдістер зерттеу нысанын тек теориялық тұрғыдан ғана емес, нақты өмірдегі тәжірибе мен фактілер негізінде қарастыруға мүмкіндік береді. Эмпирикалық тәсілдердің басты мақсаты – сот ісінде экологиялық сараптаманы тағайындау, жүргізу және оның нәтижелерін бағалау процесінде туындайтын нақты проблемаларды анықтау. Ол үшін зерттеуші сот актілерін, шешімдерді, сараптамалық қорытындыларды, прокурорлық және адвокаттық тәжірибелерді контент-талдау әдісі арқылы жүйелі түрде зерделейді. Мұндай талдау құқық қолдану тәжірибесіндегі қайшылықтарды, соттар мен сарапшылардың өкілеттіктерін түсінудегі айырмашылықтарды, сондай-ақ сараптамалық қорытындының дәлелдік күшін бағалаудағы бірізділіктің болмауын анықтауға мүмкіндік береді. Контент-талдау барысында нақты сот істері бойынша мәліметтер жинақталып, экологиялық даулардың құрылымы, сараптама жүргізу уақыты мен сапасы, сарапшылардың тәуелсіздігі мен жауаптылығы сияқты көрсеткіштер салыстырмалы түрде қарастырылады. Бұл тәсіл экологиялық сараптама жүйесіндегі практикалық олқылықтарды айқындап қана қоймай, олардың себептерін талдауға және шешу жолдарын ұсынуға мүмкіндік береді. Модельдеу-болжау тәсілі жаңартылған техникалық тапсырмалар формасын енгізудің сот төрелігіндегі тиімділігі мен процедуралық мерзімдерге ықпалын болжайды; тарихи-құқықтық әдіс алғашқы нормативтік нормалардан бастап қазіргі уақытқа дейінгі эволюцияны шолып, заңнама реформаларының кемшіліктерін айқындайды.

Нәтижелер, талқылау. Сот экологиялық сараптаманың құқықтық мәнін түсіну үшін ең алдымен сот сараптамасы ұғымын анықтап алғанымыз жөн. Сот сараптамасы – қылмыстық, азаматтық және әкімшілік сот өндірістерінде арнайы ғылыми білім мен методикаларды нақты сот тапсырмаларын орындау үшін қолданатын қолданбалы сала; оның пәні мен шекаралары сот процессінің құқық қорғау функциясы талаптарына сай анықталып, сараптаманы тағайындау, материалдарды жинау, зерттеу, қорытындылау және ресмилендіру сияқты кезеңдер арқылы

жүргізіледі, ал сарапшылардың кәсіби білімі мен заңнамалық рәсімдерді ұштастыра қолдану сараптамалық материалдардың құқықтық сенімділігі мен дәлелдік мәнін қамтамасыз етіп, сот шешімдерінің әділдігі мен заңдылығын күшейтеді. Қолданыстағы заңнама бойынша сот сараптамасы қылмыстық, азаматтық немесе әкімшілік құқық бұзушылық істерінің материалдарын арнайы ғылыми білім мен әдістемелер негізінде жан-жақты зерттеу арқылы сот процесіне қажетті фактикалық деректерді анықтауға бағытталған қолданбалы ғылыми сала ретінде анықталып, оның мақсаты ретінде әкімшілік, қылмыстық және азаматтық сот өндірісін сенімді, ғылыми дәлелді сараптама қорытындыларымен қамтамасыз ету бекітіледі. 2017 жылғы 10 ақпанда Президенттің бастамасымен құқық қорғау және сот жүйесін сот-эксперттік қамтамасыз етуді одан әрі жетілдіру және модернизациялау мақсатында «Сот-сараптамалық қызмет туралы»⁹ және «Қазақстан Республикасының кейбір заңнамалық актілеріне сот-сараптамалық қызмет мәселелері бойынша өзгерістер мен толықтырулар енгізу туралы» заңдар қабылданды; сол жылы 3 ақпанда № 34 Үкімет қаулысымен¹⁰ сот сараптамасының кейбір мәселелері мемлекеттік деңгейде реттелді. Елдегі экономикалық, әлеуметтік және саяси даму барысы, құқық қорғау мен сот жүйесін реформалау қажеттілігі және ғылым-техника саласындағы үздіксіз прогресс заңнаманың тұрақты жаңартылуын талап етеді, себебі сот-эксперттік қызметтің табиғаты үздіксіз даму мен өзгерісті қажет етеді. Қазіргі таңда Қазақстан Республикасындағы сот-эксперттік жүйе ҚР Әділет министрлігінің «Сот сараптамалары орталығы» республикалық мемлекеттік кәсіпорны арқылы іске асырылады. С. Абдолла пікірінше, эксперттік функцияларды бірыңғай ведомствоға орталықтандыру әкімшілік персоналдың қызметін оңтайландыруға, ғылыми әлеуетті нығайтуға, сарапшылар жұмысының тиімділігін арттыруға және қаржылық ресурстарды ортақ материалдық-техникалық база құру арқылы шоғырландыруға мүмкіндік берді; сондай-ақ сарапшылардың тәуелсіздігін қамтамасыз етіп, сот-эксперттік қызмет саласындағы ішкі қайшылықтарды жойды. Ол Қазақстан Республикасының сот-эксперттік жүйесінің қалыптасуы мен даму тарихы төрт кезеңге бөлінеді:

1. 1920-1950 жж. – қалыптасу кезеңі, құқықтық негіздері мен алғашқы сараптамалық институттар пайда болды.

2. 1951-1966 жж. – Кеңестік кезең, сараптамалық жүйенің құрылымы бекітілді, нақты міндеттер мен іске асыру тетіктері қалыптасты.

3. 1978-2010 жж. – тәуелсіздікке дейінгі және алғашқы тәуелсіздік жылдары: 1978-1989 жж. – сараптамалық мекемелер желісін кеңейту және жүйелендіру, 1989-1997 жж. – өтпелі даму кезеңі, 1997-2010 жж. – сот-эксперттік қызметті реттейтін тәуелсіз заңнамалық актілер қабылданды [4].

4. 2010 жылдан қазіргі күнге дейін – заманауи халықаралық стандарттар мен ғылыми-техникалық жетістіктерге сай жүйелеу және қызмет тиімділігін арттыру.

Сот-эксперттік қызметтің динамикалық дамуы мына негізгі факторларға негізделеді:

- ғылыми-техникалық прогрестің қарқынды өрістеуі нәтижесінде сараптамалар түрі мен әдістерінің үнемі кеңеюі;

- сот процестерінде сараптама қорытындыларының дәлелдік маңызын айқындайтын процестік қағидалардың жүйелі қолданылуы;

- сот-эксперттік мекемелердің ұйымдастырушылық-техникалық қамтамасыз етілуі мен тұрақты қаржыландырылуы.

Зерттеу нәтижелері негізінде, сот экологиялық сараптама дегеніміз істі мәні бойынша

⁹ Сот-сараптама қызметі туралы: Қазақстан Республикасының Заңы 2017 ж. 10 ақпандағы № 44-VI ҚРЗ [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/Z1700000044> (жүгінген күні: 16.06.2025).

¹⁰ Сот сараптамасының кейбір мәселелері туралы: Қазақстан Республикасы Үкіметінің 2017 ж. 3 ақпандағы № 34 қаулысы [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/P1700000034> (жүгінген күні: 16.06.2025).

объективті түрде шешу үшін тартылатын арнайы ғылыми білімі бар тұлға жүзеге асыратын процестік әрекет түрі деп келесі анықтаманы ұсынуға болады. Сот экологиялық сараптама сот сараптамасының жекелеген түрі болып табылады. Мәселенің өзектілігіне қарамастан сот экологиялық сараптаманы тікелей зерттеген жаңа ғылыми зерттеулер аз кездеседі. Тек 2016 жылы Ж.Л. Бекжанов осы тақырыпқа зерттеу жүргізді. Дегенмен қазіргі таңда қоғамдағы технологиялық дамуды ескерсек сот экологиялық сараптама жаңаша тұрғыдан зерттелуі керек [5].

Жүргізілген талдау көрсеткендей, экологиялық қауіпсіздікті қамтамасыз етудегі маңызды факторлардың бірі – сот сараптамасы, атап айтқанда Қазақстан Республикасының Әділет министрлігі жанындағы Сот сараптамалары орталығы жүзеге асыратын сот-экологиялық сараптама, ол еліміздің биологиялық әртүрлілігін сақтауға өз үлесін қосады.

Экологиялық құқық бұзушылықтарды тергеу барысында туындайтын сараптамалық мәселелер заттар мен материалдарды сот-экологиялық, сот-биологиялық және криминалистикалық сараптамалар шеңберінде шешуді көздейді. Қазіргі таңда сот-экологиялық сараптама сот-сараптамалық қызметтің жаңа бағыты ретінде қарқынды дамуда. Экологиялық құқық бұзушылықтарға қатысты тағайындалған сараптамалар аясында экономикалық, технологиялық, әлеуметтік, биологиялық, медициналық, әкімшілік, шаруашылық және басқа да аспектілер, сондай-ақ антропогендік әсердің көзін, механизмін, сипаттамасы мен ауқымын анықтау мәселелері қарастырылады. Осы рәсімдер барысында субъектінің кінәлілігін және қоршаған ортаға келтірілген материалдық зиян көлемін белгілеуге мүмкіндік беретін маңызды фактілік жағдайлар айқындалып, экологиялық тепе-теңдікті қалпына келтіру бойынша ұсыныстар әзірленеді [6].

Сот-экологиялық сараптама кешенді сипатқа ие, өйткені ол әртүрлі профильдегі мамандар – экологтар, биологтар, химиктер, зоотехниктер және гидрологтардың бірлескен еңбегін талап етеді. Бұл терең саларалық үйлестіруді қажет етіп, табиғи биоценоз элементтері арасындағы өзара байланыстарды жан-жақты талдауға мүмкіндік береді [7].

Сонымен қатар сараптамаларды осылай біріктіру қорытындылардың жоғары дәлдігін қамтамасыз етіп, қоршаған ортаға антропогендік әсерді бағалау мәселелерін тиімді шешуге ықпал етеді. Одан бөлек, бұл тәсіл мүдделі тараптардың сенімін арттырып, құқықтық реттеудің сапалы дамуына мүмкіндік береді [8].

Отандық ғылыми әдебиеттерді талдау негізінде қазіргі таңда елімізде сот-экологиялық сараптамасын тағайындау мен жетілдіруде келесі негізгі мәселелер орын алып отырғанын анықтадық:

Біріншіден, нормативтік-құқықтық базаның фрагментарлығы және кемшілдігі сот-экологиялық сараптама саласындағы маңызды проблемалардың бірі болып табылады. Бірыңғай әдіснамалық ұсынымдардың болмауы сараптамалық практикада әртүрлі интерпретацияларға және құқықтық бақылаудың біркелкі еместігіне әкеледі. Сондай-ақ сараптамалық органдардың өкілеттіктері мен функционалдық қарым-қатынастары нақты анықталмағандықтан, сот процесіндегі сараптамалық қорытындылардың сенімділігі мен дәлдігі төмендеуі мүмкін. Бұл мәселені шешу үшін нормативтік құжаттар пакетін жүйелі жаңарту, біртұтас стандарттар мен алгоритмдерді бекіту, сондай-ақ сарапшылар мен сот органдары арасындағы үйлестіру тетіктерін жетілдіру қажет. Сонымен қатар халықаралық тәжірибені ескере отырып, нормативтік-құқықтық актілерге экологиялық сараптаманың сапа стандарттарын енгізу ұсынылады. Заңнаманы кешенді қарастыру сараптамалар нәтижелерінің биік стандартқа сәйкестігін қамтамасыз етіп, экологиялық қауіпсіздікті қорғау деңгейін арттырады [9].

Екіншіден, сарапшылардың сарапшылардың құқықтық мәртебесі мен біліктілік деңгейі айқын болмай, сот-экологиялық сараптама сапасына кері әсерін тигізеді. ҚР «Сот сараптамасы және сот сараптамалық қызмет туралы» заңы сарапшыларға қойылатын кәсіби талаптарды толық

қамтымай, олардың білім деңгейі мен тәжірибесінің сәйкес келмеу мәселесін тудырады. Бұл сараптамалық қорытындылардың сенімділігіне күмән келтіріп, сот шешімдерінің әділдігін төмендетеді. Осыған орай сарапшыларды аттестациялау рәсімдерін нақтылау, олардың мәртебесін заңнамалық тұрғыдан бір жүйеге келтіру, біліктілік стандарттарын әзірлеу қажет. Қазақстан Республикасының «Сот-сараптама қызметі туралы» заңы сот сарапшыларына қойылатын кәсіби талаптарды жетілдіру мақсатында заңнамаға нақты өзгерістер енгізу орынды деп саналады. Атап айтқанда, сот сарапшысы лауазымына үміткер тұлғалардың тек жоғары білімінің болуы ғана емес, сараптама жүргізілетін салаға сәйкес арнайы кәсіби даярлықтан өтуі және кемінде үш жылдық практикалық тәжірибесінің болуы заң деңгейінде міндетті талап ретінде бекітілуі қажет. Сонымен қатар сарапшылардың кәсіби деңгейін сақтау және дамыту үшін олардың әр бес жыл сайын міндетті түрде біліктілікті арттыру курстарынан өтіп, қайта аттестаттаудан өтуі жөніндегі норма енгізу ұсынылады. Сарапшылардың тәуелсіздігін қамтамасыз ету мақсатында аттестаттау және сертификаттау рәсімдерін тек ведомстволық құрылымдар шеңберінде емес, ғылыми ұйымдар мен жоғары оқу орындарының өкілдері қатысатын тәуелсіз комиссия арқылы жүргізу тиімді болар еді. Бұдан бөлек, заңда сарапшылардың қызметінде халықаралық стандарттарға сәйкес заманауи ғылыми-техникалық және цифрлық әдістерді қолдану міндеті нақты көрсетіліп, кәсіби этика талаптары мен сараптамалық қорытындының дәлдігі мен объективтілігі үшін жауаптылық шаралары күшейтілуі қажет. Осындай өзгерістер сот сараптамасының сапасын арттыруға және сот төрелігінің әділ жүзеге асырылуына ықпал етеді [10].

Үшіншіден, процестік сараптамаларды тағайындау және өткізудің құқықтық реттелмегендігі сот-процестік мерзімдердің бұзылуына және экологиялық құқық бұзушылықтар істерінің іс жүзінде ұзақ талдануына әкеледі. Сараптама мерзімдері нақты нормативтік актілерде белгіленбегендіктен, тараптар мен сот органдары кешіктірілген қорытындыларды күтумен қалдырылады, бұл сот шешімдерін қабылдау жылдамдығын төмендетеді. Мұндай үзілістер қоршаған ортаға келетін зиянын уақытылы анықтау мен жоятын шараларды кешіктіреді, экологиялық қауіпсіздікті қамтамасыз ету деңгейі төмендейді. Сонымен қатар, зардап шеккен тұлғалардың, айыпталушылардың және азаматтық талапкерлердің сараптамалық процестерге қатысу құқықтары қамтамасыз етілмей, экспертизалар ұсыну мүмкіндіктері шектелгендіктен, әділ және теңқұқықты қорғаныс құралдары толыққанды іске асырылмайды. Олқылықтарды жедел жою үшін процестік нормативтерді нақтылау және тараптардың кепілдендірілген құқықтарын заңнамалық түрде нығайту қажет.

Қорытынды. Қазақстан Республикасының сот процесінде экологиялық сараптаманың құқықтық институт ретіндегі маңызды құқықтық институттардың бірі болып табылады. Алайда, нормативтік-құқықтық база біркелкілік пен толықтықтан айырылғандықтан, сараптамалық практикада стандарттардың сақталуы мен рәсімдердің ашықтығы күмән тудырады. Сарапшылардың мәртебесі мен біліктілігі нақты заңнамалық түрде реттелмей, олардың тәуелсіздігі мен кәсіби талаптары айқындалмағандықтан, сараптамалық қорытындылардың сенімділігі мен сот шешімдерінің әділдігіне қатысты ғылыми және практикалық мәселелер туындайды. Процестік талаптардың нақтыланбауы сараптамалардың уақытылы орындалуын тежейді әрі тараптардың қатысу құқықтарын толық қамтамасыз етпейді. Осы олқылықтарды жою мақсатында құқықтық нормаларды жүйелі жаңарту, сарапшыларды аттестаттау рәсімдерін жетілдіру, хаттамалар мен мерзімдерге қойылатын талаптарды нақтылау қажет. Экологиялық сараптаманың тәуелсіздігін арттыру үшін қаржыландыруды ашық басқару, мүдделік қақтығыстарды алдын алу тетіктерін енгізу маңызды. Сонымен қатар, халықаралық тәжірибені ескере отырып, цифрлық технологиялар мен біртұтас стандарттарды енгізу сараптамалық процестің сапасын, жеделдігін және транспаренттілігін күшейтіп, сот әділдігі мен экологиялық құқықтық қорғаныстың тиімділігін арттыруға мүмкіндік береді.

Пайдаланылган әдебиеттер тізімі:

1. Чирухин, А.В. Экологическая экспертиза – механизм управления и охраны окружающей среды / А.В. Чирухин // Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. – 2023. – Т. 3. – № 3. – С. 332-339.
2. Keller, H. The Use of Scientific Experts in Environmental Cases before the ECtHR / H. Keller, P. Ganesan // International and Comparative Law Quarterly. – 2024. – Vol. 73, No. 2. – Pp. 315-342.
3. Eliantonio, M. Access to Justice in Environmental Matters in the EU Legal Order / M. Eliantonio, J. Richelle // Common Market Law Review. – 2024. – Т. 61. № 1. – 45-78 б.
4. Абдолла, С. Становление и развитие судебной экспертизы в Республике Казахстан / С. Абдолла // Теория и практика судебной экспертизы. – 2020. – № 15 (1). – Рр. 126-132.
5. Бекжанов, Ж.Л. Организационно-правовое и научно-методическое обеспечение судебно-экологической экспертной деятельности в Республике Казахстан: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: спец. 12.00.12 / Ж.Л. Бекжанов. – Моск. гос. ун-т правосудия. – М., 2016. – 34 с.
6. Д.Ш. Мусина, С.Б. Акмолдаева. Судебно-экологическая экспертиза в РК, как один из факторов обеспечения экологической безопасности [Электрондык ресурс] – Айналыс режимі: <https://polisia.kz/ru/sudebno-ekologicheskaya-ekspertiza> (жүгінген күні: 30.06.2025).
7. Vernaza, G. Judicial expertise and its application to environmental crime in Ecuador / G. Vernaza // Espirales Revista Multidisciplinaria de investigación científica. – 2024. – № 8 (50). – Pp. 46-65.
8. Ю.И. Баева, Н.А. Черных. Актуальные проблемы проведения судебно-экологических исследований в России // Глобальная экологическая безопасность: актуальные проблемы права и практики. – 2018. – С. 58-65.
9. Михалева, Н.В. Организационно-правовые и методические проблемы судебно-экологической экспертизы в странах ЕАЭС / Н.В. Михалева // Теория и практика судебной экспертизы. – 2021. – Т. 16. № 2. – С. 122-129.
10. Бекжанов, Ж.Л. О классификации судебно-экологических экспертиз в Республике Казахстан / Ж.Л. Бекжанов // Теория и практика судебной экспертизы. – 2015. – № 12 (2(38)). – С. 168-171.

References:

1. Chiruhin, A.V. Jekologicheskaja jekspertiza – mehanizm upravlenija i ohrany okruzhajushhej sredy / A.V. Chiruhin // Vestnik Nauchno-issledovatel'skogo centra korporativnogo prava, upravlenija i venchurnogo investirovanija Syktyvkarskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2023. – Т. 3. – № 3. – S. 332-339.
2. Keller, H. The Use of Scientific Experts in Environmental Cases before the ECtHR / H. Keller, P. Ganesan // International and Comparative Law Quarterly. – 2024. – Vol. 73, No. 2. – Pp. 315-342.
3. Eliantonio, M. Access to Justice in Environmental Matters in the EU Legal Order / M. Eliantonio, J. Richelle // Common Market Law Review. – 2024. – Т. 61. № 1. – 45-78 b.
4. Abdolla, S. Stanovlenie i razvitie sudebnoj jekspertizy v Respublike Kazahstan / S. Abdolla // Teorija i praktika sudebnoj jekspertizy. – 2020. – № 15 (1). – Pp. 126-132.
5. Bekzhanov, Zh.L. Organizacionno-pravovoe i nauchno-metodicheskoe obespechenie sudebno-jekologicheskoy jekspertnoj dejatel'nosti v Respublike Kazahstan: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk: spec. 12.00.12 / Zh.L. Bekzhanov. – Mosk. gos. un-t pravosudija. – М., 2016. – 34 s.
6. D.Sh. Musina, S.B. Akmoldaeva. Sudebno-jekologicheskaja jekspertiza v RK, kak odin iz faktorov obespechenija jekologicheskoy bezopasnosti [Jelektrondyk resurs] – Ajnalys rezhimi: <https://polisia.kz/ru/sudebno-ekologicheskaya-ekspertiza> (zhygingen kyni: 30.06.2025).
7. Vernaza, G. Judicial expertise and its application to environmental crime in Ecuador / G. Vernaza // Espirales Revista Multidisciplinaria de investigación científica. – 2024. – № 8 (50). – Pp. 46-65.
8. Ju.I. Baeva, N.A. Chernyh. Aktual'nye problemy provedenija sudebno-jekologicheskikh issledovanij v rossii // Global'naja jekologicheskaja bezopasnost': aktual'nye problemy prava i praktiki. – 2018. – S. 58-65.
9. Mihaleva, N.V. Organizacionno-pravovye i metodicheskie problemy sudebno-jekologicheskoy jekspertizy v stranah EAJeS / N.V. Mihaleva // Teorija i praktika sudebnoj jekspertizy. – 2021. – Т. 16. № 2. – S. 122-129.
10. Bekzhanov, Zh.L. O klassifikacii sudebno-jekologicheskikh jekspertiz v Respublike Kazahstan / Zh.L. Bekzhanov // Teorija i praktika sudebnoj jekspertizy. – 2015. – № 12 (2(38)). – S. 168-171.

АВТОРЛАР ТУРАЛЫ МӘЛІМЕТТЕР / СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Айнур Жексенбаевна Сарсенова – Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің докторанты, e-mail: ainur--1983@mail.ru.

Сарсенова Айнур Жексенбаевна – докторант Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева, e-mail: ainur--1983@mail.ru.

Sarsenova Ainur Zheksenbaevna – Doctoral Student at L.N. Gumilyov Eurasian National University, e-mail: ainur--1983@mail.ru.

Абдиманап Еликбаевич Бектурганов – Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің конституциялық және азаматтық құқық кафедрасының меңгерушісі, заң ғылымдарының докторы, профессор, e-mail: a.e.bekturganov@gmail.com.

Бектурганов Абдиманап Еликбаевич – заведующий кафедрой конституционного и гражданского права Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева, доктор юридических наук, профессор, e-mail: a.e.bekturganov@gmail.com.

Bekturganov Abdimanap Elikbayevich – Head of the Department of Constitutional and Civil Law of the L.N. Gumilyov Eurasian National University, Doctor of Law Sciences, Professor, e-mail: a.e.bekturganov@gmail.com.

ПЕДАГОГИКА, ПСИХОЛОГИЯ ЖӘНЕ ӘЛЕУМЕТТІК-ЭКОНОМИКАЛЫҚ ҒЫЛЫМДАР
САЛАЛАРЫНДАҒЫ ЗЕРТТЕУЛЕР
ИССЛЕДОВАНИЯ В СФЕРЕ ПЕДАГОГИКИ, ПСИХОЛОГИИ И СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУК
RESEARCH IN THE FIELD OF PEDAGOGY, PSYCHOLOGY AND SOCIO-ECONOMIC
SCIENCES

УДК 159.9:001.891; 159.9:001.891.57; 159.9:007; 343.3/7
МРНТИ 15.01.77; 10.77.51

Т.Г. Маханов, Н.К. Мырзабаев

*Академия правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан,
г. Косшы, Республика Казахстан*

**НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ДИАЛОГОВ ИНТЕРНЕТ-МОШЕННИКОВ С
ПРИМЕНЕНИЕМ ИНСТРУМЕНТОВ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО И
НЕЙРОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ПРОГРАММИРОВАНИЯ**

Аннотация. Статья посвящена анализу диалогов интернет-мошенников с позиций психолингвистики, нейролингвистического программирования и криминалистики. Актуальность исследования обусловлена стремительным ростом киберпреступлений, совершаемых с помощью методов социальной инженерии, которые представляют угрозу национальной безопасности. Эмпирическую базу составили 530 аудиозаписей телефонных разговоров злоумышленников с операторами Антиколл-центра (общей продолжительностью более 105 часов). Методологически работа опирается на дискурс-анализ, контент-анализ и структурно-функциональный подход. В результате выявлены ключевые манипулятивные паттерны: стратегии установления авторитета через имитацию официального статуса и профессиональный жаргон; психологические триггеры дефицита, страха и бесплатности; техники рефрейминга для получения SMS-кодов; приемы введения в трансовое состояние и эмоциональных качелей. Отдельно проанализированы способы сопротивления жертв – логический аудит, юмор и доведение до абсурда. Рассмотрен зарубежный опыт регулирования ИИ и синтетического контента (ЕС, Великобритания, Сингапур, Китай, Индия). Сформулированы практические рекомендации для граждан, правоохранительных органов, банков и разработчиков систем цифровой безопасности.

Ключевые слова: интернет-мошенничество; социальная инженерия; нейролингвистическое программирование; манипулятивная стратегия; дипфейк; когнитивный иммунитет; цифровая безопасность.

Т.Г. Маханов, Н.К. Мырзабаев

*Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасының жанындағы Құқық қорғау органдары академиясы,
Қосшы қ., Қазақстан Республикасы*

**ПСИХОЛОГИЯЛЫҚ ЖӘНЕ НЕЙРОЛИНГВИСТИКАЛЫҚ БАҒДАРЛАМАЛАУ
ҚҰРАЛДАРЫ НЕГІЗІНДЕ ИНТЕРНЕТ-АЛАЯҚТАРДЫҢ ДИАЛОГТАРЫНА ҒЫЛЫМИ-
ПРАКТИКАЛЫҚ ТАЛДАУ**

Аннотация. Мақалада интернет-алаяқтардың диалогтары психолингвистика, нейролингвистикалық бағдарламалау және криминалистика тұрғысынан талданады. Зерттеудің өзектілігі ұлттық қауіпсіздікке қауіп төндіретін әлеуметтік инженерия әдістерімен жасалған киберқылмыстардың қарқынды өсуіне байланысты. Зерттеудің эмпирикалық базасын шабуылдаушылар мен Антиколл-орталық операторлары арасындағы телефон сөйлесулерінің 530 аудиожазбасы (жалпы ұзақтығы 105 сағаттан астам). Әдістемелік тұрғыдан жұмыс дискурстық талдауға, контенттік талдауға және құрылымдық-функционалдық тәсілге негізделген. Нәтижесінде негізгі манипуляциялық заңдылықтар анықталды: ресми мәртебеге еліктеу және кәсіби жаргон арқылы беделге негізделген ықпал ету стратегиялары; тегін ұсынысқа негізделген психологиялық триггерлер; SMS-кодтарды алу үшін рефрейминг әдістері; эмоциялық ауытқуларды басқару тәсілдері. Жәбірленушілерге қарсы тұру тәсілдері, яғни логикалық талдау, әзіл және абсурдқа дейін жеткізу тәсілі де бөлек талданады. Жасанды интеллект пен синтетикалық мазмұнды реттеудің шетелдік тәжірибесі қарастырылды (ЕО, Ұлыбритания, Сингапур, Қытай, Үндістан).

Азаматтарға, құқық қорғау органдарына, банктерге және цифрлық қауіпсіздік жүйелерін әзірлеушілерге арналған практикалық ұсынымдар тұжырымдалған.

Түйінді сөздер: интернет-алаяқтық; әлеуметтік инженерия; нейролингвистикалық бағдарламалау; манипулятивтік стратегия; дипфейк; когнитивті иммунитет; цифрлық қауіпсіздік.

T.G. Makhanov, N.K. Myrzabayev

*The Law Enforcement Academy under the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan,
Kosshy, the Republic of Kazakhstan*

SCIENTIFIC AND PRACTICAL ANALYSIS OF INTERNET FRAUDSTER DIALOGUES USING PSYCHOLOGICAL AND NEURO-LINGUISTIC PROGRAMMING TOOLS

Abstract. The article analyzes the dialogues of Internet scammers from the perspective of psycholinguistics, neuro-linguistic programming and criminology. The relevance of the study is due to the rapid growth of cybercrimes committed by social engineering methods that pose a threat to national security. The empirical base consisted of 530 audio recordings of telephone conversations between intruders and Anti-Call Center operators (with a total duration of more than 105 hours). Methodologically, the work is based on discourse analysis, content analysis, and a structural and functional approach. As a result, key manipulative patterns were identified: strategies for establishing authority through imitation of official status and professional jargon; psychological triggers of scarcity, fear, and gratuitousness; reframing techniques for receiving SMS codes; techniques for inducing a trance state and emotional swings. The methods of victim resistance are analyzed separately – logical audit, humor and bringing to the point of absurdity. The foreign experience of regulating AI and synthetic content (EU, UK, Singapore, China, India) is considered. Practical recommendations are formulated for citizens, law enforcement agencies, banks and developers of digital security systems.

Keywords: Internet fraud; social engineering; neuro-linguistic programming; manipulative strategie; deepfake; cognitive immunity; digital security.

DOI: 10.52425/25187252_2026_40_143

Введение. Стремительное развитие информационно-коммуникационных технологий сопровождается не только позитивными социально-экономическими эффектами, но и ростом новых форм противоправной деятельности. Одной из наиболее динамично прогрессирующих угроз является интернет-мошенничество.

На последнем заседании Национального курултая Президент Казахстана Касым-Жомарт Токаев заявил, что «распоясавшиеся мошенники превратились в реальную угрозу национальной безопасности»¹.

Преступное явление в последние годы приобрело масштабы транснационального феномена. По данным международных организаций (FATE, UNODC, Интерпол), темпы прироста числа киберпреступлений, совершаемых с использованием методов социальной инженерии (далее – СИ), ежегодно составляют 15-20%. По прогнозам, к 2027 году киберпреступность обойдется миру в 23 триллиона долларов (рост на 175% по сравнению с 2022 г.)². При этом значительная доля таких преступлений остается латентной. Потерпевшие не всегда осознают факт психологического манипулирования либо не обращаются в правоохранительные органы из-за чувства стыда или неверия в раскрытие преступления.

Особую тревогу вызывает то обстоятельство, что современные интернет-мошенники все чаще отказываются от традиционных массовых фишинговых рассылок в пользу персонализированных, многокомпонентных атак. В основе этих атак лежат не столько технические уязвимости программного обеспечения, сколько уязвимости когнитивной и

¹ Опубликован полный текст выступления Токаева на Национальном курултае [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/opublikovan-polnyiy-tekst-vyistupleniya-tokaeva-natsionalnom-590731/ (дата обращения: 15.02.2026).

² 250+Cybercrime Statistics for 2026 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.brightdefense.com/resources/cybercrime-statistics/#fl-main-content> (дата обращения: 14.05.2026).

эмоциональной сферы человека. Злоумышленники целенаправленно используют механизмы доверия, страха, авторитета, срочности и взаимности – ключевые рычаги воздействия, изученные в социальной психологии и нейролингвистическом программировании (далее – НЛП).

Несмотря на обилие криминологических и уголовно-правовых исследований, посвященных интернет-мошенничеству, анализ непосредственно диалоговой ткани преступной коммуникации остается недостаточно разработанным.

Большинство работ фокусируется либо на статистической характеристике деяний, либо на описании типовых схем «развода» без погружения в лингвистическую и психотехническую структуру разговора. Между тем именно в диалоге, в его речевых паттернах, метапрограммах, предикатах, якорях и стратегиях присоединения скрыт ключ к пониманию того, почему вполне рациональные, критически мыслящие люди добровольно переводят деньги незнакомцам.

Настоящее исследование направлено на восполнение указанного пробела посредством анализа диалогов интернет-мошенников с использованием инструментов психологии и НЛП. Подобный анализ предполагает не только теоретическую реконструкцию применяемых техник, но и выявление признаков (маркеров) манипулятивного воздействия, имеющих значение для правоприменительной практики.

Актуальность исследования обусловлена тремя основными факторами:

- высокими темпами роста количества интернет-мошенничеств в странах постсоветского пространства, включая Республику Казахстан (далее – РК), где дистанционная деятельность на протяжении длительного времени и цифровизация финансовых услуг создали благоприятную среду для атак СИ;

- недостаточной разработанностью методик выявления и доказывания фактов психологического манипулирования в рамках уголовного судопроизводства;

- необходимостью создания научно обоснованных алгоритмов противодействия, учитывающих не только техническую, но и коммуникативную составляющую преступления.

Цель исследования – осуществить многоуровневый анализ диалогов интернет-мошенников, выявить наиболее эффективные психолингвистические паттерны, а также разработать практические рекомендации для профилактики преступности данной категории.

Научная новизна работы заключается в том, что впервые на материале русско- и казахскоязычных диалогов проводится систематическое сопоставление заявленных мошенниками ролей (легенд) с конкретными языковыми маркерами НЛП.

Материалы и методы. Эмпирическую базу исследования составили уникальные полевые материалы, собранные авторами за период 2023-2025 гг. Теоретико-методологический каркас работы базируется на синтезе классических и современных научных трудов по психологии влияния, СИ и «человеческому хакингу», НЛП, психолингвистике архетипов и речевой манипуляции. Для анализа цифровой трансформации мошенничества привлекались научные работы последних лет.

Методологическую основу исследования составили общенаучные и специальные методы познания: логический и сравнительный методы; метод правового моделирования; контент-анализ; метод дискурс-анализа; метод лингвистического профилирования; анализ виктимного поведения.

Результаты, обсуждение. На основе проведенного анализа фонограмм разговоров обозначены следующие критериальные признаки НЛП³, психологического инструментария и прагматических установок, используемых злоумышленниками в процессе телефонного взаимодействия.

I. Стратегии установления авторитета и социального доверия

³ Нейролингвистическое программирование (НЛП) – это метод практической психологии, направленный на моделирование эффективного поведения, саморазвитие и конструктивное общение через изменение мышления и эмоций.

В ходе изучения аудиозаписей установлено, что мошенники активно используют имитацию официального статуса, присваивая себе роли сотрудников социально значимых институтов (ЦОН, Казпочта, поликлиника, налоговая служба, организации жилищно-коммунального хозяйства (таких как электросети) или финансовых учреждений (банков)):

- использование профессионального жаргона: для придания веса своим словам злоумышленники оперируют такими терминами, как «диспансеризация», «иммунологический анализ», «лицензия на продажу алкоголя», «внеплановая поверка электросчетчика» и «финансовый мониторинг»;

- ссылка на нормативные акты: для подавления критического мышления используются ссылки на «постановления Минздрава», «новые порядки продления лицензий», «подачу налоговой декларации» и «требования управления транспорта».

II. Психологические триггеры и инструменты НЛП, в т.ч. боевого

В диалогах прослеживаются четкие паттерны⁴ манипуляции, направленные на создание стрессовой ситуации или чувства долга:

- триггер⁵ дефицита и срочности: жертву убеждают, что запись в поликлинику «забита на месяцы», «курьер приедет в течение часа», «срок сдачи декларации истек» или «лицензия перестанет действовать с 1 января». В коммунальных сценариях используется легенда об «аварии на подстанции», из-за которой якобы горят электроприборы;

- триггер страха за здоровье, тревоги: активно используется тема эпидемий («выпрыжки метаневмовируса», «гонконгский грипп», «серьезные осложнения на легкие») для принуждения к прохождению рентгена или сдачи анализов. В сценариях с налогами или коммунальными службами используются угрозы «штрафов», «ареста счетов» или «порчи имущества из-за скачков напряжения»;

- триггер «бесплатности» и выгоды: мошенники снижали критическое восприятие, подчеркивая, что предлагаемые услуги абсолютно бесплатны в рамках государственных программ (в сфере медицины – «бесплатная томография/УЗИ по новой программе», в сфере услуг – продление лицензии «без повторной оплаты», в ЖКХ – компенсация за сгоревшую технику при условии получения «акта поверки»);

- использование «да-сетов»⁶: спрашивая о самочувствии или подтверждая личные данные (ФИО, дата рождения), мошенники добиваются от жертвы серии утвердительных ответов, что снижает психологический барьер перед финальной просьбой.

III. Техники рефрейминга⁷ и обработки возражений

Ключевым этапом мошенничества является получение SMS-кода. Когда жертва выражает сомнение, мошенники используют рефрейминг – переименование опасного действия в безопасное:

- фокусы языка: код подтверждения от государственных сервисов (например, 1414, eGov или uchet.kz) называют «номером талона», «номером электронной очереди», «номером акта» или «кодом подтверждения отказа»;

- минимизация значимости: жертву убеждают, что код «не несет юридической силы» и нужен лишь для «закрепления гарантии» или «внесения в журнал посещений»;

- логическая ловушка «двух лиц»: используется псевдоправовой скрипт: «Я являюсь

⁴ Паттерн (от англ. pattern – «шаблон», «образец», «узор») – это повторяющаяся схема, модель или структура, используемая для решения типовых задач в различных областях.

⁵ Триггер (от англ. trigger – «спусковой крючок») – это стимул, событие, слово или образ, вызывающий автоматическую, часто мгновенную и сильную эмоциональную, психологическую или поведенческую реакцию.

⁶ «Да-сеты» (или ставки «Да» в сетах) – это вид пари в букмекерских конторах на теннис, означающий, что конкретный игрок выиграет как минимум один сет в матче.

⁷ Рефрейминг (от англ. reframe – «вставить в новую рамку ту же картину», «по-новому сформулировать») – это метод изменения восприятия ситуации, проблемы или поведения путем смены контекста или смысла, через которую они рассматриваются.

первым лицом (отправителем), вы вторым лицом (получателем), третьим лицам код не говорите, а мне – можно».

IV. Нейролингвистический анализ отказа и сопротивления

Аудиозаписи демонстрируют различные уровни сопротивления жертв (операторов), от легкого сомнения до механизма боевого НЛП:

- технические препятствия как форма защиты: жертвы (операторы) часто ссылаются на «плохую связь», «заполненную память телефона» или отсутствие очков, что дезориентирует мошенника и заставляет его терять контроль над сценарием;

- логический аудит: некоторые жертвы (операторы) задают вопросы, на которые у мошенников нет готовых скриптов, например, о связи «1414» с электросетями или о том, почему маска не защищает от запаха, но защищает от вируса;

- юмор и доведение до абсурда: в ряде случаев жертвы (операторы) начинают подыгрывать, приглашая «врача» на блины с медом или прося денег в долг, что приводит к агрессии или прекращению звонка со стороны мошенника.

Дополнительно стоит отметить, что использование знакомых системных уведомлений (1414, eGov, uchet.kz) служит лингвистическим «якорем» доверия, т.к. эти сервисы официально используются в повседневной жизни.

Таким образом, исследование показывает, что современный телефонный мошенник – это не просто технический специалист, а обученный манипулятор, использующий СИ⁸. Они детально прорабатывают легенды, адаптируясь под текущую новостную повестку (эпидемии, изменения в законодательстве и т.д.).

Основные признаки манипуляции в диалогах:

1. Навязывание услуги, о которой жертва не просила (анализы, проверки).

2. Требование продиктовать код из SMS, даже если в самом сообщении написано «никому не передавать».

3. Переход на личности или агрессивный тон при попытке жертвы уточнить данные руководства.

Таким образом, современное мошенничество с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (далее – ИТТ) представляет собой организованную форму преступной деятельности, приобретающую массовый характер. В этой связи в рамках настоящего исследования был проведен анализ научных публикаций психологов, специализирующихся в области изучения данного вида преступлений.

Так, Е.В. Зотина определяет данный феномен как «хищение чужого имущества путем обмана или злоупотребления доверием, совершаемое в результате взаимодействия преступника и жертвы с применением технологий сбора и обработки информации» [1, 16 стр.].

А.А. Калиев утверждает, что «интернет-мошенничество сочетает в себе традиционные формы преступности с новыми технологиями и психологическими приемами, составляющими основу социальной инженерии» [2, 295 стр.].

Эмпирические данные, полученные А.Е. Кулакаевой, свидетельствуют о том, что «значительная часть жертв мошенничества (35,6%) подвергается выраженному психологическому стрессу» [3, 385 стр.].

Ключевым механизмом совершения таких преступлений выступает СИ, определяемая как криминальное манипулирование и целенаправленное воздействие на эмоционально-волевую сферу жертвы посредством психолого-речевых приемов.

С.П. Баранцев и другие ученые характеризуют этот процесс как «взлом» человеческого

⁸ Социальная инженерия – психологическое манипулирование людьми с целью совершения ими определенных действий или разглашения конфиденциальной информации.

сознания» [4, 21 стр.]. При этом Е.А. Полтаева подчеркивает, что «методы НЛП-воздействия в мошенничестве направлены непосредственно на подсознание, снижая критичность восприятия информации» [5, 45 стр.].

По словам И.В. Салынцева, «основной механизм НЛП, которым пользуются мошенники – речевая подстройка под клиента. Особенно подвержены воздействию НЛП люди истерического, художественного или сангвинического склада.

При этом противостоят гипнозу дискретике, недоверчивые люди мыслительного склада, склонные к анализу. Именно они начинают сомневаться в честности и достоверности «сказочных» предложений, а уточняющими вопросами разрывается цепочка внушений – команд мошенника»⁹.

Анализ научной литературы свидетельствует о том, что интернет-мошенничество представляет собой не только имущественное преступление, совершаемое с использованием информационно-коммуникационных технологий, но и сложное психологическое воздействие на личность потерпевшего. В отличие от традиционных форм хищения, основным инструментом преступника выступает не техническое средство само по себе, а способность манипулировать сознанием человека посредством методов социальной инженерии, речевого внушения, установления доверительного контакта и воздействия на эмоционально-волевую сферу.

В рамках изучения теоретического базиса психологии воздействия были верифицированы психологические и дискурсивные механизмы, лежащие в основе формирования манипулятивных стратегий.

1. Психолингвистический подход к анализу диалогов позволяет выявить арсенал методов воздействия на сознание жертвы. В научной литературе выделяются следующие механизмы:

- подмена языковой картины мира: Л.А. Тугай и А.А. Миронова указывают, что «в процессе диалога мошенник создает воображаемую модель реальности, выгодную для него, что ведет к отключению критического мышления жертвы» [6, 110 стр.];

- использование архетипов: А.А. Миронова и Л.А. Тугай рассматривают «речевую манипуляцию как актуализацию архетипических схем («Великая мать», «Божественный ребенок», «Мудрец», «Герой»), которые выступают «спусковым крючком» для запуска неконтролируемых действий» [7, 55 стр.];

- перлокутивный эффект: в рамках теории речевых актов Л.А. Тугай переносит акцент на «результат воздействия – перлокуцию. Основными типами вызываемых реакций в мошенническом дискурсе являются: страх и паника, чувство вины и ответственности, иллюзия срочности и спешки, а также ложное доверие» [8, 492 стр.].

2. Инструментарий НЛП и речевые тактики в диалогах. Исследователи выделяют специфические техники и тактики, используемые преступниками для дестабилизации жертвы:

- техника перегрузки: С.П. Баранцев описывает ее как «метод, основанный на превышении лимита восприятия поступающей информации, что ведет к иррациональному поведению» [4, 43 стр.];

- коммуникативная подстройка и «отзеркаливание»: мошенник присоединяется к лексике жертвы и использует аудиальные предикаты («услышала?», «я говорил»). Л.А. Тугай и А.А. Миронова отмечают «варьирование обращений от официально-деловых до дружеских для создания атмосферы «экстремальной откровенности» [7, 57 стр.];

- ритмизация и временные границы: преступник задает жесткий ритм диалога в рамках «здесь и сейчас» («до одиннадцати успевайте?»), создавая искусственный цейтнот;

- эмоциональные качели: как отмечает Л.А. Тугай, «мошенники прибегают к резкому

⁹ Как не попасть под гипноз телефонных мошенников (интервью врача) [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.zakon.kz/sovety/5059278-kak-ne-popast-pod-gipnoz-telefonnyh.html> (дата обращения: 14.05.2026).

изменению статуса жертвы (от повышения до занижения) и переходу от отношений кооперации к конфронтации» [8, 493 стр.];

- наведение трансового состояния: Согласно С.П. Баранцеву, «стадии наведения включают фиксацию внимания, депотенциализацию установок сознания и гипнотический отклик» [4, 51 стр.].

3. Трансформация тактик в условиях цифровизации. Современные исследования указывают на криминальную экспансию технологий искусственного интеллекта. Е.В. Зотина выделяет использование:

- «дипфейков» (видео и аудио): для имитации голоса и внешности близких людей;

- чат-ботов: для рассылки фишинговых сообщений, имитирующих индивидуальный стиль письменной речи, что повышает правдоподобность атак [1, 26 стр.].

Исследование психологических, психолингвистических и дискурсивных механизмов воздействия показывает, что современное интернет-мошенничество представляет собой высокоорганизованную систему манипулятивного влияния на сознание человека, основанную на использовании закономерностей восприятия, мышления и принятия решений. Преступники целенаправленно:

- конструируют искусственную картину реальности;
- активизируют архетипические модели поведения;
- вызывают необходимые эмоциональные состояния;
- формируют у потерпевшего иллюзию самостоятельного принятия решений.

Эффективность такого воздействия достигается посредством комплекса речевых техник, включающих информационную перегрузку, коммуникативную подстройку, создание искусственного дефицита времени, эмоциональную дестабилизацию и введение жертвы в состояние сниженного критического контроля.

На основании проведенного исследования необходимо сделать вывод о том, что диалог с интернет-мошенником – это сложная манипулятивная система. Она сочетает лингвистические инструменты (речевые акты, семантические повторы) и психологические методы (НЛП-техники, архетипы), направленные на введение жертвы в трансовое состояние и лишение ее способности к рациональной оценке ситуации.

Как мы уже отметили, современная научная литература рассматривает СИ не просто как технический метод взлома, а как «человеческий хакинг», т.е. искусство манипулирования людьми для получения конфиденциальной информации или доступа к системам.

Зарубежные исследователи подчеркивают, что человек остается самым слабым звеном в цепи кибербезопасности, поскольку злоумышленники эксплуатируют фундаментальные психологические черты: доверие, страх и любопытство.

К. Митник в своей работе «Искусство обмана» определил СИ как использование влияния и убеждения для введения жертвы в заблуждение [9]. Его классический цикл атаки (сбор информации, выстраивание доверия, эксплуатация, выход) остается фундаментальным для исследователей.

Р. Чалдини и его принципы влияния (авторитет, дефицит, взаимность, социальное доказательство) часто цитируются как основа психологических триггеров, используемых мошенниками [10, 145 стр.].

Исследовательские организации, такие как Verizon, в своих отчетах (DBIR) подтверждают, что до 82% всех утечек данных включают человеческий фактор, где СИ является основным методом¹⁰.

¹⁰ Data Breach Investigations Report [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.verizon.com/business/resources/reports/2022-dbir-data-breach-investigations-report.pdf> (дата обращения: 14.05.2026).

А.Б. Сманова и другие указывают на качественный скачок угроз из-за использования ИИ для клонирования голоса и создания видео, что делает схемы мошенничества (например, имитацию руководства в видеозвонках) почти неотличимыми от реальности [11, 207 стр.].

Ша Жу Пан отмечает долгосрочные психологические манипуляции в романтических или инвестиционных схемах, где жертву «откармливают» доверием перед окончательным финансовым «убоем» [12].

Аналитик Д. Тейлор выделяет новый тренд, когда пользователи, следуя инструкциям злоумышленников, неосознанно сами активируют вредоносный код или передают данные, считая это рутинной проверкой безопасности [13].

Наряду с этим зарубежный опыт основывается на сочетании жесткого законодательного регулирования и продвинутых технологических решений (таблица 1).

Европейский союз (Закон об ИИ / AI Act)	Первая в мире комплексная правовая база, которая классифицирует системы ИИ по уровню риска и вводит обязательную маркировку синтетического контента (дипфейков), чтобы пользователи могли распознать подделку ¹¹ .
Великобритания (Online Safety Act)	Закон возлагает на платформы ответственность за своевременное удаление мошеннического контента и вводит персональную ответственность руководителей компаний за несоблюдение норм безопасности ¹² .
Сингапур (Computer Misuse Act)	Обновленное законодательство криминализирует психологические манипуляции и «несанкционированный доступ через обман», признавая СИ самостоятельным составом преступления [14, 799 стр.].
Китай (Administrative Provisions on Deep Synthesis)	Введено обязательное уведомление пользователей об использовании технологий синтеза и строгая верификация личностей создателей контента [15, 49 стр.].
Индия	Использование систем UEBA (аналитика поведения пользователей и сущностей) позволяет ИИ выявлять аномалии (например, вход в систему из необычного места или странные финансовые транзакции) и автоматически блокировать аккаунты до подтверждения личности [16].

Таблица 1. Регуляторные стратегии ведущих юрисдикций в сфере ИИ и защиты пользователей от злоупотреблений

Таким образом, для эффективной защиты от взлома зарубежные исследователи предлагают применять следующие подходы:

- многофакторная аутентификация (MFA) – использование физических токенов или биометрии (FIDO2), которые сложнее скомпрометировать методами СИ, чем пароли из SMS [13];
- фильтрация контента – внедрение ИИ-фильтров для электронной почты (как в Gmail), которые блокируют до 99,9% вредоносных сообщений на основе лингвистического анализа [16];
- регулярное обновление ПО – патчинг уязвимостей, которые могут быть использованы в качестве «претекста» для атаки (например, фальшивые уведомления об обновлении браузера) [17];

¹¹ EU AI Act unpacked #8: New rules on deepfakes [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://technologyquotient.freshfields.com/post/102jb19/eu-ai-act-unpacked-8-new-rules-on-deepfakes> (дата обращения: 14.05.2026).

¹² Ofcom's approach to implementing the Online Safety Act [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.ofcom.org.uk/online-safety/illegal-and-harmful-content/roadmap-to-regulation> (дата обращения: 14.05.2026).

- создание культуры здорового скептицизма, где поощряется перепроверка любых необычных запросов от руководства или финансовых служб через альтернативные каналы связи [13];

- политика чистого экрана и стола, а также строгий контроль физического доступа для предотвращения «следования по пятам» (tailgating)¹³.

В конечном итоге исследователи сходятся во мнении, что технологии сами по себе не могут полностью остановить СИ. Только сочетание технологических барьеров с развитием цифровой грамотности и психологической устойчивости пользователей может создать надежную защиту.

Проведенный анализ зарубежных исследований позволяет сделать вывод о том, что противодействие социальной инженерии должно основываться на комплексной модели безопасности, сочетающей технические, организационные и психологические меры защиты.

Следовательно, современная система защиты от мошенничества должна рассматриваться как человеко-ориентированная модель кибербезопасности, в которой основным объектом защиты выступают не только информационные ресурсы, но и когнитивные процессы принятия решений пользователями.

Заключение. Проведенное исследование позволяет сформулировать комплекс практических рекомендаций, направленных на повышение эффективности профилактики, выявления и пресечения преступлений с использованием ИТТ.

I. Рекомендации для граждан (потенциальных жертв)

1. Формирование «когнитивного иммунитета» (разъяснять населению, что любые звонки, связанные с угрозами, срочностью, страхом и финансовыми операциями, являются потенциально мошенническими; формировать устойчивую установку: «Срочность + страх + просьба о коде = мошенничество»).

2. Запрет на передачу SMS-кодов в любых ситуациях (закрепить на уровне информационных кампаний абсолютное правило – SMS-коды, полученные от 1414, eGov, банков и иных сервисов, не передаются никому, включая сотрудников организаций; разъяснять, что реальные сотрудники никогда не запрашивают коды подтверждения).

3. Распознавание лингвистических ловушек (обучать граждан выявлять подмену понятий («номер талона», «номер акта», «регистрационный код»), ложную юридическую аргументацию («первое лицо – второе лицо – третьи лица»), псевдобюрократическую лексику; разъяснять, что любая попытка переименовать SMS-код – признак мошенничества).

4. Прерывание диалога как основная форма защиты, т.е. формировать поведенческий алгоритм (прервать разговор; самостоятельно перезвонить в банк или госорган по официальному номеру; сообщить о попытке мошенничества).

5. Использование защитных коммуникативных стратегий с одновременным обучением граждан приемам (затягивания диалога; постановки уточняющих вопросов; логической проверки легенды; намеренного нарушения сценария мошенника).

II. Рекомендации для правоохранительных органов

1. Использовать психолингвистическое профилирование (внедрить лингвистический анализ диалогов как элемент криминалистической характеристики интернет-мошенничества; использовать маркеры (псевдоюридический язык, жесткая ритмизация речи, повторяющиеся скрипты, речевые формулы давления).

2. Создать единый реестр типовых речевых сценариев мошенников (например: «сотрудник банка», «врач», налоговый инспектор», «электросети», «служба доставки», «родственник в

¹³ Social Engineering [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.cmu.edu/computing/safe/secure-your/dont-take-the-bait/social-engineering.html> (дата обращения: 14.05.2026).

беде»).

3. Активно привлекать судебных лингвистов, психолингвистов, специалистов по речевому профилированию (для анализа аудиозаписей диалогов и идентификации мошеннических групп).

4. Обучать сотрудников Антифрод-центров путем включения в учебные программы основы НЛП-манипуляций, распознавания трансовых техник, методы разрушения мошеннических скриптов в режиме реального времени.

III. Рекомендации для банков и финансовых организаций

1. Включать в тексты SMS-кодов жесткие формулировки, психологические «якоря» опасности – «НИКОМУ НЕ СООБЩАЙТЕ КОД. СОТРУДНИКИ БАНКА НИКОГДА НЕ СПРАШИВАЮТ ЭТИ ДАННЫЕ».

2. При подозрительных операциях внедрять обязательную задержку транзакций (30-60 минут), дополнительные подтверждения.

3. Использовать ИИ-модели, фиксирующие резкие переводы средств, нетипичные сценарии операций, поведенческую аномалию.

IV. Рекомендации в сфере цифровой безопасности и ИИ

1. Противодействие дипфейкам (разработать систему распознавания синтетической речи, алгоритмов выявления дипфейк-аудио и видео; информирование населения о существовании дипфейк-аудио и видео голосов родственников).

2. Контроль чат-ботов (мониторинг массовых фишинговых рассылок; использование НЛП-фильтров для выявления мошеннических шаблонов).

На основании проведенного научно-практического анализа следует заключить, что противодействие интернет-мошенничеству требует комплексного подхода, сочетающего психолингвистическую диагностику, когнитивную профилактику, цифровую аналитику, институциональное взаимодействие.

Эффективное противодействие данному виду преступности возможно лишь при условии формирования психологической резистентности населения, обеспечения технологического превосходства над криминальной средой и систематической актуализации криминалистических методик.

Список использованной литературы:

1. Зотина, Е.В. Мошенничество с использованием информационно-телекоммуникационных технологий и приемов социальной инженерии: криминологическое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.4. Уголовно-правовые науки / Е.В. Зотина. – Казань, 2024. – 33 с.

2. Калиев, А.А. Отдельные аспекты расследования интернет-мошенничества / А.А.Калиев // Вестник Института законодательства и правовой информации РК. – 2025. – № 2. Том 80. – С. 294-301.

3. Кулакаева, А.Е. Оценка угроз мошенничества в мобильных телекоммуникационных сетях / А.Е. Кулакаева // Труды Карагандинского технического университета. – 2025. – № 3 (100). – С. 385-392.

4. Психологические аспекты противодействия телефонному мошенничеству в финансовой сфере: методические материалы / Авторы-составители: С.П. Баранцев, О.В. Медяник, Н.А. Низовских, О.А. Николаева. – Киров, Управление Министерства внутренних дел Российской Федерации по Кировской области, 2024. – 60 с.

5. Полтаева, Е.А. Использование психологического воздействия рекламы в целях мошенничества / Е.А. Полтаева // Научные междисциплинарные исследования. – 2020. – № 3-2. – С. 42-47.

6. Тугай, Л.А. Психолингвистический подход к исследованию текстов мошеннического дискурса / Л.А. Тугай, А.А. Миронова // Вестник ЧелГУ. – 2024. – № 5 (487). – С. 107-113.

7. Миронова, А.А. Способы манипулирования как архетипическая схема в мошенническом дискурсе / А.А. Миронова, Л.А. Тугай // Этнопсихолингвистика. – 2025. – № 1 (20). – С. 42-59.

8. Тугай, Л.А. Мошеннический дискурс (перлокутивный эффект) / Л.А. Тугай // МНКО. – 2025. – № 1 (110). – С. 490-493.

9. Mitnick, K. The Art of Deception: Controlling the Human Element of Security / K. Mitnick, S. William. – Hoboken, New Jersey: John Wiley & Sons, Inc., 2002. – 368 p.

10. Naz, A. A comprehensive survey on social engineering-based attacks on social networks / A. Naz, et al. // International Journal of Advanced and Applied Sciences. – 2024. – № 11. – Pp. 139-154.
11. Smanova, A.B. Deepfake technologies and social engineering in online fraud forms, mechanisms, and legal challenges / A.B. Smanova, A.Zh. Muratova, Sh.R. Zhumagulova // Вестник Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева. Серия: Право. – 2025. – Т. 152. № 3. – С. 188-211.
12. Whittaker, J.M. Are fraud victims nothing more than animals? Critiquing the propagation of “pig butchering” (Sha Zhu Pan, 杀猪盘) / J.M. Whittaker, S. Lazarus, T. Corcoran // Journal of Economic Criminology. – 2024. – № 3. – 100052.
13. J. Taylor. Scam Yourself attacks: How social engineering is evolving [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.helpnetsecurity.com/2025/01/21/scam-yourself-attacks/> (дата обращения: 14.05.2026).
14. Purwadi, M. Exploring The Policy Crisis and Legal Accountability of Cybercrime Perpetrators Employing Social Engineering-Based Phishing Techniques / M. Purwadi, A. Jamaludin // Research Horizon. – 2025. – № 5 (3). – Pp. 797-806.
15. Filipova, I.A. Legal Regulation of Artificial Intelligence: Experience of China / I.A. Filipova // Journal of Digital Technologies and Law. – 2024. – Vol. 2. No. 1. – Pp. 46-73.
16. Tiwari, S. Social Engineering Attacks: Trends, Psychological Triggers, and AI-driven Prevention [Электронный ресурс] / S. Tiwari // Preprints 2025. – Режим доступа: <https://doi.org/10.20944/preprints202510.0663.v1> (дата обращения: 14.05.2026).
17. Salahdine, F. Social Engineering Attacks: A Survey [Электронный ресурс] / F. Salahdine, N. Kaabouch // Future Internet. – 2019. – Режим доступа: <https://doi.org/10.3390/fi11040089> (дата обращения: 14.05.2026).

References:

1. Zotina, E.V. Moshennichestvo s ispol'zovaniem informacionno-telekommunikacionnyh tehnologij i priemov social'noj inzhenerii: kriminologicheskoe issledovanie: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk: 5.1.4. Ugolovno-pravovye nauki / E.V. Zotina. – Kazan', 2024. – 33 s.
2. Kaliev, A.A. Otdel'nye aspekty rassledovaniya internet-moshennichestva / A.A. Kaliev // Vestnik Instituta zakonodatel'stva i pravovoj informacii RK. – 2025. – № 2. Tom 80. – S. 294-301.
3. Kulakaeva, A.E. Ocenka ugroz moshennichestva v mobil'nyh telekommunikacionnyh setjah / A.E. Kulakaeva // Trudy Karagandinskogo tehničeskogo universiteta. – 2025. – № 3 (100). – S. 385-392.
4. Psihologicheskie aspekty protivodejstviya telefonnomu moshennichestvu v finansovoj sfere: metodicheskie materialy / Avtory-sostaviteli: S.P. Barancev, O.V. Medjanik, N.A. Nizovskih, O.A. Nikolaeva. – Kirov, Upravlenie Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii po Kirovskoj oblasti oblasti, 2024. – 60 s.
5. Poltaeva, E.A. Ispol'zovanie psihologicheskogo vozdejstviya reklamy v celjah moshennichestva / E.A. Poltaeva // Nauchnye mezhdisciplinarnye issledovaniya. – 2020. – № 3-2. – S. 42-47.
6. Tugaj, L.A. Psiholingvisticheskij podhod k issledovaniju tekstov moshennicheskogo diskursa / L.A. Tugaj, A.A. Mironova // Vestnik ChelGU. – 2024. – № 5 (487). – S. 107-113.
7. Mironova, A.A. Sposoby manipulirovaniya kak arhetipicheskaja shema v moshennicheskom diskurse / A.A. Mironova, L.A. Tugaj // Jetnopsiholingvistika. – 2025. – № 1 (20). – S. 42-59.
8. Tugaj, L.A. Moshennicheskij diskurs (perlokutivnyj jeffekt) / L.A. Tugaj // MNKO. – 2025. – № 1 (110). – S. 490-493.
9. Mitnick, K. The Art of Deception: Controlling the Human Element of Security / K. Mitnick, S. William. – Hoboken, New Jersey: John Wiley & Sons, Inc., 2002. – 368 p.
10. Naz, A. A comprehensive survey on social engineering-based attacks on social networks / A. Naz, et al. // International Journal of Advanced and Applied Sciences. – 2024. – № 11. – Pp. 139-154.
11. Smanova, A.B. Deepfake technologies and social engineering in online fraud forms, mechanisms, and legal challenges / A.B. Smanova, A.Zh. Muratova, Sh.R. Zhumagulova // Vestnik Evrazijskogo nacional'nogo universiteta imeni L.N. Gumileva. Serija: Pravo. – 2025. – Т. 152. № 3. – С. 188-211.
12. Whittaker, J.M. Are fraud victims nothing more than animals? Critiquing the propagation of “pig butchering” (Sha Zhu Pan, 杀猪盘) / J.M. Whittaker, S. Lazarus, T. Corcoran // Journal of Economic Criminology. – 2024. – № 3. – 100052.
13. J. Taylor. Scam Yourself attacks: How social engineering is evolving [Jelektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: <https://www.helpnetsecurity.com/2025/01/21/scam-yourself-attacks/> (data obrashhenija: 14.05.2026).
14. Purwadi, M. Exploring The Policy Crisis and Legal Accountability of Cybercrime Perpetrators Employing Social Engineering-Based Phishing Techniques / M. Purwadi, A. Jamaludin // Research Horizon. – 2025. – № 5 (3). – Pp. 797-806.
15. Filipova, I.A. Legal Regulation of Artificial Intelligence: Experience of China / I.A. Filipova // Journal of Digital Technologies and Law. – 2024. – Vol. 2. No. 1. – Pp. 46-73.
16. Tiwari, S. Social Engineering Attacks: Trends, Psychological Triggers, and AI-driven Prevention [Jelektronnyj

resurs] / S. Tiwari // Preprints 2025. – Rezhim dostupa: <https://doi.org/10.20944/preprints202510.0663.v1> (data obrashhenija: 14.05.2026).

17. Salahdine, F. Social Engineering Attacks: A Survey [Elektronnyj resurs] / F. Salahdine, N. Kaabouch // Future Internet. – 2019. – Rezhim dostupa: <https://doi.org/10.3390/fi11040089> (data obrashhenija: 14.05.2026).

АВТОРЛАР ТУРАЛЫ МӘЛІМЕТТЕР / СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Талғат Ғабитұлы Маханов – Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасы жанындағы Құқық қорғау органдары академиясының Ведомствоаралық ғылыми-зерттеу институты Қылмыстық процесс проблемаларын зерттеу орталығының бас ғылыми қызметкері, заң ғылымдарының магистрі, e-mail: makhanov1986@mail.ru.

Маханов Талғат Ғабитович – главный научный сотрудник Центра исследования проблем уголовного процесса Межведомственного научно-исследовательского института Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, магистр юридических наук, e-mail: makhanov1986@mail.ru.

Makhanov Talgat Gabitovich – Chief Researcher at the Center for Criminal Procedure Research Interdepartmental Research Institute of the Law Enforcement Academy under the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan, Master of Law Sciences, e-mail: makhanov1986@mail.ru.

Нұрланәлі Қошқарұлы Мырзабаев – Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасы жанындағы Құқық қорғау органдары академиясының Ведомствоаралық ғылыми-зерттеу институты Ғылыми превенция және ведомствоаралық өзара іс-қимылды үйлестіру орталығының жетекші ғылыми қызметкері, e-mail: nurlanali_myrzabaev86@mail.ru.

Мырзабаев Нурланали Кошкарлович – ведущий научный сотрудник Центр научной превенции и координации межведомственного взаимодействия Межведомственного научно-исследовательского института Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, e-mail: nurlanali_myrzabaev86@mail.ru.

Myrzabayev Nurlanali Koshkaruly – Leading Researcher at the Center for Scientific Prevention and Interagency Coordination Interdepartmental Research Institute of the Law Enforcement Academy under the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan, e-mail: nurlanali_myrzabaev86@mail.ru.

А.Б. Сейсекенова¹, А.Х. Тайшық²

¹*Астана халықаралық университеті, Астана қ., Қазақстан Республикасы*

²*Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Астана қ., Қазақстан Республикасы*

ЖАС ҰРПАҚТЫҢ ТАБЫСТЫЛЫҚ ПЕН АДАМГЕРШІЛІК ҚҰНДЫЛЫҚТАРЫН ҚАБЫЛДАУ ЕРЕКШЕЛІКТЕРІ: ҚҰҚЫҚТАНУ ЖӘНЕ ФИЛОЛОГИЯ СТУДЕНТТЕРІ НЕГІЗІНДЕ

Аннотация. Зерттеудің мақсаты – университетте оқып жүрген Z буын студенттерінің өмірлік табыс туралы түсініктері және оның этикалық нормалармен арақатынасын анықтау. Осыған сәйкес зерттеуде сауалнама жүргізу, деректерді талдау және құжаттарды зерделеу әдістері қолданылды. Зерттеу құқықтану және филология бағыты бойынша екі түрлі мамандық студенттеріне жүргізілді. Нәтижелер көрсеткендей, құқықтану мамандығындағы студенттер адамның әлеуметтік-экономикалық мәртебесі және еңбекке деген көзқарасына байланысты қасиеттерді бағаласа, филологиялық ғылымдар студенттері көбірек тұлғаның адамгершілік қасиеттеріне және олардың іс-әрекеттегі көрінісіне маңыз береді. Студенттік жастар дәстүрлі мәдени құндылықтарды ұстануды жалғастыруда және оларды табысқа жетуде маңызды деп санайды. Сонымен қатар қалыптасқан көзқарастар тұрақты емес және бұл буын жастарының өмірге бейімделуі кәсіби және өздері өмір сүретін ортасына байланысты өзгеруі мүмкін.

Түйінді сөздер: өмірлік жетістік; құндылық; Z буын; студент жастар; адамгершілік; ассоциативтік әдіс; құқықтық сана; әлеуметтік-экономикалық мәртебе; құқықтық мәдениет.

А.Б. Сейсекенова¹, А.Х. Тайшық²

¹*Международный университет Астана, г. Астана, Республика Казахстан*

²*Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, г. Астана, Республика Казахстан*

ВОСПРИЯТИЕ УСПЕХА И ГУМАННОСТИ МОЛОДЫМ ПОКОЛЕНИЕМ: ИССЛЕДОВАНИЕ НА ОСНОВЕ ДАННЫХ СТУДЕНТОВ ЮРИДИЧЕСКИХ И ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ

Аннотация. Цель исследования – определить понимание жизненного успеха человека среди студентов поколения Z, обучающихся в университете, и его связь с этическими нормами. Соответственно, в исследовании использовались анкеты и методы анализа данных и документов. Исследование проводилось среди студентов двух разных специальностей: юридического и филологического направлений. Результаты показывают, что, в то время как студенты-юристы ценят качества, связанные с социально-экономическим статусом человека и отношением к работе, студенты-филологи придают большее значение нравственным и эмоциональным качествам человека и их проявлению в поступках. Молодые студенты продолжают придерживаться традиционных культурных ценностей и считают их важными для достижения успеха. Однако устоявшиеся взгляды нестабильны, и адаптация молодых людей этого поколения к жизни может меняться в зависимости от их профессиональной и жизненной среды.

Ключевые слова: жизненный успех; ценности; поколение Z; студент; нравственность; метод ассоциации; правовое сознание; социально-экономический статус; правовая культура.

A.B. Seisekenova¹, A.Kh. Taishyk²

¹*Astana International University, Astana, the Republic of Kazakhstan*

²*Gumilyov Eurasian National University, Astana, the Republic of Kazakhstan*

THE YOUNG GENERATION'S PERCEPTION OF SUCCESS AND HUMANITY: A STUDY BASED ON STUDENTS OF LAW AND PHILOLOGY

Abstract. The purpose of the study is to determine the understanding of the life success of a person among Generation Z students studying at the university and its relationship with ethical norms. Accordingly, the study used questionnaires and data and document analysis methods. The study was conducted among students of two different

specialties: law and philological sciences. The results show that while law students value qualities related to a person's socio-economic status and attitude to work, philological students attach more importance to a person's moral and emotional qualities and their manifestation in action. Young students continue to adhere to traditional cultural values and consider them important for achieving success. However, the established views are not stable, and the adaptation of young people of this generation to life may change depending on their professional and living environment.

Keywords: life success; values; generation Z; student; morality; association method; legal consciousness; socio-economic status; legal culture.

DOI: 10.52425/25187252_2026_40_155

Kіpіcne. Қазіргі зерттеушілердің пікірінше [1] 1995-2020 жылдар аралығында туған Z ұрпақ өкілдерінің туып өскен ортасы әртүрлі болуына қарамастан ортақ белгілері мен құндылықтың бағдарлары ұқсас. Виртуалды шындық дәуірінде дүниеге келген жастардың құндылық бағыты, өмір салты мен дағдылары тұрғысынан өздеріне тән айқын өзгешеліктері бар [2].

Зерттеулер көрсеткендей [3] бұл, ең алдымен, олардың құқықтық сана тұрғысындағы дүниетанымы мен мінез-құлқының қалыптасуына ықпал ететін ақпараттық технологиялар ортасында болып жатқан әлеуметтену ерекшеліктеріне байланысты. Ортақ ерекшеліктерге қарамастан, Z ұрпақ өкілдерінің өмір сүру деңгейі, құндылықтары, құқықтық мәдениеті және мінез-құлықтарына қарай өзгешеліктері байқалады [4]. Осы туралы еліміздің білім беру салаларында, жалпы қоғамдағы құқықтық мәдениет пен құқықтық сананы қалыптастыру жұмыстары жүйелі түрде жүріп жатқанын біршама отандық ғалымдар зерттеуде [5], [6]. Бұл зерттеудің мақсаты – қазіргі Z буын білім алушыларының құқықтық тәрбие шеңберіндегі өмірлік жетістігі туралы түсініктері және олардың адамгершілік қасиеттермен байланысын анықтау болып табылады. Қазақстан Республикасының «Білім туралы» заңына сәйкес жас ұрпақтар тәрбиесіндегі құндылықтар жүйесінің маңыздылығы туралы мәселелерді қамтығандықтан бұл зерттеу мақсаты өте өзекті¹.

Соңғы онжылдықта әлеуметтік-экономикалық қатынастар мен құқықтық этика арасындағы қарым-қатынасты түсіну өзгерді. Құқықтық этика және құқықтық мәдениет қазіргі уақытта әлеуметтік-экономикалық белсенділіктің маңызды факторларының бірі ретінде танылады. Зерттеу мәселесіне сүйене отырып, біз Z ұрпағы жастарының құқықтық мәдениетіндегі айырмашылықтары олардың өмірлік табыс және қазіргі адамның адамгершілік қасиеттеріне қатысты идеялары мен көзқарастарына әсер етуі мүмкін деп санаймыз.

Материалдар мен әдістер. Зерттеу мақсатына жету үшін аралас зерттеу әдіснамасы қолданылды. Бұл сапалық және сандық мәліметтерді жинау әдістерін қолдануды қамтыды. Зерттеу 2024 жылы «Астана» халықаралық университетінде жүргізілді. Зерттеу барысында төмендегі әдістер қолданылды:

- өмірлік табыс пен адамгершілік, тұрақтылық және жеке тұлғаның адамгершілік дамуы концепцияларын түсіндіру бойынша құжаттарды талдау әдісі;
- «Табысты адамның адамгершілік қасиеттері» тақырыбы бойынша ассоциация әдісін қолдана отырып, табысты адам туралы идеяларды және өмірдің экономикалық және әлеуметтік салаларындағы әрекеттер мен істердің құқықтық-этикалық негізінің рөлін зерттеу үшін студенттерге сауалнама жүргізу әдісі;
- мәліметтерді талдау әдісі.

Зерттеуге 160 студент қатысты, олардың 80-і құқықтану және 80-і филологиялық (шет тілі: екі шет тілі) ғылымдар мамандығының 1 курс студенттері. Зерттеу үлгісі 18-25 жас аралығындағы

¹ «Білім туралы» 2007 жылғы 27 шілдедегі Қазақстан Республикасының Заңы [Электрондық ресурс] – Айналыс режим: https://adilet.zan.kz/kaz/docs/Z070000319_ (жүгінген күні: 07.04.2026).

ерлер (35%) және қыздар (65%) болды, бұл жалпы университеттердегі гендерлік үлес үрдістерін көрсетеді. Жас бойынша бөлініс келесідей болды: 18 жас – 10%; 19-20 жас – 60%, 21-24 жас – 15%; 25 жыл – 15%.

Зерттеудің бірінші кезеңі құжаттарды талдаудан тұрды. Зерттеу материалдары отандық және Scopus және Web of Science журналдарында соңғы 5-7 жылда жарияланған өмірдегі жетістік пен адамгершілік ұғымдарын түсіндіру мәселелеріне арналған монографиялар мен мақалалар болды.

Зерттеудің екінші кезеңінде «Жетістікке жеткен адамның адамгершілік қасиеттері» тақырыбында ассоциация әдісі (ассоциативті эксперимент) арқылы студенттерден сауалнама алынды.

Ассоциация әдісі сонымен қатар өмірдің әртүрлі салаларындағы адамның адами және адамгершілікке жат іс-әрекеттерінің факторын тану үшін құқықтық этиканың рөлін студенттердің сезінуін зерттеу үшін қолданылды.

Бұл әдістің мақсаты студенттердің табысты адам туралы идеяларын анықтау және өмірдің әртүрлі салаларындағы мінез-құлықтың құқықтық-этикалық негізінің рөлін анықтау болды. Ол үшін біз ассоциациялық зерттеудің екі түрін әзірледік. Біріншісінде келесі екі сұраққа жауап беру сұралды:

1. Табысты адамның адамгершілік қасиеттері қандай?

2. Қандай қасиеттер адамға кез-келген кәсіби-этикалық құндылықтар мен нормаларды айналып өтіп өмірлік табысқа жетуге мүмкіндік береді?

Осылайша, респонденттерге табысты адамның жеке қасиеттерін, сондай-ақ өмірде табысқа жету үшін адамның әдепсіз әрекеттері мен әдепкі әрекеттерін жасауға мүмкіндік беретін қасиеттерді көрсету ұсынылды.

Екінші формада тағы екі сұрақ болды:

1. Қандай кәсіби этикаға жат қылықтар адамды өмірдің экономикалық және әлеуметтік салаларында азғын әрекеттерге, істерге итермелейді?

2. Өмірдің экономикалық және әлеуметтік салаларында адамгершілікке жат әрекеттер мен істерден аулақ болу үшін адам бойында қандай қасиеттер болуы керек?

Осылайша, респонденттерге адамды әдепсіз әрекеттер мен қылықтардан сақтайтын немесе керісінше оны әдепсіз мінез-құлыққа итермелейтін жеке қасиеттерді анықтау ұсынылды. Барлық қатысушыларға зерттеудің мақсаттары және оның нәтижелерін жиынтық түрде жариялау ниеті туралы хабардар етілді.

Зерттеудің үшінші кезеңі жауаптарды талдаудан тұрды. Студенттердің сауалнамасынан алынған мәліметтерді талдау деректерді талдаудың үш түрі негізінде жүзеге асырылды:

- табысты тұлғаның жиі айтылатын қасиеттерін анықтау үшін жауаптарды талдау және оларды моральдық критерийлер бойынша топтастыру;

- табысты тұлғаның қасиеттерін анықтауға мүмкіндік беретін SPSS (Қоғамдық ғылымдарға арналған статистикалық пакет) бағдарламасына сәйкес ассоциация әдісі арқылы алынған жауаптарды статистикалық өңдеу;

- респонденттердің арасындағы айырмашылықтарды және олардың табысты тұлғаның адамгершілікті және құқықтық этикаға жат қасиеттері туралы идеяларын бағалауға мүмкіндік беретін ассоциация әдісін қолдана отырып, жиналған мәлімдемелерді семантикалық талдау.

Нәтижелер. Ассоциация әдісі арқылы алынған жауаптарды талдау студенттер көрсеткен табысты тұлғаның қасиеттерін көрсетеді, олар шартты түрде келесі топтарға біріктірілген (1-кесте).

Сапалар тобы	Жалпы саны	Құқықтанушылар	Филологтар
Табысты адамның адамгершілік сапалары			
Адамгершілікті сананың сапалары	22	14	21
Қызметке және еңбекке қатынасына байланысты сапалар	17	15	11
Басқа адамдарға қатынасына байланысты сапалар	12	5	11
Әлеуметтік-экономикалық мәртебеге қатысты сапалар	12	12	6
Экономикалық табысқа ықпал ететін жеке сапалар	7	7	3
Тұлғаның бейнесімен байланысты сапалар	3	0	3
Адамға қандай да бір кәсіби-этикалық құндылықтар мен нормаларды елемей өмірлік жетістікке жетуге мүмкіндік беретін сапалар			
Адамгершілікті сананың сапалары	28	18	26
Әлеуметтік-экономикалық мәртебеге қатысты сапалар	7	7	3

Кесте 1. Табысты адамның сапалары

Екі мамандық студенттерінің бағыты бойынша жауаптарын салыстыру (1-кесте) құқықтану мамандығы студенттерінің әлеуметтік-экономикалық жағдайға, заңгердің кәсіби этикасын сақтауға ұмтылатын сапаларды көрсетуге бейім екенін көрсетеді.

Нәтижелер бойынша ассоциативті зерттеу сауалнамасының бірінші сұрағына жауап берген филолог-респонденттер құқықтық мәдениетке қайшы келетін мінез-құлықты қолдайтын сапаларды көрсетті. Ассоциативті зерттеу сауалнамасының екінші сұрағына берген жауаптарында олар сондай-ақ, адамды құқықтық этикаға жатпайтын әрекеттерден тиятын қасиеттерді де атап өтті.

Зерттеу нәтижелері құқықтану факультетінің студенттері адамдардың азғын әрекеттерге баруына жол бермейтін қасиеттерді анықтауға бейім екенін көрсетеді. Өз кезегінде, филологтар әдетте азғын әрекеттерді қолдайтын қасиеттерге басымдық береді. Олардың пікірінше, адамгершілік қағидалар мен құқықтық нормаларды елемей арқылы ғана өмірде белгілі бір жетістікке жетуге болады. Мұның негізі – мақсатқа кез келген тәсілмен жетуге ұмтылу, басқаларды өз мақсатына пайдалану, іс-әрекеттер мен істерде азғындық, менмендік, сараңдық, қулық, арамдық, өзімшілдіктің болуы. Сонымен қатар, мұндай көзқарасқа азғындық, яғни, ашкөздік пен сыбайлас жемқорлықты қамтитын жеке қасиеттер ықпал етеді, оның теріс әсері посткөнестік елдердің көпшілігінде әсіресе өткір.

Студенттер сараңдық, арамдық, өзімшілдік, көреалмаушылық, өктемдік сияқты қасиеттер адамды өмірдің әртүрлі салаларында азғын әрекеттерге итермелейді деп санайды. Әйтсе де, әдептілік, ар-ұждан, адалдық, ізгілік, әділдік, әдептілік, жауапкершілік, асыл мақсат сияқты қасиеттер адамды құқықтық мәдениетке жат қылықтар мен әрекеттерден сақтайды дегенге тоқталады.

Талқылау. Жүргізілген зерттеулер бойынша студент жастар табысты тұлға деп: ар-ұждан,

инабаттылық, құқықтық жауапкершілік сияқты адамгершілік қасиеттерді бойына сіңірген адамды атайды, бұл дәстүрлі отбасылық құндылықтарға адалдық сияқты қазақ қоғамының идеяларына көп сәйкес келеді деп тұжырымдауға болады. Білім алушылар отбасын өз өмірінің басты тірегі және символы ретінде қабылдайды [7].

Сондай-ақ, қазақ жастарының дәстүрлі құндылықтары мен табысты тұлға туралы идеялары көбінесе олардың аймақтық қалыптасқан экономикалық мәдениеті мен кәсіптік даярлық бағдарынан қалыптасатын әлеуметтену ортасына байланысты екенін анықтадық. Өртүрлі мамандықтағы студенттердің жауаптарына жасалған семантикалық талдау құқықтану студенттерінің адамды азғын әрекеттерден сақтайтын қасиеттерін көбірек белгілегенін көрсетеді.

Филологиялық ғылымдар студенттері адамды адамгершілікке жатпайтын әрекеттерді жасауға итермелейтін қасиеттерге көбірек назар аударады. Табыс ұғымын прагматикалық тұрғыдан (кәсіби этиканы елемей) түсіну жаңа құбылыс емес. АҚШ сияқты басқа елдерде жүргізілген зерттеулер [8] респонденттердің сәттілікті адамгершілік қасиеттерге ие болумен байланыстырмайтынын көрсетеді. Z буын өкілдерінің кәсіби даярлық бағытын таңдауы әлеуметтену аймағының экономикалық мәдениетімен және аймақтық еңбек нарығымен байланысты. Аймақтық экономикалық мәдениет пен еңбек нарығының дамуындағы айырмашылықтар табыстылық дегеннің не екенін және оған қалай жетуге болатынын қабылдауға әсер етуі мүмкін.

Сонымен жастардың құндылық бағдарларын қалыптастыруда әлеуметтенудің әлеуметтік факторлары маңызды рөл атқаратынын анықтадық. Студенттердің жауаптарын талдау адамгершілік тұрғысынан алғанда табысты тұлғаның қайсарлық, әділдік, ар-ұждан, адалдық, адамгершілік, әдептілік, инабаттылық, құқықтық жауапкершілік, қарапайымдылық, ар-ұждандық, заңға бағыну сияқты қасиеттерімен ерекшеленетінін көрсетеді.

Қорытынды. Зерттеу нәтижелері көрсеткендей, Z буынының жастары әлі де қазақтың дәстүрлі мәдени құндылықтарын табысқа жету үшін маңызды деп санайды. Зерттеу жеке әл-ауқат пен мансаптық мүмкіндіктер сияқты прагматикалық құндылықтар мен көзқарастарға қарай біртіндеп бетбұрысты көрсетеді, бірақ дәстүрлі құндылықтар Z ұрпақтарының сенім жүйесінің бөлігі болып қала береді. Дегенмен, зерттеу дәстүрлі құндылықтардың тұрақты емес екенін, уақыт өте келе өзгеру мүмкіндігін көрсететіні маңызды. Өңірдің құқықтық мәдениеті және мамандарды дайындаудың кәсіби бағдары сияқты факторлар жастардың құндылық бағдарларының қалыптасуына айтарлықтай әсер етуде. Зерттеу нәтижелері Z ұрпақтарының қазіргі адамдардың адамгершілік қасиеттеріне деген сенімдері мен көзқарастарының қалыптасуына әлеуметтену ортасының әсер ететінін көрсетеді. Сондықтан Z ұрпағы жастарының әлеуметтенуінің кәсіби және аймақтық контекстін ескере отырып, олардың сенімдері мен мінез-құлқын қалыптастыратын факторларды зерттеу маңызды.

Зерттеу жастардың жетістік пен адамгершілік құндылықтарға деген жалпы көзқарасын көрсеткенімен, оның кейбір шектеулерін атап өткен жөн. Олардың негізгілерінің арасында зерттеуге енгізілген студенттік үлгінің көлемі мен типі бар. Бір жағынан, респонденттерге олар әлеуметтенген Қазақстанның аймақтары бойынша сандық квоталар болған жоқ. Зерттеу үлгісіндегі студенттердің барлығы университетке түсуге дейін Қазақстанның әртүрлі аймақтарында оқығанын ескере отырып, жалпы зерттеу үлгісін әлеуметтенудің экономикалық аралас ортасы ретінде сипаттауға болады.

Екінші жағынан, зерттеу тек құқықтану және филологиялық мамандықтардың студенттеріне бағытталған. Басқа мамандықтардағы студенттердің кәсіби әлеуметтенуінен қалыптасатын табысқа және құқықтық этикаға деген көзқарастары әртүрлі болуы мүмкін. Әрі қарайғы келешек зерттеулер жастардың құқықтық және экономикалық әлеуметтенуінің адамгершілік негіздерін дамыту бағдарламасын әзірлеу болуы тиіс.

Пайдаланылған әдебиеттер тізімі:

1. Виниченко, М.В. Отношение студентов поколения Z к оценке исторических событий искусственным интеллектом в условиях цифровизации общества / М.В. Виниченко, С.А. Макушкин // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2022. – № 2 (77). – С. 29-36.
2. Berfin Ince, E. An investigation into generation Z's mindsets of entertainment in an autonomous vehicle / E. Berfin Ince, K. Cha, J. Cho // Entertainment Computing. – 2023. – № 46. – 100550.
3. Szymkowiak, A. Information technology and Gen Z: The role of teachers, the internet, and technology in the education of young people / A. Szymkowiak, et al. // Technology in Society. – 2021. – № 65. – 101565.
4. Vallée, T. Modélisation de valeurs humaines: Le cas des vertus dans les jeux hédoniques / T. Vallée, G. Bonnet, T. de Swarte // Revue d'Intelligence Artificielle. – 2018. – № 32 (4). – Pp. 519-546.
5. Ғазизова, Н.С. Жаңа Қазақстандағы құқықтық білім берудің өзекті мәселелері / Н.С. Ғазизова, А.Д. Толысбаева // Құқық қорғау органдары академиясының жаршысы. – 2023. – № 2 (28). – 8-17 б.
6. Нургазинов, Б.К. Қазақстандық қоғамның құқықтық мәдениетін арттырудың өзекті мәселелері / Б.К. Нургазинов, А.Н. Оспанова // Құқық қорғау органдары академиясының жаршысы. – 2021. – № 3 (21). – 13-18 б.
7. Sadvakassova, N. Influence of Parenting Style on Stressful States in Preschool Children Who Have Experienced a Traumatic Event / N. Sadvakassova, et al. // Journal of Educational and Social Research. – 2022. – № 12 (5). – Pp. 162-171.
8. Maloni, M. Understanding the work values of Gen Z business students / M. Maloni, M.S. Hiatt, S. Campbell // International Journal of Management Education. – 2019. – № 17 (3). – 100320.

References:

1. Vinichenko, M.V. Otnoshenie studentov pokoleniya Z k oцenke istoricheskikh sobytij isskustvennym intellektom v uslovijah cifrovizacii obshhestva / M.V. Vinichenko, S.A. Makushkin // Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. – 2022. – № 2 (77). – S. 29-36.
2. Berfin Ince, E. An investigation into generation Z's mindsets of entertainment in an autonomous vehicle / E. Berfin Ince, K. Cha, J. Cho // Entertainment Computing. – 2023. – № 46. – 100550.
3. Szymkowiak, A. Information technology and Gen Z: The role of teachers, the internet, and technology in the education of young people / A. Szymkowiak, et al. // Technology in Society. – 2021. – № 65. – 101565.
4. Vallée, T. Modélisation de valeurs humaines: Le cas des vertus dans les jeux hédoniques / T. Vallée, G. Bonnet, T. de Swarte // Revue d'Intelligence Artificielle. – 2018. – № 32 (4). – Pp. 519-546.
5. Fazizova, N.S. Zhaңa Qazaqstandaғы qуqуqtуq bilim berudің ozekti maseleleri / N.S. Fazizova, A.D. Tolysbaeva // Qуqуq qorғаu organdary akademijasynuң zharshysy. – 2023. – № 2 (28). – 8-17 b.
6. Nurgazinov, B.K. Qazaqstanduq qоғamnuң qуqуqtуq mädenietin arttyruduң ozekti maseleleri / B.K. Nurgazinov, A.N. Ospanova // Qуqуq qorғаu organdary akademijasynuң zharshysy. – 2021. – № 3 (21). – 13-18 b.
7. Sadvakassova, N. Influence of Parenting Style on Stressful States in Preschool Children Who Have Experienced a Traumatic Event / N. Sadvakassova, et al. // Journal of Educational and Social Research. – 2022. – № 12 (5). – Pp. 162-171.
8. Maloni, M. Understanding the work values of Gen Z business students / M. Maloni, M.S. Hiatt, S. Campbell // International Journal of Management Education. – 2019. – № 17 (3). – 100320.

АВТОРЛАР ТУРАЛЫ МӘЛІМЕТТЕР / СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Айнаш Байкенженовна Сейсекенова – Астана халықаралық университетінің шет тілі филологиясы кафедрасының меңгерушісі, филология ғылымдарының кандидаты, қауымдастырылған профессор, e-mail: ainash.seisekenova1970@gmail.com.

Сейсекенова Айнаш Байкенженовна – заведующая кафедрой иностранной филологии Международного университета Астана, кандидат филологических наук, ассоциированный профессор, e-mail: ainash.seisekenova1970@gmail.com.

Seisekenova Ainash Baykenzhenovna – Head of the Department of Foreign Philology at Astana International University, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, e-mail: ainash.seisekenova1970@gmail.com.

Арайлым Хасенқызы Тайшық – Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің докторанты, e-mail: arai_1103@mail.ru.

Тайшық Арайлым Хасенқызы – докторант Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева, e-mail: arai_1103@mail.ru.

Taishyk Arailym Khasenovna – Doctoral Student at the L.N. Gumilyov Eurasian National University, e-mail: arai_1103@mail.ru.

ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ҚҰҚЫҚ ЖӘНЕ САЛЫСТЫРМАЛЫ ҚҰҚЫҚТАНУ МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО И СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ INTERNATIONAL LAW AND COMPARATIVE LAW

УДК 341.2; 341.231.14
МРНТИ 10.87.27

Б.К. Батырбекова, А.У. Усенбаева
META University, г. Алматы, Республика Казахстан

УНИВЕРСАЛИЗМ И КУЛЬТУРНЫЙ РЕЛЯТИВИЗМ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ПРАКТИКИ МЕЖДУНАРОДНЫХ И РЕГИОНАЛЬНЫХ СУДЕБНЫХ ОРГАНОВ

Аннотация. Статья посвящена исследованию соотношения универсализма прав человека и культурного релятивизма в практике международных и региональных судебных органов. На основе сравнительно-правового анализа рассмотрена деятельность Европейского суда по правам человека, Межамериканского суда по правам человека, Международного суда ООН, а также международных уголовных трибуналов и Международного уголовного суда. Показано, что универсализм выступает фундаментальной основой международной системы защиты прав человека, обеспечивая неизменность базовых стандартов, включая право на жизнь, запрет пыток, дискриминации и других норм императивного характера. Вместе с тем региональные судебные органы демонстрируют различные модели учета культурного контекста: от «культурно-чувствительного универсализма» в европейской системе до «культурно ориентированного универсализма» в межамериканской практике. Международные уголовные суды и Международный суд ООН закрепляют более строгий универсализм, при котором культурные и исторические аргументы не могут ограничивать действие фундаментальных норм. На основе анализа выявлена тенденция формирования многоуровневой модели правоприменения, в которой универсальные стандарты сочетаются с учетом культурного многообразия.

Ключевые слова: права человека; универсализм; культурный релятивизм; международные суды; Европейский суд по правам человека; Межамериканский суд по правам человека; Международный суд ООН; международное уголовное право.

Б.К. Батырбекова, А.У. Усенбаева
META University, Алматы қ., Қазақстан Республикасы

АДАМ ҚҰҚЫҚТАРЫНЫҢ УНИВЕРСАЛИЗМІ МЕН МӘДЕНИ РЕЛЯТИВИЗМ: ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ЖӘНЕ ӨңІРЛІК СОТ ОРГАНДАРЫ ТӘЖІРИБЕСІН САЛЫСТЫРМАЛЫ-ҚҰҚЫҚТЫҚ ТАЛДАУ

Аннотация. Мақала халықаралық және өңірлік сот органдарының тәжірибесіндегі адам құқықтарының универсализмі мен мәдени релятивизмінің арақатынасын зерттеуге арналған ғылыми талдау ұсынылады. Салыстырмалы-құқықтық талдау негізінде Адам құқықтары жөніндегі Еуропалық соттың, Адам құқықтары жөніндегі Америкааралық соттың, Біріккен Ұлттар Ұйымының Халықаралық сотының, сондай-ақ халықаралық қылмыстық трибуналдар мен Халықаралық қылмыстық соттың қызметіне талдау жасалды. Зерттеу нәтижелері универсализмнің адам құқықтарын халықаралық қорғау жүйесінің іргелі негізі болып табылатынын және өмір сүру құқығы, азаптауға тыйым салу, кемсітушілікке жол бермеу сияқты негізгі стандарттардың, сондай-ақ императивтік халықаралық-құқықтық нормалар мызғымастығын қамтамасыз ететінін көрсетті. Сонымен қатар өңірлік сот органдары мәдени контексті ескерудің әртүрлі үлгілерін қалыптастырған: еуропалық жүйедегі «мәдени-ерекшеліктерді ескеретін универсализмнен» бастап америкааралық тәжірибедегі «мәдени ерекшеліктерге бағдарланған универсализмге» дейін. Халықаралық қылмыстық соттар мен БҰҰ Халықаралық соты неғұрлым қатаң универсализм қағидатын ұстанады, мұнда мәдени және тарихи уәждер іргелі құқықтық нормалардың қолданылуын шектей алмайды. Талдау нәтижесінде әмбебап стандарттарды мәдени әртүрлілікті ескере отырып қолдануға негізделген көпдеңгейлі құқық қолдану моделінің қалыптасу үрдісі анықталды.

Түйінді сөздер: адам құқықтары; универсализм; мәдени релятивизм; халықаралық сот органдары; Адам құқықтары жөніндегі Еуропалық сот; Адам құқықтары жөніндегі Америкааралық сот; БҰҰ Халықаралық соты; халықаралық қылмыстық құқық.

B.K. Batyrbekova, A.U. Usenbayeva
META University, Almaty, the Republic of Kazakhstan

UNIVERSALISM AND CULTURAL RELATIVISM OF HUMAN RIGHTS: A COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF THE PRACTICE OF INTERNATIONAL AND REGIONAL JUDICIAL BODIES

Abstract. This article examines the relationship between the universalism of human rights and cultural relativism in the practice of international and regional judicial bodies. Based on a comparative legal analysis, the study explores the activities of the European Court of Human Rights, the Inter-American Court of Human Rights, the International Court of Justice of the United Nations, as well as international criminal tribunals and the International Criminal Court. The findings demonstrate that universalism constitutes the fundamental basis of the international human rights protection system, ensuring the inviolability of core standards, including the right to life, the prohibition of torture, non-discrimination, and other peremptory norms of international law. At the same time, regional judicial bodies have developed different approaches to incorporating cultural context, ranging from «culturally sensitive universalism» in the European system to «culturally oriented universalism» in the Inter-American framework. International criminal courts and the International Court of Justice adhere to a stricter model of universalism, under which cultural and historical considerations cannot limit the application of fundamental legal norms. The analysis reveals an emerging multi-level model of legal implementation in which universal standards are combined with due consideration of cultural diversity.

Keywords: human rights; universalism; cultural relativism; international courts; European Court of Human Rights; Inter-American Court of Human Rights; International Court of Justice; international criminal law.

DOI: 10.52425/25187252_2026_40_161

Введение. Вопрос о соотношении универсальных норм прав человека и культурного релятивизма остается одной из наиболее сложных и дискуссионных проблем современного международного права. С одной стороны, универсализм предполагает, что права человека обладают неотъемлемым, присущим каждому человеку характером, независимо от географических, культурных или религиозных различий. Эта концепция закреплена в ключевых международных документах, таких как Всеобщая декларация прав человека (1948)¹, Международный пакт о гражданских и политических правах (1966)² и Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (1966)³, а также в региональных системах защиты прав человека (например, Европейская конвенция о защите прав человека (1950)⁴ и Американская конвенция о правах человека (1969)⁵). Универсализм предполагает, что права человека представляют собой минимальный стандарт, обязательный для соблюдения всеми государствами, вне зависимости от их культурных, социальных или религиозных особенностей.

С другой стороны, теория культурного релятивизма указывает на то, что восприятие прав и свобод индивида неотделимо от специфики культурной, религиозной и исторической среды. Культурный релятивизм подчеркивает, что универсальные стандарты могут конфликтовать с

¹ Universal Declaration of Human Rights [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.un.org/en/about-us/universal-declaration-of-human-rights> (дата обращения: 20.03.2026).

² International Covenant on Civil and Political Rights [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.ohchr.org/en/instruments-mechanisms/instruments/international-covenant-civil-and-political-rights> (дата обращения: 20.03.2026).

³ International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.ohchr.org/en/instruments-mechanisms/instruments/international-covenant-economic-social-and-cultural-rights> (дата обращения: 20.03.2026).

⁴ European Convention on Human Rights [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.echr.coe.int/documents/d/echr/convention_ENG (дата обращения: 20.03.2026).

⁵ American Convention on Human Rights [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.refworld.org/legal/agreements/oas/1969/20081> (дата обращения: 20.03.2026).

традиционными практиками и социальными нормами отдельных обществ, что создает трудности для их практической реализации. Например, вопросы, связанные с правами женщин, свободой совести, семейным устройством и образованием, часто оказываются предметом напряжения между международными стандартами и локальными культурными практиками [1].

В международной судебной практике эти противоречия проявляются особенно ярко. Международные суды и трибуналы, включая Европейский суд по правам человека (далее – ЕСПЧ), Межамериканский суд по правам человека (далее – МАСПЧ) и Международный уголовный суд (далее – МУС), регулярно сталкиваются с необходимостью балансировать между принципом универсальности прав человека и уважением культурной специфики государств-участников. Судебные решения демонстрируют, что абсолютного приоритета ни универсализм, ни культурный релятивизм не имеют: на практике применяется комплексная интерпретация, учитывающая как международные обязательства, так и локальные культурные и социальные контексты.

Проблематика универсализма и культурного релятивизма приобретает особую актуальность в условиях глобализации, миграционных процессов, интеркультурного взаимодействия и международного вмешательства в ситуации массовых нарушений прав человека. Неспособность эффективно соотнести универсальные стандарты с локальными культурными реалиями может приводить к сопротивлению государств, нарушению прав человека на практике и политической поляризации международного сообщества.

В научной литературе отмечается, что поиск баланса между универсализмом и культурным релятивизмом является не только юридическим, но и философским и социокультурным вызовом. Существуют различные подходы к разрешению этой проблемы: от строгой привязки к международным договорам до концепций «культурно-чувствительного универсализма», которые позволяют учитывать культурные различия без отказа от фундаментальных прав. Анализ судебной практики позволяет выявить тенденции и механизмы, с помощью которых международные органы права пытаются реализовать универсальные стандарты в условиях культурного многообразия [2].

Таким образом, исследование взаимодействия универсализма прав человека и культурного релятивизма через призму международной судебной практики является не только актуальной научной задачей, но и практической необходимостью для укрепления системы защиты прав человека в глобальном масштабе.

Материалы и методы. Материалами исследования выступают международно-правовые акты (Всеобщая декларация прав человека, Международные пакты 1966 года, региональные конвенции), решения международных и региональных судов, а также научные публикации, аналитические обзоры и доклады международных организаций. В исследовании применены сравнительно-правовой метод и доктринальный анализ. Использованы кейс-стади судебной практики и статистические данные. Обобщение выполнено посредством критического анализа и синтеза.

Результаты, обсуждение. Современная система защиты прав человека функционирует в условиях усиливающегося культурного многообразия, миграционных процессов и сохраняющихся региональных конфликтов. Эти факторы существенно усложняют реализацию универсальных стандартов и требуют их адаптации к различным социальным контекстам без утраты нормативного содержания [3].

По данным United Nations⁶ и Office of the United Nations High Commissioner for Human Rights⁷, значительная часть современных нарушений прав человека связана с дискриминацией по

⁶ United Nations. Global Alliance for Human Rights: A call to imagine, dialogue, act. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.ohchr.org/en/stories/2026/06/global-alliance-human-rights-call-imagine-dialogue-act> (дата обращения: 20.03.2026).

признаку пола, этнической принадлежности, религии и социального статуса. В ежегодных докладах отмечается, что наиболее уязвимыми остаются женщины, дети, религиозные меньшинства и коренные народы, что подтверждает устойчивый характер структурного неравенства в различных регионах мира.

Согласно региональной статистике Council of Europe⁸, Европейский суд по правам человека ежегодно рассматривает десятки тысяч жалоб, значительная часть которых связана с нарушениями статей о запрете дискриминации, праве на справедливое судебное разбирательство и защите частной жизни. Это свидетельствует о сохраняющемся разрыве между формально закрепленными стандартами и их фактической реализацией на национальном уровне.

В межамериканской системе защиты прав человека, функционирующей под эгидой Organization of American States⁹, особое внимание уделяется правам коренных народов и защите коллективной культурной идентичности. Практика показывает, что значительная часть дел связана с конфликтами вокруг земли, природных ресурсов и традиционных форм социальной организации, что отражает специфику региона.

Особую актуальность приобретают также международные уголовные процессы. По данным International Criminal Court¹⁰, значительная часть текущих расследований связана с вооруженными конфликтами, массовыми перемещениями населения и системными нарушениями прав человека в Африке, Восточной Европе и других регионах. Эти процессы демонстрируют, что универсальные стандарты сталкиваются с вызовами в условиях вооруженного насилия и политической нестабильности.

Таким образом, современные вызовы реализации универсальных прав человека проявляются не только в юридической плоскости, но и в социально-культурной и политической сферах. На практике это выражается в необходимости учитывать культурные различия при сохранении неизменности фундаментальных прав. Возникает задача поиска баланса между универсальными стандартами и локальными особенностями, который позволил бы повысить эффективность международной системы защиты прав человека.

Практика региональных судебных органов. Региональные судебные системы играют ключевую роль в формировании баланса между универсальными стандартами прав человека и культурным многообразием. Наиболее показательные модели сформированы в европейской и межамериканской системах защиты прав человека, где наблюдаются разные подходы к учету культурного контекста при интерпретации универсальных норм.

Практика Европейского суда по правам человека. European Court of Human Rights¹¹ является центральным элементом европейской системы защиты прав человека и обеспечивает соблюдение Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года. Анализ официальной статистики Европейского суда по правам человека за 2024-2025 гг. свидетельствует о сохранении высокой динамики обращений при одновременных изменениях в эффективности рассмотрения дел. Так, в 2024 году в суд поступило около 28 800 новых заявлений, тогда как в 2025 году их количество увеличилось до 31 800, что отражает рост примерно на 10%. Данная тенденция указывает на усиление обращений граждан к наднациональному механизму защиты прав человека, что может быть связано как с расширением

⁷ United Nations. Minorities [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.ohchr.org/en/topic/minorities> (дата обращения: 20.03.2026).

⁸ Statistical reports [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.echr.coe.int/en/statistical-reports?utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 20.03.2026).

⁹ American convention on human rights «Pact of San Jose, Costa Rica» (B-32) [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.oas.org/dil/treaties_B-32_American_Convention_on_Human_Rights.htm (дата обращения: 20.03.2026).

¹⁰ International Criminal Court. Rome Statute of the International Criminal Court [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.icc-cpi.int/publications/core-legal-texts/rome-statute-international-criminal-court> (дата обращения: 20.03.2026).

¹¹ European Convention on Human Rights [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.echr.coe.int/european-convention-on-human-rights> (дата обращения: 20.03.2026).

правовой осведомленности заявителей, так и с сохраняющимися проблемами имплементации Конвенции на национальном уровне.

Одновременно наблюдается снижение числа дел, находящихся на рассмотрении: с примерно 60 350 в 2024 году до 53 450 в 2025 году (сокращение порядка на 11%). Указанная динамика свидетельствует о повышении операционной эффективности суда и ускорении процедур рассмотрения жалоб, несмотря на увеличение входящего потока дел.

Кроме того, фиксируется рост числа рассмотренных заявлений: с 36 819 дел в 2024 году до 38 573 дел в 2025 году, что отражает постепенное усиление производительности судебного механизма¹².

В совокупности указанные данные демонстрируют двойственную тенденцию: с одной стороны – увеличение нагрузки на Европейский суд по правам человека, с другой – повышение его институциональной эффективности. Это позволяет сделать вывод о сохранении структурного дисбаланса между спросом на международную защиту прав человека и возможностями судебной системы, при одновременной адаптации последней к возрастающим требованиям.

Суд рассматривает широкий спектр дел, однако наибольшую долю составляют жалобы, связанные с нарушением запрета дискриминации, прав на справедливое судебное разбирательство и защиту частной жизни. Значительная часть дел заканчивается установлением нарушений, что подтверждает системный характер проблем в имплементации Конвенции на национальном уровне.

В контексте универсализма и культурного релятивизма практика суда демонстрирует умеренно гибкий подход. С одной стороны, фундаментальные права рассматриваются как безусловные и не подлежащие ограничению культурными традициями. С другой стороны, суд использует доктрину «предела усмотрения государства», позволяя учитывать национальные особенности при оценке «мягких» прав.

Так, в деле *Opuz v. Turkey* (2009)¹³ суд подчеркнул, что государственные органы обязаны защищать право на жизнь и поддерживать запрет жестокого обращения независимо от социальных или культурных факторов, включая традиционные модели семейных отношений. В деле *D.H. and Others v. Czech Republic* (2007)¹⁴ было установлено нарушение в связи с дискриминацией ромских детей в системе образования, при этом культурные аргументы государства не были признаны оправданием различий в образовательной практике.

Современная тенденция в практике суда заключается в усилении защиты уязвимых групп и постепенном ограничении допустимости культурных оправданий в делах, связанных с дискриминацией, насилием и неравенством.

Практика Межамериканского суда по правам человека. Inter-American Court of Human Rights формирует особую модель региональной защиты прав человека, отличающуюся более выраженным вниманием к коллективным правам и культурной идентичности. В отличие от европейской системы, межамериканская модель в большей степени учитывает социальный и культурный контекст, особенно в отношении коренных народов [4].

По данным Organization of American States¹⁵, значительная часть дел в системе связана с нарушениями прав коренных народов, конфликтами вокруг земли и природных ресурсов, а также вопросами исторической ответственности государств.

¹² Annual report European court of human rights. 2025 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.echr.coe.int/documents/d/echr/annual-report-2025-eng> (дата обращения: 20.03.2026).

¹³ Case of *Opuz v. Turkey* [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://hudoc.echr.coe.int/rus#%7B%22itemid%22%3A%22001-119720%22%7D> (дата обращения: 20.03.2026).

¹⁴ Case of *D.H. and others v. the Czech Republic* [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22itemid%22%3A%22001-83256%22%7D> (дата обращения: 20.03.2026).

¹⁵ Rapporteurship on the Rights of Indigenous Peoples [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.oas.org/en/IACHR/jsForm/?File=/en/iachr/r/DPI/default.asp> (дата обращения: 20.03.2026).

Ключевым примером расширительного толкования универсальных прав с учетом культурной специфики является дело *Awas Tingni v. Nicaragua* (2001)¹⁶, в котором суд признал право коренных народов на традиционные земли как часть права собственности. Суд указал, что культурные формы владения землей являются элементом идентичности и подлежат правовой защите в рамках Конвенции.

В деле *Gelman v. Uruguay* (2011)¹⁷ суд подчеркнул недопустимость ссылок на политические или исторические обстоятельства, включая аргументы национального примирения, в случаях насильственных исчезновений. Было подтверждено, что обязанность расследования серьезных нарушений прав человека носит универсальный характер и не может быть ограничена внутренними политическими процессами [5].

Таким образом, межамериканская практика формирует модель, в которой универсальные права сохраняют свою обязательность, но их содержание интерпретируется с учетом культурной и коллективной специфики обществ.

Практика международных судебных органов. На универсальном уровне международные судебные органы формируют наиболее строгий подход к защите прав человека, при котором приоритет отдается фундаментальным ценностям международного сообщества. В отличие от региональных систем, здесь пространство для учета культурного релятивизма существенно сужено, поскольку речь идет о нормах, имеющих характер обязательств перед всем международным сообществом.

Практика Международного суда ООН. Международный суд ООН играет ключевую роль в формировании универсальных стандартов международного права, особенно в части обязательств *erga omnes*. В деле *Barcelona Traction* (1970)¹⁸ суд впервые указал, что существуют обязательства, направленные на защиту интересов международного сообщества в целом, включая запрет геноцида, рабства и расовой дискриминации.

Позднее в деле *Bosnia and Herzegovina v. Serbia and Montenegro* (2007)¹⁹ суд подтвердил универсальный характер Конвенции о предупреждении преступления геноцида, подчеркнув, что обязанность предотвращения геноцида не зависит от политических, исторических или культурных обстоятельств государства.

Современная практика суда и его консультативные заключения (в т.ч. по вопросам последствий вооруженных конфликтов и гуманитарного права) демонстрируют усиление подхода, при котором защита фундаментальных прав рассматривается как обязательство перед всем международным сообществом, а не как внутренняя компетенция государств [6].

Международный уголовный трибунал по Руанде. Международный уголовный трибунал по Руанде стал одним из ключевых органов, сформировавших современное понимание геноцида и преступлений против человечности. В деле *Prosecutor v. Jean-Paul Akayesu* (1998)²⁰ суд впервые признал, что сексуальное насилие может являться формой геноцида, если оно направлено на уничтожение определенной группы.

Это решение имело принципиальное значение, поскольку суд прямо указал, что культурные и социальные практики не могут служить оправданием массового насилия. Таким

¹⁶ Case of the Mayagna (Sumo) Awas Tingni Community v. Nicaragua [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.escribnet.org/caselaw/2006/case-mayagna-sumo-awas-tingni-community-v-nicaragua-eng/> (дата обращения: 20.03.2026).

¹⁷ Gelman v. Uruguay [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://legallibrary.crin.org/gelman-v-uruguay/> (дата обращения: 20.03.2026).

¹⁸ International court of justice. Barcelona traction. Belgium v. Spain [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.worldcourts.com/icj/eng/decisions/1970.02.05_barcelona_traction.htm (дата обращения: 20.03.2026).

¹⁹ Application of the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide (Bosnia and Herzegovina v. Serbia and Montenegro) [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.icj-cij.org/case/91/judgments> (дата обращения: 20.03.2026).

²⁰ The Prosecutor v. Jean-Paul Akayesu (Trial Judgement) [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.refworld.org/jurisprudence/caselaw/ict/1998/19275> (дата обращения: 20.03.2026).

образом, была закреплена идея абсолютного характера запрета геноцида независимо от локального контекста.

Международный уголовный трибунал по бывшей Югославии. Международный уголовный трибунал по бывшей Югославии сформировал важную практику в отношении этнических конфликтов и массовых нарушений прав человека в условиях вооруженных конфликтов [7].

В деле *Prosecutor v. Radislav Krstić* (2001)²¹ суд признал события в Сребренице актом геноцида, подчеркнув, что массовое уничтожение гражданского населения не может быть оправдано этническими, религиозными или культурными различиями.

Практика трибунала в целом демонстрирует последовательное утверждение универсализма: любые ссылки на «историческую вражду» или «культурные различия» отвергаются как юридически несостоятельные в контексте преступлений против человечности.

Международный уголовный суд. Международный уголовный суд представляет современный этап развития универсальной уголовной юрисдикции. Его деятельность охватывает расследования вооруженных конфликтов и массовых нарушений прав человека в различных регионах мира, включая Судан (Дарфур), Центральноафриканскую Республику, Ливию и Украину.

Современные расследования, включая ситуацию в Украине, отражают усиление тенденции к персональной уголовной ответственности за международные преступления независимо от политических и культурных аргументов государств [8].

Международный уголовный суд последовательно исходит из того, что геноцид, военные преступления и преступления против человечности являются нормами *jus cogens*, не допускающими каких-либо исключений по мотивам культурной специфики, исторических обстоятельств или государственной политики.

Таким образом, практика международных судебных органов демонстрирует наиболее жесткую модель универсализма прав человека. В этой системе культурный релятивизм практически не признается как юридически значимый аргумент, поскольку он не может ограничивать действие норм, направленных на защиту базовых ценностей международного сообщества.

Сравнительный анализ практики международных и региональных судебных органов позволяет выявить различные модели соотношения универсализма прав человека и культурного релятивизма. Несмотря на общую приверженность идее универсальности основных прав, степень учета культурного контекста существенно различается в зависимости от уровня и природы юрисдикции.

Региональные судебные системы демонстрируют более гибкий подход. Европейский суд по правам человека применяет концепцию «предела усмотрения государства», что позволяет учитывать национальные, исторические и культурные особенности при толковании отдельных прав. Однако такая гибкость не распространяется на абсолютные права, такие как запрет пыток, рабства и право на жизнь.

Межамериканский суд по правам человека, напротив, развивает модель «культурно ориентированного универсализма». В его практике культурная идентичность и коллективные формы существования рассматриваются как элементы, интегрированные в содержание прав человека. Особенно это проявляется в делах, связанных с правами коренных народов и традиционными формами землепользования.

На универсальном уровне Международный суд ООН и международные уголовные судебные органы занимают более жесткую позицию. Здесь культурные и политические

²¹ *Prosecutor v. Radislav Krstić* (Trial Judgement) [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.refworld.org/jurisprudence/caselaw/icty/2001/40159> (дата обращения: 20.03.2026).

аргументы практически не влияют на оценку нарушений, поскольку речь идет о нормах, имеющих характер *jus cogens* и обязательств *erga omnes*. Запрет геноцида, рабства, пыток и преступлений против человечности рассматривается как абсолютный и не подлежащий исключениям.

Сравнительный анализ позволяет выделить три модели соотношения универсализма и культурного контекста (таблица 1).

Уровень	Модель подхода	Характеристика
Европейский суд	культурно-чувствительный универсализм	учет национального контекста при сохранении базовых стандартов
Межамериканский суд	культурно-ориентированный универсализм	интеграция коллективных и культурных прав в универсальные стандарты
Международные суды и трибуналы	строгий универсализм	исключение культурного релятивизма при оценке тяжких преступлений

Таблица 1. Сравнительный анализ трех моделей соотношения универсализма и культурного контекста

Таким образом, международная судебная практика не демонстрирует полного противопоставления универсализма и культурного релятивизма. Напротив, формируется многоуровневая система, в которой степень учета культурного контекста зависит от характера прав и тяжести рассматриваемых нарушений.

Закключение. Проведенный анализ судебной практики показывает, что современные международные и региональные судебные органы не рассматривают универсализм прав человека и культурный релятивизм как взаимоисключающие концепции. Вместо этого формируется дифференцированный подход, в рамках которого культурный контекст может учитываться при толковании и реализации отдельных прав, однако не способен служить основанием для ограничения фундаментальных прав и свобод.

Такой вывод подтверждается рассмотренными судебными делами. Практика Европейского суда по правам человека по делам *Opuz v. Turkey* и *D.H. and Others v. Czech Republic* демонстрирует, что культурные традиции, общественные установки или особенности национальной системы не могут оправдывать насилие, дискриминацию и нарушение принципа равенства. В свою очередь, решение Межамериканского суда по правам человека по делу *Mayagna (Sumo) Awas Tingni Community v. Nicaragua* показывает возможность интеграции культурной специфики в содержание универсальных прав посредством учета традиционных форм землепользования и коллективной идентичности коренных народов. Практика Международного суда ООН, а также международных уголовных трибуналов по делам *Bosnia and Herzegovina v. Serbia and Montenegro*, *Prosecutor v. Jean-Paul Akayesu* и *Prosecutor v. Radislav Krstić* подтверждает абсолютный характер запрета геноцида, преступлений против человечности и иных нарушений норм *jus cogens*, исключая возможность их оправдания культурными, политическими или историческими обстоятельствами.

Сравнительный анализ указанных дел позволяет сделать вывод о формировании многоуровневой модели правоприменения, в которой степень учета культурного контекста зависит от характера затрагиваемого права. Чем выше значение защищаемого блага для международного сообщества, тем уже пределы допустимого обращения к культурному релятивизму. В отношении права на жизнь, запрета пыток, геноцида, дискриминации и иных

фундаментальных прав универсальные стандарты обладают безусловным приоритетом. Вместе с тем в вопросах, связанных с культурной идентичностью, языковыми правами, традиционным образом жизни и коллективными правами коренных народов, международные суды допускают более гибкие механизмы правовой интерпретации.

Авторская позиция состоит в том, что дальнейшее развитие международной системы защиты прав человека целесообразно связывать с концепцией культурно-интегрированного универсализма. Данная модель предполагает сохранение неизменности фундаментальных международных стандартов при одновременном учете культурных и социальных особенностей конкретных обществ на уровне правоприменения.

В практическом плане реализация данного подхода может основываться на нескольких принципах. Во-первых, культурные аргументы могут приниматься во внимание только в тех случаях, когда они не затрагивают фундаментальные права человека. Во-вторых, при разрешении подобных споров необходимо проводить разграничение между абсолютными правами и правами, допускающими определенную культурную адаптацию. В-третьих, особое внимание должно уделяться последствиям решений для уязвимых групп населения, включая женщин, детей, меньшинства и коренные народы. Наконец, при столкновении универсальных стандартов и культурных особенностей правоприменитель должен руководствоваться принципом пропорциональности, обеспечивая максимально возможную защиту человеческого достоинства при сохранении уважения к культурной идентичности.

Таким образом, международная судебная практика свидетельствует не о противостоянии универсализма и культурного релятивизма, а о постепенном формировании механизма их согласования. Именно такой подход представляется наиболее перспективным для дальнейшего развития общепризнанных прав человека в условиях возрастающего культурного многообразия современного мира.

Список использованной литературы:

1. Eshetu, Y. Understanding Cultural Relativism: A critical Appraisal of the Theory / Y. Eshetu // International Journal of Multicultural and Multireligious Understanding. – 2017. – № 4 (6). – Pp. 24-30.
2. Osterman, T. Cultural relativism and understanding difference Language & Communication / T. Osterman // Language & Communication. – 2021. – Vol. 80. – Pp. 124-135.
3. A. Arat. Cultural relativism types and its elements [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.internationalscholarsjournals.com/articles/cultural-relativism-types-and-its-elements.pdf> (дата обращения: 20.03.2026).
4. Londoño-Lazaro, M.C. The Inter-American Court of Human Rights and Multinational Enterprises: Towards Business and Human Rights in the Americas? / M.C. Londoño-Lazaro, U. Thoene, C. Pereira // The Law and Practice of International Courts and Tribunals. – 2017. – № 16 (3). – Pp. 437-463.
5. Perez-Leon-Acevedo, J.P. The Inter American Court of Human Rights: The Legitimacy of International Courts and Tribunals / J.P. Perez-Leon-Acevedo // Nordic Journal of Human Rights. – 2022. – № 40 (3). – Pp. 503-505.
6. Lutfiu, N. The International Court of Justice / N. Lutfiu, N. Pajaziti // International Journal of Religion. – 2024. – № 5 (5). – Pp. 298-307.
7. Afyare, A.A. The role of the international criminal court in global justice / A.A. Afyare // International Journal of Innovative Research and Scientific Studies. – 2025. – № 8 (9). – Pp. 397-403.
8. Аралбаева, А.А. Сексуальное насилие во время вооруженных конфликтов как преступление против человечества и геноцид / А.А. Аралбаева, К.М. Бишманов // Құқық қорғау органдары академиясының жаршысы. – 2024. – № 3 (33). – С. 127-139.

References:

1. Eshetu, Y. Understanding Cultural Relativism: A critical Appraisal of the Theory / Y. Eshetu // International Journal of Multicultural and Multireligious Understanding. – 2017. – № 4 (6). – Pp. 24-30.
2. Osterman, T. Cultural relativism and understanding difference Language & Communication / T. Osterman // Language & Communication. – 2021. – Vol. 80. – Pp. 124-135.
3. A. Arat. Cultural relativism types and its elements [Elektronnyj resurs] – Rezhim dostupa:

<https://www.internationalscholarsjournals.com/articles/cultural-relativism-types-and-its-elements.pdf> (data obrashhenija: 20.03.2026).

4. Londoño-Lazaro, M.C. The Inter-American Court of Human Rights and Multinational Enterprises: Towards Business and Human Rights in the Americas? / M.C. Londoño-Lazaro, U. Thoene, C. Pereira // The Law and Practice of International Courts and Tribunals. – 2017. – № 16 (3). – Pp. 437-463.

5. Perez-Leon-Acevedo, J.P. The Inter American Court of Human Rights: The Legitimacy of International Courts and Tribunals / J.P. Perez-Leon-Acevedo // Nordic Journal of Human Rights. – 2022. – № 40 (3). – Pp. 503-505.

6. Lutfiu, N. The International Court of Justice / N. Lutfiu, N. Pajaziti // International Journal of Religion. – 2024. – № 5 (5). – Pp. 298-307.

7. Afyare, A.A. The role of the international criminal court in global justice / A.A. Afyare // International Journal of Innovative Research and Scientific Studies. – 2025. – № 8 (9). – Pp. 397-403.

8. Aralbaeva, A.A. Seksual'noe nasilie vo vremja vooruzhennykh konfliktov kak prestuplenie protiv chelovechestva i genocid / A.A. Aralbaeva, K.M. Bishmanov // Құқық қорғау органдары академиясының Жаршысы. – 2024. – № 3 (33). – S. 127-139.

АВТОРЛАР ТУРАЛЫ МӘЛІМЕТТЕР / СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Балнур Каримбаевна Батырбекова – META University Креативті экономика және құқық мектебінің аға оқытушысы, заң ғылымдарының магистрі, e-mail: kanaternat@mail.ru.

Батырбекова Балнур Каримбаевна – старший преподаватель школы Креативной экономики и права META University, магистр юридических наук, e-mail: kanaternat@mail.ru.

Batyrbekova Balnur Karimbayevna – Senior Lecturer at the School of Creative Economy and Law META University, Master of Law Sciences, e-mail: kanaternat@mail.ru.

Асемгуль Узакбаевна Усенбаева – META University Креативті экономика және құқық мектебінің аға оқытушысы, заң ғылымдарының магистрі, e-mail: assemgul.ussenbayeva@yu.edu.kz.

Усенбаева Асемгуль Узакбаевна – старший преподаватель школы Креативной экономики и права META University, магистр юридических наук, e-mail: assemgul.ussenbayeva@yu.edu.kz.

Usenbayeva Asemgul Uzakbayevna – Senior Lecturer at the School of Creative Economy and Law META University, Master of Law Sciences, e-mail: assemgul.ussenbayeva@yu.edu.kz.

Құрылтайшы:
Құқық қорғау органдары академиясы
010078, Ақмола облысы, Қосшы қ.,
Республика көшесі, 94-құрылыс
Тел.\факс: 8 (71651) 68-100
e-mail: academy-gp.kz, vestnikacademy.kz

Басуға 2026 жылдың 25 маусымында қол қойылған
Пішімі 84х60. Көлемі-170 бет.
Журналды басып шығарған
«Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасының
жанындағы Құқық қорғау органдары академиясы» ММ баспасы.
010078, Ақмола облысы, Қосшы қ.,
Республика көшесі, 94-құрылыс